

ПРОДАННЫЙ СОН

ПРОДАННЫЙ СОН

Туркменские
народные
сказки

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

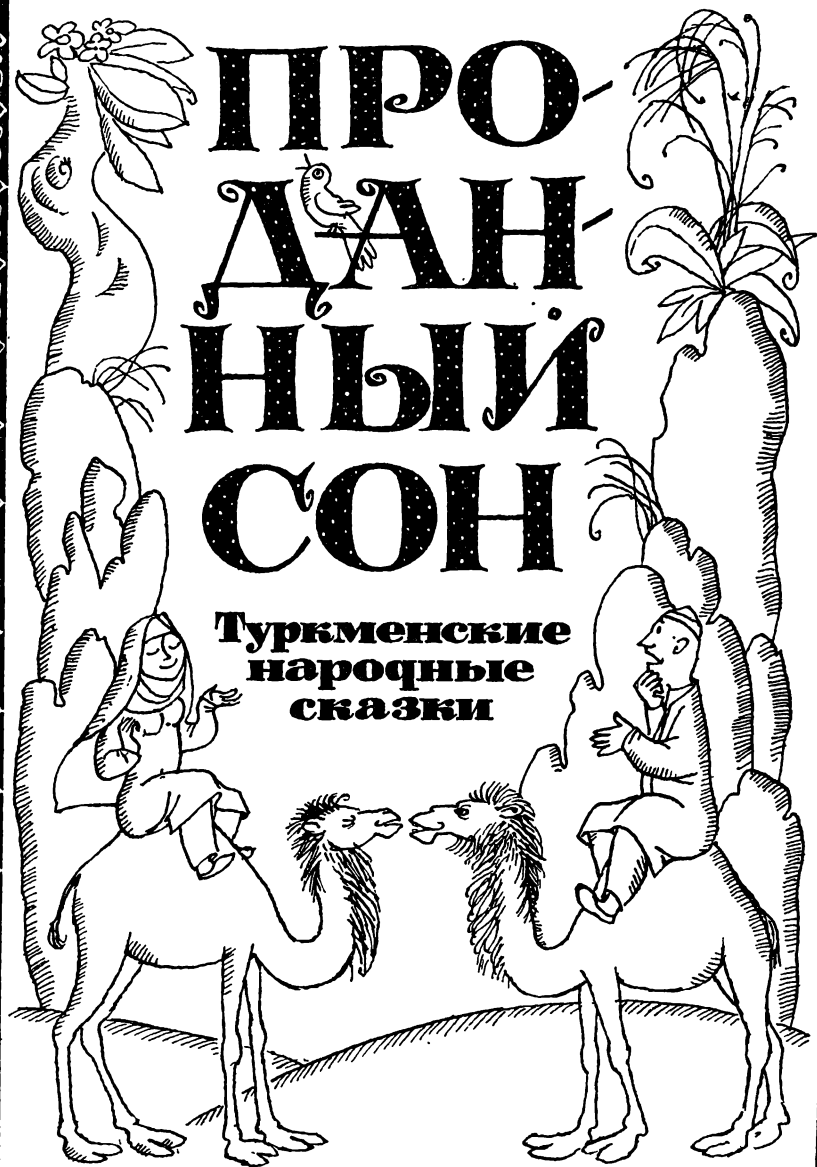
**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1969

ПРО- ДАН- НЫЙ СОН

**Туркменские
нарочные
сказки**

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»:

И С. БРАГИНСКИЙ, Н. И. КОНРАД, Е. М. МЕЛЕТинский,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА,
Б. Л. РИФТИН (секретарь), С. А. ТОКАРЕВ

Составление, перевод с туркменского,
вступительная статья и примечания

И. СТЕБЛЕВОЙ

Художник
Т. АЛЕКСЕЕВА

- П78 Проданный сон (туркменские народные сказки). Пер.
с туркм., составление, вступит. статья и примеч.
И. Стеблевой. Худож. Т. Алексеева. М., Главная
редакция восточной литературы издательства
«Наука», 1969.
399 стр. (Академия наук СССР. Сказки и мифы народов
Востока)

Сборник содержит разнообразные увлекательные сказки, характерные
для туркменского фольклора. Большинство сказок впервые издается на
русском языке. Сборник рассчитан на широкие круги взрослых читателей.

7-3-3

134-68

С (Туркм.)

ТУРКМЕНСКАЯ СКАЗКА

Особенности быта народа, одним из основных занятий которого было пастбищное скотоводство, связанное с медленными передвижениями на огромных пространствах и остановками, когда люди коротали время как могли, а также и то обстоятельство, что туркмены в прошлом почти поголовно были неграмотны, определили и самый факт широкого развития сказочного творчества, и самобытный характер туркменской сказки. Конечно, сказки рассказывались не только пастухами и не только во время остановок торговых караванов, они рассказывались в городах, где на базарах в чайханах собирались люди, в домах и юртах жителей селений, особенно в кругу женщин, стариков и детей. Перекочевки с одного места на другое, встречи с людьми иных национальностей, а еще в большей степени — историческая судьба народа, с XVI и по XIX в. связанная с историей Ирана, благоприятствовали процессу взаимного обмена сказочными сюжетами. Туркменская сказка испытала влияние соседних с туркменами народов Средней Азии, а через посредство иранского фольклора обогатилась древнеиндийскими сюжетами. Памятники древнеиндийской литературы — «Панчатантра», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Хитопадеша», «Жизнь Викрамы», «Шукасаптари» явились источником заимствования сюжетов и мотивов для многих народов, и в том числе для туркмен. Кроме того, сюжеты туркменских сказок имеют соответствия и параллели со сказками иранскими, турецкими, азербайджанскими, дагестанскими, сказками Закавказья, калмыкскими, казахскими и многими другими. В туркменских сказках прослеживаются разнообразные напластования, одни из которых восходят к глубокой древности тюркских народов, другие несут на себе печать специфики быта и характера именно туркмен, третьи представляют собой смешение иноземных влияний.

Собирание и постепенная публикация туркменских сказок начались в начале 30-х годов нынешнего века. До этого имелись лишь единичные публикации сказок в русском переводе. Так, несколько сказок были напечатаны в 1910 г. в «Кауфманском сборнике», а в 1912 г. в жур-

нале «Живая старина» вышло описание нескольких других сказок. В 1930 г. экспедиция Академии наук СССР, изучавшая марыйский диалект туркменского языка в районе между Мары и Байрам-Али, записала тринадцать туркменских сказок. Это была первая документированная запись туркменского фольклора. Однако текст этих сказок, записанных Н. Ф. Лебедевым, был опубликован только в 1954 г.¹ Первый наиболее обширный сборник, составленный М. Сакали и А. Каушутовым и содержащий 50 туркменских сказок, вышел из печати в 1940 г.² Следом за ним были напечатаны циклы «Мирали и Солтансоюн»³ и анекдоты о Кемине⁴, представляющие собой сборники народных рассказов об Алишере Навои и анекдотов о поэте Кемине. Самое крупное издание туркменских сказок было осуществлено А. Каушутовым, Н. Кураевым и А. Тайимовым в 1959 г.⁵ Оно содержит 68 сказок, но, к сожалению, частично повторяет издание 1940 г. В том же 1959 г. вышел сборник «Народные легенды о Махтумкули»⁶.

Хотя к настоящему моменту работа по собиранию и изучению туркменских сказок далеко не завершена, тем не менее сделано уже достаточно для того, чтобы можно было судить о наиболее характерных чертах туркменского сказочного творчества.

Так же как и в сказках других народов, в туркменской сказке следует выделить три типа: 1) сказки о животных, 2) волшебные сказки, 3) бытовые сказки; к последним близко примыкают анекдоты.

Сказки о животных можно подразделить на два вида — те, в которых действуют только животные, и те, в которых животные имеют своими партнерами людей. Как правило, и первые и вторые сказки имеют моралистический характер («Как дружили две лисички», «Баран и волк», «Умный воробей»). Значительная часть туркменских сказок о животных посвящена изображению храбрости, находчивости и хитроумия таких зверей, которые по своей природе вовсе не являются ни храбрыми, ни умными, то есть торжеству домашних животных над дикими («Как коза

¹ *Туркменские народные сказки Марыйского района*, М.—Л., 1954 [туркменский текст стр. 67—111].

² *Türkmen halk ertekileri*, Aşgabat, 1940; предисловие к этому сборнику написано М. А. Сакали; ей же принадлежит опубликованная значительно позднее первая обобщающая работа о туркменской сказке (*Туркменский сказочный эпос*, Ашхабад, 1956).

³ *Mýraly we Soltansöýün*, Aşgabat, 1941.

⁴ *Kemine. Öýlmine 100 ýyl dolmagy mynasibeti bilen*, Aşgabat, 1940. Bb. 121—186 (Kemineniň anekdotlary).

⁵ *Туркмен халк эртекилери*, Ашгабат, 1959.

⁶ *Магтымгулы хакында халк роваятлары*, Ашгабат, 1959.

и баран напугали волков», «Баран и волк»). Причем, так же как и в сказках многих других народов, самым изворотливым и хитрым зверем является традиционная лиса. Среди туркменских сказок о животных встречаются и такие, которые призваны как бы иллюстрировать известные пословицы («Всего лишь медведь»⁷). В порядке определения соответствий следует отметить, что четыре сказки из предлагаемого вниманию читателя сборника имеют прямые соответствия с рассказами из «Панчатантры». Расхождения в сюжетах тех и других весьма незначительны и вызваны условиями быта простого туркмена. Так, развлекавшие в пруду «гаремные женщины некоего царя» «Панчатантры»⁸ в туркменской сказке превратились в женщину, «которая стирала белье», а «золотые цепочки» и «нити жемчуга» в туркменской сказке стали платком («Змея и ворона»). Герои же сказки и в индийском и в туркменском вариантах одни и те же — это ворона, змея (в «Панчатантре» — черный змей) и советчик — шакал. Иногда же при совпадении сюжетов герои разные, скажем черепаха, утка и лысуха в туркменской сказке («Трое друзей») соответствуют черепахе и гусям «Панчатантры»⁹. В туркменской сказке «Как голубка, ворона, пчела и лягушка победили слона» события разворачиваются вокруг голубки, которой помогают отомстить слону животные, перечисленные в названии. В «Панчатантре» же в аналогичной ситуации участвуют иные животные: воробьях (вместо туркменской голубки), дятел, комар и лягушка¹⁰. Однако замена животных, совершившаяся в туркменской сказке, не отразилась на развитии фабулы: воробьях снесла яйца, которые разбил слон (у туркмен — слон разбил яйца голубки). Далее, животные придумали, как отомстить слону: комар должен зажужжать слону на ухо, чтобы тот зажмурился от удовольствия, — в туркменской сказке это продельывает пчела. Тогда дятел должен будет выклевать у слона глаза, тот ослепнет и пойдет, испытывая жажду, на кваканье лягушки, которая и заманит слона в яму. Вместо дятла в туркменской сказке глаза слону выклеывает ворона, все остальное аналогично «Панчатантре». Несколько больше отличается от своего индийского прототипа сказка «Как осел подружился с куланом». В индийском варианте героями сказки являются осел и шакал, а само действие более развернуто и осложнено¹¹.

По своей структуре сказки о животных имеют много общего с анекдотом: они, как правило, коротки, без развернутого зачина, фабула про-

⁷ См. прим. к этой сказке.

⁸ *Панчатантра*, кн. I, рассказ 5.

⁹ *Панчатантра*, кн. I, рассказ 16.

¹⁰ *Панчатантра*, кн. I, рассказ 18.

¹¹ *Панчатантра*, кн. V, рассказ 5.

стая, большое значение имеет диалог, а концовка часто заключает в себе остроумный ответ.

Звери участвуют и в волшебных сказках, но здесь они играют совершенно другую роль, из главных героев они становятся второстепенными, и встреча с ними является одним из этапов странствования главного героя — человека — в поисках чудесного. Тигр, лев, змея, кошка, собака, ворон, голубь и другие выступают в роли помощников героя. При этом обычно последний сначала проявляет свои добрые чувства по отношению к зверю, и тот в благодарность оказывает ему помощь.

Мир туркменской волшебной сказки тесно связан с мифологией иранцев и арабов, что явилось результатом культурных взаимосвязей народов. Обязательные персонажи волшебной сказки — пери, дэвы, драконы, птица Симург и птица Зумруд (по-туркменски Замыр). Роль этих персонажей в туркменской сказке не отличается от той, которую они играют в арабских и персидских сказках. Однако в их облике есть и некоторые специфически туркменские черты. Например, пери в иранской мифологии — это злые или добрые духи, появляющиеся в виде прекрасных девушек. В туркменской сказке пери — это красивая девушка, обычно попавшая в плен к дэву, иногда наделенная магической силой, а иногда и нет. Изображение пери просто как девушки-красавицы несомненно связано с влиянием классической среднеазиатской поэзии, в которой «перид» стало символом женской красоты. По иранским поверьям пери могут превращаться в голубей. Подобную аналогию мы можем проследить и в туркменской сказке «Проданный сон», где пери Гюлькахкас и ее подруги превращаются в голубей. С этим мотивом связано также и участие в сказке голубя как помощника героя, но без указания, что это превратившаяся в голубя пери («Пять каландаров»). В каком бы качестве пери ни фигурировали, как волшебницы или как просто красивые девушки, они всегда помогают герою и поэтому олицетворяют собой доброе начало в сказке. Даже «злая пери» из сказки «Сын Бахаветдина-Верблюда» действует по отношению к герою вполне доброжелательно.

Все злое, угрожающее герою, сконцентрировано вокруг образов дэва и дракона. Но если в иранском фольклоре дэв — это чудовище, обросшее шерстью, с рогами, огромными глазами и носом, с когтями на руках, ногах и коленях, с копытами и хвостом, то дэв туркменской сказки воспринимается скорее как человек, только огромный, прожорливый и глупый. Иногда дэв наделяется большим числом голов («Три сына падишаха»), в других случаях есть упоминание о хвосте («Кельдже-батыр»). Возможно, однако, что рассказчику нет надобности всякий раз описывать наружность дэва, так как предполагается, что слушателям она хорошо известна. Поэтому рассказчик останавливает свое внимание главным

образом на описании мощи дэва: «Когда дэв поворачивает назад, небо покрывается тучами и дует ветер. Когда ему остается день пути сюда, шумят вершины деревьев, когда же дэв сюда доходит, дрожит земля, деревья трещат и ломаются» («Караджа-батыр»). Но несмотря на свою мощь, дэв обрисован в сказках в высшей степени добродушно. Он глуп, неповоротлив, часто труслив, его легко обмануть и убить. Дэвы не только послушны (в сказке «Сорок небылиц» дэв по приказу падишаха отказался от своих злых намерений), но и склонны помогать людям («Три сына падишаха», «Караджа-батыр»). Точно так же двойственна и природа дракона, который рисуется в виде огромной змеи. Драконы могут людям вредить (в сказке «Сирота» дракон, улегшись, перекрыл реку, и жители города, чтобы получить воду, отдают ему на съедение девушек), но могут и помогать (в сказке «Овез-лентяй» дракон из чувства благодарности к Овезу помогает ему добыть чудодейственный перстень). Эпизодически в сказках появляется образ старухи-дэва, который весьма любопытен. Так, в сказке «Проданный сон» герою помогает своим колдовством старуха-дэв, живущая в черной юрте. Этот же образ встречается в сказке «Мачеха и падчерица»: поднявшийся ветер вырывает у девушки хлопок и уносит его в черную лачугу, где живет старуха-дэв. А в сказке «Караванбаши» есть следующие строки: «Потихоньку, полегоньку, мимо черной лачужки любезной госпожи-старушки с божьей помощью идут они, идут, едут они, едут, погоняют и погоняют — и наконец добираются до города, куда направлялись». Так описывается путь каравана. Кажется очевидным, что в лице старухи-дэва туркменской сказки соединились два образа — женщины-дэва (как жены или матери дэва) из восточной мифологии и образ бабушки-громовницы туркменской демонологии. Таким образом, возвращаясь к примеру, приведенному выше, следует понимать, что караван шел, минуя опасности и стихийные бедствия. Небезынтересно сопоставить с этим лакскую сказку «Красная корова» (сюжет, аналогичный «Мачехе и падчерице»), где ветер вырывает у девушки шерсть и уносит ее в «дом ветряной Чассажи»¹².

Народная мифология туркмен нашла свое отражение в популярной туркменской сказке «Ак-Памык» (букв. «Белый хлопок»). Героиня сказки Ак-Памык оживляет своих братьев, убитых дэвами, молоком верблюдицы Ак-Мая. Между тем «Ак-Маянын суйди», что буквально значит «Молоко белой верблюдицы», — это одно из туркменских названий Млечного пути. В этой сказке интересен также факт смешения народных космографических представлений с мусульманскими. За то, что верблюжонок помог девушке, его мать, верблюдица Ак-Мая, превращает его в

¹² *Сказки народов Дагестана*, М., 1965, стр. 110.

черный камень, и рассказчик восклицает: «Говорят, став черным камнем, он, бедный, и сейчас еще стоит по дороге в Мекку!» Здесь следует напомнить, что черный камень Каабы — главной святыни мусульман — имеет метеоритное происхождение.

Помимо животных, пери, а иногда и дэвов, героям туркменских волшебных сказок помогают мифические птицы Симуург и Зумруд (Замыр). Эпизоды с их участием всегда одинаковы, разница только в более или менее подробном изложении. Герой спасает птенцов птицы Симуург (или Замыр) от дракона (змеи) и ложится спать. Прилетает птица Симуург и хочет убить героя, но птенцы рассказывают ей, что он спас их от смерти, и тогда в благодарность птица Симуург помогает герою: переносит его в нужное место. По пути птице не хватает мяса, и герой сказки отрезает часть своей ноги. Птица догадывается об этом и не ест мясо, а впоследствии выплевывает его и исцеляет ногу героя. Точно в таком же виде эпизоды с птицей Симуург встречаются в турецких, азербайджанских и других сказках.

Положительным героем туркменской волшебной сказки чаще всего бывает или младший сын падишаха, или сын бедняка, или сирота. Задача, стоящая перед ним, — это поиски и добывание разных необходимых ему вещей: коней, похищенных дэвом («Караджа-батыр»), прекрасной девушки («О сыне падишаха и сыне везира», «Пять каландаров»), птицы — сладкоголосого соловья («Три сына падишаха») или просто богатства («Сирота»). Чтобы достичь желанной цели, герой сказки отправляется в странствия, где его ждут разные препятствия и приключения. Сказка, как правило, оканчивается счастливо, но бывают сказки и с плохим концом («Как плешивый был батраком»). В некоторых волшебных сказках герои пускаются в путь не с заданной целью, а в силу сложившихся обстоятельств («Две сестры», «Два сына падишаха, рожденные от невольницы»), и тогда эпизоды сказки один за другим нанизываются на основной стержень — странствия героя, и в каждом из этих эпизодов у героя иная цель. Как пример характерна сказка «Сын Бахаветдина-Верблюда», где сначала сын отыскивает отца, потом идет куда глаза глядят, так как, нарушив наказания отца, он не может вернуться домой, потом в силу случайных обстоятельств путешествует с девушкой, которая принимает его за другого, и, наконец, начинает странствовать уже по приказу хана, посылающего героя на верную смерть.

Носителями злого умысла являются падишах и хан. Именно они, чтобы завладеть красивой женой героя, дают ему поручения, неминуемо ведущие к гибели. Тут-то и начинают действовать разные помощники героя, в числе которых, кроме уже упомянутых, следует отметить чудесного коня («Проданный сон»). Конь в волшебной сказке несет в себе

черты коня из героического эпоса. Злые намерения часто приписываются и старшим братьям героя, которые обманывают своего младшего брата и присваивают себе его заслуги («Караджа-батыр», «Три сына падишаха»). Мотив злых братьев следует рассматривать в связи с коранической легендой о Юсуфе¹³ (библейском Иосифе) и ее использованием в литературе, как персидской, так и на тюркских языках¹⁴. Вообще многие туркменские сказки испытали влияние литературы, но так как до XVIII в. не существовало туркменской письменной литературы, то речь может идти о влиянии литератур других народов Востока. В этом смысле показательна сказка «Искендер-падишах». Александр Македонский, которого религиозная мусульманская традиция считает правверным и пророком Аллаха, — фигура чрезвычайно популярная на всем мусульманском Востоке. История Александра Македонского послужила темой для ряда поэтических произведений — на персидском языке (эпизод из «Шах-наме» Фирдоуси, «Искандер-наме» Низами и другие) и на средневековом литературном тюркском языке Средней Азии («Садд-и Искандари» Навои). В этих поэмах, с оговорками и без них, Александр Македонский изображался как сын иранского царя Дария II Ахеменида. Начало этой традиции было положено в глубокой древности в связи с тем, что занимать иранский престол мог только носитель фарра (божественной благодати), а это качество передавалось по наследству. Так как Александр (в действительности — сын царя Македонии Филиппа II) прочно завоевал Иран и отрицать его заслуги в жизни страны уже не представлялось возможным, то оставалось совершить только одно — включить Александра Македонского в число носителей фарра и таким образом сделать его законным преемником власти династии Ахеменидов. Поэтому была создана версия о том, что Александр якобы был сыном дочери Филиппа Македонского и Дария II Ахеменида. Тогда Дарий III Кодоман, которого победил Александр Македонский, представлялся как младший брат последнего, рожденный от другой матери, а сам Александр Македонский в качестве старшего брата получал право на обладание фарром и, значит, становился законным наследником власти в Иране. Эта версия, необходимая духовенству зороастризма (древнеиранской религии) в его политике, дошла до нас как легенда в передаче ряда авторов, а также была использована (Фирдоуси) или просто изложена (Навои) в указанных выше поэмах. Популярность Александра Македонского среди народов Востока объясняется также и тем, что упоминание о нем вошло в Коран. Поэтические произведения об Александре Маке-

¹³ Коран, Сура 12.

¹⁴ Например, поэма Дурбека (г. Балх, XV в.) «Юсуф и Зулейха».

донском, естественно, являются плодом творчества поэтов, каждый из которых расцвечивал легенду сообразно своему вкусу, таланту и существовавшей литературной традиции. Поэтому с течением времени легенда о происхождении Александра Македонского отошла на задний план, уступив место самой его личности, которую восточная традиция представляет как идеального государя, наделенного мудростью, правдолюбием и гуманностью. Туркменская сказка «Искендер-падишах» весьма скупа на побочные мотивы, вернее, все то, что не связано с версией о рождении Искендер-падишаха, привнесено условиями жизни рассказчика. Основная линия сюжета сказки заключается в том, что Дараб-падишах (Дарий II) отнимает у Пилкуса-падишаха (Филиппа Македонского) дочь и женится на ней. Затем по оговору своих приближенных он отправляет жену к ее отцу. Та по дороге родит сына — Искендера и бросает его в развалинах. Искендера кормит коза и охраняет дракон. Потом его находит и воспитывает нищая старуха. Случайно мать узнает своего сына, и Искендер-падишах становится наследником Пилкуса-падишаха. В это время умирает Дараб-падишах, и ему наследует его сын — Дара-падишах (Дарий III). На требование уплаты дани Искендер просит передать: «Нынче курочка, что несла золотые яички, стала петухом», и отказывается платить дань Даре-падишаху. Вспыхивает война, в результате которой Искендер побеждает войско Дары-падишаха. В последний миг перед смертью Дары-падишаха (его отравляют приближенные) Искендер узнает своего родного брата. Отравители-везиры несут заслуженное наказание. В таком виде туркменская версия легенды об Александре является весьма точным пересказом ее арабских версий, дошедших до нас в изложении Динавари (VIII в.) и Табари (X в.)¹⁵. Таким образом, становится ясно, что для туркменского сказочника не существует исторической личности Александра Македонского, но существует вымышленный образ Искендер-падишаха, отработанный в течение веков фантазией литературы и фольклора.

Влияние литературных источников на сказочное творчество туркмен сказалось и в общей композиции сказок. Например, сказка «Караванбаши» построена по типу обрамленной повести — жанра древнеиндийской литературы, впоследствии получившего широкое распространение в литературах средневекового Востока и Запада. Особенность этого жанра в том, что несколько рассказов, вполне самостоятельных, обрамляются единой рамкой — сюжетом, который может быть не связан со вставными рассказами, и тогда рамка выполняет декоративную функцию, но

¹⁵ Ср. Е. Э. Бертельс, *Роман об Александре и его главные версии на Востоке*, — «Избранные труды. Навои и Джами», М., 1966, стр. 289, 292.

может также составлять единое целое с рассказами, которые в нее вкраплены. В сказке «Караванбаши» главный сюжет — это ссора сына караванбаши со своим отцом, его уход из дому и скитания, во время которых сыну караванбаши помогает советами попугай. В эпилоге сын караванбаши женится на дочери падишаха. В этот сюжет вкраплены две вполне самостоятельные сказки, причем одна из них является изложением истории о трех женихах из сборника «Двадцать пять рассказов Веталы»¹⁶. Несомненно, что композиция сказки «Караванбаши» испытала влияние индийского сборника «Шукасапатаи» («Семьдесят рассказов попугая») или, вернее, его персидского и турецкого переводов («Тути-наме», что значит «Книга попугая»).

Анализ турецкой сказки привел исследователей к выводу, что чем дальше от города, тем меньше в сказке волшебного, сверхъестественного¹⁷. Этот вывод справедлив и для туркменской сказки. К этому следует добавить, что чем ближе к жизни селений, тем меньше влияния литературы, тем проще композиция и язык сказок. Волшебные превращения в туркменских сказках занимают очень незначительное место, таких сказок, где все было бы построено на превращениях героя, мало («Сорок небылиц»). Значительно чаще встречаются сказки, насыщенные эпизодами битв героя с дэвами и драконами, что можно квалифицировать как отголоски героического эпоса. Волшебный аксессуар сказки расширяется за счет введения чудесных предметов: яблоко, которое сохнет, если с героем случилось несчастье, кубок, из которого достаточно выпить воды, чтобы излечиться, летающий ковер, чудесная скатерть (скатерть-самобранка), осел, из которого вместо навоза сыплется золото, сундучок, откуда выскакивает человек с дубинкой, перо птицы Симуург, чудодейственный перстень и т. д. — то есть набор волшебных предметов, имеющих в сказках многих народов, в том числе и русского.

Замечательна связанность туркменских волшебных сказок с жизнью и бытом народа. О чем бы в них ни говорилось: о городе китайского «падишаха» или о какой-нибудь вымышленной стране, куда героя сказки забросила судьба, — всюду неизменно будет присутствовать упоминание о пустынях и безлюдных степях, о горах и долинах, о ветрах, пыльной буре, одиноких чинарах, о караван-сараях и мечетях. Редко попадаются описания садов. Падишахи зачастую изображаются как жители селений, приобретая облик сельского богача (квинтэссенция такого описания — бытовая сказка «Как падишах с женой сидели у дверей»). Весьма умело,

¹⁶ *Двадцать пять рассказов Веталы*, Рецензия Джамбахаладатты, 2.

¹⁷ P. N. Boratav, *Le conte et la légende*, — „Philologiae turcicae fundamenta“, t. II, Wiesbaden, 1965, pp. 44—54.

а подчас и неожиданно сказка оснащается реалистическими деталями (любовник, прятавшийся в яме для муки, стал похож на мышь, попавшую на кендирик — кусок ткани, на котором просеивают муку и месят тесто; хан, влюбившийся в чужую жену в то время, когда она натягивала серпик, то есть закрывала дымоход в юрте специальным куском войлока; хвост дракона, похожий на шерстяной мешок; чудесная птица, которую прятали за юком, то есть за сложенными горкой одеялами и подушками в юрте и др.).

Иногда же рассказчик, чтобы подчеркнуть необычность, удивительность быта чужой страны, вводит в сказку детали, которые взяты не из быта той страны, а сообразуются с собственными представлениями рассказчика о чудесном. Так, дочь китайского «падишаха» появляется на улице в карете со стеклянными окнами («Пять каландаров»). Можно при этом заметить, что даже дом со стеклянными окнами был для туркмена признаком богатства («Щедрый и Скупой»).

Ряд волшебных сказок содержит такое малое количество волшебного, что по существу они могут считаться скорее бытовыми сказками с фантастическим элементом. Например, в сказке «Пастух-богатырь» пастух, победив дэва (единственное упоминание волшебного), решает бросить свое занятие и становится профессиональным борцом. Другую сказку — «Эсен» следовало бы отнести к бытовым по категории «рассказов о простаках» (или глупцах), но в ее конце введен мотив превращения героя старухой колдуньей в собаку и рассказана история об освобождении героя от колдовства. Эпизоды эти кажутся в сказке чужеродными. На границе между волшебной и чисто бытовой находится и сказка «Как плешивый был батраком».

Туркменские бытовые сказки разделяются на два рода: это сказки-новеллы о невзгодах и приключениях героев и героинь и сказки-сатиры, в которых осмеиваются разные человеческие пороки: глупость, жадность, лицемерие и вероломство. И в той и в другой категории бытовых сказок положительными персонажами являются батраки, дайхане, пастухи, иногда девушка или женщина. Отрицательными персонажами являются: мулла, ишан, бай, кадий, иногда падишах и везир. Так, в сказках-новеллах «Девушка, достигшая своей цели», «Мулла с отрубленным носом», «Умная женщина» изображается цепь приключений, в результате которых девушка торжествует над недругами благодаря честности, уму и благородству, а женщина добивается своего с помощью ловкости и хитрости. Во всех трех сказках в неблагоприятном свете предстают мулла, кадий, бай, везир и падишах. Особенно неприглядно изображается духовенство («Ишан и золото» и другие). Сказка «Как три брата нанимались в батраки» представляет собой сатиру на глупого и жадного бая,

который в конце концов расплачивается за свое жестокое отношение к батракам.

Среди туркменских бытовых сказок существуют циклы, сгруппированные вокруг какого-нибудь известного имени. Например, известен цикл сказок «Мирали и Солтансоюн», где действие разворачивается вокруг Алишера Навои и его современника правителя Герата Султан-Хусейна Байкары (см. Словарь, Солтансоюн). Несмотря на то что сказки этого цикла изображают реальных исторических лиц, в них почти нет исторической достоверности. Знаменитый поэт Средней Азии Алишер Навои предстает как легендарный герой, он обладает мудростью, великодушием, удивительной щедростью и необычайным даром слова, который проявляется, как правило, в остроумных и находчивых ответах. Эта черта сближает рассказы о Мирали с популярным жанром на Востоке — с анекдотом. Другой подобный цикл образуют «Народные легенды о Махтумкули», знаменитом туркменском поэте XVIII в. И наконец, существует цикл рассказов еще об одном туркменском поэте-классике Кемине (первая половина XIX в.). Рассказы о Кемине имеют характер типичного анекдота, причем многие анекдоты с именем Кемине являются пересказом анекдотов о Ходже Насреддине. Но последние бытуют в Туркмении и самостоятельно, с той только разницей, что Ходжа Насреддин называется в них Эпенди. Помимо анекдотов, связанных с историческими личностями — Навои, Махтумкули и Кемине, а также широко распространенного на мусульманском Востоке собрания анекдотов о Насреддине-Эпенди, в Туркмении существует множество других анекдотов, героями которых являются четыре брата-глупца (Джаппаклар или Джанбаклар), Эсен-Полат и Кары. Все анекдоты этих циклов можно разделить на две категории. Это анекдоты обличительные, высмеивающие судей, духовенство и богачей, и анекдоты развлекательного характера, призванные просто рассмешить слушателя (например, «Три товарища», «Драчливый человек», «А мы не верим»). Несколько особняком от всех стоят сказки об Алдаркёсе (Безбородый обманщик), который является героем как бытовых, так и волшебных («Алдаркёсе, дэв и лиса») сказок, образующих особый цикл похождения хитреца.

Во всех туркменских сказках есть одна общая черта. Это более или менее отчетливо звучащий мотив назидания. Он заметен и в сказках о животных («Баран и волк» и др.), в волшебных сказках («Советы старого отца», «Щедрый и Скупой», «Сын пастуха», «Умный дайханин») и особенно ясно звучит в бытовых сказках («Правдивый юноша», «Изгнанный везир», «Девяносто мешков» и др.). Положительные герои сказок несут в себе заряд добродетелей, сумма которых определяет моральный облик народа. Герои сказок бескорыстны (всегда отказываются

от награды), миролюбивы (не хотят нападать даже на дэва, когда он спит), склонны к прощению (не всегда чинят расправу над своими обидчиками, не желая уподобляться им), неизменно почтительны со старшими. Жестокость в сказках всегда связана только с возмездием. Бай поплатился всем, потому что был бесчеловечен («Как три брата нанимались в батраки»), рабыню и всю ее семью постигло возмездие за обман и коварство по отношению к несчастной героине («Две сестры»). Мораль сказки часто выражена пословицей, например: «Не поджигай — обожжешься, не копай — сам упадешь» («Сын пастуха»), или: «Огонь сначала на себе испробуй; не обожжет — тогда уж на другом» («Как три брата нанимались в батраки»), или: «С сильным не борись, с быстрым не беги наперегонки» («Дыни в подарок»).

Пословица в туркменских сказках употребляется часто, и ее роль в композиции сказки весьма разнообразна. Чаще всего пословица призвана сделать ситуацию или действие более наглядными; например, дочь падишаха, выйдя замуж за героя сказки («Овез-лентяй») и зная, что ее вероломный отец-падишах не оставит их в покое и поэтому им нужно уходить, говорит: «Две бараньи головы в одном котле не варятся». Другой случай — это намек на пословицу. Так, героиня сказки «Мулла с отрубленным носом», встретившись с падишахом, говорит: «Не трогай мой огонь», намекая на пословицу: «Тронешь огонь — погаснет, тронешь соседа — откочует». Таким же намеком на пословицу является и вся сказка «Всего лишь медведь», о чем уже говорилось выше. Кроме того, пословица может быть как бы девизом сказки. Примером тому может служить сказка «Сын пастуха», заключительный эпизод которой обыгрывает пословицу: «Не поджигай — обожжешься, не копай — сам упадешь». Ее припомнил в трудных обстоятельствах злобный бай, которому, как бы прочтя его мысли, ответил пастух: «Ты сам вырыл яму, в которую попал...». Более сложным примером употребления пословицы как девиза является сказка «Умный дайханин». Само название сказки имеет очень отдаленное отношение к ее содержанию. В целом сказка иллюстрирует мысль «не посягай на чужое», но состоит из двух совершенно самостоятельных сюжетов. В первом из них юноша молит о прощении за чужое, нечаянно съеденное им яблоко, второй сюжет известен в сказках других народов под названием «Человек и змея» (лакская) или «Бедняк и змея» (азербайджанская). Вторая часть имеет свою собственную идею: можно ли отвечать злом на добро? Чтобы объединить обе части сказки, рассказчик вводит пословицу «Не бери того, чего не оставялял», вложенную в уста мальчика, который помог старику избавиться от змеи, отвечающей на добро злом. Таким образом, оба сюжета оказываются связанными воедино.

Из композиционно-стилистических особенностей туркменских сказок следует отметить формулы зачина, перехода внутри сказок и концовок. Начинаются сказки стереотипно: «Было ли не было, жил один...», или в несколько более развернутом виде: «Было ли не было, в старые времена...» и т. д. Сказки о животных, так как они вообще короче других, часто начинаются прямо: «Однажды» и т. д. Иногда зачин в них вообще отсутствует, что, впрочем, может быть и в других типах сказок. При переходе повествования от одного героя сказки к другому обычно употребляются следующие формулы: «О ком теперь пойдет речь? Теперь речь пойдет о...» Или: «О ком теперь послушать новостей? Послушай-ка о...» и т. д. Иногда вопрос не ставится, а прямо говорится: «Теперь послушайте вести о...» и т. д. О странствованиях героев говорится: «Коротко ли он шел (скал), долго ли он шел (скал) — и наконец дошел до...» Иногда формула расширяется добавлением: «...пересекая дороги, пересекая пустыни...» и т. д. Иногда такая формула осложняется метафорическим сравнением: «Как ветер в песках, как поток в горах, как вихрь и буря, коротко ли, долго ли они мчались и...» В других случаях указание на время («коротко ли, долго ли») опускается, а просто говорится: «по дорогам, по пустыням (то есть по бездорожью), по горам и по долинам добрались они до...» и т. д. Значительно более пространны концовки. Например: «Я тоже нес с того пира миску плова и большую кость. Но вдруг по дороге споткнулся — плов по земле рассыпался. А кость пес Акбилек утащил. Так я голодным и остался». Другой вариант: «На том пиру и я был. И досталась мне на том пиру большая кость. Принес бы я ее вам, да пес Алабай выхватил ее у меня из рук и убежал». Некоторые сказки оканчиваются раешником: «Хорошему — исполнение желания, дурному же — позор в наказание. Хотя зачем ему с ним оставаться, и его пусть исполнится желание». Или: «Печенка была — на дно пошла, легкие были — они переплыли. А те, что влюбились, своего добились». Более короткий вариант: «Она, печенка, потонула, а мы, легкие, остались». Некоторые сказки заканчиваются еще лаконичней: «Была друзьям радость, а врагам — гибель». Стереотипны также и приемы описания женской красоты. Наиболее пространственный вариант выглядит так: «...назвать бы ее луной, да рот у нее есть, назвать бы солнцем, так есть у нее глаза, брови как кадам, зубы — ожерелье, талия тонкая, волосы словно гиацинт, щеки — яблоки, а губы как полу-раскрытая фисташка». Набор сравнений здесь несет отпечаток влияния классической поэзии. Стереотипны также ответы дэвов героям: «Если бы ты не поздоровался со мной, я бы тебя проглотил (съел)», и описания опасного места, куда попал герой: «птица сюда залетит — крыльев лишится, кулан забежит — копыт лишится». Повторяемость эпизодов в

сказке обычно трехкратная. Из других чисел наиболее часто встречаются 7 и 40.

Особенность композиции туркменских сказок состоит в том, что характеристика героя ведется по эпизодам, и в каждом из этих эпизодов герой называется по-разному. Редко, когда герой наделяется именем и под этим именем действует с начала до конца сказки («Эсен»). Даже в сказке, носящей имя главного героя («Караджа-батыр»), оно появляется только в середине повествования, до этого говорится: мальчик, сын падишаха, юноша. Характерный пример — сказка «Человек, который понимал язык животных». Здесь в начале, при упоминании пророка Сулеймана, герою сказки дается имя — Ораз, далее в эпизоде с быками он называется «хозяин» и в заключительном эпизоде с любопытной женой — «муж». Это наблюдение приложимо и к другим туркменским сказкам. Другой особенностью является повторяемость в сказке каких-либо предметов и ситуаций — речь идет не о традиционных повторах, что может быть только осознанной задачей творчества, а об известном автоматизме мысли, когда рассказчик, по-видимому, не слишком утруждая себя, возвращается к уже использованной ситуации. Например, в сказке «Эсен» в разных эпизодах два раза фигурируют злокозненные женщины, два раза — крыша, куда забирается герой в своих приключениях, два раза — кружка воды.

Особенностью туркменских сказок является также огромное количество диалогов и прямой речи. Некоторые сказки почти сплошь построены на диалоге. Иногда сказку сопровождают незатейливые стихотворные отрывки. Язык сказок по большей части прост, в нем нет ни витиеватости, ни чрезмерной цветистости выражений, что достаточно характерно для литературы мусульманского Востока.

Перед читателем подлинная туркменская сказка с ее разнообразием сюжетов и мотивов, с ее местами наивным изложением событий, с характерными мелкими неувязками, проистекающими от необработанности устной передачи текста.

Большинство сказок предлагаемого сборника переводится на русский язык впервые. Остальные сказки уже публиковались на русском языке в изданиях 1948¹⁸, 1955¹⁹ и 1963²⁰ гг. Однако следует сказать, что предыдущие издания, в особенности два последних, допускали сильную литературную обработку туркменских сказок. Убирались места, которые,

¹⁸ *Туркменские сказки*. Сборник 1. Составили М. А. Сакали и А. Каушутув, под редакцией Б. А. Каррыева, Ашхабад, 1948.

¹⁹ *Туркменские сказки*. Литературный перевод и обработка О. Эрберга, Ашхабад, 1955.

²⁰ *Туркменские народные сказки*, Ашхабад, 1963.

как казалось переводчикам, могли не понравиться читателю, потому что отражали чуждый быт и представления, добавлялись различные украшения, чтобы сказка выглядела более литературной и не была чрезмерно лаконичной, как в подлиннике, наконец, допускались целые вставки придуманных переводчиками эпизодов (например, сказка «Яртыгулак» в издании 1963 г.). В результате мир туркменских сказок представал как бы в искривленном зеркале: на самобытный стиль и фантазию туркменского сказочника наслаивались субъективные вкусы переводчиков. Между тем очарование народной сказки заключено не только в хитросплетениях сюжета, но и в тех чертах непосредственности, простодушия, которые свойственны именно данному народу, а у другого народа выглядят иначе. Суть перевода не в том, чтобы сделать фольклор одного народа более похожим на привычные образцы из другого, скажем русского, фольклора, а в том, чтобы сохранить его в полной неприкосновенности. Такой попыткой и является настоящий перевод, предлагаемый русскому читателю.

И. Стеблева

1. Как дружили две лисички

Было ли не было, в давние времена жили-были две лисички. Одна лисичка бежала из Исфагана, другая бежала из Хорасана, вот обе и встретились. Подружились лисички и стали ходить вместе. Однажды они посоветовались и решили: «Давай поищем-ка сегодня какой-нибудь курдюк, чтобы полакомиться». Отправились лисички в путь. Шли они, шли — и увидели капкан, к которому был привязан курдюк. Вот исфаганская лиса и говорит хорасанской:

— Подруга, наступи лапой на капкан, а я схвачу курдюк. Только не зевай, не попадись в капкан!

Хорасанская лиса была недалекой.

— Ладно, подруга, — ответила она и тотчас наступила лапой на капкан.

Исфаганская лиса схватила в зубы жирный курдюк и отскочила в сторону.

— А теперь, подруга, — сказала она, — осторожно отпусти капкан.

Хорасанская лиса хотела тихонько снять лапу, но ничего из этого не вышло. Она попала в капкан.

Тогда исфаганская лиса и говорит ей:

— А ну, подруга, попробуй-ка подергаться, может, вырвешься.

Хорасанская лиса дернулась туда-сюда несколько раз, но капкан крепко держал ее за лапу.

— Подруга, — сказала тут исфаганская лиса, — раз ты за-

нята своим делом, придется мне одной съесть курдюк, ничего не поделаешь!

И она съела весь курдюк без остатка. А хорасанская лиса все дергалась и дергалась в отчаянии. Тогда исфаганская лиса ей посоветовала:

— Когда придет хозяин капкана, ты, подруга, притворись мертвой. Он ударит тебя, но ты все равно лежи как мертвая. В это время в сторонке покажусь я. Тут хозяин капкана подумает: «Ну, эта лиса уже сдохла, вытащу-ка я ее из капкана и поставлю его для той лисы». Хозяин капкана направится ко мне, а ты тем временем вскакивай и удирай. Я же отвлеку его сначала, а потом догоню тебя.

И она стала караулить неподалеку. Немного погодя приходит хозяин капкана и видит, что в капкан попала лиса. А поблизости виднеется еще одна. Стал хозяин капкана и так и сяк поворачивать лису, но та, видать, уже сдохла. Хозяин капкана ударил ее раз-другой, но лиса и тут не шелохнулась. Тогда хозяин капкана подумал: «Ну, с этой лисой все кончено, поставлю-ка я капкан для другой». Вытащил он лису из капкана, отбросил ее в сторону, потом, подкравшись потихоньку, установил капкан неподалеку от другой лисы и засел в засаде.

Хорасанская лиса вскочила и бросилась бежать. А исфаганская лиса стала делать вид, что она вот-вот попадется в капкан, и отвлекла хозяина. Тут к исфаганской лисе подбежала хорасанская лиса, и обе помчались прочь унося ноги. Лисы были уже далеко, когда хозяин капкана решил: «А ну, заберу-ка я добычу». Возвратился он, поглядел, а там — ни лисы, ни ее духу. «Эх, — подумал он и вздохнул, — поддался я на хитрость лисицы».

А лисы бежали, бежали и добрались до дома одного старика. У этого старика было два петуха и четыре курицы. Лисы решили: «Сегодня ночью нападём на курятник... Но прежде окунем хвосты в воду. Если у нас на шерсти хвостов станет болтаться намерзший лед, мы будем гораздо страшнее». Уселись они на берегу и опустили хвосты в воду. Хорасанская лиса время от времени шевелила хвостом, поэтому хвост у нее не примерзал. А у исфаганской лисы хвост крепко примерз, пристал ко льду, а она об этом не знала.

Когда солнце село и настало время сна, хорасанская лиса сказала:

— Ты, подруга, посиди пока, а я пойду поймаю кур.

Она побежала и схватила обоих петухов. В курятнике поднялся страшный переполох. Хозяин кур забеспокоился и пошел в курятник.

— Ах, пропали мои куры! — закричал он и погнался за лисой.

А хорасанская лисица прибежала к исфаганской лисе и стала тут есть петухов.

— Ну, иди сюда, подруга, съедем их вместе! — позвала она исфаганскую лису.

Та хотела подбежать, да не смогла, — ведь хвост-то у нее примерз.

— Ой-ой-ой, подруга, я не могу выбраться! Подойди, помоги мне! У меня хвост ко льду примерз! — закричала она.

А хорасанская лиса ей отвечала:

— Эх, подруга, когда я попала в капкан, ты ведь мне не помогла, да еще и курдюк одна съела. Ты подергайся теперь посильней, может, и выберешься. А нет, так не падай духом — придет старик и оторвет твой хвост. Если, бог даст, не умрешь, встретимся снова.

И хорасанская лиса доела петухов, вильнула хвостом и убежала. Вскоре пришел старик, а с ним люди, которые взяли ему помочь, и увидели: на берегу реки сидит лиса, а от кур одни косточки остались. Разозлился старик и забил лису до смерти.

2. Волк и лиса

Жил-был волк. И жила-была лиса. Встретились они и подружились. А подружившись, отправились вдвоем на охоту.

Вот шли они и увидели кусок курдюка величиной с кулак. Тут лиса и говорит:

Путь лежит, да, путь лежит,
Позади страна лежит.
Если нету здесь беды,
То зачем курдюк лежит?

И лиса, оставив курдюк без внимания, прошла мимо. Волк сказал:

— Эх, друг лиса! Пока умный думает, дурак два раза сына женит*. Вот я так ничего не боюсь!

С этими словами волк схватил курдюк в зубы и тут же попался в капкан. Изо всех сил волк старался вырваться, но ничего не получалось. Глянул, а лисичка сидит поодаль и смотрит.

— Ну что, друг лиса, много поднялось пыли? — спросил волк.

— Эх, друг волк, эта пыль — не пыль! Вот поговоришь с хозяином капкана, тогда увидишь пыль! А я пойду завтра на базар, да погляжу там на твою шкуру, — сказала лисичка и убежала.

Так лисичка убралась подобру-поздорову, а волк остался в капкане. Через час пришел хозяин капкана. Глядь, а в его капкан попался волк. «Ах, проклятый!» — воскликнул хозяин капкана и тотчас застрелил волка. А убив, содрал с него шкуру, снес на базар и продал.

3. Как коза и баран напугали волков

Было ли не было, в давние времена жили у одного человека коза и баран. Человек этот обращался с ними хорошо, кормил их досыта. Однажды услышала коза, что хозяин хочет их зарезать. Побежала она к барану и говорит:

— Друг баран, слушай внимательно: хозяин собирается нас обоих зарезать! Нам нужно бежать!

Испугался тут баран и отвечает:

— Ладно, коза, если так, то бежим!

И вот вышли они потихоньку и побежали. Мимоходом коза подцепила на рога мешок хозяина, в котором тот носил траву.

Добрались коза и баран до степи, бегут и видят: лежит волчья голова. Коза, показывая на волчью голову, сказала:

— Смотри, баран, вон лежит голова твоего врага. Ты — храбрец, весь обросший шерстью, возьми-ка эту голову и положи ее в мешок, — а сама при этом боязливо отошла в сторонку.

Тогда баран ей отвечает:

— Как бы там ни было, а ты — храбрец с бородой, пойдика и положи волчью голову в мешок.

Тогда коза сказала:

— Давай, друг, возьмемся за мешок с обеих сторон, вместе положим туда голову и унесем.

— Ладно, — ответил баран.

Взялись каждый за свой конец, положили они волчью голову в мешок и понесли его.

Шли они, шли — и подошли к высокому холму. Поднялись на холм, огляделись и увидели вдали огонь. Пошли они в сторону огня. Подошли и видят: сидят семеро волков и варят плов. Поздоровались с ними коза и баран, а волки обрадовались, вскочили, стали их разглядывать и приговаривать:

— Вот хорошо, пришло мясо для плова.

Тогда коза и говорит волкам:

— Не беспокойтесь, мяса у нас сколько хочешь. Поскорее варите плов!

— Где же это мясо? — спросили волки.

Тут коза и говорит:

— Пойди-ка, друг баран, возьми в мешке одну из волчьих голов. Положим ее в плов.

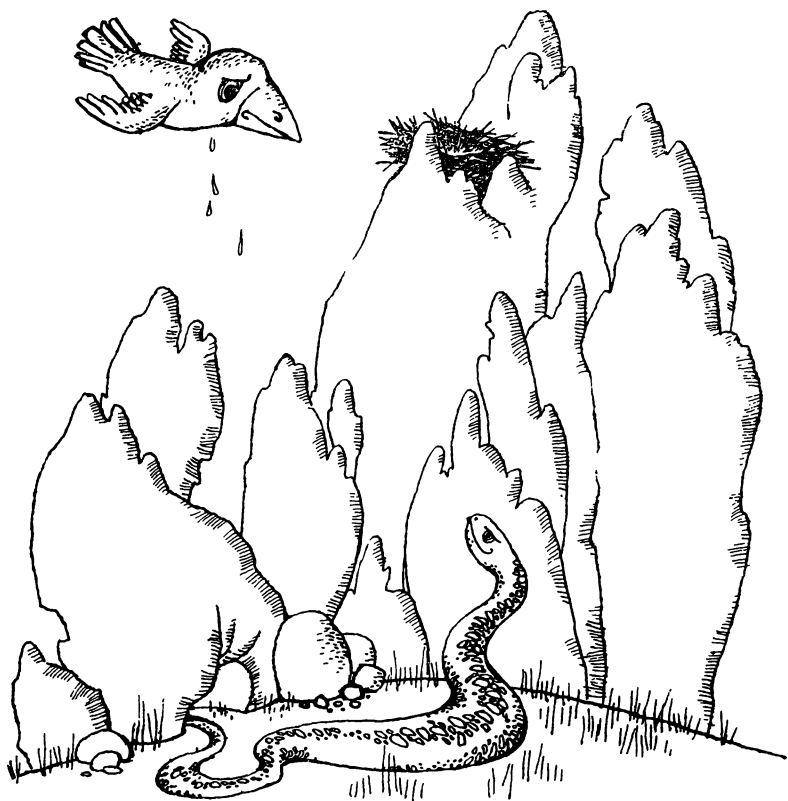
Баран тотчас принес голову, лежавшую в мешке. Тогда коза спросила:

— Неужели из девяти волчьих голов ты сумел выбрать только эту? Ступай принеси голову побольше!

Услыхав это, волки подумали: «Эге, да это, видно, пожиратели волчьих голов, как бы они и наши головы у нас не отняли». Испугались волки и разбежались кто куда. А коза и баран съели плов и спокойно улеглись спать.

4. Змея и ворона

В давние времена высоко в горах на скале жила ворона. А неподалеку от нее в норе жила змея. Только ворона выведет птенцов, змея тут же их и пожирает. Долгое время змея поедала так птенцов вороны. Наконец стала вороне эта мука невтерпех: из-за гибели птенцов всю жизнь проводила она в горе. А у вороны был приятель — шакал. Однажды, когда он пришел к ней в гости, ворона, тяжело взды-

хая, рассказала о том, как ее угнетает змея. Шакал ей посоветовал:

— Оставь это место, переселись в другое, вот и спасешься.

— Нет, друг шакал, я это место не брошу, а либо убью змею, либо сама погибну.

— Как же ты убьешь змею? — спросил шакал.

— Когда змея заснет, я подлечу и выключу ей глаза. Змея ослепнет, а потом уж я как-нибудь ее убью, — отвечала ворона.

— Ничего у тебя так не выйдет, — сказал шакал. — Лучше пойди в деревню и укради у кого-нибудь из-под носа платок или рубашку. За тобой погонятся, а ты, спасаясь от них, на-

брось эту вещь на змею. Люди убьют змею, чтобы забрать свою вещь, и ты от змеи избавишься.

Вот полетела ворона в деревню и стащила платок у женщины, которая стирала белье. Погнались за ней люди, а ворона притащила платок и бросила его на змею. Люди побежали, убили змею и забрали платок. А ворона, избавившись от змеи, зажила счастливо.

5. Как голубка, ворона, пчела и лягушка победили слона

Было ли не было, однажды голубка свила на дереве гнездо. Снесла голубка в своем гнезде яички, но в один из дней пришел к этому дереву слон и почесался о него. Дерево затряслось, голубиные яички упали и разбились. Увидала голубка, что яички упали на землю и разбились, горько заплакала, а потом отправилась к своей подруге вороне и пожаловалась ей.

— Нельзя ли как-нибудь отомстить этому слону? — спросила голубка.

Ворона опечалилась, что яички разбились, и отвечала:

— Я-то сама ничего не могу с ним сделать, потому что слон — большая беда. Но есть у меня очень мудрая подруга — пчела. Пойдем спросим у нее совета.

И они отправились к пчеле. Увидала их пчела и сказала:

— Входите, садитесь, какие у вас новости?

Они рассказали пчеле все как было. Пчела очень опечалилась и сказала:

— Я-то ничего не могу поделать со слонем, но у меня есть очень мудрая подруга — лягушка. Давайте пойдем к ней.

И они втроем отправились к лягушке.

Лягушка встретила их с почетом и расспросила о новостях. Тут они рассказали все лягушке.

— Ну, если все дело в этом, — отвечала лягушка, — то средство извести слона есть. Ты, пчела, сейчас же лети и зажужжи поприятней у слона над ухом. Ему понравится твоя музыка, он зажмурится. Тут ворона пусть подлетит и выключит ему глаза. Слон ослепнет. Когда ему захочется пить, слон

начнет искать воду. Ткнется он туда-сюда, тут я и заквакаю. Слон подумает: «Где лягушка, там и вода» — и пойдет на мой голос. Так я заманю слона в глубокий колодец. Оттуда он выбраться не сможет и издохнет.

И они все направились к слону. Прежде всего пчела зажуужала слону в ухо, и ему это понравилось. Тем временем ворона выклевала слону глаза и ослепила его. Вскоре слону захотелось пить, он потыкался во все стороны, но воды не нашел. Вдруг где-то заквакала лягушка. Слон подумал: «Там есть вода» — и пошел на голос лягушки. А лягушка забралась в колодец. Слон же, следуя за ней, упал в колодец и издох.

Так свершилась месть голубки.

6. Баран и волк

Бродил как-то по ущелью, поросшему травой, баран. Пришел туда волк.

— Эй, баран, это место — мое, разве ты не знаешь? — сказал он. — Почему ты пасешься в моем ущелье?

— Нет, настоящий хозяин ущелья — я, — отвечал баран. — С давних времен никого другого я в этом ущелье не видывал. Это ущелье, заросшее травой, тебе не нужно и не может быть твоим. Ступай себе, друг волк!

— Это ущелье досталось мне от отцов и дедов! Я — хозяин этого ущелья, — настаивал волк, — и я найду свидетеля. А у тебя, друг баран, есть свидетель?

— Уж я-то тем более его найду. Многие знают, что ущелье мое, — отвечал баран.

С тем они и разошлись. Волк пошел к лисичке и сказал ей:

— Эй, лисичка, я нашел для нас обоих жирную добычу. И не спрашивай, а иди!

— Что за добыча, друг волк? — спросила лисичка.

И волк рассказал:

— В одном ущелье пасется жирный баран. Я с ним поспорил и должен найти свидетеля. Пойдем со мной завтра — и ущелье отберем, и барана съедем!

— Очень хорошо, пойдем, друг волк, — сказала лисичка, обрадовавшись.

А баран пришел в селение, увидел черную собаку, что лежала возле какого-то дома, и рассказал ей:

— Сегодня я пасся в ущелье, поросшем травой. Подошел ко мне волк и сказал: «Это ущелье мое со времен отцов и дедов. Настоящий хозяин этого места — я, волк! Почему ты пасешься в моем ущелье?» А я ему ответил: «Настоящий хозяин здесь — я. Никого другого в этом ущелье я не видывал. Ступай себе, друг волк!» Тогда волк сказал: «Я найду свидетеля. Ну а у тебя, друг баран, есть свидетель?» И я сказал ему: «Уж я-то тем более его найду, многие знают, что ущелье мое». О собака, если ты мне друг, помоги мне в этой беде!

— Не печалься, друг баран! Мы найдем какой-нибудь способ помочь тебе, — сказала собака.

На следующий день отправились баран с собакой в ущелье. Пришли они, а волка еще не видеть. Стало быть, не пришел еще. Тут собака и говорит барану:

— Ну, баран, слушай внимательно. Я здесь лягу, спрячусь, а ты закидай меня верблюжьими колючками, чтобы волк и его свидетель меня не увидели.

Собака спряталась. Глядь, а там с горы бежит волк. А следом за ним лисичка. Стало быть, она его свидетель.

— Ты видишь? — сказал волк лисе. — Дело облегчается. Он бродит один. Даже свидетеля найти не смог! Мы и ущелье отберем, и барана съедим!

Лисичка подбежала к барану и спрашивает:

— Эй, баран, почему ты бродишь в чужом месте?

— А знаешь ли ты, чье это ущелье? — ответил баран.

— Мы-то очень хорошо это знаем, — сказала лисичка. — Это ущелье ничьим, кроме волка, быть не может. Так мы слышали.

— Ну, друг баран, пришел ли твой свидетель? — спросил волк. — Что-то мы его не видим.

— О друг, мне свидетель не нужен, — отвечал баран. — А вот если слова твои — правда, перепрыгни через эти колючки туда и обратно. После этого пусть ущелье будет твоим!

— Ну что тут особенного, это и я могу сделать, — сказала лисичка.

Разбежалась она, подпрыгнула, но заметила нос собаки и отпрянула.

— Нет, я не лгунья, я не могу давать ложной клятвы, — проговорила лисичка и убежала.

Только волк собрался прыгнуть сам, а собака как схватит его за горло и давай душить.

— Ой, друг волк, тебя поразила ложная клятва, — крикнула, оглянувшись, лисичка и побежала прочь. А собака убила волка, и они с бараном вернулись в селение.

Так ущелье осталось за ними.

7. Как осел подружился

с куланом

Однажды подружились осел и кулан. А неподалеку от них был сад какого-то человека. Отправились осел и кулан в этот сад попаситься. Пришли они туда утром и наелись до отвала. Тут осел и говорит кулану:

— Друг кулан, давай-ка теперь споем!

— Что ты, друг осел, — отвечал кулан, — разве ты умеешь петь? Вот раз точно так же шайка воров забралась к одному богачу, так хозяйская собака услышала их голоса и залаяла. Воров и схватили. Если ты заревешь, проснется хозяин сада и поймают нас обоих.

Но осел, досыта наевшись зеленой травы, не выдержал и заревел. Выскочил хозяин сада, подбежал, набросил им на шею веревки и привязал обоих.

— Ах, проклятый осел, — сказал тогда кулан, — все-таки поступил ты по-ослиному! Успокоился теперь?

Так осел и кулан попались на воровстве.

8. Трое друзей

Подружились трое — черепаха, утка и лысуха. А жили они на острове посреди озера. В один из дней появился в окрестностях озера охотник и стал кружить возле озера. Утка и лысуха заметили это и решили бежать. Стали они прощаться со своей подружкой черепахой.

— Сестрица-черепаха, мы уходим. Ты видишь, нас тут в живых не оставят. А потому — прощай!

Тогда черепаха сказала:

— Родные мои, возьмите меня с собой куда бы вы ни направлялись!

— Как же мы тебя возьмем, ведь ты не умеешь летать? — отвечали утка и лысуха.

Тогда черепаха сказала:

— Делайте что хотите, а меня здесь одну не оставляйте!

Подраздумав, утка нашла способ взять с собой черепаху. Она отыскала прутик, один его конец положила на лысуху, другой — на себя, как хомут, и сказала своей подруге-черепахе:

— Схватись зубами за середину прута!

Черепаха сделала, как ей велели, и обе птицы поднялись в воздух.

По пути им пришлось лететь над одним селением. На краю селения играли ребяташки. Они увидели птиц и закричали:

— Эгей, глянь-ка, две птицы тащат какую-то черепаху!

— Это меня, это меня!.. — крикнула черепаха и упала вниз.

Тут лысуха и говорит утке:

— Подруга, а ведь черепаха-то наша упала.

— Что ж, раз она нашла кого-то лучше нас, — отвечала утка, — то и пусть падает. Но если бы она помалкивала, то добралась бы до места.

И обе птицы полетели дальше.

9. Как осел, петух и коза обманули дэвов

Подружились трое — осел, петух и коза. Набрали они в старый хурджин золы, взвалили его на осла, а сверху посадили петуха. Коза шла впереди, а осел с петухом на спине следовал за ней.

В одной крепости жили три богатых дэва. Осел, петух и коза сговорились: «Давайте обманем дэвов и заберем их богатство».

Вот пошли они к крепости. А дэвы, оказывается, народ

доверчивый. Коза обогнала осла с петухом и вошла в крепость. Глядит — сидят три дэва, а перед ними стоят три котла с дымящимся пловом. Коза подошла к ним и поздоровалась. Дэвы ей отвечали:

— Если птица залетит в эти места — лишится крыльев, если кулан забежит — лишится копыт. Если бы ты не поздоровалась, мы бы разорвали тебя и съели.

После этого дэвы спросили, что слышно нового.

Коза им отвечала:

— О, особых новостей у меня нет. Вот только один падишах ведет на вас войско, а вы, видно, ничего не знаете.

Дэвы вытаращили глаза и сказали друг другу: «Залезь-ка на стену, погляди!» Один из дэвов тотчас взобрался на стену крепости и говорит:

— Правда, там вдалеке движется облако пыли.

А это петух, топоча ногами на спине осла, выбивал золу из хурджина, и чем ближе они подходили, тем больше становилось облако пыли.

Потом другой дэв поднялся наверх:

— Ой, вот они приближаются! Кони пыль поднимают! — закричал он и спрыгнул вниз.

И трое дэвов помчались из крепости унося ноги. А петух и осел вошли в крепость, встретились с козой, съели три котла плова и забрали в хурджин все богатство дэвов. Они уже собирались отправиться дальше, когда вдруг заметили, что дэвы возвращаются. Тогда все трое полезли на дерево. Петушок уселся на самой верхушке, коза под ним, а осел высоко залезть не смог и устроился на самой нижней ветке.

Дэвы осмотрелись и не увидели никаких следов, кроме следов осла, козы и петуха. Дэвы пошли по этим следам и пришли к подножию дерева. Тут ветка, на которой сидел осел, обломилась, и он свалился вниз. А петух и коза как закричат сверху:

— Ой-ой-ой, небо обрушилось!

У дэвов душа ушла в пятки, и они снова убежали. А осел, коза и петух забрали все имущество дэвов и, вернувшись домой, поделили его между собой. Петух взял зерно, коза — траву, а осел — солому.

Что же касается золота, то они решили, что оно им не нужно, и зарыли его.

10. Бык, осел и лиса

Подружились бык, осел и лисичка и решили: «Пойдемте-ка побродим вместе: осел с быком будут пастись, а подруга лисичка поохотится по пути».

Зашли они в одно ущелье. Вдруг осел и говорит:

— Ой, плохо мое дело! Я должен немножко пореветь, иначе я не могу.

— О, друг осел, здесь нельзя кричать, разве ты этого не знаешь? — сказали бык и лисичка. — У нас тут много врагов, и если ты зашумишь, то навлечешь на наши голову беду.

Осел потерпел немного, но вскоре сказал:

— Ой, больше не могу! — и начал реветь.

— Раз так, то хоть не реви громко, а реви потише, — сказали бык и лиса.

Осел начал было потихоньку: «а-а!» — но вдруг как заревет: «и-а-и-а!» Рев его раздался на все ущелье. Поглядели друзья, а с горы сбегает стая волков.

— Откуда это кричат? Кто? — галдели, приближаясь, волки.

— Ой, на наши головы свалилась большая беда! — крикнули трое друзей и пустились наутек.

— Ну, друг осел, не по твоей ли глупости нас поразило несчастье? — сказали бык и лисичка, и все трое полезли на дерево. А волки, преследуя их, добежали до того дерева, покружились вокруг него, но никого не увидели. Волки уселись под деревом и стали спрашивать друг друга:

— Куда же они делись?

Тут бык, который сидел на верхушке дерева, сказал своим товарищам:

— О господи, я сейчас упаду!

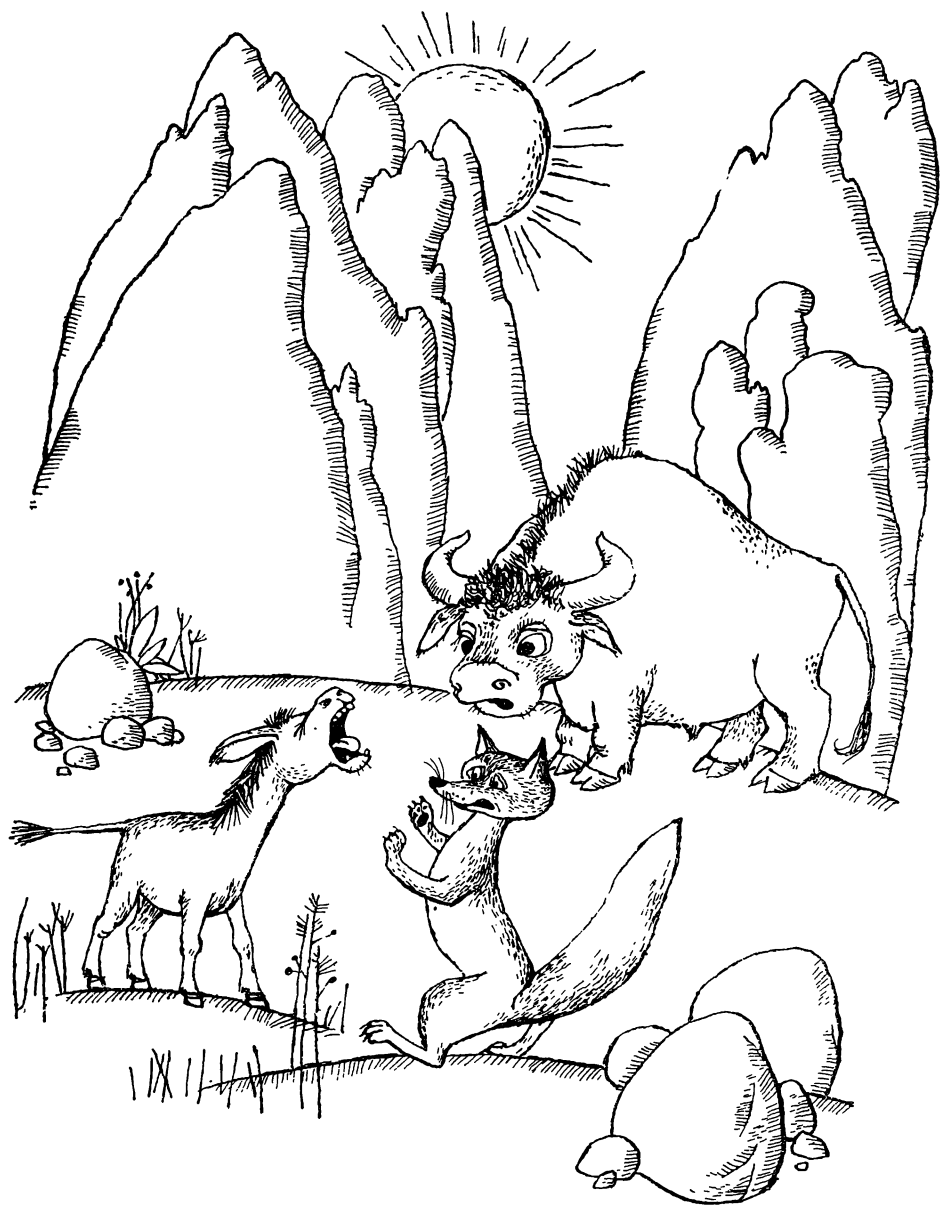
— Потерпи немножко, друг бык, — сказала лисичка. — Если это тебе не удастся, наше дело плохо!

Бык подождал немного, но вдруг как крикнет:

— Ох, не получилось! — и свалился вниз, прямо в середину волчьей стаи.

— Эй, друг бык, и мы сейчас спустимся вслед за тобой! Хватай этих волков! — закричала сверху лисичка.

Волки увидели быка и перепугались до смерти, а когда

вдобавок они слышали еще слова лисы, то завопили: «Ой, ой!» — и умчались прочь.

Тогда друзья осторожно спустились с дерева и втроем возвратились в селение.

11. Как ворона, лиса и мышь стали друзьями

Подружились трое — ворона, лиса и мышь. Бродили они повсюду, и однажды лиса нашла круглую жирную лепешку величиной больше, чем поддувало тандыра, и спрятала ее. Шли они, шли и проголодались, а ничего съестного им не попадает. Наконец лиса сказала:

— Я кое-что нашла, но на троих этого не хватит. Вот если это съест один, он насытится и будет доволен.

— Раз так, — сказала мышь, — давайте бросим жребий.

Все согласились. Тогда ворона предложила:

— Самое лучшее — сравнить наш возраст. Кто старше всех, тот и съест лепешку.

Мышь сказала:

— Мне шестнадцать лет.

Ворона сказала:

— А мне — двадцать девять.

Лиса тогда и говорит:

— Э, да вы просто младенцы! Видите вон то дерево? Так вот, когда я была молодая, это дерево в первый раз зазеленело.

Так жирную лепешку съела лиса, а остаток по усам размала.

12. Лиса, лев и волк

Подружились трое: лиса, лев и волк. А затем отправились они втроем на охоту. Поймали кейлика. Потом поймали шакала. А потом поймали зайца. И вот стали они втроем делить добычу. Сначала сказали волку:

— Дели ты!

— Ладно, — отвечал волк. — Кейика пусть ест лев, зайца пусть ест лиса, а я съем шакала.

Тут лев расшвырнул, схватил лапой волка за шею и, пригнув его к земле, убил. А потом со-

драл с волка шкуру и добрался до его красного мяса.

— Эй, лиса, теперь дели ты! — сказал лев.

— Ладно, — отвечала лиса. — Кейика ешь ты, шакала ешь ты, а если не насытишься, то и зайца ешь ты.

— Эй, лиса, ты, глупая, у кого этому научилась? — сказал лев.

— Я, глупая, научилась этому, когда ты содрал с волка шкуру и добрался до его красного мяса, — отвечала лиса.

Так лев съел и кейика, и шакала, и зайца. После этого пошли они вдвоем дальше, и попался им по пути большой овраг. Лиса заплакала.

— Эй, лиса, почему ты плачешь? — спросил лев.

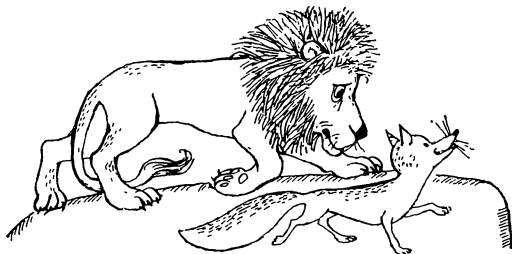
— Я вспомнила твоего отца, — отвечала лиса. — Твой отец всегда прыгал через этот овраг. Вот я это вспомнила и плачу.

— Ну и я такой же, как мой отец! Я тоже перепрыгну через этот овраг, — сказал лев и прыгнул. Но на самой середине оврага он рухнул вниз. Тут лиса подошла и стала есть льва с хвоста.

— Эй, лиса, ешь меня с головы! — сказал лев.

А лиса отвечала:

— Не торопись, дойду и до твоей головы!

13. Мнимый больной

Жил когда-то в одной долине могучий тигр. Но вот пришла к нему старость, выпали у него зубы и когти. И дичь, которую он прежде легко ловил, стала ускользать от него.

Тогда, поразмыслив как следует, старый тигр нашел выход. Он распустил повсюду слух о том, что «такой-то старый тигр тяжело заболел». А сам залег в пещере, которая была в одной горе. Вот стали отовсюду приходить звери навестить больного. И однажды, прослышав о болезни тигра, пришла его проведать старая знакомая — лиса. Не входя в пещеру, лиса остановилась на пороге и спросила:

— Ну, друг тигр, как твое здоровье?

Тогда тигр ответил:

— Сестрица-лиса, почему ты стоишь снаружи? Другие ко мне подходят и расспрашивают, как я себя чувствую. Подойди же ко мне и ты!

А лиса и говорит:

— Друг тигр, дружба с тобой — хорошее дело. Однако вот я вижу следы тех, кто в твой дом вошел, но не вижу следов тех, кто бы из него вышел. Потому-то я думаю, что лучшая дружба с тобой — это расспросить тебя издали и уйти.

И лисализнула от тигра.

14. Попугайха и лисица

Попугайха свила гнездо на верхушке дерева в пустыне и снесла яички. Увидала ее лиса и говорит:

— Эй, попугайха, брось мне одно яичко, а не то я тебя самое съем.

Бедная попугайха не знала, что лиса не умеет лазать по деревьям. «Чем она меня съест, уж лучше пусть съест мое яичко», — подумала попугайха и со страху бросила лисе яичко. Лисица подобрала его и съела.

Назавтра лиса пришла снова. Припугнула она опять попугайху и съела еще одно яичко. Так день за днем лиса поедала яйца попугайхи. Однажды сидела попугайха и плакала. Прилетела к ней ворона и спросила:

— О чем ты плачешь, попугайха?

Та ей отвечала:

— Сестрица, как же мне не плакать? Каждый день я несу по яичку и думаю, что вот выведу птенцов и будет у меня потомство. И каждый день приходит лиса и съедает мое

яичко, угрожая съесть меня, если я не отдам ей яичко. Вот я и отдаю лисе свои яички, а сама думаю: «Пусть уж лучше съест проклятая лиса яички, чем меня!» Поэтому я никак не могу вывести птенцов.

Тогда ворона сказала:

— Зачем же ты бросаешь лисе яички? Ведь лиса не может влезть на дерево. Если сегодня она придет снова, ты ничего ей не давай, а если она тебя окликнет, обругай ее в ответ. Когда она спросит, кто тебя этому научил, скажи, что научила тебя подруга — ворона.

Попугайха решила, что так она и сделает. На следующий день лиса, которая припритворилась к яичкам, пришла снова.

— Как поживаешь, попугайха? — спросила она.

Та не отвечала.

— Брось яичко, попугайха! — крикнула лиса.

— Ах ты дрянь подлая, не дам тебе яичка, чтоб ты пропала! — закричала попугайха.

— Кто тебя этому научил? — спросила лиса.

— Моя подруга ворона, — отвечала попугайха.

«Ладно, воронушка, хорошо же, — подумала лисица, — мы еще с тобой встретимся». И она ушла. Идет лиса и видит, что эта самая ворона летит себе по небу просто так — гуляет. Лиса незаметно подобралась и легла, притворившись мертвой, так, чтобы ворона ее увидела. А ворона летала-летала и вдруг видит: лежит себе дохлая лисичка. Спустилась ворона на землю неподалеку от лисы и стала тихонько подкрадываться к ней. Подобралась ворона к лисе, влезла ей на голову и начала клевать ее язык. Тут лиса как схватит голову вороны в зубы.

Тогда ворона и говорит лисе:

— Подожди, я тебе кое-что скажу, а потом уж, ладно, ешь меня.

— Хорошо, — отвечала лиса, — говори, я послушаю.

— Сначала ты перейди в мою веру, а потом уж ешь меня, — сказала ворона.

— А какая у тебя вера? — спросила лиса.

— Скажи три раза: «Кар-кар, госпожа ворона». Это и есть моя вера.

Лиса стала повторять слова вороны, пасть у нее раскрылась, тут ворона выскользнула и улетела. Так лиса и осталась в дураках.

15. Лиса и шакал

Однажды идет по дороге шакал и плачет. Подошла к шакалу лиса и спрашивает:

— Почему ты плачешь?

— Потому что мне говорят: «Будь падишахом кур!» — отвечал шакал.

— Так будь! Что может быть лучше этого? — воскликнула лиса.

— Вот я и плачу, уж не ложь ли это? — отвечал шакал.

16. Всего лишь медведь

Подружился один человек с медведем. Медведь сделал для человека много добра, тот даже стал богатым. Однажды человек позвал медведя к себе домой и сказал жене:

— Пришел гость, готовь угощение!

— А кто гость-то? — спросила жена.

— Да всего лишь медведь, — отвечал муж.

Медведь услышал этот разговор, и слова человека «всего лишь медведь» ему не понравились.

В другой раз медведь позвал к себе в гости человека и хорошо его принял. Потом медведь дал человеку нож и сказал:

— Ударь меня ножом по голове!

Человек не согласился. Тогда медведь сказал ему:

— Если ты не ударишь меня, я тебя съем.

Делать нечего, человек ударил медведя ножом по голове.

Как-то раз медведь снова позвал человека к себе домой и сказал:

— Вот, смотри, рана от твоего меча зажила, но рана от твоих слов «всего лишь медведь» никак не проходит *. Поэтому дружбе нашей конец.

17. Умный воробей

Один человек поймал воробья. Тот стал умолять:

— О человек, не убивай меня! Какая тебе в этом польза: ведь мяса во мне не больше, чем в пальце. А если ты меня пощадишь, я дам тебе хороший совет.

— Ну, ладно, — сказал человек, — дай совет, а потом я отпущу тебя.

— Вот мой совет: не верь всему, что услышишь, хорошенько об этом не подумав, — сказал воробей.

Человек отпустил воробья. А тот ему и говорит:

— Эй, глупый ты человек, ведь у меня внутри кусок золота величиной с кулак. Вот убил бы меня — и поживился!

— Увы! — воскликнул в досаде человек.

— Эх, ты и вправду дурак! — сказал тогда воробей. — Разве я только что не сказал тебе: хорошенько подумай о том, что услышишь? Если во мне мяса не больше, чем в пальце, то как может быть во мне кусок золота величиной с кулак?

18. Не пройдет у тебя боль сердца

Один человек подружился со змеей. Змея оказала человеку много добра, сделала его богатым. Однажды они оба поссорились, и человек отрубил саблей змее хвост. А змея ужалila десятилетнего сына человека, и тот умер. В один из дней человек снова пришел к змее и сказал:

— Давай опять дружить!

На это змея отвечала:

— Теперь нашей дружбе конец, потому что не пройдет у меня боль в хвосте, а у тебя боль сердца!

19. Проданный сон

Было ли не было, в давние времена жил один старик. Детей он не имел, а была у него только старуха жена. Жили они очень бедно. Как-то ночью старик увидел сон, будто к нему на плечи село по соловью. Наутро старик рассказал обо всем старухе и решил отправиться вслед за сном. Поначалу жена старика не соглашалась отпустить его. Тогда старик сказал ей:

— Судьба такого бедняка, как я, рассказана во сне, я должен пойти.

Наконец старуха согласилась. Старик собрал нужные в дороге вещи и пустился в путь.

Через несколько переходов повстречался старик с пастухом, пасшим овец. Отдохнул он у этого пастуха и стал с ним беседовать. Рассказал старик пастуху про сон, который видел, а пастух ему и говорит:

— Послушай, старик, зачем тебе, такому седобородому, этот сон? Дам-ка я тебе десяток овец, а ты продай мне свой сон.

— Да что ты, — отвечал старик, — разве можно отдать такой сон за десять овец?

— Ну, ладно, я дам тебе сто овец.

— Нет, не пойдет, и за сто овец такой сон не продается!

— Хорошо, тогда я дам тебе пятьсот овец.

— Нет, не согласен.

— Ну, старик, я отдаю тебе всех своих овец. Пусть и мой пастушеский посох будет твоим, только продай мне этот сон, — упрашивал пастух.

Наконец старик согласился и продал пастуху свой сон. Попрощавшись со стариком, пастух отправился в путь. Коротко ли, долго ли он шел, а через несколько переходов подошел к большому саду. Смотрит — в саду поют соловьи, текут источники, цветут цветы. Ходит пастух по саду — и вот видит красивый дворец, а у порога дворца под деревом спит знатный юноша, привязав к руке повод прекрасного серого коня. Понял пастух, что этот юноша здесь на страже, срезал у него с руки повод коня и стал караулить сам. Через некоторое время пастух заметил туго набитый и завязанный хурджин. Взял он этот хурджин и взвалил его на коня. Немного погодя из дворца тихонько выбежала пери. Пастух посадил красавицу девушку на коня и отправился в путь. А знатный юноша, который стерег пери, так и остался спать, ни о чем не ведая.

Едет пастух с пери за спиной, а девушка тем временем думает: «Кто этот юноша? Вроде бы он похож на пастуха, но кого он пасет: верблюдов, коров или овец? А ну-ка испытай я его!» Проехали они немного и оказались перед полем, заросшим верблюжьей колючкой и гараком.

— На этом поле хорошо пасти верблюда, — проговорила девушка, но юноша ничего не ответил.

Поехали они дальше, и вот показалось поле, поросшее травой и камышом.

— Как много камыша на этом поле, — сказала девушка, — здесь хорошо пасти корову.

Юноша снова промолчал.

Едут они дальше, а перед ними — луг, раскинувшийся словно узорчатая шаль. Не успела девушка воскликнуть: «Вот так поле!» — как пастух сказал:

— Эх, вот самое подходящее место, чтобы пасти овец. Пустить ягнят в одну сторону, маток — в другую, а самому лечь посередине, отдыхать да посматривать, а овцы пусть бродят себе взад и вперед...

Тут пери поняла, что юноша — пастух, и стала называть его теперь пастухом.

Несколько дней ехали верхом пастух и пери и добрались до города. Сняли они дом на окраине города и поселились

в нем. Прожили они сколько-то месяцев, отдохнули, тогда пери и говорит пастуху:

— Пастух, нечего нам обоим сидеть без дела, пора о себе позаботиться. Ступай на базар и купи разноцветных шелков. Я vyšью своими искусными руками тюбетейки, а ты их продашь, вот и будут у нас деньги на пропитание.

Пастух согласился с пери. Взял он деньги и уже собрался отправиться на базар, чтобы купить шелку, но тут пери крепко наказала ему:

— Смотри, пастух, ничего не покупай в долг, да не торгуйся с безбородым, иначе не будет тебе добра.

Пришел пастух на базар, а у самых ворот сидит какой-то безбородый и продает разные красивые шелка. Понравились они пастуху, и стал он их выбирать, а когда начал расплачиваться, денег у него не хватило.

— Остальные деньги отдам тебе дома, — сказал пастух и повел безбородого к себе домой.

Безбородый очень удивился тому, что у пастуха в женах оказалась пери, и побежал сообщить об этом падишаху. Увидел падишах пери и задумал пастуха убить, а пери взять себе. Тогда безбородый ему сказал:

— Нет, падишах, ты его так просто не убивай. Не гоже это для чести падишаха. Лучше возьми его к себе на службу, а потом отправь в такое место, откуда ему не возвратиться. Пастух погибнет там, а ты заберешь его пери.

Потолковав с падишахом, безбородый отправился в дом пастуха и принялся его уговаривать:

— Иди-ка ты служить падишаху: жалованье у тебя будет большое, одежда — даровая, уважать все тебя станут!

Коротко говоря, поступил пастух на службу к падишаху. Вот служит он уже сколько-то дней. И вот падишах, посоветовавшись с безбородым, приказывает пастуху достать молока от черной кобылицы. Сильно опечалился пастух и побрел домой. Встретила его пери и спросила, что с ним. Рассказал пастух ей о том, какое дело поручил ему падишах.

— Ну, это все устроил твой безбородый «друг», который притащился вслед за тобой, — сказала пери. — Пока он жив, много еще у тебя будет таких поручений. Ступай попроси у падишаха десять дней срока, да выпроси пегого коня.

Наутро встал пастух, отправился к падишаху и попросил сорок дней срока и пегого коня. Падишах ему сказал:

— Ладно, если пегий конь нужен тебе, чтобы справиться с делом, бери его, а сроку тебе даю восемьдесят дней.

Пошел пастух и стал ловить в табуне пегого коня. А когда поймал его, увидел, что конь этот такой тощий, что вот-вот издохнет. Даже с земли подняться не может. Поднял пастух коня и сорок дней его выхаживал: с одной стороны сыпал перед конем овес, а с другой — пшено. День ото дня пегий конь жирел и становился сильнее. На сороковой день пегий конь сказал пастуху:

— Зачем ты так заботливо выхаживаешь меня?

— Чтобы верхом на тебе отправиться за молоком черной кобылицы, — отвечал пастух.

— Эх, — сказал конь, — если бы я узнал это раньше, убежал бы я от тебя. Я ведь и отощал так от страха перед черной кобылицей, а теперь и подавно не знаю, как мне быть. Но раз уж ты меня выхаживал и холил, будь что будет — попытаюсь я исполнить порученное тебе дело. Добудь только сорок аршин бязи и сорок воловьих шкур.

Раздобыл пастух все, что потребовал пегий конь. Сначала он надел на коня одну за другой воловьих шкуры, а потом крепко обмотал его бязью. После этого сел пастух на пегого коня верхом, а тот вдруг взлетел в воздух. Пастух очень изумился.

Вот летит пегий конь среди облаков и наконец опускается у подножия горы. Спрятал пегий конь пастуха в пещере, завалил его мельничным жерновом и велел пастуху наблюдать сквозь щелку.

— Если победит черная кобылица, ты погибнешь, если же одолею я, мы доставим кобылицу падишаху.

Сказав это, пегий конь вышел в поле и заржал так громко, что задрожали горы. В ответ ему заржала черная кобылица, да так, что с неба начал падать град. Сшиблись они и взлетели в небо. Каждый раз как куснет черная кобылица, она срывает с пегого коня воловью шкуру. И каждый раз как куснет пегий конь, он отхватывает кусок мяса. Так сшибались они сорок раз, и оказалось, что пегий конь сильнее. Одолею он черную кобылицу.

Привел пастух черную кобылицу к падишаху и сказал:

— Вот, падишах, я привел тебе кобылицу, можешь подоить ее и попить кумысу.

После этого падишах снова посоветовался с безбородым,

и решили они отправить пастуха за цветами, что выпадают из рта пери Гюлькахкас*.

Сильно опечаленный пришел пастух домой. Встретила его пери-жена и спросила:

— Почему ты такой бледный, здоров ли ты?

— Я-то здоров, — отвечал пастух, — да вот падишах снова поручил мне трудное дело.

— Что же это за дело? — спросила пери. — Видно, пока жив этот безбородый, таким делам и конца не будет!

Рассказал пастух о том, что ему приказано добыть цветы, которые выпадают из рта пери Гюлькахкас. Тогда пери-жена ему и говорит:

— Все это падишах сделал по наущению безбородого. Но с помощью пегого коня ты сумеешь выполнить и это поручение.

Пошел пастух к пегому коню и рассказал ему о приказе падишаха.

— Садись на меня верхом! — приказал пегий конь.

Сел пастух на пегого коня и отправился в путь. Через несколько переходов добрались они наконец до сада этой пери. Тут пегий конь и говорит:

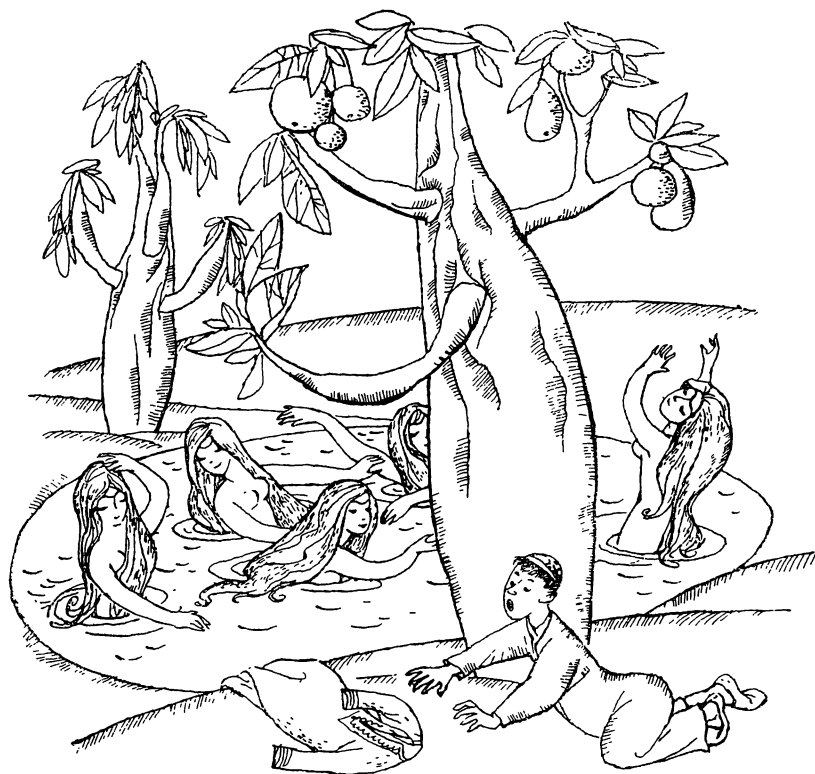
— Вон там виднеется черная юрта. В ней живет старуха дэв. Если ты ей понравишься, да попросишь ее, она может тебе помочь. Я буду пастись на этом поле и ждать тебя три дня. Если через три дня ты не придешь, я буду знать, что тебя нет в живых, и вернусь обратно.

Пастух расстался с пегим конем, пошел к старухе дэву и поздоровался с ней. Старуха ему говорит:

— Если бы ты не приветствовал меня, я бы тебя тотчас проглотила. В эти края кулан забежит — копыт лишится, птица залетит — крыльев лишится, ты-то зачем пожаловал? Отвечай немедленно!

Рассказал все пастух старухе и попросил ее о помощи. Тогда старуха ему сказала:

— Иди вон в тот сад, что виден отсюда. Посреди сада увидишь пруд. Спрячься в цветах на его берегу. Вскоре прилетит стая голубей, и обернутся они пери. Все сложат одежду в одном месте и станут купаться, только одна из них положит свое платье в другом месте, отдельно. Это и есть пери Гюлькахкас. Как только пери начнут нырять, ты хватай одежду пери Гюлькахкас и беги не оглядываясь.

Пастух все сделал так, как советовала ему старуха. Вот он уже схватил одежду пери Гюлькахкас и бросился бежать, но тут Гюлькахкас крикнула вслед юноше:

— Оставь мое платье, и я исполню все, что пожелаешь!

Пастух от неожиданности оглянулся и тут же превратился в камень. Наутро старуха узнала об этом и с помощью волшебных заклинаний снова превратила камень в человека.

— Больше не оглядывайся, бери одежду и убегай, — сказала она пастуху.

Вот второй раз пастух притаился в цветах на берегу пруда. Появилась пери, сняла платье, собираясь купаться, а пастух схватил его и бросился бежать что есть силы. Принес пастух платье пери старухе.

Колдовство старухи оказалось сильнее колдовства пери Гюлькахкас. Посадил пастух пери Гюлькахкас на пегого коня и поехал домой.

Жена пастуха встретила их с радостью. Потом она спрятала пастуха и пегого коня, двор чисто подмела метелкой и легла спать. На рассвете к пери Гюлькахкас прилетели ее подруги и завели с ней веселую беседу. Как только пери Гюлькахкас рассмеется, изо рта красавицы падают цветы и рассыпаются по ее подолу. А пери — жена пастуха — тут же собирает эти цветы в хурджин. Когда совсем рассвело, беседа кончилась и подруги пери Гюлькахкас улетели. Жена пастуха отдала мужу хурджин с цветами. А пастух унес его и положил перед падишахом.

Посоветовались падишах и безбородый снова и на этот раз задумали послать пастуха за письмом к родителям падишаха, которые давно умерли, чтобы пастух принес вести с того света. Сильно опечалившись, пошел пастух домой и все думал: «У меня в доме две пери, неужели они не спасут меня своей хитростью?»

Пери тотчас же разузнали, в чем дело, и дали пастуху такой совет:

— Пусть падишах велит доставить к озеру сорок верблюдов дров и сорок ведер нефти. Ты взберись на эти дрова и подожги их, а мы прилетим и незаметно среди дыма унесем тебя.

Вот пастух отправился к падишаху и попросил его доставить сорок верблюдов дров и сорок ведер нефти. Потом он влез на дрова и велел их зажечь. Падишах зажег огонь. Тогда в дыму появились пери и, подхватив пастуха, унесли его домой. Потом пери взяли большую тетрадь, заполнили ее письменами, разорвали на кусочки и набили ими карманы и рукава одежды пастуха. На семнадцатую ночь они закопали пастуха в золу сгоревшего костра. А на восемнадцатую ночь слуги падишаха разгребли золу, чтобы посмотреть, не вернулся ли пастух, и обнаружили его. После этого пастух пришел к падишаху и сказал:

— Государь, я вместе с дымом добрался до того света. И повстречался мне там старик. Стал я выпрашивать у него новости того света. Старик мне рассказал многое, а потом он написал письмо и сунул мне в карман. Вот, возьмите и читайте сами. Ваши родители передали вам привет.

Все придворные падишаха, которые прочитали это письмо, удивились: «Гляди-ка!» А назавтра сам падишах и все его придворные захотели отправиться посмотреть на тот свет. «Если пастух побывал там за восемнадцать дней, мы обернемся за девять», — сказали они и притащили восемьдесят верблюдов дров и восемьдесят ведер нефти. Нефть вылили на дрова, а потом туда забрались падишах, его везиры и векили и все придворные беки. Влез туда и безбородый. Когда дрова подождли, некоторые хотели было прыгнуть на землю и убежать.

— Если хотите повидать тот свет, не прыгайте! — закричали смотревшие на них люди и стали толкать их обратно. А когда дрова хорошенько разгорелись, у падишаха, его везиров и векилей начали трескаться головы. А все, кто слышал этот треск, посмеивались и говорили:

— Вот они и достигли, видать, того света.

Брагам — гибель, а людям — радость, поэтому сделали люди пастуха падишахом. И стал пастух шахом.

20. Караджа-батыр

Было ли не было, в давние времена жил один падишах. И было у него трое сыновей, а у каждого сына — по кобылице. Однажды падишах сказал старшему сыну:

— Сынок, сегодня твоя кобыла должна ожеребиться, пойди туда.

Пошел старший сын и увидел, что кобыла вот-вот родит. Вскоре кобыла ожеребилась, и родился у нее гнедой жеребенок, очень красивый. Не успел он появиться на свет, как сразу стал прыгать туда-сюда через свою мать.

Пока юноша стоял и радовался, с неба вдруг полилось что-то вроде дождя, зашумело и унесло жеребенка ввысь. Не зная, что ему делать, пришел юноша к отцу и рассказал обо всем. Отец ему отвечал:

— Сын мой, должно быть, ты в чем-то провинился.

В другой раз падишах сказал среднему сыну:

— Иди, сынок, сегодня твоя кобыла должна ожеребиться.

Пошел средний сын. Пришел он и видит, что его кобы-

лица пасется. В скором времени принесла она вороного жеребенка, и был он намного красивее жеребенка старшего брата. Вдруг с неба что-то налетело, полилось, как дождь, зашумело и унесло ввысь также и этого жеребенка. Юноша только поглядел ему вслед. Не зная что делать, пришел он к отцу и рассказал, что все было так-то и так. Отец разгневался и закричал:

— Видно, хороших дел ты натворил! Убирайся!

Затем он сказал младшему сыну, чтобы испытать и его:

— Сын мой, ты юноша добрый, надеюсь, что ты не окажешься таким, как твои старшие братья. Сегодня чалая кобыла должна ожеребиться, пойди и забери своего жеребенка.

Взял юноша лук и стрелы и отправился. Пришел он, а чалая кобыла пасется в траве. Чтобы не испугать ее, он забрался в пещеру и притаился там, держа лук и стрелы наготове. В скором времени кобыла окружилась и легла. Родился у нее чалый жеребенок, и был он без изъяна. Юноша накинул на шею жеребенка аркан и стал радоваться, как вдруг с неба что-то налетело. Юноша выстрелил из лука. Стрела пронзила кисть руки дэва и вместе с ней вернулась назад. Взял юноша эту кисть и прибежал к отцу:

— Отец, вот что я совершил! — сказал он и отдал отцу кисть дэва.

Взял падишах эту кисть и сказал, обрадовав юношу:

— Сын мой, из тебя что-нибудь да выйдет! А пока иди играй, ты свободен.

С той поры прошло время, юноша повзрослел. Ему исполнилось двадцать лет, и однажды он сказал своим братьям:

— О глупые мои братья, вот мы, три сына падишаха, дали дэву унести наших жеребят, каждый из которых стоил девушки, и при этом спим спокойно! Давайте что-нибудь предпримем. Я пойду скажу отцу, и, если он согласится, давайте отправимся искать этих коней.

После этого юноша пришел к отцу и сказал ему:

— Отец, когда я был маленьким, случилось так, что дэв унес наших жеребят, цена которым равна цене золота. Я тогда был еще мал и не знал себя. Теперь я хочу отправиться на поиски этих коней.

Падишах дал сыну разрешение и сказал:

— Сын мой, ты хочешь идти вместе со своими братьями? Я не верю, что твои братья сумеют рассчитаться с дэвом.

Одна у меня надежда — на тебя. Ступай, сынок! Идите, и пусть вам поможет в вашем деле бог!

Когда падишах увидел, как юноши один за другим трогаются в путь, он очень опечалился.

Тем временем юноши прошли путь в несколько переходов и приблизились к горе. А возле горы было три дороги. По одной пойдешь — то придешь, по другой пойдешь — не придешь, а по третьей пойдешь — неизвестно, придешь или не придешь. Так было написано на большом камне, который стоял на перекрестке трех дорог. Младший юноша немного знал грамоту. Прочитал он все и сказал, обращаясь к братьям:

— Вот, братья, три дороги. По одной пойдешь — придешь, по другой пойдешь — не придешь, а по третьей пойдешь — неизвестно, придешь или нет. Выбирайте, кому какая дорога нравится, а я довольствуюсь той, которая останется. Поглядим, что с нами случится на наших дорогах.

Старший брат сказал:

— Я пойду по той дороге, по которой, если пойдешь, то придешь.

Средний брат сказал:

— Я пойду по той, где неизвестно, придешь или не придешь.

А младший брат подумал немного и сказал:

— Ладно, братья, пусть каждый из вас ищет удачи на выбранном им пути. Я же должен идти дорогой, по которой нет возврата. Прежде чем я отправлюсь, я хочу договориться с вами об одном, затем же — в путь! Первый из вас, кто пройдет по своей дороге и вернется к этой горе, пусть отметит на камне время. Тогда будет видно, кто пришел первым.

Три брата распрощались, и каждый из них отправился своим путем.

Младший брат некоторое время шел среди гор и вдруг видит: стоит в густых зарослях дом, а у входа в него камень, и такой огромный, словно кусок горы. Помолился юноша богу и пошел ко входу. Подойдя, он остановился, произнес: «О святые!» — поднял тот камень и отбросил его в сторону. После этого вошел юноша внутрь дома и увидел там котел с сорока ушками, самовар в сорок чайников и сорок чайников и чашек. Открыл он следующую дверь, а там — несколько баранов, несколько кувшинов масла и несколько батманов риса. Юноша закрыл эту дверь, открыл другую и увидел, что

там лежат двадцать пять человек, связанных по рукам и ногам. Люди эти увидели юношу и закричали ему:

— Эй, парень, зачем ты сюда пришел? Здесь такое место, что если птица залетит — крыльев лишится, кулан забежит — копыт лишится.

Юноша рассердился и отвечал:

— Не кричите так, приятели, а лучше скажите мне, когда должен вернуться дэв? Когда он обычно появляется и по каким признакам можно это узнать?

Тогда те люди сказали:

— Когда дэв поворачивает назад, небо покрывается тучами и дует ветер. Когда ему остается день пути сюда, шумят вершины деревьев, когда же дэв сюда доходит, дрожит земля, деревья трещат и ломаются.

— Ладно, — ответил юноша, поставил на огонь котел и вскипятил самовар в сорок чайников.

Попил юноша чаю и поел. Вдруг глядит — налетели тучи, вершины деревьев зашумели, закачались. Через некоторое время деревья затрещали, стали ломаться, задрожала земля и загрохотали камни. Юноша испугался, но не подал вида, взял себя в руки и остался сидеть на месте, продолжая есть.

Теперь послушайте про дэва. Дэв пришел и понял, что в его дом попал чужой человек. Испугался дэв: «Как бы этот человек не оказался очень сильным, ведь я не знаю его». От страха он готов был убежать. Забрался дэв на гору, сел и закричал юноше:

— Эй, парень, выйди, я погляжу на тебя!

А юноша, не обращая на него внимания, продолжал спокойно есть. Дэв, не зная, как быть, подошел наконец к тому камню, что был у входа, и уселся на него. Смотрит дэв, а юноша сидит и ест. Стал дэв задавать юноше вопросы, но тот ему ничего не отвечал. Тогда дэв притащил одного из тех людей и на глазах у юноши разорвал его пополам. Но и тут юноша не перестал есть, только отшвырнул в сторону тело разорванного человека.

Через некоторое время юноша перестал есть, взял лук и стрелы и собрался выходить. Дэв вскочил и убежал к горе, а юноша подошел к выходу и сказал:

— Не бойся, дэв-ага, подойди ко мне.

Но дэв от страха не решался. Скорчившись и весь дрожа, он сказал:

— О юноша, если ты не поклянешься именем святого, я не подойду к тебе.

Тогда юноша сказал:

— Подойди, ага, я не причиню тебе вреда. Давай помеемся силами: забросим этот камень в небо.

Дэв подошел и сказал:

— Бросай ты, а я погляжу.

Юноша бросил камень вверх, поймал его одной рукой и положил на землю. Потом бросил дэв. Камень упал вниз, попал дэву в голову и разmozжил ее. После этого освободил юноша связанных людей, поделил между ними все добро дэва и отпустил их. А сам отправился на поиски жеребят.

Шел он, шел и взобрался на гору. Поглядел — виднеется свет. Пошел юноша на этот свет. А это был дом того дэва, который унес жеребят. Подошел юноша поближе и видит: в доме сидят три пери. Назвать бы их луной — да есть у них рот, назвать бы солнцем — да глаза у них есть.

— О пери, как вы попали сюда? — спросил юноша.

— Мы дочери падишаха, — отвечали пери. — Однажды с неба на нас что-то полилось, вроде дождя, и унесло нас.

— Скажите, пери, — продолжал спрашивать юноша, — а какие у дэва кони?

— Да ведь их три брата, — отвечали пери. — У старшего — конь гнедой, у среднего — вороной, а у младшего — чалый.

— А когда эти дэвы возвращаются? — спросил юноша.

— Старший дэв возвращается вскоре после полудня, средний — немного позднее, а младший — на закате, — отвечали пери.

Юноша попил чаю, поел лепешки, насытился и как раз после полудня отправился к реке. А на реке был только один мост. Кроме него других мостов не было. Юноша взял в руки лук и стрелы и засел в яме у моста. Наступил тот послеполуденный час, когда появлялся старший дэв. Только дэв хотел переехать через мост, как его конь заржал, захрапел и попятился, его борзая завyla и бросилась под ноги коню, его сокол забил крыльями и взвился в небо, готовый улететь. Тогда дэв воскликнул:

— Борзая моя, что ты воешь? Уж не почуяла ли ты Караджа-батыра? Конь мой, что ты ржешь? Уж не почуял ли ты Караджа-батыра? Сокол мой, что ты бьешь крыльями? Уж не почуял ли ты Караджа-батыра?

Караджа-батыр вышел и сказал:

— Если тебе угодно, вот я!

— Стреляться или бороться?

— Пусть твой отец стреляется, а по мне — так бороться!

В скором времени Караджа-батыр повалил дэва, отрубил ему голову кинжалом и бросил в реку. Потом увел он коня дэва и привязал к колу, а сам снова вернулся к реке и притаился. Спустя немного времени приехал средний дэв. Конь его тоже заржал и попятился, борзая его тоже завывала и бросилась коню под ноги, сокол тоже забил крыльями и не устоял на руке дэва.

— Конь мой, что ты ржешь? Уж не почуял ли ты Караджа-батыра? Сокол мой, что ты бьешь крыльями? Уж не почуял ли ты Караджа-батыра? Борзая моя, что ты воешь? Уж не почуяла ли ты Караджа-батыра? — стал спрашивать дэв.

Тут Караджа-батыр и сказал, выпрямляясь во весь рост:

— Если тебе угодно, то Караджа-батыр здесь!

— Стреляться или бороться? — спросил дэв.

— Пусть твой отец стреляется, а ты борись! — отвечал Караджа-батыр.

И стали они бороться. Караджа-батыр и этого дэва повалил, придавил, отрубил ему голову и бросил в реку, а коня дэва увел. Привязал он коня к колу и пришел к пери.

— Ну, пери, — сказал Караджа-батыр, — приближается время, когда должен возвратиться младший дэв. Этот дэв сильнее меня. Я сейчас уйду, а вам поручаю вот что: если я задержусь, принесите две катламы, немного маша и немного проса. Дэв скажет: «Дайте мне катламу», а вы скажите: «На!» — и суньте катламу в рот мне. Дэв опять скажет: «Высыпьте ему под ноги просо, а мне под ноги маш», — но вы его не слушайте, а высыпьте просо под ноги дэву, а маш — под ноги мне.

После этого Караджа-батыр пошел и засел на прежнем месте. Вскоре появился дэв и стал, приближаясь, ругать своих братьев:

— Эй вы, собачьи дети, почему вы привязали своих коней на месте моего коня! — кричал он.

Когда дэв подъехал к берегу реки, конь его стал ржать и рваться, борзая завывала и бросилась под ноги коню, сокол забил крыльями, готовый взлететь. Тогда дэв грозно спросил:

— Конь мой, что ты ржешь? Уж не почуял ли ты Караджа-батыра? Сокол мой, что ты бьешь крыльями? Уж не почуял ли ты Караджа-батыра? Борзая моя, что ты не стоишь на месте? Уж не почуяла ли ты Караджа-батыра?

Тут Караджа-батыр сказал, появляясь:

— Если тебе угодно, подойди сюда, ага.

— Стреляться или бороться?

— Пусть твой отец стреляется, давай бороться!

Начали они в тот день после полудня биться и до вечера следующего дня все не могли одолеть друг друга. Увидев, что они так запаздывают, пришли пери.

— Эй, пери, я проголодался, положите мне в рот катламу! — закричал дэв.

Пери сказали: «На!» — и сунули катламу в рот Караджа-батыру.

Дэв снова сказал:

— Высыпьте ему под ноги просо, а мне под ноги — маш.

Но пери высыпали под ноги Караджа-батыру не просо, а маш, а под ноги дэву они высыпали просо. Дэв поскользнулся, и его колено коснулось земли. Тут Караджа-батыр опрокинул дэва и прижал его, потом отрубил ему голову и бросил в реку.

Потом Караджа-батыр вернулся, поел-попил вместе с пери, отдохнул и сказал:

— Ну, пери, что вы теперь собираетесь делать? Отправитесь к себе на родину или поедете со мной?

Пери отвечали:

— Если мы поедем одни, то не сумеем найти родительский дом. Поэтому мы поедем с тобой.

После этого юноша взял с собой коней и пери и тронулся в путь. Прибыл он к тому месту, о котором условился с братьями, и встретил их там. Каждый из братьев взял себе в жены пери, и все поехали дальше. Взобрались они на гору и огляделись вокруг. Смотрят — в стороне виднеется юрта. Подъехали они к той юрте и решили в ней заночевать. Караджа-батыр и говорит своим братьям:

— Вы ложитесь в юрте, а я лягу у двери.

— Нет, мы ляжем у двери, а ты ложись в юрте, — отвечали братья.

И они заставили Караджа-батыра лечь в юрте. Ночью, лежа у двери, братья стали совещаться:

— Как мы теперь в нашем положении явимся к отцу? Что делать — убить Караджа-батыра или бросить его здесь одного?

Наконец решили они бросить Караджа-батыра одного и стали договариваться:

— Привяжем к двери алмазную саблю *, а потом нарочно крикнем: «Враг идет!» Караджа-батыр кинется к двери, а тут алмазная сабля отсечет ему обе ноги. Тогда мы его и бросим одного.

Привязали братья к порогу алмазную саблю и громко закричали:

— Беда, Караджа-батыр, вставай! Враги напали!

Караджа-батыр вскочил, кинулся к двери, и тут алмазная сабля отсекла ему ноги.

Наутро собрались братья уходить без Караджа-батыра. Тот стал умолять их не бросать его, но ни один из братьев не стал и слушать. Так братья и ушли своей дорогой. А Караджа-батыр подозревал свою жену и сказал ей:

— Возьми моего коня и ступай вслед за братьями. Я же останусь здесь. Мои стрелы отдай тому, кто сумеет ими стрелять, а мой лук — тому, кто сможет его натянуть.

Тем временем братья вернулись к себе на родину, приветствовали отца и устроили праздничный пир.

Теперь послушайте новости про Караджа-батыра. Оставшись без ног, Караджа-батыр после отъезда братьев каждый день выползал из юрты и осматривался кругом. Однажды выполз он наружу и вдруг увидел какого-то человека. Тот гнался за кейиком, но не поймал его и неожиданно остановился.

Караджа-батыр крикнул:

— Эй, человек, что ты делаешь? Подойди-ка ко мне!

Тот подошел. Караджа-батыр спросил его:

— Чем это ты занимаешься?

— Меня называют Амет-слухач, — отвечал тот. — Нас было трое братьев. И вот братья отрубили мне руки и бросили меня одного. Поэтому, когда я догоняю кейиков, мне нечем их схватить. Тут я и останавливаюсь.

Тогда Караджа-батыр рассказал ему все, что с ним произошло, и они побратались. В один из дней сидели они возле юрты, как вдруг перед ними появился человек, который гнался за кейиком. Человек догонял кейика и шарил вокруг

рукой. Окликнули они человека, тот подошел, и они спросили:

— Почему когда ты догнал кейика, то остановился и стал шарить руками?

— Меня называют Быстроногий Вели,— отвечал человек.— Я — один из трех братьев. Как-то раз братья завели меня в степь и выкололи мне глаза. Теперь, когда я гонюсь за кейиками и догоняю их, я стараюсь нащупать, где они, но не могу и поэтому останавливаюсь.

После этого они все трое побратались и в один из дней отправились на охоту. Взобрались они на гору и остановились там. С Караджа-батыром была его борзая. Эта борзая ловила сусликов, мышей и тому подобных тварей. Стали они укладываться спать. Тут Караджа-батыр и говорит:

— А ну-ка, Амет-слухач, послушай, о чем говорят, каковы новости?

Амет-слухач послушал и отвечал:

— Вон в том селении есть котел уже готового плова, да еще варится котел мяса.

Отправились они туда, подошли к селению и стали советовать: «Видно, в этом селении берут невесту. Давайте-ка мы украдем эту невесту и убежим». Вошли они в селение, набили себе животы едой, а когда невесту посадили в кеджебе, они ее оттуда выкрали. Потом все забрались на спину Быстроногому Вели, и тот помчался. За ними следом погналось множество всадников, но никто не смог их догнать. Привезли они невесту к себе и отдали в жены одному из них.

Однажды, уходя на охоту, они сказали девушке:

— Приготовь к нашему возвращению плов.

И вот, когда молодуха готовила плов, появился старичок ростом с вершок, борода — в два вершка, и сказал:

— Мой караван проходит мимо, а я проголодался, дай-ка мне один кепгир плова.

Молодуха шмякнула ему один кепгир плова, но он не насытился и попросил:

— Дай еще.

Та не захотела больше давать, тогда старичок вырвал из бороды один волос, связал им молодуху, съел весь плов и ушел. А молодуха побарахталась и освободилась. Погоревала она и снова принялась готовить плов, но только собралась класть рис, как вернулись охотники.

— Ты почему не приготовила плов вовремя? — спросили они.

А молодуха отвечала:

— Да вот засиделась и забыла.

На другой день собрались они снова на охоту. На этот раз оставили с молодухой Амет-слухача, чтобы тот помог ей. И снова пришел старичок ростом с вершок, борода — в два вершка.

— Мой караван проходит мимо, дай-ка мне кепгир плова, — сказал он.

Съел старичок плов и попросил:

— Дай еще!

Молодуха и Амет-слухач не захотели дать. Тогда старичок вырвал с головы один волос, связал обоих, съел всю еду и ушел. Когда молодуха и Амет-слухач освободились, они принялись заново сыпать рис в котел. Как раз в это время вернулись охотники и спросили:

— Что это вы делаете? Опять не приготовили еду?

— Мы тут вдвоем заболтались и заснули, — отвечали те.

В один из дней все снова собрались на охоту. На этот раз с молодухой остался Быстроногий Вели. Как и прежде, пришел старичок, сам ростом с вершок, борода — в два вершка, связал их, съел еду и ушел. И снова к приходу охотников еда не была готова. Тогда Караджа-батыр сказал, рассердившись:

— Видно, от вас толку не будет. Почему не готова еда?

И вот Караджа-батыр отправил других на охоту и остался с молодухой сам. Снова пришел старичок ростом с вершок, борода — в два вершка.

— Эй, молодуха, шмякни-ка мне кепгир плова: мой караван проходит мимо, а я проголодался, — сказал он.

Молодуха дала ему плова. А перед тем как тот старичок пришел, Караджа-батыр залез на ступу, чтобы казаться выше.

Вот старичок снова и говорит:

— Молодуха, дай еще плова, а не то свяжу!

А Караджа-батыр отвечает:

— Еще кто кого свяжет!

Взял Караджа-батыр лук и стрелы, прицелился в старичка ростом с вершок, борода — в два вершка, а тот как закричит:

— Джан-ага, не убивай!

Поднял он руки и подошел к Караджа-батыру. Караджа-батыр связал старичка по рукам и ногам и положил в стонке.

Спустя некоторое время пришли охотники. Смотрят — еда готова, можно садиться есть. Когда поели, Караджа-батыр и говорит:

— Эй ты, ростом с вершок, борода — в два вершка, если ты не покажешь нам силу своей бороды, мы убьем тебя!

Тогда длиннобородый сказал:

— Я все могу сделать.

И Караджа-батыр приказал:

— Дай глаза слепому, дай руки безрукому, дай ноги безногому!

После этого старичок ростом с вершок, борода в два вершка каждого из них поодиночке проглотил и изверг. Стали они здоровыми людьми. Затем все распрощались и каждый пошел своим путем.

Караджа-батыр шел, шел — и пришел к дому одного дэва.

— Откуда ты и куда идешь, чем занимаешься? — спросил дэв.

И Караджа-батыр рассказал все, что с ним произошло. Дэв подружился с ним. Пришли они к большой реке, дэв перенес Караджа-батыра на спине через реку и показал ему дорогу. Дал он Караджа-батыру клочок седой бороды и сказал:

— Как только с тобой что-нибудь случится, станет тебе туго, зажги эти волоски.

После этого Караджа-батыр отправился в страну своего отца. Там он остановился в доме одной старухи и спросил у нее:

— О чем примечательном говорят люди?

И старуха рассказала:

— У нашего падишаха было три сына, и у каждого из них было по жеребенку, но жеребят этих утащил дэв. Сыновья падишаха отправились их искать. И вот один из трех юношей умер, а два других убили дэва и вернулись с их пери и со своими жеребятами. Теперь падишах на радостях устраивает пир.

Тогда Караджа-батыр прицепил себе седую бороду и отправился в облике старика на пир падишаха. Завел он с падишахом беседу, и падишах подробно рассказал все, что про-

изошло: что один сын у него умер, а два других — вернулись. В тот день возвратился Караджа-батыр в дом старухи и лег спать, а на следующий — снова пошел к падишаху. Сидел он в доме падишаха и вдруг увидел свою пери. И хотя он ее узнал, но не признался, что это он. Затем он спросил у пери:

— Как ты попала в эти края, откуда ты и чья ты жена?

Пери все подробно рассказала Караджа-батыру.

— Моего мужа зовут Караджа-батыр. Он остался без обеих ног в широкой степи, в месте, которое называется Мирзачуль, — сказала она.

— А хочешь ли ты выйти замуж? — спросил тогда Караджа-батыр.

— Мой муж поставил условие, и, если найдется человек, который его выполнит, я готова за него пойти, — отвечала пери.

— Какое же это условие? — спросил Караджа-батыр.

— Караджа-батыр сказал: «Дай мои стрелы тому, кто сумеет ими стрелять, а мой лук тому, кто сможет его натянуть». Но нет человека, которому бы это удалось, — сказала пери.

— А не попытаться ли мне? — сказал Караджа-батыр.

И пери отвечала:

— Твое время прошло, ты старше меня, борода твоя поседела, и я не дам тебе лук и стрелы!

Снова вернулся Караджа-батыр к старухе. А на следующее утро пришел к пери уже в облике молодого джигита. Он попросил лук и стрелы, а пери, увидав его, засомневалась: «Уж не Караджа-батыр ли это?» Принесла она ему лук и стрелы. Караджа-батыр прицелился и убил своего старшего брата. Потом он убил и среднего брата. Сбежались вокруг него люди, его отец, везиры и векили.

— Почему ты это сделал? Мы убьем тебя самого, — закричали они, хватая его.

Тогда Караджа-батыр рассказал отцу и всем людям все, что с ним случилось; рассказал о том, как братья его предали, и открылся, что он-то и есть Караджа-батыр.

Так Караджа-батыр убил своих братьев, получил свою пери, задал праздничный пир на сорок дней и ночей и достиг цели своего желания.

Я тоже побывал на этом пиру и ушел, завернув в полу

кость. Да по дороге на меня бросился щенок моего деда по матери. Я хотел швырнуть в него комком земли, да по ошибке кинул костью. Тут щенок и обглодал ее.

21. Две сестры

Было ли не было, в старые времена у одного человека было два сына и две дочери. Вот старший сын и говорит своей матери:

— Матушка, я хочу жениться. Созови сегодня всех девушек селения шить одеяло *. А я куплю на базаре кольцо, и кому из девушек оно подойдет, на той я и женюсь.

Созвала мать всех девушек селения и устроила шитье. А юноша пошел на базар покупать кольцо. Вскоре он вернулся с кольцом, дал его матери и сказал:

— Надевай это кольцо на палец всем девушкам, и какой оно придется впору, ту я и выберу в жены.

Мать примерила это кольцо на палец всем девушкам, но ни одной из них оно не подошло. Тогда она надела кольцо на палец своей старшей дочери, и оно оказалось ей впору. Позвала мать юношу и сказала:

— Сынок, кольцо, которое ты принес, не подошло ни одной девушке, но пришлось впору твоей сестре.

— Матушка, — отвечал юноша, — я решил твердо, что женюсь на той девушке, которой подойдет это кольцо. Теперь я должен жениться, хотя бы это и была моя сестра!

Услыхала это сестра юноши и сказала матери:

— Постой-ка, матушка, я ненадолго выйду и сейчас же вернусь.

Вышла девушка и убежала в степь. Шла она, шла — и добралась до зарослей камыша.

— Расступись, мой камыш, расступись, я хочу лечь среди тебя, — сказала девушка.

Камыш расступился, девушка вошла в глубь него и легла там. На следующий день мать девушки отыскала ее по следу, пришла к этому камышу и крикнула:

— Расступись, мой камыш, расступись, я хочу увидеть свою дочь!

Тогда девушка, что была в камышах, сказала:

— Не расступайся, мой камыш, не расступайся, прежде она была мне матерью, а теперь хочет стать моей свекровью.

И камыш не расступился. Заплакала мать и вернулась назад. На следующий день пришел отец девушки и сказал:

— Расступись, мой камыш, расступись, я хочу увидеть свою дочь.

Но девушка в камышах сказала:

— Не расступайся, мой камыш, не расступайся, прежде он был мне отцом, а теперь хочет стать моим свекром.

И камыш не расступился. Вернулся и отец обратно. Тогда пришел старший брат девушки и сказал:

— Расступись, мой камыш, расступись, я хочу увидеть свою сестру.

А девушка сказала:

— Не расступайся, мой камыш, не расступайся, прежде был он моим братом, а теперь хочет стать моим мужем.

Камыш не расступился, и юноша вернулся назад. На следующий день пришел младший брат девушки и сказал:

— Расступись, мой камыш, расступись, я хочу увидеть свою сестру.

Но девушка сказала:

— Не расступайся, мой камыш, не расступайся, прежде был он мне братом, а теперь хочет стать моим деверем.

И камыш не расступился. Ушел юноша обратно. Потом пришла младшая сестра девушки и сказала:

— Расступись, мой камыш, расступись, я хочу увидеть мою милую сестру.

Но девушка в камышах сказала:

— Не расступайся, мой камыш, не расступайся, прежде была она моей сестрой, а теперь хочет стать моей золовкой.

Камыш не расступился. Заплакала младшая сестра, но домой не пошла, а села возле камыша. Тогда девушка в камышах сжалась над ней и крикнула:

— Сестричка, пойдя принеси мне из дому мое зеркало и гребень так, чтобы никто об этом не узнал.

Пошла девушка домой и потихоньку от всех принесла старшей сестре зеркало и гребень. Тогда ее сестра вышла из камыша, и обе девушки пустились в путь. Шли они, шли — и дошли до речки. Младшая сестра захотела из этой речки напиться, но старшая не разрешила ей:

— Если выпьешь этой воды, то превратишься в шакала.

Перешли они речку и пошли дальше. Вдруг видят — течет другая речка. Младшая сестра опять захотела напиться, но старшая снова не дала ей:

— Если выпьешь этой воды, то превратишься в волка.

Они и эту речку перешли и отправились дальше. И вот снова перед ними большая река. Младшая сестра закричала:

— Ой, я хочу пить!

А старшая сказала:

— Если напьешься из этой реки, то превратишься в кейика.

Тогда младшая сестра потихоньку оставила на берегу реки свой кавуш. Вот прошли сестры несколько переходов, и младшая воскликнула:

— Ой, у меня один кавуш остался на берегу реки!

Тогда старшая сестра сказала:

— Ты постой здесь, а я принесу тебе кавуш. Если ты пойдешь сама, то обязательно напьешься из той реки.

— Когда есть младший, старший себя не утруждает, — возразила младшая сестра, — ты постой, а я принесу. Не бойся, я не стану пить из той реки.

Она возвратилась к реке, вволю напилась и тотчас превратилась в кейика. Нацепила она на свой рог кавуш и донесла сестру. Увидела ее старшая сестра и стала плакать.

— Почему ты плачешь? — спросила сестра-кейик. — Не печалься ни о чем! Хотя я и стала кейиком, но буду тебе спутницей и дальше. Пошли нашим путем!

И они отправились дальше. Шли они, шли — и увидели большую чинару. Старшая сестра влезла на эту чинару и устроилась там, а сестра-кейик стала пастись вокруг дерева.

Однажды к речке, которая протекала возле чинары, пришел поить своего коня сын одного бая. Вдруг конь его испугался воды. Посмотрел кругом сын бая и увидел, что на чинаре сидит девушка, а увидев эту девушку, юноша тотчас в нее влюбился. Пришел он к своей матери и сказал:

— Матушка, я полюбил одну девушку, ты непременно должна взять ее мне в жены.

— Дитя мое, где эта девушка? Как мне взять ее тебе в жены? — спросила тогда мать.

— Эта девушка сидит на верхушке чинары, и, чтобы выманить ее оттуда, сделай так. Возьми мои одежды и пойд

к чинаре. Там переверни котел вверх дном и выпачкай мои одежды сажей. Тогда девушка скажет: «Эй, старуха, зачем ты пачкаешь сажей белые одежды?» А ты отвечай ей: «Дитя мое, не подойдешь ли ты ко мне и не выстираешь ли эти одежды, а то я слепа, ничего не вижу». Девушка подойдет и примется стирать, а ты в это время и хватай ее.

Мать юноши взяла одежды сына, взяла с собой также котел и пошла к реке, что текла под чинарой. Она перевернула котел вверх дном и, делая вид, будто стирает, стала пачкать одежды сына сажей с котла. Девушка увидала это с верхушки чинары и спросила:

— Матушка, зачем ты пачкаешь одежды сажей?

Тогда старуха отвечала:

— Дитя мое, я ничего не вижу, подойди и постирай мне.

Девушка подошла и выстирала одежду.

— Дитя мое, — сказала тогда ей старуха, — пойдем ко мне домой, попьешь чаю, поешь лепешки.

— Не пойду, — отвечает девушка.

В конце концов старуха все-таки привела ее к себе домой. Когда они обе вошли в дом, старуха сказала:

— Дитя мое, вон в том углу стоит завязанный мешок, открой его, в нем кишмиш с горохом, возьми и поешь.

Подошла девушка и открыла мешок, а из мешка вылез сын старухи. Взял он девушку за руку и сказал:

— Ну, девушка, теперь ты обязательно должна выйти за меня замуж.

Девушка сначала не хотела за него идти, но юноша все-таки добился ее согласия.

— Послушай, юноша, — сказала девушка, — раз ты в самом деле хочешь на мне жениться, выполни мое условие. А если не исполнишь его, не пойду за тебя замуж.

— Какое бы ни было это условие, я его выполняю! — отвечал юноша.

Тогда девушка сказала:

— У меня есть сестра-кейик. Если ты не покроешь ее спину бархатом, не сделаешь ей стойло из золота, не будешь кормить ее кишмишом с горохом, то я за тебя не пойду.

Юноша согласился. Устроил он свадебный пир, взял девушку в жены и привел в дом ее сестру-кейика.

А в доме у этого байского сына была плешивая рабыня. Однажды она предложила молодой жене байского сына

пойти на реку понырять. Пришли они на берег, разделись, тут рабыня и говорит молодухе:

— Обвяжись вокруг пояса веревкой и прыгай в воду. Ты нырнешь и вынырнешь, а я буду держать тебя за веревку. А после тебя стану нырять я, а ты поддержишь веревку.

Молодуха обвязалась вокруг пояса веревкой и вошла в воду, а плешивая рабыня стала держать веревку. Когда молодуха дошла до глубокого места, рабыня перерезала веревку, и молодуху в тот же миг проглотила рыба. А рабыня надела платье молодухи и вернулась домой. Сын бая не узнал в ней плешивой рабыни и принял за свою молодую жену.

Как-то сын бая спросил рабыню:

— Почему у тебя лицо потемнело?

— Я недавно ходила на реку нырять, вот там и загорела, — отвечала рабыня.

Тогда сын бая спросил:

— Прежде твоя речь была красивой. Скажи, молодуха, почему ты теперь шепелявишь?

— Когда я недавно возвращалась с реки, ворона каркнула, а я каркнула ей в ответ. Ворона подлетела и отхватила мне кончик языка.

Тогда сын бая спросил:

— Скажи, молодуха, почему у тебя волосы на голове выпали и ты словно оплешивела?

— Недавно бегала тут лиса, надев на голову желудок, я увидела ее и тоже надела себе желудок. Вот голова у меня и оплешивела.

Так плешивая рабыня и не призналась, кто она такая, а сын бая не узнал ее. Он считал ее своей молодой женой и продолжал с ней жить.

Однажды рабыня сказала:

— Муженек, я хочу поесть мяса кейика. Убей для меня мою сестру-кейика.

Согласился муж, взял в руки нож и пошел убивать девушку-кейика, а та выскочила из дома и побежала к реке. Сын бая пошел за ней следом и увидел, что она стоит на берегу реки. Он спрятался неподалеку, а девушка-кейик, обратившись к реке, стала плакать:

— Золотое стойло обрушилось, бархатная попона порвалась, кишмиш с горохом рассыпался, а в горло мне вонзился нож!

Сестра ее в реке услышала это и закричала в ответ:

— Сама я — в пасти рыбы, мои волосы — на поверхности реки, ступай скажи сыну бая, чтобы он не вонзал тебе в горло нож!

А сын бая все слышал, и милым показался ему этот голос. Пошел он, собрал мужчин и женщин со всего селения, стали они работать день и ночь и отвели воды реки. Тогда поймали они рыбу, разрезали ей брюхо, и вышла оттуда молодуха с мальчиком.

Эта молодуха и была молодая жена сына бая, а мальчик был его ребенком. Привел сын бая свою молодую жену в селение, устроил пир на сорок дней и ночей и снова стал с ней жить. Сестра-кейик запрыгала от радости и приняла свой прежний облик — превратилась в красивую девушку. А плешивую рабыню убили и привязали к хвостам сорока кобылиц.

Домчались эти кобылицы к дому отца рабыни. Снял отец рабыни со спин кобылиц хурджин и положил в доме. Его младший сын захотел открыть хурджин, а отец увидел это и убил юношу, говоря:

— Ты почему открываешь хурджин, не дождавшись, когда придет твоя мать?

Потом его старший сын захотел открыть хурджин, и отец его тоже убил. А когда он сам захотел открыть хурджин, то его жена увидела это и убила своего мужа, сказав:

— Ты почему открываешь хурджин, не дождавшись меня?

Так жена убила мужа, а муж убил сыновей. А когда после этого жена открыла хурджин, то увидела там голову своей мертвой дочери. Тогда заплакала она и осталась совсем одна.

22. Три сына падишаха

Было ли не было, в старые времена жил один великий падишах. Был он настолько могущественным, что всегда поступал так, как хотел. И было у падишаха три сына. Старшего звали Гулям, среднего — Вели, а младшего — Маммеджан. В один из дней падишах тяжело и опасно заболел. Вот как-то раз увидел он во сне птицу, что зовется сладко-голосый соловей. Птица эта пела. Услышав пение сладкого-

лосого соловья, падишах сразу проснулся. А проснувшись, позвал он к себе сыновей и сказал им:

— Сыновья мои, есть птица, которая зовется сладкоголосый соловей, и я хочу хоть раз услышать ее пение. Если я хоть раз услышу, как она поет, может быть, я поправлюсь.

— Хорошо, отец, я отправлюсь и добуду ее, — сказал старший сын падишаха Гулям.

И стал Гулям собираться в путь. Выбрал он одну из отцовских сабель, опоясался ею, взял все, что надо, и пустился в путь. Шел он, шел — и увидел большой двор, обнесенный высокой стеной. Стал Гулям думать, как же попасть во двор. «Неужели здесь нет никакого входа?» — сказал себе Гулям и стал обходить стену вокруг. И вот, обходя двор кругом, он увидел отверстие, через которое протекал ручей. Гулям тихонько, незаметно для всех пролез в это отверстие и оказался во дворе. Тут он услышал страшный храп. Напуганный храпом, Гулям вошел в дом и увидел, что там спит огромный белый дэв *. Он-то и храпит. Когда Гулям увидел дэва, он вздрогнул и испугался в пять раз сильнее прежнего. Со страху, не зная, куда бы спрятаться, Гулям залез под большой кожаный мешок, что лежал рядом с дэвом.

Через некоторое время дэв вздохнул и проснулся. Вдруг почувствовал он, что под ладонью у него что-то лежит. Дэв сжал кулак и увидел, что у него в руке — человек.

— Ну, человек, что ты здесь делаешь и зачем сюда пожаловал? — спросил дэв.

— Я пришел, чтобы убить тебя! — отвечал Гулям, хватаясь за саблю, а сам-то — в горсти у дэва. Ему и невдомек было, что он спрятался у дэва в ладони, которую принял за мешок. Услышал дэв ответ Гуляма, тотчас сжал сильно кулак, и у Гуляма глаза полезли на лоб. Но дэв есть его не стал, а отнес и бросил в колодец. Там Гулям и остался.

Ты спросишь, о ком речь теперь? Речь пойдет теперь о среднем брате.

— Отец, — сказал средний сын падишаха, — мой брат не вернулся, с ним, видно, что-то случилось. Я пойду за ним следом.

— Не нужно, сынок! — попросил падишах, — хватит и того, что ушел твой старший брат.

— Нельзя, отец, — возразил падишаху сын, — я должен пойти и добыть сладкоголосого соловья.

Стал собираться в путь средний сын падишаха, Вели. Повесил он у пояса саблю и отправился. Долго ли, коротко ли он шел, шел по пустыне — и дошел до того самого двора. Вели тоже не смог найти вход и стал обходить двор кругом. Он отыскал отверстие в стене, через которое протекал ручей, и пролез во двор. Тут Вели стал кричать:

— Эй, белый дэв! Эй, дэв! Что ты сделал с моим братом?

А белый дэв был туговат на ухо, поэтому он приставил к обоим ушам ладони и спросил:

— Эй, что ты там говоришь?

Тут Вели подумал: «Оказывается, он глухой. Подойду-ка я к нему как ни в чем не бывало да и ударю его по голове саблей». А дэв в это время был начеку и думал свое: «Пусть он только подойдет поближе». Вели приблизился к дэву, и в тот же миг дэв его прихлопнул. Взял дэв Вели и бросил его к старшему брату.

Ты спросишь, о ком речь теперь? Речь пойдет теперь о младшем сыне падишаха, Маммедджане.

Прошло некоторое время, но ни один из братьев не вернулся. Тогда Маммедджан сказал отцу:

— Отец, прошло уже много времени, но ни один из моих братьев не вернулся. Отправлюсь-ка теперь следом за ними и я.

— Нет, сынок, — сказал отец, — довольно и того, что оба твоих брата ушли. Ты не ходи.

Но Маммедджан, собираясь в путь, отвечал:

— Я должен пойти вслед за братьями, отец, и я добуду тебе сладкоголосого соловья.

У Маммедджана была алмазная сабля*, он опоясался ею, попрощался с отцом и пустился в дорогу. Коротко ли шел, долго ли шел Маммедджан, шел по пустыне — и дошел до того огромного двора, окруженного высокой стеной. «Нет ли здесь двери, куда бы можно было войти?» — подумал Маммедджан и обошел двор кругом. Но двери Маммедджан не нашел, а увидел только отверстие, через которое протекал ручей. Старшие братья пролезли сквозь это отверстие, а Маммедджан счел для себя постыдным здесь лазать. Он размотал длинный шерстяной кушак, которым был подпоясан, нашел большой камень, привязал его к одному концу кушака и забросил через стену во двор. Камень упал по ту сторону стены. Затем Маммедджан ухватился за другой конец ку-

шака, постепенно взобрался на стену и прыгнул во двор. Белый дэв увидел, каким образом Маммеджан попал в его владения, и сказал:

— Ну, входи, раз пришел!

А Маммеджан при виде белого дэва как крикнет:

— Эй, белый дэв, что ты сделал с моими братьями!

Белый дэв приставил к обоим ушам ладони, словно не слышит, и стал потихоньку приближаться к Маммеджану. А тот вдруг как трахнет тем самым камнем дэва по голове! И голова дэва разлетелась на куски. Дэв только охнул, свалился и издох. И в тот же миг откуда-то появилась пери.

— Кто ты, человек? — спросила пери. — Никому еще не удавалось победить белого дэва, как же ты смог?

Маммеджан увидел пери, и его охватило сильное смятение. Девушка эта попала в лапы к дэву и не знала, как от него избавиться. Вот она и говорит Маммеджану:

— Но ты еще не убил белого дэва.

— Почему же это я его не убил? — спросил Маммеджан.

— Потому что душа дэва находится в другом месте. Только добравшись до нее, ты убьешь белого дэва. Но душа его хранится в очень надежном месте, — объяснила девушка.

— Где же это место? — спросил Маммеджан.

И девушка рассказала:

— Есть один дом, а в доме спит дракон: правый глаз у него открыт, а левый закрыт — так дракон спит. Душа белого дэва находится в левом ухе дракона. Ты подкрадись тихонько и внезапно плесни в открытый правый глаз дракона пиалу воды. В тот миг как ты плеснешь водой, из левого уха дракона выпадет маленькая склянка, а ты будь наготове: как только склянка упадет на землю, тотчас схвати ее и разбей. В ней-то и заключена душа белого дэва. Ты не дай ей ускользнуть, поймай и убей. Тогда белый дэв умрет. А если ты не убьешь ее, белый дэв останется жив.

— Хорошо, — сказал Маммеджан, — раз так, то я это сделаю. — И он пошел к дому дракона.

Подошел Маммеджан к дракону и увидел, что тот спит именно так, как говорила девушка: правый глаз у него открыт, а левый закрыт. Маммеджан тихонько подкрался и плеснул пиалу воды в открытый правый глаз дракона. Дракон чихнул и фыркнул, и из его левого уха выпала склянка, и от

этого дракон тотчас проснулся. В тот же миг Маммеджан схватил склянку, но тут появился белый дэв и стал просить:

— Ах, Маммеджан, смилуйся, не убивай меня!

— Не убивай, Маммеджан! — стал просить и дракон, тридцать раз извиваясь у ног Маммеджана.

Но разъяренный Маммеджан швырнул склянку оземь, и как только она разбилась, дракон исчез, а белый дэв охнул и упал замертво. Так Маммеджан от них избавился.

Тогда девушка сказала:

— Теперь, Маммеджан, женись на мне.

— Нет, — отвечал Маммеджан, — я сейчас не могу взять тебя в жены.

— Зачем же ты пришел сюда, Маммеджан? — спросила девушка.

— Мой отец тяжело болен, — стал рассказывать Маммеджан. — Он сказал, что его сердце жаждет птицу, которая зовется сладкоголосый соловей. Если эта птица хоть раз споет ему, он станет поправляться и выздоровеет. Я и отправился, чтобы добыть птицу, которая зовется сладкоголосый соловей. И я ее добуду.

И тогда девушка сказала:

— Маммеджан, не утруждай себя таким делом. Птицу, что зовется сладкоголосый соловей, тебе не добыть. Это очень трудно. Белый дэв, которого ты убил, самый маленький, другие дэвы — гораздо больше, есть даже семиголовые, и они тебя не пропустят. Поэтому лучше женись на мне и оставайся тут.

— Нет, — отвечал Маммеджан, — я не останусь сейчас здесь, я пойду дальше, и либо сам погибну, либо добуду птицу, что зовется сладкоголосый соловей.

Когда девушка поняла, что Маммеджан не останется с ней и непременно уйдет, она кликнула дэва. Тот явился и сказал:

— Повинуюсь!

— За сколько времени ты сможешь перенести Маммеджана к другому дэву? — спросила девушка.

— Если позволите, то я перенесу его за время, нужное, чтобы тридцать раз вздохнуть, — отвечал дэв.

Девушка рассердилась:

— Прочь, не попадайся мне на глаза, ничтожный! — и она прогнала дэва.

Затем девушка кликнула второго дэва. Тот явился и сказал:

— Повинуюсь!

Девушка и его спросила:

— За сколько времени ты сможешь перенести Маммедджана к другому дэву?

И дэв отвечал:

— Если позволите, то я перенесу его за время, нужное, чтобы пятнадцать раз вздохнуть.

Девушка на этого дэва тоже рассердилась и прогнала его:

— Прочь, несчастный!

Затем она кликнула третьего — черного дэва. Тот явился и сказал:

— Повинуюсь!

Тогда девушка спросила его:

— За сколько времени ты сможешь перенести Маммедджана к другому дэву?

И черный дэв отвечал:

— Если позволите, то не успеет он закрыть и открыть глаза, как уже будет там.

Тогда девушка сказала черному дэву:

— Ну, отправляйся, отнеси Маммедджана к нужному ему дэву. Да только по дороге не вздумай ему что-нибудь говорить. А если в пути ты посмеешь его съесть или причинишь ему какой-нибудь иной вред, то я с тебя живого сдеру шкуру.

Если бы девушка этого не сказала, дэв по дороге мигом сожрал бы Маммедджана. Эти дэвы — людоеды.

Затем девушка написала письмо и дала его Маммедджану. Девушек этих было семь сестер, и все они попали в лапы к дэвам. Как спастись от дэвов, они не знали. А дэвов тоже было семь братьев. Один из них был одноголовый, другой — двухголовый, третий — трехголовый, четвертый — четырехголовый, пятый — пятиголовый, шестой — шестиголовый и седьмой — семиголовый. Маммедджан пока что убил только одноголового дэва. С ним он справился. Теперь он должен был отправиться к двухголовому дэву. Хотя Маммедджан по сравнению с этими дэвами и казался маленьким, был он очень сильным джигитом. Вот, значит, девушка написала и дала Маммедджану письмо к дэву-сторожу. И еще она написала письмо своей сестре, что жила у этого двухголового

дэва. Посадила девушка Маммедджана на черного дэва и отравила их. Из-за всех этих событий Маммедджан даже забыл о своих братьях. Едва он успел закрыть и открыть глаза, как черный дэв перенес его в нужное место. Подошел Маммедджан, а у входа во двор стоит сторож-дэв. Отдал ему Маммедджан письмо пери, и дэв пропустил его во двор. Вошел Маммедджан, отыскал сестру пери и отдал ей послание девушки. Она прочла письмо и стала расспрашивать Маммедджана:

— Ну, Маммедджан, кто ты, зачем и как сюда попал?

Тогда Маммедджан рассказал ей все, что с ним случилось.

— Ах, Маммедджан, — сказала девушка, — ведь это страшный дэв! Он двухголовый.

— Не беда, — отвечал Маммедджан, — ты только скажи, где его найти?

И тогда девушка сказала:

— Дэв ушел на охоту, и уже близится время, когда он обычно возвращается. Так что иди ему навстречу.

Маммедджан расспросил, с какой стороны и по какой дороге должен появиться дэв, и отправился ему навстречу. На той дороге был мост, под ним Маммедджан и спрятался. Вскоре поднялся ветер. Раздался топот. И вот показался всадник, вертя двумя головами. Конь его подошел к мосту, остановился, не желая переходить мост, и захрапел. Дэв начал бить и ругать коня:

— Ах ты, падаль, уж не решил ли ты, что где-то здесь Маммедджан?

А Маммедджан выскочил из-под моста и крикнул:

— Эй ты, тварь, Маммедджан — вот он!

Увидел его дэв, спешил и сказал:

— Ну, Маммедджан, стреляться или бороться?

— Стреляй в заднюю ногу своему отцу, а мы с тобой поборемся! — отвечал Маммедджан.

— Ты хочешь начинать первым или я начну? — спросил тогда дэв.

— Начинай ты, но у каждого из нас пусть будут только три попытки, а больше бороться не станем.

Дэв решил ухватить Маммедджана за пояс и ударить оземь. Подошел он к Маммедджану, схватил его за пояс, крикнул: «Хоп!» — и хотел было поднять, но не смог даже сдвинуть с места. «Ого, как это может быть?» — удивился

дэв. И снова он схватил и попытался поднять Маммедджана, и опять ему это не удалось.

— Что же это за человек! — воскликнул дэв. — Я непременно должен его побороть! — И он ударил Маммедджана кулаком по голове. Но и тут дэв лишь ушиб свой кулак, который стал сильно болеть.

Затем пришла очередь Маммедджана.

— Ну, друг Маммеджан, теперь твоя очередь, — сказал дэв.

Маммеджан схватил дэва за пояс, поднял его и ударил о землю. Дэв разбился насмерть.

— Ну, Маммеджан, что тебе удалось сделать? — спросила Маммедджана девушка.

— Я убил его, — отвечал Маммеджан.

Но девушка сказала:

— В одном месте есть кейик. Если глаза у него закрыты и он лежит, то не подходи к нему, а если глаза у него открыты и он жует жвачку, то подойди к нему тихонько и всыпь ему в ухо немного песка. Тут на землю упадет склянка. Тебе нужно взять ее и разбить.

Маммеджан отправился в путь. Подошел он и видит, что кейик жует жвачку и глядит, сверкая глазами. Вот стоит он так и смотрит на Маммедджана. Маммеджан испугался и вернулся обратно.

— Ну, почему ты вернулся? — спросила девушка.

— Но он не спит, он бодрствует: глаза открыты, жует жвачку и смотрит на меня, — ответил Маммеджан.

— Раз так, — сказала девушка, — значит, он сейчас спит. Подойди тихонько к нему.

Снова пошел Маммеджан, подкрался тихо-тихо, взял горсть песка и швырнул песок в ухо кейику. Из уха сразу выпала склянка, и как только она упала, кейик проснулся. Но Маммеджан уже успел схватить склянку. Кейик тридцать девять раз обежал вокруг Маммедджана, прося его не трогать склянку. А тут и дэв прибежал с криком:

— Пощади, Маммеджан, умоляю, не убивай меня!

Но Маммеджан швырнул склянку оземь, она разбилась вдребезги, и душа дэва, которая находилась внутри сосуда, отправилась на адский базар. Дэв только охнул и упал за смертью. А кейик, после того как разбилась склянка, исчез бесследно.

Тогда Маммеджан вернулся к девушке, а та, как только увидела его, спросила:

— Ну, Маммеджан, удалось тебе убить дэва?

— Конечно, я его убил, — отвечал Маммеджан.

Тогда девушка, которой тоже захотелось оставить у себя Маммеджана, сказала:

— Маммеджан, ты убил дэва и спас меня, неужели ты теперь меня бросишь и куда-то уйдешь?

Тут Маммеджан рассказал ей, кто он, за каким делом и как сюда попал.

— Я иду за птицей, что зовется сладкоголосый соловей, и я либо погибну, либо ее добуду! — сказал он.

А девушка снова стала просить его:

— Нет, Маммеджан, не уходи отсюда. Другие дэвы — страшнее этих двух.

Но Маммеджан ей отвечал:

— Нет, мне никак нельзя остаться. Я должен добыть птицу во что бы то ни стало.

И Маммеджан собрался уходить. Когда девушка поняла, что он непременно уйдет, она сказала:

— Ладно, я укажу тебе путь.

Позвала она одного из дэвов. Тот явился и сказал:

— Повинуюсь!

Девушка спросила:

— За сколько времени ты сможешь перенести его к другому дэву?

И дэв отвечал:

— Если позволите, я перенесу его за время, нужное, чтобы двадцать раз вздохнуть.

Девушка рассердилась.

— Прочь, ничтожный! — прогнала она дэва.

Потом она позвала другого дэва. Тот явился и сказал:

— Повинуюсь!

Девушка и его спросила:

— За сколько времени ты можешь перенести Маммеджана к другому дэву?

Дэв ответил:

— Если позволите, я перенесу его за время, нужное, чтобы десять раз вздохнуть.

Рассердилась девушка, выбрала его и прогнала. Затем она позвала третьего — черного дэва. Он явился и сказал:

— Повинуюсь!

Девушка спросила:

— За сколько времени ты можешь перенести Маммедджана к другому дэву?

И черный дэв ответил:

— Если позволите, я перенесу его, едва он успеет закрыть и открыть глаза.

Тогда девушка написала письма к своей сестре и к дэву, сторожившему вход, отдала письма Маммедджану и приказала черному дэву:

— Отправляйся, но смотри не причини никакого вреда Маммедджану. Если ты посмеешь по дороге его съесть или еще что-нибудь ему сделаешь, я спущу с тебя шкуру.

— Ладно, — отвечал черный дэв, — я ничего ему не сделаю.

Затем девушка попрощалась с Маммедджаном и проводила его. Дэв, как и обещал, никакого вреда Маммедджану не причинил и отнес его в нужное место в одно мгновение.

Так добрался Маммедджан до следующего дэва и убил его, как и прежних. Наконец шестая девушка написала письмо своей седьмой — старшей сестре, и Маммедджан отправился с ним так же, как и прежде. Так в конце концов Маммедджан добрался до последнего, седьмого дэва. Отдал он письмо дэву, который стерег вход, и тот пропустил его во двор. Затем Маммедджан подошел к девушке и передал ей письмо от сестры.

— Ну, Маммедджан, как дела, какие новости? — спросила девушка.

И Маммедджан рассказал ей всю свою историю. Тут девушка сказала:

— Скоро должен вернуться дэв.

— Скажи, откуда он появится? — спросил Маммедджан. — Я выйду ему навстречу.

— Ох, Маммедджан, ведь он очень сильный и свирепый дэв! — воскликнула девушка.

— Не беда, там посмотрим, — отвечал Маммедджан.

Тогда девушка рассказала ему, по какой дороге должен вернуться дэв. А на той дороге был мост. Маммедджан пошел и залег под мостом. Спустя некоторое время поднялся ветер, разразилась буря и полыхнуло огнем. Выглянул Маммедджан из-под моста и увидел, что приближается дэв, вертя семью

головами. Маммеджан слегка испугался и, чтобы подбодрить себя, сказал: «Я уже убил шестерых дэвов, а кто убил шестерых, убьет и седьмого». Тут появился дэв, словно буря и ураган. Как только он подъехал к мосту, конь его захрипел и остановился. Дэв стал ругать и бить коня, приговаривая:

— Но-но! Уж не думаешь ли ты, что тут Маммеджан?

«Вот какое, оказывается, у меня имя: его знают и боятся даже грозные дэвы», — подумал Маммеджан. Он приободрился, выскочил из-под моста и крикнул:

— Эй ты, злодей, Маммеджан — вот он!

Дэв увидел Маммеджана, спешил и спросил:

— Стреляться или бороться?

— Стреляй в заднюю ногу своему отцу, злодей, а мы будем бороться!

Стали они бороться. И боролись они сорок дней и сорок ночей. И вот дэв почти победил Маммеджана. А девушка стояла и следила за борьбой. Увидела она, что дэв Маммеджана одолевает, и притащила мешок проса. Высыпала она просо дэву под ноги, а Маммеджан изловчился и подтолкнул дэва к просу. Дэв поскользнулся, и тут Маммеджан убил его. Но девушка сказала:

— Душа этого дэва находится у старухи, которая живет вот там-то. Если ты не добудешь душу дэва и не убьешь ее, дэв оживет снова. Когда у старухи голова опущена вниз и глаза закрыты, — знай, что она не дремлет, и не подходи к ней. А если увидишь, что ее голова поднята и глаза открыты, тогда подходи спокойно — она спит. Засунь ей в нос травинку, и у нее из уха выпадет склянка. Там душа дэва.

Подошел Маммеджан к старухе и видит, что голова у нее поднята и глаза открыты. Увидев это, Маммеджан приблизился к ней спокойно и засунул ей в нос травинку. Старуха фыркнула, чихнула, и в тот же миг у нее из уха выпала склянка. Тут старуха проснулась, но Маммеджан уже успел схватить сосуд. Стала старуха ползать в ногах Маммеджана, прося его не убивать дэва. Появился и сам дэв и тоже стал просить:

— Смилуйся, Маммеджан, не убивай меня!

Но Маммеджан швырнул склянку оземь, и она разлетелась вдребезги. Дэв только охнул, упал и умер.

А Маммеджан снова вернулся к девушке.

— Ну, Маммедджан, оставайся теперь здесь, со мной.

— Нет,— отвечал Маммедджан,— я не могу остаться. Я уже прежде убил шестерых дэвов, и этот дэв — седьмой. Но я не могу тут остаться, раз не добыл птицу, что зовется сладкоголосый соловей.

— Ах, Маммедджан,— сказала тогда девушка,— то, что тебе придется испытать, добывая эту птицу, не идет ни в какое сравнение с тем, что ты уже повидал прежде. Не ходи за ней!

— Нет, не могу я не идти за ней,— отвечал Маммедджан.— Покажи мне дорогу и объясни, как туда добраться.

Поняла девушка, что Маммедджан с ней не останется, и стала ему все подробно объяснять:

— Слушай, Маммедджан, какой тебе предстоит путь. Когда ты отсюда выйдешь, перед тобой окажется большая чинара. На ее верхушке живет птица. Каждый год к чинаре приползает дракон и пожирает птенцов этой птицы. Если ты ей поможешь избавиться от беды, она доставит тебя к той птице, что зовется сладкоголосый соловей. Затем перед тобой окажется большой двор, а у ворот будет стоять огромный дэв. Ты тотчас же ударь его по голове и заходи. Тут навстречу тебе выпорхнет стая кур, но ты захвати для них несколько мешков пшеницы. Как только куры закудахчут и налетят на тебя, рассыпь перед ними пшеницу. Куры расступятся, и ты пройдешь дальше. Потом на тебя бросится свора собак, но ты захвати для них мешок костей. Как только собаки выбегут, брось перед ними кости и иди дальше. Перед тобой окажется стадо шальных верблюдов, жаждущих соли. Ты должен захватить для них несколько мешков соли. Как только верблюды появятся, разбросай перед ними соль и проходи дальше. Верблюды отстанут, и так ты дойдешь до дома. У дома этого сорок ступенек, и к каждой ступеньке привязан колокольчик. Стоит ступить на ступеньку, как колокольчик тут же зазвенит. Поэтому возьми с собой охапку ветоши. Всякий раз как соберешься шагнуть на следующую ступеньку, обвязывая ветошью язычок колокольчика. Сумеешь обвязать все язычки, ни один колокольчик не зазвенит. А если колокольчики зазвелят, то обязательно разбудят спящих дэвов, которые заснули на сорок дней и ночей. Ты сначала узнай, спят ли дэвы, и тогда подходи к ним спокойно. А если они бодрствуют, ничего там не трогай. После того как ты добу-

дешь птицу, тебе понадобится много мяса и воды. Но это все я тебе сама приготовлю.

И вот Маммеджан собрался в путь. Девушка, желая помочь ему, позвала одного из своих дэвов. Тот явился и сказал:

— Повинуюсь!

Девушка спросила его:

— За сколько времени ты можешь перенести Маммеджана в нужное место?

Дэв отвечал:

— Если позволите, я перенесу его за время, необходимое, чтобы десять раз вздохнуть.

Девушка прогнала его:

— Прочь, ничтожный!

Затем она кликнула второго дэва. Тот явился и сказал:

— Повинуюсь!

Девушка и его спросила:

— За сколько времени ты можешь перенести Маммеджана в нужное место?

— Если позволите, я перенесу его за время, необходимое, чтобы пять раз вздохнуть, — сказал дэв.

Девушка и его прогнала:

— Прочь, несчастный!

После этого она кликнула третьего — черного дэва. Тот явился и сказал:

— Повинуюсь!

Девушка его спросила:

— За сколько времени ты можешь перенести Маммеджана в нужное место?

Черный дэв отвечал:

— Если позволите, не успеет он закрыть и открыть глаза, как уже будет в нужном ему месте.

Тогда девушка сказала дэву:

— Ладно, ступай перенеси его. Но если ты по дороге съешь его или причинишь ему какой-нибудь иной вред, я с тебя спущу шкуру!

Попрошась девушка с Маммеджаном, и он отправился. Скоро оказался Маммеджан возле чинары. Отослал Маммеджан дэва назад, а сам направился к дереву. Подошел он к чинаре и видит, что по ее стволу ползет огромный дракон. А на верхушке чинары птенцы, не зная что делать, пищат и снуют туда-сюда. И уж совсем немного осталось до того,

как пасть дракона доберется до этих птенцов. В этот миг и подоспел Маммедджан. Увидел все это Маммедджан, достал стрелу из белого колчана * и поразил дракона. Стрела Маммедджана пробила дракона и прошла сквозь половину ствола чинары. Дракон уже не мог ползти выше. Маммедджан выстрелил еще раз — в голову дракона. Стрела его пробила дракону голову и застряла в дереве. Теперь дракон был накрепко пригвожден к чинаре. Тогда Маммедджан подошел к дракону и своей алмазной саблей * разрубил его на куски. Затем Маммедджан рассовал куски в клювы птенцам. Испуганные, голодные птенцы жадно все съели. И только самый маленький из них не съел последний кусок, а спрятал его у себя под языком.

Потом Маммедджан решил немного отдохнуть и прилег у дерева. Лежал, лежал — и заснул. А в это время прилетела мать птенцов. Увидела она, что под деревом лежит какой-то человек, и решила:

— Ага, видно, это как раз тот человек, который каждый год пожирает моих птенцов. Сейчас я его убью.

Она полетела и отломала огромный кусок скалы. Но птенцы увидели, что их мать в большом гневе и собралась убить человека. Чтобы не дать ей совершить это, птенцы слетели с чинары и раскрыли над Маммедджаном свои крылья. Тогда птица подумала: «Нет, должно быть, этот человек сделал для моих детей какое-то доброе дело, иначе они бы не вели себя так». Тогда она отнесла и бросила на прежнее место тот камень. Вернулась она назад, смотрит — а Маммедджан спит сладким сном усталого человека.

— Что это за человек здесь лежит? — спросила птица у своих детей. — Почему, когда я хотела его убить, вы прикрыли его?

Птенцы стали рассказывать:

— Приполз дракон, но в это время откуда-то подоспел этот человек. Он убил дракона, а потом разделил и дал нам его мясо. Мы съели дракона, а человек устал и лег спать. Потом прилетела ты и хотела его убить. Но ведь человек сделал нам добро, и мы помешали тебе убить его.

— Вы говорите это из страха перед человеком. Если все это правда, то можете ли вы это доказать? — сказала птица.

— Нет, — отвечали птенцы, — мы не оставили ни кусочка мяса дракона, мы очень проголодались и все съели.

Тогда самый маленький из них сказал:

— А я оставил, вот оно, доказательство! — и он достал из-под языка спрятанный там кусочек.

Тогда мать птенцов поверила, что все это правда.

А пока Маммеджан спал, поднялось солнце. Тогда птица подлетела к Маммеджану и своим крылом устроила над ним тень.

Наконец Маммеджан проснулся. Смотрит — над ним нависло что-то огромное и черное. В страхе он схватился было за свою алмазную саблю, а птица ему и говорит:

— Не бойся, Маммеджан, за добро, что ты совершил, я отплачу тебе тем же. Проси у меня все, что ты пожелаешь.

— Мне ничего не нужно, — отвечал Маммеджан. — А иду я за птицей, что зовется сладкоголосый соловей. Скажи только, как добыть эту птицу и не можешь ли ты мне помочь?

— Ах, Маммеджан, — отвечала мать птенцов, птица Замыр, — это сделать очень трудно, и если тебя заметят, то непременно убьют.

— Но я уже испытал много опасностей, — отвечал Маммеджан, — и что бы ни было, а я пойду и попытаюсь. Либо я погибну, либо эту птицу добуду.

— Хорошо, — сказала тогда птица Замыр, — но только чтобы добраться туда, потребуется очень многое.

— Все это у нас будет, — отвечал Маммеджан.

— Тогда садись мне на спину, — проговорила птица Замыр.

Маммеджан сел на спину птицы Замыр, и они прилетели к девушке. А она уже успела приготовить все необходимое. Кликнула девушка черного дэва и все на него нагрозила. Отправился Маммеджан вместе с дэвом дальше.

Остановился он неподалеку от нужного ему места, снял с дэва груз и отпустил его. Потом нагрузил вещи на спину птицы Замыр, уселся на нее сам — и вот они уже достигли входа в тот двор. Здесь на страже стоял дэв. Маммеджан, притворившись, будто он чего-то не знает и хочет спросить, подошел к дэву и алмазной саблей срубил ему голову. Дэв как стоял, так и упал замертво. Затем Маммеджан снова сел на птицу Замыр, и они влетели в ворота. Тут на Маммеджана кинулась стая кур, которые хлопали крыльями и кудахтали. Но Маммеджан высыпал им пшеницу и прошел даль-

ше. Потом на Маммедджана бросилась свора собак. Маммедджан разбросал перед ними кости и прошел дальше. Теперь перед Маммедджаном оказалось стадо шальных верблюдов, жаждущих соли. Он высыпал взятую с собой соль и прошел мимо них дальше. Шел так Маммедджан, шел — и дошел до высокого дома. Поглядел он, а у дома — ступеньки и ступеньки: сорок ступенек. И под каждой ступенькой висят, покачивая язычками, заколдованные колокольчики. Взял Маммедджан прихваченную с собой ветошь и начал обвязывать язычки колокольчиков. Шел он, шел — и так завязал все язычки у колокольчиков на ступеньках. Поднялся Маммедджан наверх, и перед ним открылся путь дальше. Тут птица Замыр и говорит Маммедджану:

— Подожди-ка, Маммедджан, я посмотрю сначала, спят ли там дэвы или бодрствуют. Если они спят — пойдешь дальше.

Вошла птица Замыр внутрь и видит: дэвы только что уснули сладким сном. Тогда вернулась она к Маммедджану, рассказала ему, что все спят, и добавила:

— Теперь иди. Но только долго там не задерживайся. Хватай птицу соловья и поскорей возвращайся.

А Маммедджан отвечал:

— Ладно, я не буду оставаться там долго, у меня и дел-то всего — взять эту птицу да вернуться.

Вот Маммедджан вошел в комнату и видит, что в ней спят огромные дэвы, каждый величиной с гору. Маммедджан потихоньку миновал их. Вошел он в следующую комнату, а там среди шелков и мягкого бархата спит девушка, и видно, словно через стекло, как в ее горле течет жидкость *. И птица, что зовется сладкоголосый соловей, сидит в красивой клетке в углу. Как увидел Маммедджан девушку, разум у него помутился, и он забыл даже о птице соловье. Смотрит Маммедджан, а вокруг девушки с четырех сторон горят разноцветные светильники: в головах — ярко-красный, в ногах — ярко-желтый и с каждого боку — других цветов. Поразился Маммедджан. Тихонько подошел он к девушке, потом осторожно коснулся ее то в одном, то в другом месте. А эта девушка заснула сном, который продолжается сорок дней и ночей, и что ни делай с ней, она не проснется. Потому-то она ничего не почувствовала и продолжала спать. Тогда Маммедджан лег рядом с девушкой и обнял ее. Стал он ее целовать, но и тут

она не проснулась. Тогда Маммеджан тихонько прижал спящую девушку к своему сердцу. Она не проснулась. И Маммеджан решил будь что будет и наслаждался ею. Девушка и после этого не проснулась. Сколько времени провел Маммеджан возле этой девушки, он и сам не заметил. Наконец он подумал: «Зачем это я сюда пришел? Ведь я сюда пришел не для того, чтобы спать с этой девушкой. Я пришел, чтобы добыть своему отцу птицу — сладкоголосого соловья. Что же я лежу?» И с этим он встал.

А птица, что звалась сладкоголосый соловей, сидела в клетке в углу этой же комнаты. Маммеджан подошел, схватил птицу и направился к выходу. Как только он ее схватил, птица, что звалась сладкоголосый соловей, громко закричала. Услышав ее крик, проснулись спавшие дэвы. Но Маммеджан тем временем с птицей соловьем уже успел добежать до птицы Замыр.

— Ну, Маммеджан, — сказала птица Замыр, — говорила ведь я тебе, чтоб ты не очень задерживался. А ты развлекался там несколько суток. Теперь поторапливайся, а не то налетят дэвы и разорвут нас.

Маммеджан с птицей соловьем забрался на спину птице Замыр, а она ему сказала:

— Теперь, когда я попрошу дать мне мяса, дай мне воды, а когда попрошу воды — дай мяса. Если ты успеешь дать мне все это вовремя, я тебя спасу.

— Ладно, — сказал Маммеджан, — я успею.

Договорились они так и полетели. А дэвы пустились за ними вдогонку. Вот птица Замыр просит мяса, и Маммеджан дает ей воды, а потом она просит воды, и он дает ей мясо. Так они почти долетели до границы.

Птица Замыр все летит и просит у Маммедджана то мяса, то воды, то воды, то мяса. А Маммеджан, когда она просит мяса, дает ей воды, а когда она просит воды, дает ей мясо. И вот осталось уже совсем немного пути, когда птица Замыр сказала:

— Воды!

А у Маммедджана мясо уже кончилось. Не зная, что делать, он взял и отрезал кусок своей икры. Но птица Замыр поняла, что это человеческое мясо, есть его она не стала, а спрятала в своем клюве под языком. Так перелетели они границу. И как только они пересекли границу, дэвам, делать

нечего, пришлось отстать. Птица Замыр ссадила Маммедджана у ворот девушки и попрощалась, сказав:

— Ну, вот тебе ворота той девушки, что нас посылала, теперь прощай и ступай один.

Маммедджан пошел, хромая на каждом шагу. Тут птица Замыр окликнула его и спросила:

— Что с тобой, почему ты хромаешь?

— У меня нога отсохла, — отвечал Маммедджан.

— Нет, у тебя нога не отсохла, я знаю, — сказала тогда птица Замыр и достала из-под языка кусок его икры. Приложила она его на прежнее место, пригладила своим пером, и нога у Маммедджана стала такой, как прежде.

— Ну, вот теперь прощай! — сказала птица Замыр.

Вот так Маммедджан вернулся к той девушке. Она снова приняла Маммедджана, и он провел у нее несколько дней. Затем они взяли все золото и серебро, все добро-имущество и отправились в обратный путь. Так они прибыли к другой девушке. Провели у нее несколько дней, а потом взяли ее со всем золотом и серебром, добром-имуществом с собой и отправились дальше. Добрались они до пятой сестры и ее точно так же взяли с собой. Короче говоря, они заехали ко всем сестрам и всех их забрали с собой. Наконец добрались они до того места, куда Маммедджан пришел из своего дома в самый первый раз, — до жилища белого дэва и младшей девушки. Здесь они пробыли несколько дней, и Маммедджан вспомнил о своих братьях, ушедших раньше него.

— А где мои братья? — спросил он младшую девушку.

— Я о них ничего не знаю, — отвечала она. — Но ты погляди-ка в здешнем колодце. Если они приходили, то, должно быть, там.

Приблизился Маммедджан к колодцу, заглянул в него и увидел, что его братья, как и думала девушка, сидят там. Маммедджан крикнул им, но они решили, что это снова пришел дэв убить их, и не откликались. Тогда Маммедджан понял, что они молчат из страха, и, придержав коня, снова окликнул одного из братьев. Наконец братья поняли, что это Маммедджан, и ответили ему. Тут Маммедджан спустил в колодец веревку и вытащил братьев. Он дал им умыться и одел в красивые одежды. Потом они взяли все добро-имущество, все золото и другие нужные вещи и вместе с семьей девушками отправились в сторону родительского дома.

По дороге братья Маммедджана посоветовались и решили: «Если мы вернемся вот так, это будет большим для нас позором. Отец и все люди проклянут нас. Поэтому надо найти какой-нибудь способ все присвоить себе». Подумали братья и договорились: «Скажем-ка Маммедджану, что мы устали, и попросим его остановиться, чтобы отдохнуть. Он остановится, а мы где-нибудь уложим его спать и разделаемся с ним». Потом они приблизились к Маммедджану и сказали:

— Маммеджан, мы, твои старшие братья, устали. Давай-ка, наш младший брат, мы отдохнем здесь немного.

«Что ж, раз мои братья устали, дам им небольшой отдых», — подумал Маммеджан и сказал:

— Отдыхайте, братья, раз вы устали.

Братья сказали, что немного поспят, и, делая вид, что укладываются, предложили Маммедджану:

— Поспи и ты, Маммеджан, ты ведь тоже очень устал.

Тогда Маммеджан, который и в самом деле очень устал, положил голову на землю и тотчас погрузился в сон. Тут братья, видя, что Маммеджан заснул, мгновенно вырвали у него глаза, а самого его оттащили и бросили в колодезь. Глаза Маммедджана они кинули собаке, что шла вместе с ними. А собака, хотя и не умела говорить, очень хорошо все понимала. Маммеджан был ее другом, и она его очень любила. Поэтому собака его глаза есть не стала, а спрятала их у себя под языком. Братья же, бросив Маммедджана, ушли. Остальным спутникам они решили сказать так: «Маммеджан отстал поохотиться. Но если кто-нибудь из вас будет много говорить об этом, его ждет смерть». И вот братья, догнав своих спутников, сказали им с угрозой:

— Если вы расскажете кому-нибудь, что птицу соловья добыли не мы, вас непременно постигнет смерть.

И те в страхе отвечали:

— Ладно, мы будем молчать.

Вот добрались они с этой птицей до своего города, пришли к отцу и сказали:

— Отец, мы принесли тебе птицу, что зовется сладкоголосый соловей.

А отец им отвечал:

— То, что вы ее добыли, — хорошо, но где Маммеджан?

— Мы не видели Маммедджана, — отвечали братья.

Тогда отец сказал:

— Говорите правду. Без Маммедджана вы не сумели бы добыть птицу соловья.

Но братья твердили:

— Нет, мы не видели Маммедджана. Он же ушел не с нами.

Прошел день, и другой, и третий, а птица, сладкоголосый соловей, не поет. А болезнь отца все усиливается. Если бы птица запела, он стал бы выздоравливать, но пока он все болеет. Тогда отец и говорит братьям:

— Почему птица, которую вы принесли, не поет? Я думаю, это не сладкоголосый соловей. Если бы это был соловей, он бы пел.

— Отец, он сейчас устал. Пусть соловей отдохнет, и тогда он станет петь,— отвечали Вели и Гулям.

— Но прошло уже достаточно времени,— говорил отец.

— Ну вот теперь он уже очень скоро запоеет,— отвечали братья.

А Маммеджан тем временем сидел в колодце. С ним осталась собака, и она ловила для Маммедджана птичек и разных других тварей. В том месте росло ореховое дерево. Собака рвала и приносила Маммеджану орехи. Так она его не покидала.

Спросишь, о ком речь теперь? Речь теперь пойдет о девушке, которой принадлежала птица соловей и у которой Маммеджан ее похитил.

Когда Маммеджан лежал рядом с той девушкой, ему понравился ее перстень. Он снял перстень и надел его на свой палец, а взамен надел девушке свой перстень. На том перстне было написано имя Маммедджана и название страны, откуда он родом. И на перстне девушки тоже было написано ее имя и название ее страны. Вот однажды девушка, спавшая крепким сном, проснулась. Смотрит, ее рубашка и шальвары в крови, а светильники, что стояли вокруг, сдвинуты со своих мест. Огляделась она и увидела, что птицы соловья нет. Девушка изумилась и тут заметила, что перстень у нее на пальце — это не прежний ее перстень. Пригляделась она, а на том перстне и страна Маммедджана, и его имя-звание — все обозначено. Тогда решила девушка отправиться вслед за Маммедджаном. Собрала она свои вещи и пустилась в путь. Через какое-то время достигла она страны Маммедджана, а затем, расспросив, нашла и его дом.

— Где Маммедджан? — спросила девушка, придя в его дом.

— Его нет, — отвечали братья.

— Тогда кто же принес эту птицу, что зовется сладкоголосый соловей? — спросила девушка.

— Мы ее принесли, — отвечали братья Маммедджана.

— А где же и как вы ее достали? — спросила девушка.

— Когда мы отправились отсюда, то добрались в конце концов до одного места, взяли там птицу в большом доме и вернулись, — отвечали братья.

— Ну а там, где вы ее взяли, вы еще кого-нибудь видели? — спросила девушка.

— Нет, не видели, — отвечали братья.

— А как вас зовут? — спросила девушка.

— Одного из нас зовут Гулям, а другого — Вели, — отвечали братья.

Тут девушка поняла, что это не они добыли птицу и что они причинили какой-то вред Маммедджану.

— Тотчас же разыщите мне того человека, который унес птицу соловья, а если вы его не найдете, я знаю, что с вами делать! — сказала девушка.

И вот, чтобы найти Маммедджана, выпустили птицу соловья. Она взвилась и полетела вперед. А девушка поехала за ней следом. Вот долетела птица до колодца и опустилась. Смотрят все — а тут и собака бежит. Тогда девушка нагнулась над колодцем и крикнула:

— Маммедджан!

И Маммедджан отозвался. Девушка тотчас распустила свои длинные косы и свесила их в колодезь. Маммедджан ухватился за них и вылез. Смотрит на него девушка, а у Маммедджана нет обоих глаз.

— Где твои глаза, Маммедджан? — спросила девушка. — Ах, Маммедджан, нет твоих глаз! Если бы они у меня были, я бы их сделала лучше прежнего.

Собака в это время стояла рядом и все слышала. Она тотчас достала из пасти оба глаза Маммедджана. Девушка поблагодарила собаку, погладила ее по спине, а потом взяла глаза Маммедджана, вложила их на прежнее место и полизала языком. Глаза у Маммедджана засверкали сильнее прежнего. Потом они все вместе отправились отсюда к дому Маммедджана.

И вот приехали они к нему домой. Когда братья увидели Маммедджана, они почувствовали себя так, будто им на макушки вылили кипяток. Не зная что делать, они опустили головы.

— Вот, братья, какие вы, оказывается, храбрые и мужественные! — сказал Маммеджан и приказал:

— Ступайте бросьте их среди таких-то гор, в такой-то пустыне!

— Нет, Маммеджан, лучше мы убьем, уничтожим их, — отвечали ему люди, но Маммеджан сказал:

— Нет, не убивайте их. Пусть они будут ни мертвы ни живы. Бросьте их в том месте.

Люди схватили Гуляма и Вели, потащили их и бросили в пустыне.

А птица, что не пела, хотя и звалась сладкоголосый соловей, как только вернулся Маммеджан, стала заливаться длинными трелями. И тогда отец Маммедджана, который лежал при смерти, стал день ото дня поправляться. Постепенно он излечился от своей болезни и совершенно выздоровел. А Маммеджан взял себе в жены ту девушку, и они устроили свадебный пир на сорок дней и ночей без передышки.

23. Мачеха и падчерица

Было ли не было, у одного человека было две дочери. Одна от прежней жены, а другая от теперешней. Родная дочь сколько ни ела сладкой пищи, а красивой не становилась. А падчерице только и доставалось, что кость или кусок лепешки, но была она прекрасна: с лицом цвета розы и станом стройным, как чинара. Глаза у нее сияли, словно звезды, а ресницы были как стрелы. Мачеха не любила ее и постоянно кричала:

— Эй ты, змея, принеси то, унеси это, вскипяти чай, сходи туда-то!

Бедная девушка работала с утра до ночи. И еще каждый день мачеха покрикивала:

— Присмотри за своим бараном!

Однажды она дала девушке пуд хлопка и сказала:

— До вечера очистишь от семечек и принесешь!

Взяла девушка с собой барана, пошла и села работать. Вдруг поднялся ветер и унес у нее хлопок. Девушка вскочила и кинулась за хлопком. Добежала она, глядь — а ветер занес хлопок в черную лачугу. Подошла девушка к порогу этой лачуги и сказала:

— Эсселом алейкюм *.

— Вaleyкюм *, — слышалось из лачуги.

Посмотрела девушка, а у очага сидит старуха дэв.

— Подойди, дитя мое, не бойся! Садись рядом да поищи у меня в голове, — сказала она.

Девушка уничтожила одну за другой всех вшей и сказала:

— Теперь будь спокойна, матушка, я уничтожила их.

— Ну-ка, дитя мое, подойди к порогу лачуги и взгляни, — сказала старуха дэв.

Пошла девушка, посмотрела, а у порога лежат рассыпанные серебряные краны. «Разве я могу это взять? Ведь это же добро старухи», — подумала она и вернулась к старухе дэву.

— Ты видела, дитя мое? — спросила старушка дэв.

— Да, видела, — ответила девушка.

— Ну, дитя мое, теперь отряхнись, а я погляжу, — сказала старуха дэв.

Девушка отряхнулась, но из ее платья ничего не выпало, и старуха дэв поняла, что девушка ничего не взяла. Отдала она ей хлопок и сказала:

— Когда пойдешь отсюда, по дороге встретится тебе река. Ты пройди мимо, это плохая река. Потом придешь к другой реке. В ней ты обязательно вымой руки и ноги, хорошенько искупайся сама и только после этого выходи.

— Ладно, — отвечала девушка, — я сделаю, как ты велишь.

Прощалась она со старухой дэвом и ушла. Вот идет она, и по пути встречается ей река. Девушка, как советовала старуха дэв; прошла мимо. Потом подошла она к другой реке. В ней девушка вымыла руки и ноги и искупалась сама. И когда вышла она из воды, то стала еще прекраснее прежнего. Так вернулась девушка домой.

Однажды мачеха дала своей родной дочери пуд хлопка и сказала:

— Очисть от семечек и принеси.

И у этой девушки хлопок унес ветер и забросил его в лачугу старухи дэва. Дочь мачехи тоже пришла к лачуге ста-

руки дэва и поздоровалась с ней. Та ответила на привет, попросила девушку поискать у нее в голове и завела тот же разговор.

Когда дочь мачехи увидела краны, что лежали у порога, она тотчас же набила ими свою одежду. А когда по приказу старухи дэва она отряхнулась, краны-то и посыпались. Старуха дэв хлопка ей не отдала и сказала:

— Иди. По пути встретишь реку — искупайся в ней. А когда подойдешь к другой реке, пройди мимо.

Девушка искупалась в первой реке. А когда пришла домой, к своей матери, оказалось, что все тело у нее стало рябым.

Со дня на день мачеха все больше ненавидела девушку-сироту. Однажды она сказала отцу девушки:

— Пойди зарежь барана сироты.

Барана зарезали, и сироте дали есть отдельно от всех. Села она есть, а сама плачет от жалости к барану. Тут мясо барана ей и говорит:

— Не ешь меня, я отравлено.

Тогда девушка, дрожа и скрываясь от всех, убежала из дому в степь.

Тем временем выехал на охоту сын падишаха. Заметил он издали что-то темное, приблизился — а это сидит девушка с лицом цвета розы, с глазами как звезды.

— Что ты делаешь в степи? — спросил сын падишаха.

И девушка рассказала ему все с самого начала. Тогда сын падишаха спросил:

— Хотите поехать в наше селение и стать главной над девушками-прислужницами?

Девушка согласилась. Приехали они в селение и устроили той на несколько дней. Сын падишаха взял девушку в жены.

24. Два сына падишаха, рожденные от невольницы

Жил в давние времена падишах. И было у него сорок жен, но ни одна не рожала наследника. Вот как-то раз везиры и векили падишаха стали советовать: «Говорят, в одном городе есть мудрец. Давайте пошлем к нему, чтобы узнать, от-

чего у нашего падишаха нет детей и что нужно сделать, чтобы они были». Решили они послать двоих богатырей. Приготовили для них все снаряжение, наполнили хурджины золотом и серебром да сверх того, чтобы семьи богатырей в их отсутствие ни в чем не нуждались, дали им припасов на шесть месяцев.

Богатыри отправились, держа путь на запад. Коротко ли ехали, долго ли ехали, доехали они до города, в котором жил мудрец. Вошли они в город, остановились на постоялом дворе, пристроили коней и разузнали, где найти мудреца. Пришли они к мудрецу и поздоровались.

— Входите, садитесь! — сказал тот, отвечая на их приветствие. — Вы, видно, гости из дальних мест, расскажите, какие у вас новости.

— Мудрый человек, — стали рассказывать богатыри. — Мы прибыли из далекого города, провели много дней в пути, чтобы добраться до тебя. А новости у нас такие: есть у нас падишах, а у него сорок жен, но ни одна не рождает наследника. И вот везиры и векили посоветовались и послали нас к тебе. Потрудись и дай нам ответ: родится ли у нашего падишаха сын и что нужно сделать, чтобы появился наследник?

— Ну что ж, добро пожаловать! — отвечал мудрец. — То, что вы, джигиты, мне это рассказали, — хорошо, но только дело это не простое, и на такой трудный вопрос я ответить не могу. Вот за горами есть пустыня, а на другом краю пустыни — огромная пещера. Живет в той пещере мудрец. Целыми днями он стоит на коленях и молится. За день он съедает лишь одну-единственную хурму, которая ежедневно вырастает на засохшем дереве. Но туда нельзя отправляться без хорошего снаряжения. Ведь только чтобы добраться туда, нужно два года. Вот, джигиты, расскажите все это падишаху, — закончил свою речь мудрец.

Богатыри отдали мудрецу хурджины с золотом и серебром, распрощались и отправились в обратный путь. Коротко ли ехали, долго ли ехали, а к концу шестого месяца достигли они своего города.

Услышав о приезде богатырей, падишах выслал им на встречу везиров и векилей и с почетом проводил в город. Непокойно было на сердце у падишаха, поэтому он сразу принялся расспрашивать богатырей. Те ему отвечали:

— Долго мы ехали по твоему приказу, о падишах, и на-

конец добрались до мудреца. Мудрец сказал: «Я не могу исполнить вашу просьбу. Но вот в пустыне за горами есть пещера, а в ней живет другой мудрец. Может быть, он сможет вам помочь. Только чтобы добраться туда, нужно ровно два года». И если не запастись едой и питьем, можно погибнуть, о падишах!

Тогда падишах, его везиры и векили заговорили:

— Вот, оказывается, какое это трудное дело! Но раз уж так, нужно послать к этому мудрецу. Кого же мы отправим?

— Идите вы, да постарайтесь! — приказал падишах богатырям.

Навьючили на двух слонов провизию для двухлетнего пути, дали богатырям хурджин золота в подарок мудрецу и на дорожные расходы, и отправились те в путь.

Ехали богатыри месяц и достигли горной местности. Потом несколько месяцев они ехали по горам и добрались до пустыни. И вот уже много месяцев едут богатыри по пустыне. Не видно ни одной живой души, и даже дороги нет. И вот в один из дней богатыри остановились и собрались укладываться спать. А с тех пор как они выехали из дому и потеряли дорогу, прошло уже тринадцать месяцев. Даже следов зверей не видели они в этой пустыне. Улеглись богатыри на ночь и всю ночь переговаривались:

— Ох, погибнем мы, не дождавшись исполнения своих желаний. А хотели бы мы только одного — вернуться домой и увидеть лица своих детей, а там можно и умереть.

Наутро встали богатыри, смотрят — вдали показалось облачко. Подумали они, что это дымок, поднимающийся от жилья мудреца, и направились в ту сторону. А дымок стал слабее и рассеялся. Пошли они тогда куда глаза глядят. Шли они так, шли — и остановились на ночлег. А наутро посмотрели — кругом опять ни души. «Ну, теперь мы обязательно погибнем, пришел нам конец», — сказали они себе и заплакали. Через некоторое время пригляделись они внимательно и видят — на востоке стоит сухое дерево. «Что же это за дерево, — подумали богатыри, — ведь тут нет воды?» Подошли они поближе и увидели, что это сухая хурма.

«А-а-а, это, наверное, та хурма, о которой говорил мудрец, — решили богатыри. — Поищем как следует, тут должна быть и пещера».

Прошли они еще немного на восток и увидели пещеру.

Заглянули в пещеру, а там ступеньки ведут вниз. Один из богатырей был храбрый, а другой — трусоват. Храбрый богатырь смело вошел в пещеру, держа другого за руку, и стали они потихоньку спускаться вниз. Спустились богатыри, огляделись и видят — довольно большая площадка, а наверху — дыра. Темно так, что с трудом можно различить друг друга. Через некоторое время, когда глаза немного привыкли к темноте, огляделись богатыри еще раз и вдруг в юго-западной стороне пещеры заметили человека в чалме. Тот стоял на коленях, подняв лицо и воздев кверху руки. Подошли к нему тихонько богатыри и поздоровались, но человек этот даже не взглянул на них. Немного погодя он опустил руки, ответил на приветствие и спросил:

— Ну, богатыри, откуда вы и куда идете? Какие у вас новости?

И богатыри все рассказали:

— Есть у нас падишах, а у него сорок жен, но ни одна не рождает наследника. Посылали нас в другой город к мудрецу. Три месяца добирались мы до него, но напрасно. Мудрец послал нас к тебе. Снова мы провели три месяца в пути и вернулись домой. Рассказали обо всем падишаху, тот выдал нам припасов на два года и отправил к тебе. И вот теперь, через тринадцать месяцев, испытав множество лишений, мы нашли тебя. И у нас к тебе просьба: постарайся и дай нам ответ, с которым мы могли бы вернуться к нашему падишаху.

— То, что вы рассказали, хорошо, — проговорил мудрец, — но пока отдохните, ведь вы устали. — И он снова воздел руки и заплакал.

Храбрый богатырь обрадовался, что может отдохнуть, и тотчас заснул. А боязливый богатырь от страха всю ночь не сомкнул глаз, словно ему в глаза вставили по вертелу. И вдруг среди ночи сверху раздается голос:

— О дервиш! Из сорока жен падишаха тридцать девять — бесплодны. Но есть у падишаха одна жена — невольница, на которую он пока даже не глядит. От нее-то и родятся двое сыновей, и один из них будет непохож на простых людей. Пусть богатыри скажут падишаху, что тот должен обратить свой взор на жену-невольницу.

Тут голос умолк. Вскоре пришел мудрец и тоже лег спать. Наутро все встали, и мудрец передал богатырям то, что

ему поведал голос сверху. Тогда достали богатыри хурджин и высыпали перед мудрецом золото.

— Что это такое? — спросил мудрец.

— А это дар падишаха, — отвечали богатыри.

И мудрец сказал:

— О богатыри, сейчас же соберите обратно в свой хурджин все это и знайте хорошенько, что у меня нет нужды в мирских вещах. Там у входа в пещеру стоит сухое дерево, и каждый день на нем вырастает одна хурма — моя ежедневная пища.

Распрощались богатыри с мудрецом и отправились в обратный путь. Тем временем семьи богатырей, падишах, его везиры и векили решили, что богатыри, которые не вернулись в срок, погибли. Жены богатырей пришли к падишаху и стали упрекать его:

— Вот, падишах, ты послал наших мужей на верную гибель. Как мы теперь прокормим своих детей?

И падишах даже согнулся от горя.

А богатыри коротко ли ехали, долго ли ехали, добрались до горной местности, и тут повстречался им тигр. Испугались они тигра и спрятались в пещеру.

— О боже, избавь нас от этой напасти, препроводи нас к детям целыми и невредимыми! — взмолились они.

Спустилась ночь, и тигр внезапно исчез. Богатыри отдохнули еще день в этой пещере и отправились дальше. Коротко ли ехали, долго ли ехали, перевалили горы и достигли степей своей родины. Тут они повстречали пастухов, которые пасли овец. Увидев богатырей, пастухи сразу их узнали и поспешили навстречу. Приняли они у богатырей их коней, приготовили угощение и, посоветовавшись между собой, сказали:

— Отдохните немного в нашем коше, а мы тотчас же сообщим падишаху радостную весть о вашем возвращении — ведь все уже считали вас мертвыми. Может быть, тогда падишах одарит нас и наша бедная жизнь станет получше.

Послали они к падишаху одного пастуха. Тот поспешил и, проведя полдня в дороге, достиг цели. Глядит пастух — а жены богатырей тоже пришли к падишаху и жалуются:

— Вот ты погубил наших мужей, а теперь мы не можем прокормить наши семьи!

В это время как раз и вошел, запыхавшись, пастух:

— Радостная весть, о падишах! Богатыри, которых ты

посылал, возвратились живы и здоровы! Они остановились сейчас в нашем коше!

Услышав это известие, падишах воспрянул духом и наградил пастухов так, чтобы им хватило пропитания на несколько лет. А сам взял с собой везиров и векилей и тотчас пустился в путь. Привез падишах богатырей из пастушьего коша в город и стал расспрашивать, что они разузнали. Богатыри рассказали о тех лишениях, которые им выпали, о муках, которые они претерпели, и закончили свою речь так:

— О падишах! Коротко говоря, тридцать девять твоих жен бесплодны, и только у той, что невольница, родятся два сына. С этого дня ты должен быть с ней.

А боязливый богатырь добавил:

— О падишах, это очень верные слова. Когда этот богатырь крепко спал, потому что он храбрее меня, я от страха всю ночь не мог сомкнуть глаз и слышал, что вдруг сверху раздался голос: «О дервиш! У падишаха родятся два сына от жены-невольницы, а от остальных жен никто не родится». Все это я слышал своими ушами.

Приняв богатырей с почетом и лаской, падишах отправил их домой, а потом позвал своих жен и тридцать девять из них отпустил, а той, что была невольница, сказал:

— Ну, Гюльджемал, приберись немного и сегодня вечером расстели постель пошире.

Гюльджемал, имя которой до сих пор никому не было известно, заулыбалась, мысленно говоря себе: «Господи, неужто это правда?» Она умылась, прибралась и уже на склоне дня постелила постель. Когда солнце село, падишах пришел к Гюльджемал, лег к ней под одеяло и только было начал ее ласкать, как вдруг снаружи раздался голос: «Хак *!» Падишах тотчас вскочил:

— Кто это? — спросил он.

— Какой-то дервиш пришел, — отвечал ясаул.

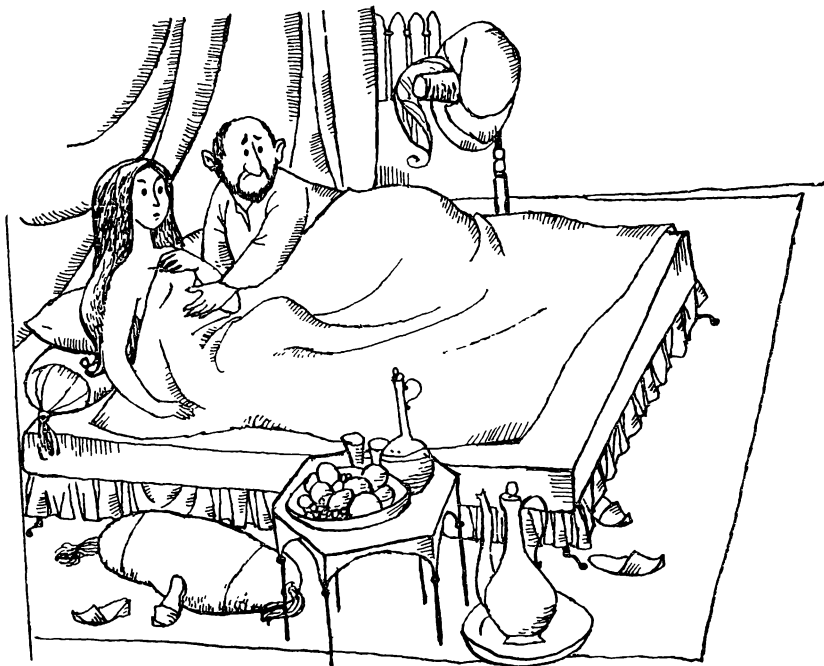
— Ну, дервиш, что тебе нужно? — сказал падишах, выйдя из дома.

— Я пришел пожелать падишаху приятной ночи, — отвечал дервиш.

Тогда падишах приказал:

— Дайте ему коня с полной сбруей!

Везиры исполнили приказ падишаха, но дервиш коня не принял и прогнал его прочь.

— Падишах, дервиш не взял коня, — засмеялись везиры.

— Почему не взял? А, наверное, у него голодна семья, дайте ему муки.

— Нет, — сказал дервиш и, вызвав падишаха наружу, протянул ему яблоко.

— О падишах! — сказал он. — Прежде чем ты пойдешь к своей жене, раздели это яблоко пополам, половину съешь сам, а другую — дай съесть жене. У тебя родятся два сына, если ты обещаешь одного из них отдать мне. Больше мне ничего не нужно.

Услышав такие речи, падишах глубоко задумался: «Ну-ну, не было у меня прежде ни одного сына. И если теперь наконец у меня появится сын, а я отдам его дервишу — на что же это будет похоже?»

Но тут подошли везиры и сказали:

— Когда сыновья родятся, тогда и видно будет, а пока откупись!

— Ладно, — согласился падишах, — если родится двос, одного отдам тебе.

— Хорошо, только не забудь, не откажись от своих слов, — проговорил дервиш и ушел.

Падишах разделил яблоко пополам. Одну половину съел сам, а другую половину дал съесть жене. И вот жена падишаха забеременела, и пришла пора ей родить. Никому не доверяя, падишах позвал свою мать, усадил ее возле жены и сам стал наготове. И вот родился мальчик, и все в доме озарилось светом. Глядит мать падишаха, а ребенок весь светится. Положила она его себе в подол. Следом за первым ребенком появился второй. И этот тоже излучает сияние. Падишах и его положил в подол своей матери. Тотчас же позвали преданного везира.

— Что теперь делать? — спросил падишах. — Мальчики родились. Вдруг об этом прослышит дервиш и явится сюда?

А в народе разнеслась молва: «У падишаха родились сыновья: оба так и светятся». Люди толпами приходили поздравить падишаха. Падишах устроил многодневный пир.

Вдруг однажды появился дервиш и спросил:

— Ну, падишах, верен ли ты своему слову?

Падишах разгневался и ответил:

— Нет!

— Пока не поздно, подумай, падишах, — сказал дервиш. — А не то я разорю всю твою страну.

Пришел везир и посоветовал:

— Согласись, падишах, не спорь с дервишем. Пока ребенок кормится молоком матери, он не сможет его забрать, а дальше видно будет.

Согласился падишах и сказал:

— Ладно, дервиш, пусть один из детей будет твоим.

— Какого отдаешь? — спросил дервиш.

— Меньшого, — ответил падишах.

Дервиш тотчас отрезал от своего пояса полоску, привязал ее на руку мальчика, чтобы отметить его, и ушел.

А падишах был так озабочен этим событием, что снова призвал везира и стал советоваться с ним. Тот подумал и сказал:

— О падишах! Нужно устроить под землей жилище и поместить туда детей вместе с их матерью. Потом следует приставить к ним сведущего муллу и снабдить запасом пищи на несколько лет. Когда детей отнимут от груди, мать нужно разлучить с ними и оставить их с муллою. Мы же тем временем разузнаем: может быть, у кого-нибудь умерли сыновья. Тогда родителям этих мальчиков мы дадим немного денег, а в народе распустим слух, что умерли сыновья падишаха. В конце концов дервиш услышит эту весть и тогда оставит нас в покое.

Падишах одобрил слова везира и тотчас же приказал построить под землей дом в три этажа и снести туда провизии на несколько лет. Он нашел муллу и отправил туда сыновей вместе с матерью. А вход в подземелье, словно отверстие колодца, закрыли мельничным жерновом.

Как советовал везир, двух умерших детей похоронили в могилах, а в народе распустили слух, что сыновья падишаха умерли.

С тех пор прошло тринадцать лет, дети падишаха выучились и стали понимать язык всех живых существ. И вот в один из дней пришел к падишаху тот самый дервиш и спросил:

— Падишах, где мой сын?

— И твой сын, и мой сын — оба умерли, — отвечал падишах, притворно плача.

— О падишах! — сказал дервиш. — Не пристало тебе лгать. Отдай мне сына без лишних разговоров, а не то я сам его найду!

— Пойдем, я покажу тебе его могилу, — проговорил падишах и повел дервиша на кладбище.

— О падишах, — сказал дервиш, — а если я найду мальчиков, тебе не будет стыдно?

— Конечно, — заметил падишах, — но только разве умершие возвращаются?

— Ладно, падишах! Я покажу тебе, как возвращаются умершие, — проговорил дервиш, взял свой дутар, поднялся на холм и начал играть.

На звуки прекрасной мелодии сбежали люди и звери. Пришел и падишах. А дервиш, не обращая ни на кого внимания, продолжал сидеть и играть.

Отверстие подземелья, где были спрятаны мальчики, закрывалось жерновом, и на дно ямы сквозь дыру в жернове падал только один солнечный луч. Мальчики никогда не видели солнца и поэтому не знали, что это. Они играли и, стараясь схватить падавший на землю солнечный луч, стали копать землю. Но чем глубже они копали, тем глубже уходил солнечный луч. «Что это такое?» — удивлялись мальчики. Вдруг в это время они услышали звуки дутара.

Между тем падишах наказал муллу:

— Дети не должны слушать эту музыку, никуда их не пускай!

Но мальчики спросили:

— О мулла, что это за звуки?

Они хотели выбежать наружу, но мулла задержал их, надавав пощечин. Мальчики карабкались наверх, цеплялись за ступеньки, а мулла бил их и стаскивал вниз. Поднялся шум. Наконец один из мальчиков ударил муллу по голове лопатой, и он свалился. Мальчики тотчас поднялись наверх и отвалили камень. Вышли они на поверхность земли, глядят: перед ними ярко освещенная равнина, люди, похожие на них, разные животные, сады и огороды. Посмотрели они вдаль, а там на холме собралась большая толпа — видно, какое-то празднество. Мальчики поспешили туда, прибежали и уселись возле дервиша. А тот узнал их сразу, как только увидел. Тогда падишах опустил голову и застыл, уставясь в землю.

— Ну, падишах, а это кто такие? — спросил дервиш. — Ты ведь говорил, что твои сыновья умерли.

— Ладно, дервиш, бери своего сына и уходи, — ответил падишах.

Вот старший мальчик и говорит дервишу:

— Я пойду с тобой!

А младший ему возражает:

— Нет, ты оставайся, пойду я!

Тогда дервиш взял младшего за руку и ушел. Повел он прекрасного, как цветок, ребенка через заросли верблюжьей колючки, а падишах, его везиры и векили только смотрят им вслед. Старший мальчик постоял, поглядел, а когда те скрылись из виду, как крикнет: «Ой, мой брат ушел!» — и побежал их догонять.

— Отпусти его, дервиш, и возьми меня. Ведь я появился на свет все же чуть-чуть раньше, чем он, — сказал старший мальчик и отправил своего брата домой.

Тут младший брат тоже поглядел им вслед и, как только те скрылись из виду, как закричит:

— Ой, мой брат ушел вместо меня!

Побежал он за ними следом и догнал их.

— Отпусти его, дервиш, и возьми меня, — попросил он.

— Ладно, — сказал дервиш, вытащил из-за пазухи яблоко и дал его старшему брату. — Положи это яблоко в склянку, поставь ее на окно и следи утром и вечером. Если из черенка яблока начнет капать сок, знай: твой брат цел и невредим. Если яблоко завянет и высохнет, значит, твой брат попал в зиндан или случилось еще что-нибудь. Если же яблоко сгниет, знай наверняка: брат твой умер.

Взял старший брат яблоко, вернулся домой, положил яблоко в склянку, поставил ее на окно и каждый день по два раза стал смотреть и радоваться, что брат его цел и невредим.

А дервиш привел мальчика к крепости в сорок этажей, разделил свою бороду надвое, вынул из нее сорок ключей и принялся отпирать крепость. Мальчик стоял рядом и осматривался. Видит он — у замка растет чинара, а на ней сидят несколько попугаев. Заметив его, птицы сначала засмеялись, а потом заплакали. А мальчик понимал язык всех живых существ.

— Эй, попугаи! Почему вы сначала засмеялись, а потом заплакали? — спросил он.

— О шахзаде! — отвечали попугаи. — Когда мы увидели твой созданный из света облик, от радости мы засмеялись. Но когда мы подумали, что ты попал в руки злого волшебника и должен умереть, мы заплакали. О шахзаде! Тот, кто привел тебя сюда, — волшебник-дэв. Сто тысяч сыновей падишахов приводил он уже сюда и каждого держал здесь тридцать девять дней. А на сороковой день он наполнял огром-

ный котел водой, кипятил ее и говорил: «Мальчик, влезь на край этого котла, давай я научу тебя игре, в которую играют дэвы». Мальчик влезал, чтобы поиграть, а дэв тут же сталкивал его в котел. Вот варит он и колдует, и из крови мальчика делает золото, а из его жира — серебро, кости же сам съедает. Когда дэв скажет тебе: «Влезь сюда и поиграй», ты ответь: «Я не умею. Сначала ты влезь сам и покажи, как нужно играть, а потом уж влезу я». Дэв рассвирепеет и станет тебя бить, но потом примется показывать игру. Вот тогда, призвав в помощь бога, ты толкни дэва. Стоит только ноге дэва попасть в котел, тот сам затащит его внутрь. И как тут дэв ни будет биться, выбраться из котла он уже не сможет.

Так попугаи научили мальчика. А дервиш тем временем уже отпер волшебными ключами крепость и ожидал его.

— Что это ты так задержался? — спросил дервиш.

— У меня живот болит, отец-дервиш, — отвечал мальчик.

Вот отпирает дервиш все сорок дверей крепости и, когда мальчик проходит, снова запирает их. Так прошли они через сорок покоев, ведущих один в другой, прошли мимо нескольких оседланных и взнузданных коней, мимо висящих на стенах ружей и алмазной сабли *, мимо котлов с золотом и серебром, потом — мимо чьих-то раздробленных костей. Наконец пришли они в какую-то комнату. Тут дэв и говорит:

— Вот тут всякая еда. Ты ешь сколько хочешь, поправляйся, а я буду отдыхать пятнадцать дней. — И дэв заснул.

Мальчик вспомнил, что ему рассказали попугаи, и решил не есть ни куска. День ото дня он худел. Через пятнадцать дней проснулся дэв, взглянул на мальчика — а тот похудел еще больше. Рассвирепел дэв.

— Почему ты ничего не ел? — стал ругать он мальчика и даже побил его. Затем снова наказал ему:

— Я ухожу на охоту дней на десять-двадцать, а ты тут ешь и обязательно поправься до моего возвращения.

Ушел дэв на охоту, а мальчик принялся плакать и день ото дня все худел и худел. Прошел срок, и через двадцать дней вернулся дэв. Глядит он — а мальчик похудел еще больше прежнего. Подождал дэв еще три-четыре дня, но видит — ничего не меняется. Тогда достал он огромный котел с восемью ушками, такой, что по краю котла мог пройти человек босиком. Посредине двора был огромный очаг. Поднял дэв этот котел и поставил его на очаг, потом налил в

котел воды, а под очаг положил сорок верблюжьих вьюков дров. Разжег он огонь, и скоро вода закипела.

— Ну, шахзаде,— сказал дэв,— пытался я тебя откормить, но ничего не вышло. Давай-ка теперь я научу тебя игре, в которую играют дэвы. Может быть, она тебе понравится, ты развеселишься и станешь больше есть. Пойди-ка сюда, шахзаде, и влезь на край котла.

— Ах, отец-дервиш,— проговорил мальчик,— я не сумею. Покажи мне сначала сам.

Дэв разозлился и ударил мальчика.

— Ну, иди! — крикнул он.

А тот заупрямился:

— Покажи мне сначала сам.

Дэв рассвирепел и снова ударил мальчика, но тот стоял на своем. Тогда дэв в ярости закричал:

— Ну, смотри, как нужно играть!

Он взобрался на край котла и стал бегать по краю подпрыгивая и кружась. Дэв очень хорошо умел это делать. Мальчик почувствовал ужас смерти и, когда дэв пробежал мимо вот так играя, замешкался толкнуть его.

— Покружись еще раз,— попросил он дэва,— потом уж и я...

— Вот смотри,— сказал дэв.

Когда дэв снова пробежал мимо мальчика, тот воскликнул: «О боже!» — и толкнул дэва. Дэв закричал и шлепнулся в котел. Стал он барахтаться, но чем больше он бултыхался, тем вернее тонул. И вот дэв сварился.

А мальчик тотчас же раздвинул бороду дэва и достал семьдесят ключей. Он отпер все комнаты, и в одной из них увидел несколько полуживых, с переломанными ребрами шахзаде. Подошел он к ним и сказал:

— Я убил волшебника-дэва, а теперь отпираю крепость. Можете ли вы сами отправиться по домам? Если да, то я возьму вас с собой.

А те заплакали:

— Ох, спасибо! Но только если родные за нами не придут, мы и подняться не сможем.

Тогда мальчик вышел, надел через плечо ружье, опоясался саблей, взял себе золота и серебра и сел верхом на одного из коней. Выехал он наружу, снова запер все входы, а ключи спрятал в яме. На воротах крепости он написал: «Я сын та-

кого-то падишаха. По такой-то причине попал в руки волшебника-дэва. В конце концов его убил, а теперь направляюсь на восток».

И отправился он после этого на восток. Коротко ли, долго ли он ехал, а в один из дней подъехал к большой чинаре. Привязал он в ее тени коня и собрался отдохнуть. Вдруг с верхушки дерева послышались шум и крики. Поглядел он наверх и видит: на дереве сидят птенцы птицы Симург, а к ним снизу подбирается огромный черный дракон. Птенцы плачут от страха. А этот дракон, оказывается, каждый год приползал поедать птенцов. Вот шахзаде тотчас взял свою саблю, перерубил дракону шею и опять улегся спать. Птенцы успокоились и сидели, приговаривая:

— Слава богу, этот человек спас нас от беды.

Спустя некоторое время прилетела птица Симург. Посмотрела она вниз, а там стоит привязанный конь и рядом с ним спит человек. «Ага, так вот кто каждый год поедает моих птенцов,— подумала птица Симург.— Придавлю-ка я этого человека камнем». Она притащила огромный кусок скалы и уже собиралась сбросить его на шахзаде, но тут птенцы закричали:

— Ах, матушка, не делай этого, ведь он спас нас от беды!

— От какой такой беды? — спросила мать.

Птенцы ей отвечали:

— Сначала выбрось этот камень и подлети к нам поближе, тогда расскажем.

Бросила птица Симург камень и подлетела к птенцам.

— Посмотри-ка вниз, матушка,— сказали птенцы.

Поглядела птица Симург вниз и видит: лежит огромный мертвый дракон.

— Кто же это его убил? — спросила она.

Птенцы рассказали ей обо всем, что произошло. И тогда птица Симург подумала: «Каждый год дракон съедал моих птенцов. А этот человек спас меня от такого бедствия, совершил доброе дело. Сделаю-ка и я для него что-нибудь хорошее». И птица Симург, распустив крылья, устроила тень над спящим шахзаде.

Когда шахзаде проснулся, он, словно в дурном сне, от страха не мог даже подняться и лежал, моргая глазами. Птица Симург увидела это, отодвинулась немного и приветствовала шахзаде. Тот ответил ей, поднялся и сел.

— О шахзаде, — сказала птица Симург, — ты сделал для меня доброе дело, которое нельзя забыть. Каждый год в мое отсутствие дракон поедал моих птенцов. Скажи, чего ты желаешь в мире, и я послужу тебе как только смогу. Я — жена падишаха птиц, Симург.

— Ничего мне не нужно, — отвечал шахзаде. — А еду я на восток.

И он рассказал ей все, что с ним случилось. Тогда птица Симург вырвала у себя несколько перышек, дала их шахзаде и говорит:

— О шахзаде, всякий раз как тебе придется туго, сожги эти перья — и я прилечу к тебе со всем своим войском.

Затем они распрощались. И снова мальчик направился на восток.

Ехал он, ехал — и заехал в дремучий лес. Едет он лесом, и тут вдруг на весь лес раздается чей-то вой. Мальчик спешился и с конем на поводу пошел вперед. Он увидел — лежит тигр, а в его лапу вонзилось огромное дерево. Шахзаде отпрянул назад, а тигр ему и говорит:

— Не уходи, человек! Подойди помоги моей беде: вытащи из моей лапы занозу, и тогда мы будем братьями до конца дней.

Услыхав такие слова, шахзаде подошел поближе и понял, что дерево в лапе тигра причиняет ему сильные мучения. Тогда шахзаде сказал:

— Послушай, тигр, ведь когда я стану тащить из твоей лапы это дерево, ты от боли можешь мне навредить. Вам, хищникам, доверять нельзя.

— Это ты верно говоришь, — стал умолять тигр, — но сделай так: сначала вырой саблей яму и укройся в ней. Тогда я протяну тебе лапу и ты вытащишь занозу. Я взвою от боли и стану рыть лапами землю, а ты в это время пригнись в своей яме. Потом, когда я снова приду в себя, мы с тобой еще поговорим.

Мальчик тотчас же выкопал яму и укрылся в ней. Тигр протянул лапу с занозой, мальчик изо всех сил дернул занозу и вытащил ее. Тигр страшно взревел и стал рыть лапами землю, так что засыпал землей и пылью всю яму. Потом он от боли потерял сознание. А мальчик в это время сидел в яме. Сабля, лежавшая сверху, уберегла его от падавших комьев.

Когда спустя некоторое время тигр очнулся, он увидел,

что заноза из лапы вынута, все кругом залито кровью, а яма засыпана землей.

— Неужели я погубил человека, сделавшего мне добро, — заохал тигр.

И тут же начал когтями откапывать яму. Показалась голова мальчика, и тигр спросил:

— Эй, человек, ты жив?

— Жив, — ответил мальчик и выбрался из ямы.

Когда шахзаде вылез из ямы, тигр почтительно встал перед ним и сказал:

— О человек, я падишах тигров. Ты сделал мне великое добро. Теперь скажи, чего ты хочешь в этом мире, и я помогу тебе, чем только смогу.

— Спасибо, — сказал мальчик. — Мне ничего не нужно. А еду я в восточные страны — прогуляться, посмотреть свет.

Тогда тигр вырвал несколько волосков из своей шкуры, дал их мальчику и сказал:

— О юноша, если с тобой что-нибудь случится, сожги эти волоски, и в тот же миг тебе на помощь приду я со всем своим войском.

Затем они распрощались, и мальчик снова отправился в путь. Коротко ли он ехал, долго ли ехал, а выехал из лесу в ровную степь и повстречал пастухов, пасших овец. Подъехал он к пастухам и поздоровался с ними.

— Добро пожаловать, — ответили пастухи на его приветствие, — остановись у нас.

— Я проезжий путник, — сказал мальчик, — нельзя ли мне немного отдохнуть в вашем коше?

— Хорошо, — отвечали пастухи и взяли под уздцы коня мальчика.

Тот дал каждому из пастухов по пригоршне золота, и пастухи тут же зарезали в его честь овцу. Мальчик отдохнул немного, поспал, поел, а потом и спрашивает:

— Скажите, пастухи, что это за дворцы и сады там виднеются и какой падишах ими владеет?

— О юноша, — отвечали пастухи, — это столичный город. А рядом с ним — дворец дочерей падишаха. У нашего падишаха три дочери, и все они еще не замужем. А вон там подземные сады. В них гуляют жены падишаха, но вход туда всегда на запоре.

Юноша попросил у пастухов старый чекмень, заплатан-

ные рубаху и штаны и взял с собой желудок только что заколотой овцы. Попрощался он с пастухами и уехал. Ехал он, ехал — и добрался до подземного жилища падишаха. Тотчас он открыл его запоры, вошел внутрь и увидел чудесные сады и лужайку. Юноша тут же расседлал коня и пустил его пастись на лужайку. Потом он снял с себя доспехи и саблю и вырядился в старый чекмень и заплатанную одежду. Волосы он подобрал и надел на голову и шею овечий желудок, проделав дыры для носа и глаз. Пошел он ко дворцу дочерей падишаха, так же, как и прежде, открыл все запоры и вошел в сад к девушкам. А в саду росли удивительные дыни и арбузы. Юноша тотчас принялся их есть.

Пришел садовник и видит, что в сад забрался какой-то плешивый и ест все, что попадает под руку.

— Эй ты, плешивый, — сказал садовник, — ты зачем без спросу и дозволения залез в сад дочерей падишаха, все рвешь тут и портишь? Сейчас же убирайся отсюда! Я здешний садовник.

Тогда юноша попросил его:

— Послушай, садовник, я странник, круглый сирота. Возьми меня, если можно, себе в помощники.

Садовник подумал: «Парень для всякой работы пригоден. Эх, была не была, пусть остается», — и сказал:

— Ладно, сынок. А коль так, иди приглядывай за садами.

Стал юноша ходить по саду да есть плоды, какие ему нравились.

Вот как-то раз дочери падишаха пришли купаться в пруду, который был посреди сада. Юноша тотчас притаился в кустах и стал потихоньку разглядывать девушек. А те об этом не знали. Скинули они с себя одежды и вошли в воду. Тут юноша увидел, что две из них постарше, а младшая в том же возрасте, что он сам, и необыкновенно красива. Девушки были в воде, а юноша тут как закричит:

— Эге-ге-ге!

Девушки оделись впопыхах и стали оглядываться, говоря:

— Вот, вот здесь кто-то шевелится.

Вдруг одна из них говорит:

— Ой, гляньте-ка, вон показалась плешивая голова. —

И девушки погнались за юношей.

— Ай-ай, дочери падишаха хотят меня поймать, — закричал тут юноша и убежал, не дав себя поймать.

Девушки утомились и вернулись во дворец. Сидят они, расчесывают волосы — и вдруг входит в дверь плешивый и говорит старшей дочери падишаха:

— Дай мне гребень, я тоже причешусь.

А девушка отвечает:

— Чтоб ты сдох, проклятый плешивец, проваливай!

Попросил он у средней дочери, а та и говорит:

— Да пропади ты пропадом, проклятый плешивец, убирайся!

Тогда попросил он гребень у младшей.

— Ну что ж, ладно, дам я тебе свой старый гребень, — сказала девушка и дала ему гребень.

Взял юноша гребень, пошел в сад, снял с головы овечий желудок и расчесал волосы. А потом снова надел желудок на голову и отнес гребень девушке. Младшая дочь падишаха взяла в руки гребень, а старшие дочери скривились:

— Тыфу, выбрось теперь этот гребень, проклятый плешивец воняет.

Но младшая дочь внимательно оглядела гребень и увидела, что на том конце, где частые зубья, остался волос длиной в полторы сажени. Взяла она его, смотрит — волос-то серебряный. Поглядела младшая дочь на другой конец гребня, а там волос длиной в две сажени. Разглядела она его, а он — золотой. Поняла девушка, что здесь какая-то загадка, но не проронила ни слова. Завязала она оба волоса в узелок платка, положила в сундук и говорит сестрам:

— Пойдемте опять к пруду.

— Ах ты, дурочка, ведь мы только что пришли с пруда, — отвечали сестры.

— Но ведь плешивый не дал нам искупаться, — сказала младшая дочь. — Я пойду снова.

И она вышла. Пришла она в сад, стала искать плешивого — и вот наконец его увидела. Юноша спал под деревом. Девушка тихонько осмотрела его лицо и голову и заметила овечий желудок. Она хотела снять желудок, но побоялась, что юноша проснется. Тогда она осторожно приподняла рубашку плешивого, обнажила его живот и увидела, что он сверкает, словно тело юноши из света. Увидела это девушка да так и присела. Вернулась она домой и стала днем и ночью думать, как бы найти разгадку этого необычайного дела.

А падишах меж тем вовсе и не собирался выдавать своих

дочерей замуж. Однажды девушки завели между собой об этом разговор:

— Ох, выдадут ли нас когда-нибудь замуж?

— Если хотите выйти замуж, — сказала младшая, — я научу вас, что нужно сделать.

— Научи, — попросили сестры.

Младшая дочь падишаха сорвала и принесла три дыни — одну высохшую, вторую чуть посочнее, а третью только-только поспевшую. Потом она положила их на блюдо, в каждую воткнула нож, а сверху все прикрыла платком. Блюдо она дала садовнику и сказала:

— Ступай передай это отцу. Это наш подарок.

Садовник унес дыни.

Падишах сидел, окруженный везирами и векилями. Садовник поклонился и попросил разрешения войти.

— Входи, садись! — сказал падишах.

Садовник протянул блюдо, которое послали девушки, поставил его перед падишахом и произнес:

— Вот твои дочери послали это тебе в подарок.

Падишах подвинул блюдо к везиру и сказал:

— Возьми, везир, открой. Поглядим, что за подарок прислали мои дочери.

А везир снова передвинул блюдо к падишаху и проговорил:

— Нет, падишах, это подарок твоих дочерей. Тебе следует открыть его самому.

Падишах согласился. Он приподнял платок и увидел три дыни, в каждую из которых был воткнут нож. Потрогал падишах дыни и обнаружил, что две из них уже высохли, так что и есть их нельзя, а третья — как раз только поспела.

— Вот так подарок прислали отцу эти девушки! — воскликнул падишах. — Неужели у них не нашлось ничего другого? Ну, везир, возьми да съешь, если тут можно что-то есть.

А везир сказал:

— О падишах, эти дыни посланы тебе не для того, чтобы их есть. Здесь скрыт какой-то смысл.

— Какой такой смысл? — спросил падишах. — Если ты догадался, скажи.

— О падишах, — продолжал везир, — две высохшие дыни — это твои старшие дочери, их время почти прошло. Но ты об этом совсем не думаешь. А только что созревшая

дыня — твоя младшая дочь, которая тоже уже достигла совершеннолетия. Теперь нужно постараться их пристроить.

— Верно говоришь, везир! — воскликнул падишах.

И тотчас падишах приказал кликнуть клич, чтобы все мужчины, и стар и млад, в определенный день прошли перед дворцом дочерей падишаха. Дочери падишаха выйдут замуж за тех, кто им понравится. А девушкам дали по яблоку и приказали:

— Киньте яблоко в того, кто вам понравится.

Через несколько дней каждый нарядился как мог, и все стали проходить перед дворцом дочерей падишаха. А те смотрели на них сверху. Вдруг, горяча коня, вперед выехал сын везира. Старшая дочь падишаха тотчас бросила яблоко и попала в его шапку. Отдали старшую дочь за сына везира. Спустя некоторое время перед дворцом появился одетый в разноцветные одежды, на коне с серебряной сбруей сын векиля. В него бросила яблоко средняя дочь падишаха. Отдали среднюю дочь за сына векиля. Тогда люди стали поговаривать:

— Теперь осталась самая красивая дочь падишаха. Поглядим, кого она выберет, за кого пойдет.

Стали тут все проходить мимо, но девушка ни в кого не бросила яблоко.

— А ну-ка, — сказал падишах, — проверьте, не осталось ли в городе человека, который бы не прошел мимо дворца.

И ясаулы ответили:

— Не осталось никого, кроме плешивого, что живет у садовника.

Тогда кое-кто заговорил:

— А-а, это тот самый плешивый... Он к тому же еще и безумен.

— Какой бы он ни был, приведите его и заставьте пройти здесь, — приказал падишах.

Ясаулы отправились к садовнику и хотели схватить плешивого, а тот с криком «Ой-ой, убивают!» бросился бежать. Наконец-то ясаулы поймали плешивого, поколотили и потащили мимо дворца. И тут дочь падишаха бросила в плешивого яблоко.

— Ой-ой, дочь падишаха продырявила мне бок! — закричал плешивый, схватился за бок и пустился бежать.

Падишах с везирами и векилями решили, что девушка,

наверное, ошиблась. Снова собрали и провели людей перед дворцом, но, как и прежде, дочь падишаха сидела неподвижно. Тогда опять поймали и протащили мимо дворца плешивого. И девушка снова бросила в него яблоко. Разгневался падишах:

— Ну раз так, выдайте ее за него!

Отдал падишах дочь за плешивого, но был очень недоволен этим и считал для себя позором, что его дочь вышла замуж за плешивого. А везиры и векили говорили промеж себя:

— Дочка-то падишаха оказалась с придурью: на наших сыновей, молодых красавцев джигитов, и смотреть не стала, а вышла замуж за какого-то плешивого. Опозорила она падишаха.

По приказу падишаха для старших дочерей тотчас поставили белые юрты*. Свадьбу праздновали несколько дней. А младшую дочь падишах проклял и поселил в ослином хлеву. С младшей дочерью и плешивым обращались хуже, чем с собаками. Но девушка и шахзаде своим блеском озяряли этот хлев и жили хорошо. Девушка-то понимала, за кого она вышла замуж.

Прошло некоторое время. Падишах заболел. В народе пронесся слух, что падишах передаст престол мужу своей старшей дочери — сыну везира.

Вот как-то захотелось падишаху мяса кейика.

— Что ж, — сказали зятья, — мы его мигом добудем.

Взяли они с собой еды, сели каждый на хорошего коня и поехали на охоту.

— Ну а что-то нам удастся? — заметил плешивый и тоже отправился, неторопливо потрусив на хромой кобыле.

Поехал плешивый, открыл ворота подземной крепости, оделся в свою падишахскую одежду, опоясался саблей, надел ружье и пересел с кобылы на своего коня. Запер он опять ворота крепости и помчался в горы. Прискакал он в одно ущелье и зажег тут перо птицы Симург и волосок тигра. В тот же миг все вокруг заполнилось птицами симург и тиграми. Юноша уселся посреди них, сверкая, как месяц. Падишах тигров и жена падишаха птиц симург склонили перед ним головы и сказали:

— Чем мы можем служить тебе, шахзаде?

— Ничего особенного мне не нужно, — отвечал шахзаде и рассказал о том, что с ним произошло.

И тотчас тигры и птицы симург согнали всех кейиков с гор и равнины. И кейики тоже склонили головы перед шахзаде.

А сын везира и сын векиля изъездили за несколько дней все степи и, не найдя добычи, направились в горы. И тут вдруг наткнулись на сборище. Смотрят, а там — тигры, птицы симург, кейики, а среди них сидит, словно месяц, красавец юноша. Сын везира и сын векиля сначала было испугались, потом посоветовались и решили: «Подойдем-ка открыто да попросим, авось наша просьба и будет исполнена». Подошли они, поклонились и поздоровались. Тогда юноша и говорит им:

— Подойдите ближе, джигиты, да расскажите, какие у вас новости?

— Мы боимся тигров, — отвечали те.

А юноша им говорит:

— Не бойтесь, подходите! Ведь если бы тигры не подчинялись мне, они не стояли бы тут, склонив головы.

Тогда сын везира и сын векиля рассказали:

— Наш падишах тяжело заболел, и лекарство от его болезни — мясо кейика. Мы изъездили все степи, но так и не нашли кейика. И вот, объезжая все кругом, мы встретили тебя. Посоветовались мы и решили просить тебя помочь нам в этом деле.

Юноша им отвечал:

— Вы ведь знаете, что, когда умирает человек, его оплакивают, сильно по нем горюют. А мы вот горюем из-за смерти каждого животного. Но так и быть, раз уж вы приехали, я исполню вашу просьбу. Но только с одним условием.

— Скажи, каково твое условие? — сказал сын везира. — Мы его выполним.

— Так вот, — продолжал юноша, — я сам убью двух кейиков. Головы и ноги заберу себе, а вам отдам тушу. Но за это я поставлю свою печать на ваших ляжках.

Тут юноша достал и показал им свою печать. Как ни трудно было сыновьям везира и векиля согласиться с этим, но делать нечего, посоветовались они и решили: «Э, никто не увидит».

Юноша накалил печать и приложил ее к их ляжкам. А на печати было обозначено имя юноши. Потом он убил двух кейиков, забрал себе их головы и ноги и незаметно посыпал

туши каким-то горьким зельем. Сыновья везира и векиля взяли кейиков и, морщась от боли, без конца привставая в седле, вернулись домой. А юноша снова взял у тигра и птицы Симург волосок и перо, попрощался с ними и отпустил их. Потом он отпер подземную крепость, оставил там своего коня и оружие, взял с собой головы и ноги кейиков, сел верхом на хромую кобылу и потрусил к дому. Приехал он домой и сказал жене:

— Вот вымой и почишь это поскорей, да приготовь ярму. Отошлем ее твоему отцу.

Жена тотчас принялась готовить.

А сыновья везира и векиля пришли к падишаху и похвастались, словно люди, которые преуспели в своем деле.

— Мы вернулись с добычей.

Старшая дочь положила в плов мясо кейика, привезенного мужем, приготовила и принесла плов падишаху. Тот попробовал и стал отплевываться:

— Что это так горько?

Попробовала старшая дочь, и в самом деле — горько. Застыдилась она, забрала плов и отошла. Принесла ему средняя дочь.

— Ну а этот плов как? — сказал падишах, пробуя.

Оказалось, что этот плов еще более горький. Плюнул падишах, лег и отвернулся. Дочери, пристыженные, протиснулись в дверь и ушли. Пришли они к своим мужьям и заплакали:

— Хорошую же дичь вы привезли!

Тогда младшая дочь падишаха немного погодя наложила в деревянную миску ярмы, принесла падишаху и сказала:

— Вот, отец, попробуй этого.

— Да пропади пропадом и ты сама, и твоя ярма! Ничего мне от тебя не нужно, — сказал падишах и отворотился еще больше.

— Послушай, падишах, — заговорила тогда мать девушки, — что бы там ни было, а она — твоя дочь. Посмотри, что она принесла тебе в подарок, попробуй хотя бы, каково это на вкус.

Попробовал падишах, и на этот раз еда ему понравилась. Съел он все и спросил:

— А нельзя ли еще немного?

— Сейчас пойду посмотрю, — отвечала дочь, — может

быть, плешивый не все съел. Пошла она домой и рассказала все мужу.

— Пстой-ка, — засмеялся плешивый, взял немного навоза от мула, положил в миску, а сверху прикрыл ярмой. Если поглядеть, то кажется, что это мясо.

— Зачем ты это сделал? — спросила девушка.

— Помалкивай, — отвечал плешивый. — Отнеси миску да поставь перед падишахом. Он станет есть, а тут вдруг покажется навоз. Если он спросит: «Что это?» — ты ответь: «Ах, мы не заметили — ведь мы живем в хлеву, вот и попало».

Девушка взяла миску, принесла и поставила ее перед отцом. Падишах начал с удовольствием есть. Вдруг то, что он положил в рот, посчитав это мясом, оказалось навозом.

— Это еще что? — воскликнул он, отплевываясь.

— А мы и не заметили, отец, — отвечала дочь. — Живем-то мы невесть в каком месте, как тут ни старайся, чтобы было чисто, да ведь не может быть...

— Немедленно дать им какой-нибудь старый дом! — повелел падишах.

А старшие дочери падишаха все время издевались над младшей и попрекали ее:

— Эх ты, опозорила нас, вышла замуж за плешивого!

Наконец однажды девушка не выдержала и пришла к мужу в слезах:

— Ох, парень, если у тебя есть какая-нибудь чудесная сила, прояви ее, а то я совсем уж не в силах терпеть.

— Ладно, — отвечал юноша. — Ступай сегодня и садись с сестрами рядом. Я надену все свое снаряжение, сяду на своего коня, а ты, увидев меня, скажешь: «Вон едет мой муж». Тогда сестры станут тебе говорить: «Эх ты, если твое сердце желает такого мужа, то зачем же ты вышла замуж за плешивого?» А ты в ответ им скажи: «Побьемся об заклад: если окажется, что это мой муж, вы пойдете ко мне в служанки, а если нет — я стану служить вам».

Промолвив это, юноша сел на свою кобылу и уехал. Отворил он ворота подземной крепости, надел свое снаряжение, перекинул ружье, вскочил на коня и выехал. Появился он вдали, весь сверкая.

Младшая дочь вдруг глянула вдаль и сказала сестрам:

— Вон едет мой муж, мой плешивый.

— Ох, чтоб ты пропала! — отвечали девушки. — Если тебе

нужен такой муж, зачем же ты вышла за поганого плешивого и опозорила отца?

Тогда младшая дочь сказала:

— Побьемся об заклад: если это едет мой плешивый, вы станете моими служанками, а если нет, тогда я буду служить вам.

— Ладно, — согласились девушки.

Вдруг видят они, что тот всадник, который сиял, словно месяц, подъехал ко дворцу.

— Ну, слезай с коня! — сказала ему младшая дочь.

Всадник спешил, привязал коня и вошел в их жилище.

— Ого, — воскликнули старшие дочери, — оказывается, у ее плешивого есть какая-то тайна!

Плешивый поел, вышел за ограду селения, зажег волосок тигра и перо птицы Симург, и все вокруг заполнилось птицами симург и тиграми. Сел юноша посредине, а они стали, ожидая повеления.

Между тем падишаху донесли, что перед селением расположился шахзаде с огромным количеством тигров и птиц симург. Испугался падишах и приказал, чтобы все — мужчины и женщины, стар и млад — вышли навстречу шахзаде. А сам пошел во главе их. Пришли они, почтительно во многих местах поцеловали землю и поздоровались. Падишах в знак покорности сложил ладони и спросил:

— Откуда ты пришел и куда держишь путь?

— С запада, — отвечал юноша, — а путь держу на восток. Да вот было у меня несколько рабов. Они убежали и скрылись в вашем городе. Я пришел по их следу. Если ты найдешь и вернешь их мне, я двинусь дальше.

— Не может этого быть, — сказал падишах. — Сюда пришли все мужчины до единого. Гляди, если среди них есть твои рабы, тогда хватай их.

— О падишах, — проговорил юноша, — я точно знаю, что мои рабы находятся в вашем городе. Если ты не поймал их, я поймаю сам, и тебе будет стыдно. Поэтому лучше сначала все выясни и дознайся, а потом уж говори.

— Кто еще остался в городе и не пришел сюда? — спросил падишах.

— Остались сын везира и сын векиля, — отвечали везиры.

— Немедленно приведите их, — приказал падишах и, подойдя к юноше, проговорил:

— О шахзаде, в городе не осталось никого, кроме моих зятьев — сына везира и сына векиля, и они тоже сейчас придут.

— Ладно, — сказал шахзаде, — пусть придут, посмотрим.

А сын везира и сын векиля, услышав, что явился шахзаде, спрятались — один в тандыр, другой — в яму. Обыскали весь город, но их не нашли. А тут какая-то старуха и говорит:

— Кого ищите? Вон в том тандыре и в этой яме спрятались двое.

Отыскиали их ясаулы, привели, и шахзаде, как только их увидел, воскликнул:

— Ага, вот они — мои рабы!

— О шахзаде! Это сын моего везира, а другой — сын векиля, и оба мои зятья, — сказал падишах.

Но как он ни старался убедить в этом шахзаде, тот не соглашался. Наконец шахзаде сказал:

— О падишах, «Хамадан далеко, а грядка близко» *, пусть эти двое снимут штаны — поглядим: если у них на ляжках есть мое клеймо, значит, говорю правду я, если же нет, значит, верны твои слова.

— Хорошо, — согласился падишах.

Как ни отбивались сын везира и сын векиля, их притащили, сняли с них штаны, и все увидели, что прав шахзаде.

— Сказать мне нечего, все верно, — растерялся падишах.

Тогда шахзаде сказал:

— Пока я оставляю их у вас, а заберу на обратном пути.

И шахзаде отпустил их.

Падишах вернулся в свой город. А шахзаде распрощался с тиграми и птицами симург и тоже пошел в город, к себе домой. Дочь падишаха встретила его, привязали они коня и, взявшись за руки, вошли в дом. А люди, увидев это, поспешили к падишаху и стали рассказывать:

— О падишах, тот шахзаде пошел к твоей младшей дочери, и они, держась за руки, вошли в дом. Оказывается, это и есть твой плешивый зять. И вовсе он не плешивый. Он сын падишаха, а его лицо и глаза сияют, как будто весь он создан из света.

Пришел падишах, посмотрел, и правда — это его зять. Похлопал он свою дочь по спине и сказал:

— Слава богу, дочка, дураком оказался я, а ты знала, за

кого выйти замуж. А тебе, шахзаде, я отдаю свой престол — ведь я уже стар.

— Нет, — отвечал шахзаде, — престол мне не нужен. Он есть и у меня на родине. А мой удел — странствие.

И вот однажды увидел шахзаде сон. Приснилось ему, что вышел он из южных ворот города, пришел в незнакомый город и стал там бороться с каким-то богатырем. И когда он богатыря опрокинул, с лица у того спало покрывало. Глядит шахзаде — а это девушка, притом очень красивая. Тут шахзаде внезапно проснулся.

Назавтра шахзаде собрался, сказал: «Я на охоту», — и ушел. Куда он направился, не знал никто.

Дошел шахзаде до южной части города — и вот перед ним ворота, которые он видел во сне. Вышел он из ворот, сел на коня и поехал. Коротко ли ехал, долго ли ехал — и доехал до города, где жили пери. Падишахом города была девушка-богатырь. Она говорила, что выйдет замуж за того, кто победит ее в борьбе и заставит ее коснуться затылком земли. Многие пытались ее победить, но она с помощью волшебства связывала их по рукам и ногам и бросала в волшебный колодец. Из многих стран приезжали сыновья падишахов и, потерпев неудачу, были обречены задыхаться в колодце и умирать.

Въехал наш шахзаде в город, а навстречу ему пери.

— Стреляться или бороться? — спросила она.

— Бороться, — отвечал шахзаде.

Поглядела пери на шахзаде — перед ней юноша, подобный месяцу. Стали они бороться. Шахзаде начал было одолевать и уже повалил пери наземь. Но тут с лица пери слепо покрывало, шахзаде увидел ее и сразу ослаб. Девушка, пользуясь моментом, подняла шахзаде, бросила его на землю, потом связала ему руки и ноги и кинула на дно колодца. Приставила она к колодцу стражу и наказала:

— Этому давать по капле воды в день.

А жена шахзаде уже три дня ждет своего мужа. Никаких вестей от него нет, плачет она и горюет.

Теперь послушайте вести о брате нашего шахзаде. Каждый день брат шахзаде смотрел на яблоко, которое ему дал дервиш, и радовался:

— Мой брат жив-здоров!

Но однажды он увидел, что яблоко пожелтело и высохло.

«Ох, какая-то беда случилась с моим братом», — подумал он и направился в ту сторону, куда ушел дервиш.

Долго ли он ехал, коротко ли ехал, а доехал до той самой крепости и присел немного отдохнуть. Увидали его попугаи и засмеялись.

— Эй, попугаи, почему вы смеетесь? — спросил старший шахзаде.

— О шахзаде, как же нам не смеяться. Ведь ты попал было в руки людоеда, а мы сжалились над тобой и научили кое-чему: вот ты и убил волшебника, спасся от него и ходишь теперь здоровый и невредимый!

Старший шахзаде подумал: «Попугаи принимают меня за брата. Стало быть, то был не дервиш, а волшебник-дэв, и мой брат убил его». Он подошел к воротам крепости, прочитал надпись, оставленную братом, нашел ключи и отпер все запоры, все комнаты. Взял он снаряжение, зачерпнул горсть золота и серебра, сел верхом на другого коня и поехал по следам брата. Долго ли он ехал, коротко ли ехал — добрался до чинары птицы Симуург. Подошла к нему птица Симуург и почтительно спросила:

— О шахзаде, как ты поживаешь?

Тут старший шахзаде понял, что птица Симуург приняла его за брата, значит, тот проезжал здесь. Не стал он ничего отвечать птице Симуург и поехал дальше. Ехал он, ехал — и приехал в лес. А когда проезжал по лесу, повстречал вдруг тигра. Увидев тигра, он хотел было убежать, но тигр ему сказал:

— Эй, шахзаде, почему ты бежишь от меня? Разве я тебе чем-нибудь угрожаю? Ты сделал для меня такое доброе дело! «Эге, мой брат и тут проезжал», — подумал старший шахзаде, однако тигру ничего не стал говорить и поехал дальше. Ехал он, ехал — и приехал в тот самый город. Увидев его, все встречные стали здороваться. Наконец подошла к нему младшая дочь падишаха, жена его брата, и сказала:

— Слезай!

Подумал он, что это, верно, жена брата, и пошел за ней в дом. Дочь падишаха хотела, как обычно, привязать его коня, но юноша ей не позволил. Дочь падишаха вскипятила чай, чтобы они, как всегда, вместе сели его пить. Но старший шахзаде сказал:

— Нет, я буду пить один.

Тогда дочь падишаха постелила постель и сказала:

— Ложись спать.

Старший шахзаде лег в постель, а немного спустя и девушка забралась под одеяло. Тогда старший шахзаде обнажил саблю, положил ее между собой и девушкой и сказал:

— Смотри, предупреждаю — если передвинешься ближе, эта сабля проткнет тебя.

Видя, что девушка принимает его за брата, старший шахзаде подумал: «Мой брат куда-то уехал, но куда?» — и с тем заснул. А девушка стала его спрашивать:

— О юноша, что случилось с тобой? Сказал, что едешь на охоту, уехал и не вернулся в положенный срок. А теперь, когда вернулся, ведешь себя странно.

Но старший шахзаде спал и ничего ей не ответил. Так девушка и просидела всю ночь плача.

Спит старший шахзаде и видит сон, будто его брат выехал из южных ворот крепости и приехал в город пери. Стал он там бороться с пери и чуть не победил, но был обманут и брошен в зиндан. Тут старший шахзаде вздрогнул и проснулся. Оседлал он коня, взял снаряжение, выехал в городские ворота и тронулся в путь. Ехал он, ехал — и добрался до города пери. Когда пери-богатырь его увидела, она стала укорять стражника:

— Ты зачем это выпустил человека, которого я посадила?

— Это другой, — отвечал стражник, — тот сидит в яме.

Тогда султанша-пери вышла навстречу старшему шахзаде и спросила:

— Стреляться или бороться?

— Бороться, — отвечал старший шахзаде, и они схватились.

Наконец старший шахзаде одолел пери. Он повалил ее наземь, приставил к горлу алмазную саблю и спросил:

— Где мой брат?

— Ой, не убивай! — крикнула пери. — Твой брат жив, сейчас его выпущу.

Выпустили младшего шахзаде, а тот еле стоит на ногах. Тогда старший брат сказал:

— Немедля отыщите средство и приведите шахзаде в себя.

Младшего брата привели в себя, полечили несколько дней, и стал он здоровым, как прежде. Тут старший шахзаде рас-

сказал брату, как он встретил попугаев, как прочитал оставленную надпись, нашел ключи, добыл коня и оружие, как встретил птицу Симург, а потом — тигра, который обознался, как приехал к жене брата и та приняла его за мужа.

Оба брата возрадовались и, словно два ясных месяца, направились к городу шахзаде. Долго ли ехали, коротко ли ехали — приехали они к дому шахзаде.

Жители города никак не могли отличить одного шахзаде от другого. И дочь падишаха не знала, чьего коня ей принимать. Наконец привязала она коня младшего шахзаде, тот обнял девушку, и они вошли в дом. Тогда дочь падишаха поняла, что прежде ошибалась, — тот, кто приезжал раньше, не был ее мужем, — и раскаялась в своем поведении.

Собрался вокруг них народ и просил обо всем рассказать. И они рассказали о том, что с ними произошло. По этому случаю был устроен пир на несколько дней и ночей, резали баранов, варили плов.

Я тоже нес с того пира миску плова и большую кость. Но вдруг на дороге споткнулся — плов по земле рассыпался. А кость пес Акбилек утащил. Так я голодным и остался.

25. Кельдже-батыр

Было ли не было, у одной женщины был сын по прозвищу Кельдже-батыр *. Однажды сговорился он с друзьями, с которыми вместе играл, поехать за дровами. Кельдже-батыр сказал матери, что собирается за дровами, и велел ей приготовить полпуда ковриги.

Отправились они за дровами. Коротко ли они ехали, долго ли ехали — приехали в одно место. Проспали ночь, а наутро друзья Кельдже-батыра стали собирать дрова. А Кельдже лежит и дров не собирает. Тут его друзья стали кричать:

— Кельдже-батыр, а где же твои дрова?

А Кельдже-батыр им отвечает:

— Если я стану собирать дрова, то что же мне тогда делать с полпудом ковриги, которую мне приготовила мать?

Тогда друзья собрали для Кельдже дрова и сказали:

— Кельдже, связывай дрова.

А Кельдже снова говорит:

— Если я стану связывать дрова, то что же мне тогда делать с полпудом ковурги, которую мне приготовила мать?

Тогда связали они дрова для Кельдже, навьючили свои вязанки на верблюдов и сказали:

— Ну, Кельдже, навьючивай свою вязанку.

А Кельдже им ответил:

— Если я стану навьючивать свою вязанку, что же тогда мне делать с полпудом ковурги, которую мне приготовила мать?

Друзья навьючили вязанку Кельдже и, ведя своих верблюдов, сказали:

— Кельдже, веди и ты своего верблюда.

А Кельдже им говорит:

— Если я буду вести своего верблюда, что мне тогда делать с полпудом ковурги, которую мне приготовила мать?

Тогда друзья Кельдже повели верблюдов, и Кельдже тоже отправился вслед за ними. Шли они, шли — вдруг заблудились и попали к одному дэву. Дэв и говорит им:

— Ложитесь спать здесь.

Вот сняли они вьюки, легли и заснули. А Кельдже не стал спать.

«Видно, они уже заснули», — подумал дэв. Через некоторое время он вошел и крикнул:

— Кто спит, кто не спит?

Тогда Кельдже-батыр в ответ ему крикнул:

— Я не сплю!

— Ты почему не спишь? — спросил дэв.

А Кельдже ему ответил:

— Каждый день, когда я ложился спать, моя мать приносила мне в мелком решете воду из такой-то речки — я напьюсь и тогда сплю.

Дэв пошел и принес Кельдже воду в мелком решете. Тот попил и улегся. Немного времени спустя дэв опять вошел и крикнул:

— Кто спит, кто не спит?

— Я не сплю! — отвечал Кельдже-батыр.

— Ты почему не спишь? — спросил дэв.

И Кельдже сказал:

— Когда я ложился спать, моя мать всегда делала мне яичницу из яиц такой-то курицы — я поем и тогда сплю.

Дэв принес яйца, сделал яичницу и ушел опять. Тут-то Кельдже потихоньку от дэва и убежал.

Через некоторое время дэв пришел снова и закричал:

— Кто спит, кто не спит?

Никто не издал ни звука. Тогда дэв съел их всех одного за другим.

А Кельдже, убежав от дэва, шел, шел — и пришел к одному хану.

— Откуда ты пришел? — спросил его хан.

И Кельдже рассказал:

— Мы набрали дров и, возвращаясь назад, попали к дэву. Всех моих товарищей дэв съел, только мне одному удалось спастись.

— Послушай, Кельдже, — сказал хан, — у этого дэва есть золотой ковер. Не сможешь ли ты его добыть?

И Кельдже-батыр ответил:

— Если ты дашь мне полный мешочек игл, заостренных с обоих концов, то я его добуду.

Хан принес ему полный мешочек игл, заостренных с обоих концов. Кельдже взял мешочек на плечо и пустился в путь. Пришел он к дому дэва, глядит — а дэва нет дома. Тогда Кельдже утыкал весь золотой ковер иголками, а сам спрятался. Вот пришел дэв, сел на золотой ковер, и тут иголки воткнулись ему в хвост. Дэв пришел в ярость и воскликнул:

— В тебя, видно, Кельдже-батыр вселился!

Вытащил он ковер наружу, отколотил его и бросил, а сам ушел. Кельдже взвалил ковер на спину и принес хану.

Тогда хан сказал:

— Послушай, Кельдже, у дэва есть золотой котел. Не добудешь ли ты его?

— Если дашь мне железную палку с острыми концами, то добуду, — отвечал Кельдже.

Вот хан принес ему железную палку с острыми концами, и Кельдже-батыр отправился в путь. Пришел он к дэву домой, а того снова нет. Кельдже выкопал под золотым котлом яму и спрятался в ней. Вот дэв вернулся домой. Тут Кельдже концом своей палки раз ударил по ушку котла, другой раз ударил — котел и загремел. Дэв разозлился, вскочил и как закричит:

— В тебя, видно, Кельдже вселился!

Отколотил он котел и бросил его, а сам ушел. Кельдже-батыр взвалил котел на плечо и принес его хану.

Тогда хан сказал:

— У дэва есть золотая курица. Может быть, ты и ее притащишь?

— Притащу, — ответил Кельдже, взял ту же палку и ушел.

Пришел Кельдже-батыр и увидел, что гнездо курицы находится под домом. Проткнул он железной палкой стену дома, ударил концом палки курицу в клюв, а та как закудахчет! Дэв разозлился пуще прежнего:

— В тебя, видно, Кельдже вселился!

Отколотил он курицу и бросил ее, а сам ушел. Кельдже-батыр поднял курицу и пришел с ней к хану. И снова хан спросил:

— А самого дэва ты притащить сможешь?

— Конечно, смогу, — отвечал Кельдже. — Если ты мне разрежешь козу с густой шерстью и привяжешь к каждому волоску ее шкуры по четыре бубенца, я тебе доставлю дэва.

Хан зарезал козу и к каждому волоску ее шкуры привязал по четыре бубенца. Тогда Кельдже-батыр надел козью шкуру, залез на крышу дома дэва и зазвенел бубенцами. Дэв испугался и в страхе закричал:

— Кто ты, человек или дух?

— Я не человек и не дух, а всего-навсего лев, который пожирает дэвов, — отвечал Кельдже-батыр.

Дэв испугался и сказал:

— Милый лев, не ешь меня. Я дам тебе все, что ты захочешь.

Тогда Кельдже сказал:

— Я не трону тебя, если ты влезешь в сундук, а ключ оставишь снаружи.

Дэв залез в сундук, а ключ от сундука оставил снаружи. Кельдже-батыр подошел и запер сундук. Взвалил он сундук на спину и принес хану. Вот хан открыл сундук, чтобы посмотреть дэва, а тот выскочил и съел хана. А Кельдже убежал и забрался в гнездо курицы. Дэв увидел его и собрался тоже съесть, а Кельдже ему и говорит:

— Ешь, конечно, если хочешь, только я весь в курином помете.

Тогда дэв сел верхом на прекрасного коня хана, опоясался его алмазной саблей * и погнал впереди себя Кельдже.

— Ступай,— сказал он.— я вымою тебя в бане, а потом съем.

Пришли они к бане, и Кельдже предложил:

— Давай я подержу коня, а ты войди в баню да осмотришься там.

Дэв поверил Кельдже, отдал ему коня и саблю, а сам вошел в баню. Тут Кельдже привязал алмазную саблю поперек двери, отпустил коня и закричал:

— Скорей, дэв, скорей! Твой конь вырвался и ускакал!

Дэв тотчас бросился наружу, и тут сабля отсекала ему обе ноги. Не вынес этого дэв и, крича от боли, умер.

А Кельдже забрал все добро, которое осталось от хана, и то, что принадлежало дэву, и принес своей матери. Так Кельдже-батыр достиг цели своего желания, говоря: «Хитрость — тоже геройство, если сумеешь ею воспользоваться когда нужно».

26. Сорок небылиц

Жил один богач, и был у него единственный сын. Захотел богач взять в жены своему сыну дочь падишаха.

— Я отдам свою дочь тому,— сказал падишах,— кто выучится у дэва его искусству.

Тогда повел богач своего сына к дэву учиться его искусству. Пришел он и сказал:

— Салам алейким *, дэв-ага.

— Вaleyким эссалам *,— отвечал дэв.— Хорошо, что ты приветствовал меня, как велит бог, а иначе я бы тебя разорвал и съел. Как твое здоровье? Расскажи, какие новости?

— Я привел своего сына учиться у тебя искусству,— сказал богач.

А у дэва был огромный сундук. Вот дэв и говорит богачу:

— Я посажу твоего сына в этот сундук, и пусть он просидит в нем сорок дней. Если умрет — будет мой, не умрет — твой.

— Ладно,— согласился богач, оставил сына в том сундуке и ушел.

А у дэва была дочь, и была она еще искуснее отца. Вот

однажды, когда дэв ушел на охоту, его дочь выпустила юношу из сундука, разожгла огонь, накормила-напоила юношу, а потом спросила:

— Понял?

— Нет, не понял, — отвечал он.

Тогда девушка снова запихнула его в сундук и сказала:

— Сиди там.

Назавтра, когда отец девушки снова ушел на охоту, она опять выпустила юношу. Потом разожгла огонь, накормила-напоила юношу и спросила:

— Понял?

— Нет, не понял, — снова отвечал юноша.

Тогда девушка опять посадила юношу в сундук, сказав:

— Сиди там.

На следующий день, когда отец ушел на охоту, она снова выпустила юношу из сундука, разожгла огонь, накормила-напоила юношу и спросила:

— Понял?

Тут юноша ответил:

— Понял.

— Ну раз понял, садись в сундук снова, — сказала девушка, запихнула его в сундук и заперла крышку.

Так до самого последнего дня девушка каждый день ненадолго выпускала юношу из сундука и кормила его, а на сороковой день, как обычно, выпустив и накормив юношу, она дала ему гроздь винограда и сказала:

— Завтра придет твой отец. И вот когда мой отец-дэв навестит зубы съест тебя и спросит, как же это ты выжил, ты отдай ему виноград и скажи: «Каждый день ко мне сверху падал вот такой виноград, я его и ел».

Сорок дней истекли, пришли отец юноши и отец девушки-дэв. Открыл дэв сундук и хотел было съесть юношу, но пригляделся, а тот, оказывается, жив.

— Чем же ты питался? — в гневе спросил дэв.

Тогда юноша отвечал:

— Каждый день ко мне сверху падала вот такая гроздь винограда, я его и ел. А этот сегодняшний виноград я сохранил, чтобы показать вам.

Юноша показал виноград дэву, и тот отпустил его с отцом.

Вот доехали они до одного места, и тут юноша отстал, будто бы облегчиться. А сам превратился в барана и догнал отца. Тот хотел было поймать барана, но не сумел. Тогда юноша снова превратился в человека и вернулся к отцу. Проехали они еще немного, юноша опять отстал и превратился в коня. Отец опять попытался поймать коня, но не смог. Тогда юноша снова превратился в человека. Проехали они степь, юноша опять отстал, превратился в ревущего верблюда-самца и погнался за отцом. Тот бросился бежать и прыгнул в яму. Тогда юноша снова превратился в человека, присел на корточках у отверстия ямы и спросил:

— Отец, что ты делаешь в этой яме?

— Я жду тебя.

— Если ты меня ждешь, то не лучше ли вылезть наружу? Зачем тебе эта яма, похоже, ты чего-то испугался?

И отец, ни о чем не догадываясь, рассказал:

— Сынок, когда ты отстал в первый раз, меня догнал баран. Это был не просто баран, а очень хороший баран, и

как я ни старался его поймать, он не дался. Я очень сожалел о нем. Когда ты отстал во второй раз, меня догнал конь. Его я тоже пытался поймать, но и это мне не удалось. О коне я тоже очень сожалел. А когда ты отстал в последний раз, меня догнал ревущий верблюд-самец и чуть не убил. Вот я и спрятался сюда.

— Отец, ведь это все был я,— сказал юноша.— Этому искусству я обучился у дэва. Завтра я превращусь в барана, а ты отведи меня на базар и продай. Только меньше чем за сто рублей не отдавай, а веревку на моей шее развяжи сам и заberi с собой.

На следующий день отец отвел юношу на базар, продал за сто рублей, а веревку унес с собой. Вывели юношу-барана на базарную площадь для боя с другими баранами. После трех-четырех боев этот баран убежал, а человек, купивший его, в растерянности остался ни с чем. Возвратился сын к отцу и сказал:

— Завтра я стану прекрасным конем. Отведи меня на базар и продай не меньше чем за сто туманов. А мою узду и недоуздок заberi с собой.

Назавтра отец повел его на базар, продал за сто туманов, а узду и недоуздок забрал с собой. Посадили на этого коня какого-то юношу и пустили вскачь. Конь немного проскакал, а потом сбросил с себя всадника и снова превратился в человека. Пришел сын к отцу и сказал:

— Завтра я стану верблюдом-самцом. Ты отведи меня на базар и продай, только меньше чем за сто туманов не отдавай.

Когда отец повел юношу на базар продавать, навстречу им попался прежний дэв. Завидев его, верблюд-самец тотчас превратился в старого облезлого верблюда. Дэв привел этого верблюда домой и собрался его убить. А дочь дэва спрятала нож. Тогда дэв закричал:

— Эй, дочка, принеси нож!

Девушка заметалась, притворяясь, что ищет нож, и ответила:

— Отец, я не могу найти его.

— Ну, ладно, иди сюда, постереги верблюда, я поищу сам,— сказал дэв.

Дочь стала стеречь верблюда, и как только отец вошел в дом, она тотчас развязала веревку, продетую в ноздри верб-

люда, и отпустила его. Когда верблюд был уже далеко, она крикнула:

— Отец, верблюд отвязался.

Дэв выбежал глянуть, а вдали только черное пятнышко мелькает. Погнался дэв за верблюдом и стал его нагонять. Тогда юноша превратился в птицу, полетел и сел на голову падишаху. Дэв пришел к падишаху и сказал:

— Отдай мне эту птицу.

— Нет, — отвечал падишах, — эту птицу, которая по божьей воле села мне на голову, я тебе не отдам.

Так дэв и ушел ни с чем. А птица слетела с головы падишаха и превратилась в юношу. Тут юноша и говорит:

— Падишах, ты сказал: «Я отдам свою дочь тому, кто выучится у дэва его искусству». Отдавай теперь свою дочь мне, если ты вообще будешь отдавать ее замуж.

Тогда падишах ответил:

— Я отдам свою дочь тому, кто расскажет сорок небылиц.

— Ну что ж, попробуем, — проговорил юноша и стал рассказывать:

— В то время когда моих родителей еще не было, когда я у своей матери еще не родился, у моих дядьев была кобыла. Я ее пас. Однажды прихожу, а кобыла ожеребилась. Я поставил перед собой жеребенка, сел верхом на кобылу, но она меня не удержала. Поставил я перед собой кобылу, сел верхом на жеребенка и ускакал на нем. Когда я родился у моей матери, я был единственный. Мы постепенно умирали, и нас стало трое: один был слепой, другой безрукий, третий совершенно голый. Однажды мы втроем отправились на охоту. Под невыросшей полынью мы заметили неродившегося зайца. Слепой увидел его, безрукий убил, а тот, который был голым, положил его к себе в подол, и мы вернулись. Мяса получилось шестьдесят батманов, сала вышло семьдесят батманов. Нашли мы в одном месте котел, в другом месте — половину котла. Положили зайца в целый котел — не поместился, положили в половину котла — не поместился, тогда положили я шестьдесят батманов мяса себе в рот и проглотил разом, а остальным ничего не досталось. Семьдесят батманов сала я взял, чтобы смазать сапоги. Этого сала мне только на один сапог хватило, а на другой не хватило. Положил я сапоги у своего изголовья и лег спать. Среди ночи слышу шум и грохот. Встаю и вижу: два моих сапога дерутся. Дал я пощечину

смазанному сапогу, дал оплеуху несмазанному сапогу и улегся спать. Наутро встал — а несмазанный сапог обиделся и убежал. Влез я на один холм, влез на другой холм — ничего не увидел. Моя бедная бабушка дала мне иголку без ушка, я воткнул ее в землю, влез на перекладину и увидел — на другом конце земли мой сапог сеет. Подошел я к нему, а он разрезал и дал мне огромный арбуз. Из него получилось море. По нему мой нож пошел и я сам пошел. А там лежит волосок, а внутри него — палан...

Тут падишах, прерывая юношу, воскликнул:

— Да ведь ты рассказываешь сплошные небылицы!

— Раз это небылицы, то отдавай свою дочь, падишах! — сказал юноша.

Взял он девушку и ушел.

27. Сын Бахаветдина-Верблюда

Было ли не было, в прежние времена жил человек по прозвищу Бахаветдин-Верблюд *, и не было у него детей. В один из дней посоветовался он с женой, и они решили продать всю скотину и пойти к Каабе. Вечером легли они спать, а когда перевалило за полночь, какой-то человек вдруг произнес:

— Хув хак *, эй, Бахаветдин, что ты печалишься?

Тогда Бахаветдин ответил:

— Нет у меня детей, потому я и печалюсь.

— Бог даст тебе сына, а ты назови его Маммедджаном, — сказал тот человек и исчез.

Ровно через девять месяцев и десять дней родился у Бахаветдина сын, и его называли Маммедджаном.

Бахаветдин, не имевший средств, отправился пасти верблюдов, а сам все вспоминал Маммедджана. Когда его сыну пошел восьмой год *, стал он играть с другими мальчиками, а те и говорят ему:

— Если бы ты был хороший, разве ты допустил бы, чтобы отец пас верблюдов?

Маммедджан пришел домой и спросил:

— Матушка, ведь у меня есть отец?

— Есть, он пасет верблюдов, — отвечала мать.

Взял тогда Маммеджан в руку палку, захватил с собой лепешку и отправился искать своего отца. Шел он три дня и наконец подошел к стаду верблюдов. Спросил он пастуха:

— Чьи это верблюды?

— Бахаветдина-Верблюда, — отвечал пастух.

Пошел Маммеджан дальше, и снова ему попалось стадо. Смотрит он — в стороне от стада сидит какой-то старик и кормит мучной болтушкой старую верблюдицу. Подошел к нему Маммеджан, поздоровался, и старик ему ответил. Вот сели они, и старик стал спрашивать мальчика:

— Откуда ты и куда идешь?

— Мой отец ушел пасти верблюдов, и я иду к нему, — отвечал мальчик.

— Кто же твой отец? — снова спросил старик.

— Мой отец Бахаветдин-Верблюд, а мать — Биби, — отвечал мальчик.

Тогда Бахаветдин-Верблюд обнял мальчика за шею, поцеловал его и сказал:

— Ах, сынок, что тебе здесь делать? Ступай живи в селении. Положи в один карман золота, в другой — серебра и разбрасывай вокруг себя.

А сын ему отвечал:

— Как же это так, отец: ты будешь пасти здесь верблюдов, а я — жить в селении?

Отец одобрил слова сына и решил вернуться домой. Стали они собирать вещи. Вот отец поручает сыну:

— Сынок, продавай верблюдов — самцов и самок, всех верблюдов продавай, но только не отдавай эту старую верблюдицу.

Вот ушел отец в селение, а к мальчику приехал какой-то всадник и спросил:

— Не продашь ли скотину?

А Маммеджан ему отвечал:

— Не продам.

— Если не хочешь продавать всех верблюдов, то хоть продай трех-четыре, — попросил всадник.

— Ладно, — ответил Маммеджан.

Всадник повертелся среди стада и поймал старую верблюдицу.

Тогда Маммеджан ему сказал:

— Отец не велел мне продавать эту верблюдицу, и я ее не продам. Возьми любого другого верблюда.

Всадник снова покрутился среди стада и опять схватил ту же верблюдицу. Тогда Маммедджан подумал: «Если за верблюдицу он отдаст мне коня, что под ним, и хурджин золота, то я — была не была — продам эту верблюдицу».

— Эй, всадник, — сказал Маммедджан, — если ты отдашь мне своего коня, я продам тебе эту верблюдицу.

Всадник согласился, сошел с коня, отдал его, взял старую верблюдицу и отправился дальше. А следом за старой верблюдицей бросились бежать и все остальные. Мальчик верхом на коне пытался завернуть то одного, то другого верблюда, но ничего из этого не вышло. Конь под ним захрапел, раздул бока и упал мертвым. Так верблюды и убежали, потому что та старая верблюдица была матерью всех верблюдов в стаде.

Маммедджан остался пеший посреди пустынной степи. Он подумал: «Как же я теперь приду к отцу и что я ему отвечу?».

И пошел Маммедджан куда глаза глядят. Вдруг перед ним возник город. Среди ночи в безлунной тьме вошел Маммедджан в ворота города. А дочь хана этого города назначила у городских ворот свидание юноше по имени Маммед. Этот Маммед где-то закутил, позабыл об уговоре и не пришел. И вот в то время, когда Маммедджан подошел к городским воротам, кто-то сказал:

— Маммед-джан *, вот возьми.

Маммедджан подошел, и у него в руках оказался хурджин золота. Оглянувшись он и увидел двух коней. Маммедджан тотчас привязал хурджин на спину одного коня. Тут из ворот вышла дочь хана, они сели на коней и пустились в путь. По дороге Маммедджан не говорил ни слова, и девушка думала: «Почему это Маммед ничего не говорит мне?» А когда наконец взошло солнце, она увидела, что это совсем другой юноша. Вот приехали они в какой-то город и поселились в нем.

Однажды Маммедджан вышел на улицу и нашел ожерелье. Он вернулся домой, показал его жене, а та и говорит:

— Такого ожерелья нет ни у хана, ни у падишаха.

— Раз так,— сказал Маммеджан,— я поднесу его в подарок хану этого города и познакомлюсь с ним.

Он положил на блюдо множество разных вещей, а сверху — ожерелье и отправился к хану. Хан тотчас же вышел к нему навстречу.

— Мой новый нукер Маммеджан принес мне в подарок невиданные у нас, редкостные вещи,— сказал хан, усадил Маммеджана на лучшее место и подарил ему хороший халат.

Маммеджан с женой зажили тихо и мирно. В этом городе у Маммеджана был друг, которого он очень любил. Однажды, когда пошел дождь, Маммеджан сказал жене:

— Натяни серпик.

Когда жена Маммеджана вышла наружу, чтобы натянуть серпик, ее случайно увидел хан. Он тут же потерял сознание. Потом, придя в себя, хан сказал:

— Я видел женщину. Непременно отыщите ее мне, а не то я вас всех погублю.

Пока думали, чья это может быть жена, друг Маммеда сказал:

— Я знаю, это жена Маммеда.

— Немедленно приведите ее ко мне! — приказал хан.

— Хан-ага,— стали говорить люди,— нельзя насильно отбирать чужую жену. Нужно забрать ее под каким-нибудь предлогом.

Тогда хан сказал:

— Мои две дочери никак не помирятся из-за того ожерелья. Позовите Маммеда.

Ясаул позвал Маммеда. Не успел он войти в дверь, как хан и говорит ему:

— Маммеджан, ты поднес мне ожерелье, из-за которого мои дочери никак не могут помириться. Нужно, чтобы ты достал еще такое же.

— Будет исполнено, хан-ага,— проговорил Маммед и пошел домой.

Жена его спрашивает:

— Маммед, почему ты грустный?

— Хан-ага велел мне достать еще такое же ожерелье,— сказал Маммеджан.

— Говорила я тебе: не отдавай ожерелье! Так не послушался, чтоб у тебя глаза выскочили! — закричала жена.

Оседлал Маммед коня и пустился в путь. Ехал он, ехал — и перед ним открылась долина. Посмотрел он, а камни в этой долине точно такие же, как в том ожерелье. Обрадовался Маммед и уже собрался было наполнить камнями хурджин, как вдруг заметил, что откуда-то потекла кровь и тут же превратилась в ожерелье. Маммед подумал: «Я узнаю эту тайну». Подошел он и видит — лежит мертвая девушка. Очень удивился Маммед и решил разгадать, в чем тут дело. Посмотрел он назад, а солнце уж село. Решил тогда Маммед здесь заночевать. Вот лежит он в дремоте и видит, что пришел дэв. Выташил дэв склянку, стукнул по ней, и мертвая девушка ожила. Стал дэв с девушкой наслаждаться, а когда рассвело, он снова сделал девушку безжизненной, склянку спрятал и куда-то скрылся. Маммеджан подошел, взял склянку оттуда, куда ее запрятал дэв, и стукнул по ней. К девушке вернулась жизнь, и она сказала:

— Эй, человек, кулан сюда своими ногами добирается, птица — на крыльях, а ты как попал?

— Судьба была — вот и попал, — отвечал Маммед. — А ты теперь, когда придет дэв, скажи ему: «Говорят, душа дэвов находится в другом месте. Где же твоя душа?» Дэв рассердится, но ты поплачь, и он расскажет тебе.

Сказав так, Маммед отнес склянку на прежнее место, сверху положил камень, и девушка снова стала мертвой. А Маммед пошел и лег спать.

Вот дэв, ничего не зная о Маммедджане, снова пришел к девушке. Когда он сидел, разнежившись, девушка спросила его:

— Я слыхала от отца, что душа у дэвов находится в другом месте, так где же твоя душа?

— Кто ты такая, чтобы спрашивать про мою душу? — крикнул дэв и ударил девушку по щеке.

— С тех пор как я разлучилась со своими родителями, у меня здесь никого, кроме тебя, не было, — сказала девушка дэву.

— Приготовь тогда овмач, — приказал дэв.

Девушка тут же приготовила овмач. А дэв пошел и поднял камень. Из-под камня, как из отверстия сосуда, полилась вода. Дэв высыпал овмач в воду, и появилась рыба с кольцом в носу.

— Вот это и есть моя душа,— сказал дэв, показывая рыбу девушке.

На следующий день дэв отправился на охоту, а Маммед подошел к девушке, оживил ее, потом проговорил следом за ней: «Я пирим Вейсел гара!»* — и поднял камень. Бросил он в воду лепешку и поймал рыбу. В это время внезапно появился дэв. Но Маммед опередил дэва и убил рыбу. Дэв свалился, как подрубленная чинара. Поднялась пыльная буря, и кругом потемнело. Потом снова прояснилось, и Маммед забрал с собой пери, хурджин с ожерельем и вернулся домой.

Купил Маммед на базаре ткань и сказал своей первой жене:

— Пери не умеет шить платье, шей ты.

— Пусть шьет сама,— отвечала первая жена, — что у нее, рук-ног нет?

Маммед отнес хану ожерелье, а на обратном пути предложил одной старухе:

— Тетушка, приходи к нам шить платья. Дадим тебе несколько кранов.

— Ладно, дитя мое,— отвечала старуха.

Пришла она к Маммеду домой, взяла ткань и ножницы, да вместо ткани раскроила себе руку. Тогда отправилась старуха к хану, показала ему руку и сказала:

— Хан-ага, плохи твои дела — раньше у Маммеда была одна жена, а теперь стало две. И вот смотри, загляделась я на их красоту и не заметила, как порезала руку.

— Ступайте позовите Маммеда,— приказал хан.

Маммеда позвали, и хан сказал ему:

— Маммед, ты должен доставить мне молоко львов и тигров. Это лекарство для моей матери. Даю тебе три дня сроку. Если не доставишь — обязательно тебя казню!

Маммед возвратился к своим женам плача.

— Отчего ты плачешь? — спросила его пери.

— Хан велит мне доставить молоко львов и тигров,— отвечал Маммеджан.

Тогда пери сказала:

— Разве из-за этого плачут? Иди в такое-то место: там лежит старый лев с занозой в лапе. Ты возьми с собой щипцы и шило, подкрадись тихонько и вытащи занозу. Потом спрячься, и что бы лев ни говорил, не показывайся.

Только когда он произнесет имя Сулеймана *, ты можешь выйти, и он исполнит все, что тебе нужно.

Как было сказано, Маммеджан отправился туда, подобрался ко льву и вытащил из его лапы занозу.

— Эй, кто это? Ты умрешь! — крикнул лев.

Но ответа ему не было. Тогда наконец лев произнес имя Сулеймана, и Маммед подошел к нему.

— Ну, человек, — заговорил лев, — ты сделал для меня такое доброе дело. Проси теперь, что тебе нужно, я все исполню.

— Мне нужно львиное молоко, — сказал Маммед.

Тут лев крикнул: «Шир!» — и появилась стая тигров. Потом он крикнул: «Пелен!» * — и появилась стая львов. Лев дал Маммеду два бурдюка и сказал:

— Наполняй.

Маммед наполнил оба бурдюка и навьючил по одному на тигра и льва. Старый лев послал с Маммедом еще несколько хищников и приказал им:

— Когда проводите его, возвращайтесь назад.

Маммед быстро добрался до города. Люди, увидев его, разбежались и сообщили обо всем хану. Тот вышел на встречу Маммеду и закричал:

— Ах, моя мать спасена!

— Ну, если спасена, — сказал Маммед, — то найди десять баранов, чтобы покормить зверей.

Маммед накормил хищников и отпустил обратно.

В следующий раз заболел сам хан.

— Ступайте за Маммедом, — приказал он.

Маммеда позвали, и, когда он пришел к хану, тот ему сказал:

— Я совсем расхворался. Говорят, есть одна молитва *, стоит посмотреть на нее, как тотчас «яблоко заплачет, гранат засмеется» *. Если ты не достанешь ее мне, то умрешь.

— Ладно, — сказал Маммед, пришел домой и рассказал обо всем женам. Тут пери ему и говорит:

— Эта молитва находится у злой пери. До нее сто лет пути, и ты вряд ли сумеешь вернуться. Поэтому пойди и скажи хану: «Твое поручение я не могу выполнить, а если ты и вправду хочешь меня погубить, то лучше убей сам». Хан ведь хочет убить тебя, а нас забрать себе.

— Но я дал хану обещание, — сказал Маммед, — поэтому укажи мне дорогу, по которой я должен идти.

Пери написала письмо, дала его Маммеду и сказала:

— Если ты доберешься туда, то знай, что тамошний страж — моя сестра. Когда ты войдешь в двери, она попытается убить тебя, тогда ты отдай ей это письмо.

Пери объяснила Маммеду дорогу, и он отправился по ней. По пути ему встретилась разрушенная крепость. Вошел он туда и улегся спать. Среди ночи прискакал всадник на светло-желтом коне и сказал Маммеду:

— Протяни руку!

Тот протянул руку.

— Закрой глаза! — приказал тогда всадник.

Маммед закрыл глаза. Потом всадник сказал:

— Открой глаза, — и Маммед открыл. — Вот жилище злой пери, — показал всадник и исчез.

Огляделся Маммед и увидел дверь. Вошел он, и тут пери, охранявшая вход, попыталась его убить, но он тотчас отдал ей письмо. Пери прочла письмо и рассердилась на свою сестру.

— Разве посылают на смерть такого красивого юношу?! — воскликнула она.

Потом пери отвела Маммеджана и спрятала его в одной из комнат, приказав:

— Не ешь и не пей, а ложись спать. Если станешь выходить, чтоб поесть и попить, о тебе узнают и нас обоих убьют.

Настал вечер, пери постлали постель, приготовили всевозможную еду и удалились. Пришла злая пери и легла спать. А Маммед вышел, съел всю еду и тоже улегся. Ночью злая пери захотела есть. Смотрит она — а еды-то и нет. Наутро она хотела перебить всех пери, но те взмолились о пощаде, и на этот раз она их пощадила. На следующий день пери снова постелили постель, приготовили еду и ушли. Злая пери порезала себе палец, посыпала его солью и улеглась. Ночью Маммед вышел, поел и хотел было уйти, но тут злая пери сказала:

— Подойди поцелуй меня разок, а потом ступай.

Маммед подошел, чтобы поцеловать ее, а злая пери вдруг обняла его и втащила к себе под одеяло.

Днем и ночью они лежали, обнимаясь, а на восьмой день

вышли из комнаты и пожелали устроить пир для всех пери. Тогда сестра жены Маммеда сказала ему:

— Ты пришел сюда за молитвой, но не подавай вида, что знаешь меня. А когда злая пери сегодня станет обрывать тебя в разные одежды, ты сиди печальный, не улыбаясь. «Что с тобой?» — спросит она, но ты не говори ни слова, пока она не поклянется пророком Сулейманом*.

И Маммед сидел опустив голову, точно так, как его научили, и на все слова отвечал молчанием. Наконец злая пери сказала:

— Не грусти в день моего праздника. Клянусь пророком Сулейманом, я исполню то, что ты желаешь.

Тогда Маммед рассказал: так-то и так, я пришел за такой-то молитвой.

— Вот эта молитва, но только не ходи к хану, даже если он будет грозиться разрубить тебя на части. А если попадешь в беду, то сожги вот эти волосы, и я тотчас окажусь возле тебя, — сказала злая пери и дала Маммеду прядь своих волос.

Через несколько дней Маммед сказал:

— Я хочу вернуться домой.

Тогда злая пери позвала к себе двух других пери и спросила:

— За сколько времени вы сможете добраться до такой-то страны и вернуться обратно?

— За три часа, — отвечали они.

— Вы лжете! — сказала злая пери и прогнала их.

Позвала она двух других пери и спросила:

— Сколько времени вам нужно, чтобы добраться туда и обратно?

— Два часа, — отвечали они.

— Ладно, — сказала злая пери и отправила их.

Пери эти летели очень быстро, и каждая из них, улучив по пять минут, провела время с юношей.

Пришел Маммед к хану и сказал ему:

— Хан-ага, вот молитва, можешь глядеть, но я ее тебе не отдам.

— Молодец, — проговорил хан. — А теперь, чтобы кончить с этим, выстрой для меня дворец, и чтоб у него было четверо ворот, и пусть у одних ворот будет лето, у других — осень, у третьих — зима, а у четвертых — весна.

— Тогда, хан-ага, пусть с этого дня никто не стреляет голубей и соколов,— сказал Маммед.

Хан разослал в народе приказ. А Маммед поджег волосы злой пери, и тотчас прилетела стая голубей. Злая пери вошла в дом Маммеда, села с ним рядом, а другие пери стали прислуживать.

— Ну, Маммед, что с тобой случилось? — спросила злая пери.

Маммед рассказал о повелении хана. Тогда злая пери приказала:

— Сегодня же ночью постройте дворец, как велел хан.

Пери построили дворец. Назавтра хан пришел к Маммеду и сказал:

— Молодец, Маммед, теперь пойдем во дворец.

Маммед согласился, и они пошли во дворец. Смотрят, а там все сделано еще лучше, чем приказал хан. Вернулся хан домой и уселся, не зная что делать. Решил он посоветоваться с тем «другом» Маммеда.

— Вели ему принести известия от твоих умерших родителей,— посоветовал тот.

Хан позвал Маммеда и сказал ему:

— Маммед, все, что я приказывал, тобой исполнено, а теперь принеси-ка ты мне вести от моих умерших родителей.

— Ладно,— согласился Маммед.

Маммед пришел домой и посоветовался со своими женами. Злая пери сказала:

— Пойди к хану и попроси, чтобы свалили вместе десять выюков дров. Скажи, что ты собираешься улететь вместе с дымом.

Маммед пришел и сказал:

— Хан-ага, вели сложить десять выюков дров.

Хан велел сложить десять выюков дров, Маммед забрался наверх, и дрова подожгли. Тут прилетели две пери и, подхватив Маммеда с обеих сторон, унесли домой. Злая пери написала письмо как бы от имени умерших родителей, друзей и близких хана. И будто бы от отца хана особо приписала так: «Здесь страна как страна и дом как дом. Пусть мой сын придет сюда. Я уже не справляюсь с ханской властью, стал стар. Поэтому пусть мой сын непременно сюда придет».

Через несколько дней Маммед пришел к хану и отдал ему это письмо.

— Как ты вернулся, Маммед? — спросил хан.

— Пусть тебя не заботит то, как я вернулся. Разве я не принес тебе письмо от твоего отца? — отвечал ему на это Маммед.

Прочитал хан письмо, и захотелось ему отправиться к своему отцу. Велел он снова сложить несколько выюков дров, забрался наверх со своими друзьями и близкими и приказал поджечь дрова. Вокруг хана стал подыматься густой дым, и хан закричал:

— Ай, я не взлетаю!

— Не беспокойся, взлетишь, когда вспыхнет пламя! — крикнул Маммед.

Так хан и друзья хана сгорели. А Маммед сказал людям:

— Меня спасли пери, а с этими покончено. Выбирайте теперь ханом, кого хотите.

Общество посадило на ханский трон Маммеда. Стал Маммед ханом, и вот однажды, когда злая пери ложилась спать, он вздохнул.

— Почему ты вздыхаешь? — спросила его пери.

И Маммед попросил ее перенести к нему его отца. Тогда злая пери приказала двум другим пери:

— Ступайте перенесите родителей Маммеда.

Пери отправились, подхватили Бахаветдина-Верблюда и его жену в то время, когда те спали, и тихонько перенесли их в прекрасный дом. Бахаветдин-Верблюд открыл глаза и проговорил:

— Жена, а жена, думается мне, что мы умерли и попали на тот свет.

— А я думаю, — сказала жена, — что это Маммед перенес нас в этот дом, где пахнет всякой всячиной.

— Да нет, — возражал Бахаветдин, — мы, наверное, умерли и попали в рай.

Через некоторое время появились Маммеджан и пери. Поздоровались они с родителями, и все стали друг друга расспрашивать.

— Сынок, а как здоровье нашей родни? — спросил Бахаветдин.

— Я сам хочу спросить тебя о наших родственниках, отец, а ты спрашиваешь у меня, — отвечал Маммед.

— Так разве мы не умерли и не попали на тот свет? — спросил тогда Бахаветдин.

— Нет, отец, вы не умерли и находитесь на этом свете, — сказал Маммед.

И тут отец с сыном и все кругом возрадовались.

28. Падишах и три бедняка

В древние времена жил один великий падишах. Он очень гордился своей справедливостью и щедростью. «Существует ли в мире падишах более справедливый и щедрый, чем я? Есть ли в моем народе хоть один человек, недовольный мной? А как мой народ относится ко мне? Все-таки нет в мире падишаха справедливее меня!» — так думал он. Желая узнать, верно ли это, падишах каждый вечер в ином обличье бродил неузнанный среди народа.

Однажды вечером, в то время когда и люди спали, и собаки дремали, падишах подошел к одному дому и услышал шепот. Прислушался падишах — разговор ведут о нем. Стал падишах слушать. А в доме было трое друзей: одного из них звали Аман, другого — Шакурбан, а третьего — Йоламан. У каждого из этих бедняков было в душе желание, и, не подозревая, что их слушает падишах, они завели между собой разговор. Первым начал Аман:

— Говорят, что наш падишах справедлив и щедр, все раздает. Но разве отдаст он мне свою любимую жену? Вот если бы он это сделал, тогда я бы поверил в его щедрость.

Потом заговорил Шакурбан:

— Вот подарил бы мне наш падишах хурджин золота и серебра, да впридачу своего коня с полной сбруей, раз он так щедр. Тогда бы и я поверил в его щедрость.

А потом сказал Йоламан:

— Эх вы, дурни, болтаете невесть что. Разве вы не слышали пословицу: «Чем зависеть от недостойного, лучше утопиться в глубокой реке». Я часто слыхивал от своего отца: «Слаще всего на этом свете еда, добытая своим трудом», и потому я не хочу кланяться и выпрашивать что-либо у падишаха, а хочу все добывать своим трудом. Чужого богат-

ства мне не нужно. К тому же сокровища падишаха — это слезы народа. Разве вы этого не знаете?

Выслушав речи троих приятелей, падишах вернулся домой. На следующее утро он встал, позвал своего везира и приказал ему:

— В таком-то месте есть трое людей. Ступай и поскорей приведи их сюда.

Везир, исполняя волю падишаха, пошел, отыскал тех людей и привел к падишаху. А падишах подозвал их и приказал:

— А ну-ка, расскажите, о чем вы беседовали вчера вечером?

Те трое удивились, поглядели в изумлении друг на друга, и каждый подумал: «Видно, падишах слышал наши разговоры. Теперь придется говорить все как есть, ничего не поделаешь».

Тогда Аман первым начал правдиво пересказывать то, что падишах услышал накануне вечером:

— О падишах, я говорил так: «Если наш падишах щедр, то не отдаст ли он мне свою любимую жену?»

Потом заговорил Шакурбан:

— А я сказал: «Если наш падишах щедр, то, может быть, он даст мне хурджин золота и серебра, да впридачу своего коня?»

Затем сказал Йоламан:

— Ну а я говорил, что ничего не нужно просить у падишаха, что мне не требуется чужого богатства, я все добуду сам.

Тогда падишах отдал свою любимую жену тому, кто просил жену, другому дал денег и коня, а Йоламану не дал ничего и велел прогнать его. Йоламана прогнали.

Аман со своей женой и Шакурбан со своим конем и хурджином, полным золота и серебра, друг за другом вышли из города и встретились с Йоламаном. Затем трое приятелей пустились в путь. Аман с женой — пешком, Шакурбан — верхом, а следом за ними Йоламан — тоже пешком. После долгого пути они устали и наконец решили остановиться отдохнуть. Тут Аман и говорит жене, советуясь с ней:

— Теперь мы с тобой муж и жена, и там, куда мы идем, нам понадобятся деньги, чтобы было на что жить, и конь,

чтобы было на чем передвигаться. Не убить ли мне этого Шакурбана?

Жена ему отвечала:

— Ты это обсуждай не со мной. Одному тебе не убить того человека, ступай попроси помощи у Йоламана.

Между тем Шакурбан услышал этот разговор. Хотя он и сделал вид, что ничего не знает, но тотчас решил: «Если он придет меня убивать, я сам убью его и жену его заберу себе».

Аман же подошел к Йоламану и сказал:

— Друг, я хочу убить Шакурбана, помоги мне.

Но Йоламан ответил:

— Я в таких делах не участвую. Хочешь убить — убивай, а мне до этого дела нет.

И вот вечером, когда все улеглись спать, Аман лежал и думал: «Обязательно убью Шакурбана». А Шакурбан, зная, что его собираются убить, думал: «Я убью его первый, и жена его достанется мне». Он положил возле себя нож и притворился спящим, а сам был наготове. Среди ночи Аман решил: «Наверное, он уже заснул», — достал свое оружие и пошел на Шакурбана. А тот был начеку и, когда Аман, приблизившись, ударил Шакурбана ножом, Шакурбан в свою очередь тоже ударил ножом, и так оба они пронзили друг друга и одновременно умерли.

«Вот ведь они убили друг друга, и я осталась одна, — подумала женщина. — Если я буду тут сидеть, то любой прохожий заберет себе как добычу и золото, и коня, и меня. Пойду-ка я к Йоламану». Подошла она к нему и сказала:

— Они убили друг друга, а деньги, конь и я остались как добыча. Забери меня, возьми деньги и коня. Станем мужем и женой и уедем отсюда.

Тогда Йоламан отвечал:

— Нет, не нужна мне эта добыча, не нужна и такая жена, как ты. Пусть все это достанется тому, кто захочет. Я же прокормлюсь своим трудом, а в жены возьму ту, которая умеет работать.

— Нет, — возразила женщина, — эти вещи нужно считать не добычей, а просто вещами без хозяина, и ты, стало быть, неправ. Эти вещи — добро, накопленное из слез тех, кто, подобно тебе, кормится своим трудом, и если они не станут твоими, то чьими же им быть? Я тоже была дочерью бед-

няка, который кормится своим трудом, и знаю, что такое труд. Поэтому ты должен стать владельцем всего этого.

Йоламан согласился со словами женщины и забрал себе ее, коня и деньги. Тронулись они в путь. Вот едут они, едут — и приезжают в один город, и там останавливаются в гостях в доме одного богатого человека. А у этого богача был десятилетний сын — бледный, тощий как палка, мальчик. Принесли этому мальчику целого вареного ягненка, да еще лепешку, и он съел все без остатка. Увидев это, Йоламан изумился и спросил:

— Что это значит, бай-ага: маленький мальчик съел в один присест целого ягненка, а сам остался бледным, как полотно?

Тогда богач отвечал:

— О гость, этот сын — мой единственный наследник. Кроме него, никого у меня нет. И вот уже семь лет, как он заболел какой-то болезнью. Я живу теперь только одним: разыскиваю лекарей и показываю им мальчика. Уже нет лечения, которое не применяли бы лекари, но ни один из них не сумел помочь. Я истратил на них половину состояния, но, если бы нашелся человек, который вылечил бы моего сына, я отдал бы ему все свое имущество, вплоть до последнего кусочка лепешки. Я согласен остаться голым, лишь бы мой сын выздоровел.

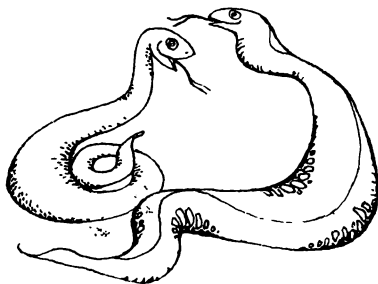
Йоламан много думал, жалея старого отца и его больного сына, но так и не знал, чем им помочь.

У больного мальчика был отдельный дом. Каждый вечер кто-нибудь садился возле ребенка и, если он не засыпал, рассказывал ему, убаюкивая, интересные истории. Когда Йоламан узнал об этом, он тоже в один из вечеров вызвался посидеть с мальчиком и что-нибудь рассказать ему. Вот мальчик, довольный рассказами гостя, наконец крепко уснул и спал с открытым ртом. А Йоламан, когда ребенок заснул, не стал уходить, а положил голову рядом с ним на подушку и лежал в полудремоте. Вдруг изо рта спящего мальчика выползла белая змея, поползла по дому, вытянула шею к котелку с водой и стала, как собака, лаять воду.

В стене этого дома была щель, и вот в тот же миг из этой щели выползла черная змея и принялась ползать по дому. Йоламан, лежа на своем месте, видел их. Вдруг обе

змеи рассердились из-за чего-то друг на друга и заспорили. Черная змея, злясь, сказала белой:

— Известно, как тебя уничтожить. Если продержатъ этого мальчика целый день голодным, а потом напоить выдержанным семь лет да процеженным в семи сосудах вином, то ты разорвешься на мелкие кусочки.

Тогда белая змея, злобно скрипя зубами, ответила:

— И тебя известно, как уничтожить. Если немного расширить эту щель и заложить ее гнилой соломой, которая прела семь лет, а потом поджечь, ты не выдержишь дыма и тут же издохнешь. А ведь у тебя остались от твоих предков семь кувшинов драгоценностей и полный хум золота — вот бы я тогда стала владеть ими!

Змеи поползали еще какое-то время, а потом белая змея вползла мальчику в рот, а черная змея заползла в щель. Весь их разговор Йоламан слышал. Наутро он встал и предложил хозяину дома:

— Бай-ага, а что если и я попробую вылечить вашего сына?

— Ладно, гость, — ответил тогда богач, — но только множество людей уже пробовало вылечить моего сына, и никто не сумел. Поглядим, что выйдет у тебя.

— Попробуем, что бы ни было, — сказал Йоламан, — а может быть, на наше счастье мальчик и вылечится. Не можешь ли ты достать вино, выдержанное семь лет?

— Ах, я достану все, что тебе нужно, — ответил богач и принес семилетнее вино.

Йоламан весь день понемногу поил мальчика вином, и тот стал пухнуть. В конце концов Йоламан заставил мальчика выпить один за другим три сосуда, и тот распух, как раздувшийся бурдюк. Видевшие это опечалились, и Йоламан тоже испугался, что мальчик лопнет.

— Эй, гость, — закричал богач, — ты же убил нашего мальчика, он лопнет!

А мальчика тем временем вдруг начало рвать. Змея, ко-

торая была у него внутри, лопнула и развалилась на кусочки, и они вышли через рот и нос мальчика. Всю ночь мальчик пролежал без сознания. А на следующее утро мальчик, который раньше не мог стоять на ногах, встал и начал бегать. Лицо его прояснилось, за один день он совершенно исцелился.

— Послушай, гость, — сказал богач, — все, что ты пожелаешь, пусть даже мое счастье и все мое богатство, — будет твоим!

Тогда Йоламан ответил:

— Твое счастье и твое богатство пусть останутся при тебе, мне они не нужны, а отдай ты мне для жилья вот этот дом, — и он попросил дом, в котором лежал больной мальчик.

Богач с радостью отдал Йоламану дом, а тот под предлогом, что хочет его починить и обмазать саманом, принес лежалой, гнившей семь лет соломы, расширил щель, насыпал в нее гнилой соломы и поджег. Прошла ночь, наутро разворошил Йоламан золу у щели и увидел, что черная змея издохла. Тогда раскопал Йоламан эту щель поглубже и достал оттуда семь кувшинов золота и хум с драгоценностями. Все это он спрятал в углу своего дома.

Так Йоламан стал владельцем несметного богатства и стал помогать сиротам, вдовам и убогим, которые не могли работать. Поэтому люди прозвали его «щедрый Йоламан».

Теперь вот о ком послушай: послушай о падишахе, прогнавшем Йоламана.

В один из дней этот падишах услышал весть о том, что, мол, в таком-то месте живет один человек, равного которому нет в щедрости и благородстве.

— Погляжу-ка я на этого человека, — сказал падишах и отправился в путь. Всю дорогу он спрашивал встречных: «Есть, говорят, такой щедрый человек, так где его дом?» И оказывалось, что все, кого он спрашивал, хорошо знали того щедрого человека и указывали падишаху его дом. Так падишах, который всегда гордился своей справедливостью и щедростью, пришел к дому Йоламана. Йоламан оказал почести великому падишаху, принял его как гостя и велел жене приготовить хорошее угощение. Принесли падишаху еду. Начал он есть, и еда очень ему понравилась. Так вкусно готовила только его жена, которую он отдал когда-то

одному человеку. С тех пор как падишах расстался с ней, ему не приходилось есть ничего подобного. И вот впервые с тех пор падишах вновь отведал такой еды. Изумленный и пораженный приятным вкусом блюд падишах внимательно посмотрел на сидевшую рядом женщину. Пригляделся он — а это его прежняя жена. Удивился падишах и стал спрашивать:

— Как эта женщина попала к тебе?

Йоламан улыбнулся и ответил:

— О великий падишах мой, я тот самый человек, которого ты прогнал. — И он рассказал все, что с ним случилось.

Падишах выслушал этот рассказ молча, не проронив ни слова, а потом вернулся домой, приказал своим везирам никого к себе не пускать и три дня, не вставая с места, размышлял. В конце концов падишах сказал себе: «Хорошо, что среди моего народа мало таких людей. Если бы большинство моего народа состояло из таких людей, которые полагаются на свои силы, как этот, тогда для чего вообще был бы нужен падишах?»

29. Кривой ворон

Было ли не было, жил один пастух, который пас коров. И были у него: жена, дом и корова. Вот сделал пастух из молока своей коровы курт и разложил его на солнце на крыше дома. День проходил за днем, и пастух стал замечать, что курта становится все меньше и меньше. Тогда он решил узнать, кто таскает курт с крыши, и стал подстергать вора. Вот однажды прилетел кривой ворон и принялся есть курт. Бедняк поймал ворона и хотел его убить, но кривой ворон сказал:

— Не убивай меня, я дам тебе все, что захочешь. Приходи завтра ко мне домой, а где мой дом, скажет тебе всякий, кого ни спросишь.

Пастух отпустил кривого ворона. А назавтра он развел коров по хозяевам, ушел из пастухов и отправился к дому кривого ворона. Шел он, шел — и повстречался ему пастух, который пас овец.

- Чьи это овцы? — спросил человек у овечьего пастуха.
- Это овцы Кривого ворона, — отвечал тот.
- А где дом Кривого ворона? — спросил человек.
- Пойдешь по этой дороге, и встретишься тебе табунщик.

Спроси у него, он скажет, — отвечал овечий пастух.

Снова шел человек, шел — и повстречался ему табунщик.

- Чьи это кони? — спросил человек у табунщика.

— Кривого ворона, — отвечал тот.

— А где дом Кривого ворона?

— Пойдешь по этой дороге, и встретишься тебе пастух, который пасет верблюдов. Спроси у него.

Снова шел человек, шел — и повстречался ему пастух, который пас верблюдов.

- Чьи это верблюды? — спросил человек.

— Это верблюды Кривого ворона, — отвечал верблюжий пастух.

— А где дом Кривого ворона?

И верблюжий пастух показал, где дом Кривого ворона. Пришел человек к Кривому ворону, поздоровался с ним, сел, поел-попил, а после этого Кривой ворон дал человеку скатерть и сказал:

— Как только скажешь: «Раскройся, моя скатерть, раскройся, отборными яствами покройся!» — так скатерть уставится всевозможными кушаньями.

Вернулся человек домой и сказал жене:

— Мой руки, поедим.

— А что есть-то? — спросила жена.

— Мой, говорю! — сказал человек и воскликнул: — Раскройся, моя скатерть, раскройся, отборными яствами покройся!

Он раскинул скатерть на земле, и на ней тут же появилась всевозможная еда. Поели они разных кушаний, и человек сказал:

— Закройся, моя скатерть, закройся!

Скатерть тут же свернулась.

На следующий день человек позвал к себе на угощение падишаха, его друзей и везира. Как только падишах пришел, человек сказал:

— Раскройся, моя скатерть, раскройся, отборными яствами покройся!

Скатерть тут же уставилась всевозможными кушаньями.

Падишах и его спутники поели и вернулись домой. После этого падишах и говорит одному человеку:

— Ступай и заведи ту скатерть.

Тот пошел и забрал у бедняка его скатерть. А бедняк на следующий день с утра снова отправился к Кривому ворону. Пришел он к нему в дом и сказал:

— Падишах отнял у меня скатерть.

Тогда Кривой ворон дал бедняку осла и сказал:

— Как только ты крикнешь этому ослу: «Хых!» * — из него вместо навоза посыплется золото.

Взяв человек осла и направился к себе домой. Когда он поравнялся с домом падишаха, то захотел поскорей миновать его и крикнул ослу: «Хых!» Тут у осла из-под хвоста вместо навоза посыпалось золото. Падишах увидел это и отнял у бедняка осла.

На следующий день бедняк снова пошел к Кривому ворону.

— Падишах отнял и осла! — сказал он, придя к Кривому ворону.

Тогда Кривой ворон дал бедняку сундучок и сказал:

— Как только ты скажешь: «Откройся, сундучок, откройся, выйди, выйди, человек с дубинкой!» — из сундучка выскочит человек с дубинкой и забьет того, кто ему повернется, до смерти. Если ты захочешь убрать его, то скажи: «Войди, войди, человек с дубинкой, закройся, сундучок, закройся!» Сундучок и закроется.

Взял бедняк этот сундучок и пошел назад, а сам думает: «Разве может в таком сундучке поместиться человек с дубинкой?» Поставил он сундучок на пригорке, сам спрятался неподалеку и крикнул: «Откройся, сундучок, откройся, выйди, выйди, человек с дубинкой!» Из сундучка тотчас выскочил человек с дубинкой и, не видя здесь никого, кроме бедняка, принялся колотить его. Бедняк едва успел крикнуть: «Войди, войди, человек с дубинкой, закройся, сундучок, закройся!» Сундучок закрылся.

Тогда взял бедняк сундучок, поставил его посреди двора падишаха и крикнул:

— Откройся, сундучок, откройся, выйди, выйди, человек с дубинкой!

А сам убежал прочь. Из сундучка выскочил человек с дубинкой, разрушил дома падишаха, везира и их приятелей,

а их самих убил. А бедняк, увидев, что дома падишаха и его друзей разрушены, а сами они убиты, закричал:

— Войди, войди, человек с дубинкой, закройся, сундук, закройся!

Так бедняк достиг своей цели. Забрал он свою скатерть и осла и зажил счастливо.

30. О сыне падишаха и сыне везира

Было ли не было, жил в старые времена один падишах. У него был везир. Оба они имели по одному сыну. Вот однажды отдали они своих сыновей в обучение к мулле. Днем мулла учил мальчиков, а на ночь сажал их в пещеру, вход в которую заваливал камнем. Домой их мулла никогда не отпускал.

Как-то раз сын падишаха стоворился с сыном везира: «Как только мулла начнет совершать намаз, мы бросимся на него и станем душить». Стали они вместе с муллой на молитву, и как только мулла склонился, проговорив «Аллах»*, сын падишаха прыгнул на него, а сын везира в тот же миг схватил муллу за горло.

— Ой, умираю, отпустите! — во весь голос завопил мулла.

— Выпустишь нас из тюрьмы, отпустим, а нет — так не отпустим! — сказали мальчики.

Делать нечего, мулла обещал отпустить их. Совершил мулла намаз и отпустил юношей по домам. Вот вернулись они домой. Сын падишаха и говорит отцу:

— Отец, дай мне ключи от всех наших комнат, я погляжу, что в них есть.

Комнат всего было сто, но падишах дал сыну девяносто девять ключей, а одного ключа не отдал.

— Отец, — сказал юноша, — остался еще один ключ, дай мне и его.

— Но, сынок, там ничего нет, кроме разных пустяков, нечего и глядеть, — отвечал отец.

— Отец, дай мне и этот ключ, я все-таки хочу посмотреть, — настаивал юноша.

В конце концов падишах не выдержал и отдал сыну ключ. Открыл юноша ту комнату, в которой, по словам отца, ничего, кроме разных пустяков, не было, и увидел портрет девушки. И как только он его увидел, тут же потерял сознание. Придя в себя, юноша спросил у падишаха:

— Отец, что это за девушка на портрете? Ты только посмотри, какая она! Если эта девушка не будет моей, я погибну!

— Сынок, — отвечал отец, — я и сам хотел добыть эту девушку, загубил огромное войско, но так ничего и не достиг.

— Раз так, — сказал юноша, — то отпусти меня.

— Ладно, ступай, — ответил падишах и отпустил сына.

Вдвоем, вместе с сыном везира, они наполнили свои хурджины золотом, перекинули их на спины коней, сели верхом и отправились в путь на поиски прекрасной девушки.

На окраине одного селения жил некий мастер. Подъехали сын падишаха и сын везира к дому этого мастера и заночевали тут. А наутро, напившись чаю и поев, они спросили мастера:

— Скажи, у вашего падишаха есть красивая дочь?

— А как же, есть, — отвечал мастер.

— А можно ли ее как-нибудь увидеть? — спросили сын падишаха и сын везира.

Тогда мастер сказал:

— Увидеть-то ее можно, но только для этого потребуется много золота. Я сделаю из этого золота кейика, и, когда девушки-служанки придут по воду, вы сядете верхом на кейика и пустите его вскачь. Вот тогда вы и сможете увидеть дочь падишаха.

— Ладно, — ответили сын падишаха и сын везира и отдали мастеру все свое золото.

Мастер сделал золотого кейика. На следующий день рано утром мастер посадил на кейика сына падишаха и сына везира и пустил кейика. Юноши прискакали к тому месту, куда приходили за водой девушки. Поутру пришли невольницы за водой, увидели кейика, да так и простояли до обеда. Наконец одна из них вспомнила, что они пришли за водой, и сказала:

— Ой, девушки, идемте, а не то госпожа будет ругать нас.

Тогда они набрали воды и вернулись обратно.

Когда девушки пришли назад, дочь падишаха стояла, держа в руках щипцы для углей.

— Где вы были до сих пор? — закричала она и стала бить невольниц щипцами по ребрам.

Тут одна из невольниц сказала:

— Госпожа, если ты простишь нас, мы тебе кое-что расскажем.

— Хорошо, я прощаю вас.

Тогда девушка рассказала:

— Мы видели золотого кейика, он не дышит, а прыгает, как живой, подскакивает до самых звезд.

— А куда он убежал? — спросила дочь падишаха.

— В дом мастера, — отвечали девушки.

— Тогда ступайте к тому мастеру и скажите ему, что ваша госпожа просит дать ей золотого кейика.

— Хорошо, — отвечали девушки и направились к мастеру.

А сын падишаха тем временем забрался внутрь золотого кейика. Вот мастер и говорит девушкам:

— Кормите моего кейика досыта, давайте ему чистой воды, а на ночь поместите в чистое место.

— Ладно, — отвечали девушки и забрали кейика.

Принесли они кейика домой и стали с ним играть. Кейик запрыгал, подскакивая до самых звезд. Девушки играли с кейиком до вечера, а когда вечером легли спать, поставили перед ним миску с едой. Из кейика тихонько выбрался юноша и съел еду. Потом он подошел к дочери падишаха, зажег у ее головы и в ногах по светильнику и поцеловал ее в щеку. Девушка продолжала спать. А юноша снова забрался в кейика.

Наутро дочь падишаха встала, умылась, взяла зеркало, глянула на свое лицо и увидела на щеке след зубов. Она позвала прислужниц и накинулась на них:

— Ах вы, мерзавки, кто приходил сюда ночью?

А те отвечали:

— Никто, госпожа. Это раньше мы спали, а теперь и не сомкнули глаз, чтобы не украли кейика. Если бы что-нибудь случилось, то прежде всего это случилось бы с кейиком.

Тогда дочь падишаха сказала:

— Ступайте и скажите мастеру, что кейик и на сегодняшнюю ночь останется у нас.

Девушки пошли к мастеру и сказали:

— Наша госпожа велит тебе оставить ей кейика и на сегодняшнюю ночь.

— Хорошо, — отвечал им мастер, — только не мучайте кейика и давайте ему пить.

Девушки обещали все исполнить и вернулись к себе. До самого вечера они играли с кейиком, а вечером отнесли его на прежнее место и привязали.

В этот вечер дочь падишаха легла и притворилась спящей. А юноша выбрался незаметно из кейика, поел, снова приблизился к девушке и переставил светильники: от ног к изголовью, а от изголовья — к ногам. Потом он хотел было поцеловать девушку в лоб, но она сделала вид, что проснулась, обняла юношу и воскликнула:

— Тот, кого я искала на небе, оказался на земле!

Эту ночь юноша и девушка провели в объятиях друг друга. А наутро девушка сказала юноше:

— Ты опоздал.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил юноша.

И девушка рассказала:

— Отец мой — падишах, но есть еще более могущественный падишах. Мой отец боится его и поэтому обещал ему меня в жены. Не сегодня-завтра меня должны увезти. Поэтому я и сказала, что ты опоздал.

Тогда юноша глубоко вздохнул, а девушка спросила:

— Почему ты вздыхаешь? Лучше скажи, нет ли у тебя товарища?

— Есть, — отвечал юноша.

— Раз так, — сказала девушка, — то, когда за мной не сегодня-завтра пришлют кеджебе, вы спрячьтесь у гробницы моей матери. Когда кеджебе приблизится к гробнице, я скажу, что хочу посетить могилу матери, выйду из кеджебе и войду в гробницу. Там мы переоденем твоего товарища в мою одежду и отправим его в кеджебе.

После того как они сговорились, юноша снова забрался в золотого кейика. Вот прибыл наконец кеджебе. А юноша вместе со своим товарищем отправился к гробнице, которую указала ему девушка.

Посланные за невестой взяли девушку и тронулись с

нею в путь, но по дороге, у гробницы матери, девушка сказала:

— Придержите верблюдов, я навешу могилу матери.

— Хорошо, — отвечали ей и остановили верблюдов.

Девушка вошла в гробницу. Тут в ее одежду переодели джигита, что был с сыном падишаха, и выпустили его. Тот поднялся в кеджебе, и караван отправился дальше.

Прибыли они в свое селение, и в тот же вечер сын тамошнего падишаха пришел к невесте *. А она ему и говорит:

— Ну, юноша, видно, и глуп же ты! У меня на родине, когда прибывает невеста, из уважения к гостье две-три ночи с невестой проводит девушка.

— Раз так, — отвечал юноша-жених, — то я позову свою сестру.

Он позвал свою сестру, и та явилась. Тут юноша, что был переодет невестой, сказал:

— Глупый же, оказывается, у вас народ, девушка! Вот у нас, когда прибывает невеста, то одну или две ночи подряд устраивают скачки на конях. А вы так не делаете.

— Раз так, — отвечала девушка, — то я приведу коней моего отца и мы поскачем.

— Хорошо, — сказал юноша, переодетый невестой.

Сели они оба верхом на коней и поскакали.

Вот скачут они то в одну, то в другую сторону, затем юноша вдруг хлестнул коня и поскакал прямехонько к своему селению. Так прибыли они к дому мастера.

А там, откуда они уехали, наутро встали и увидели, что нет ни невесты, ни дочери тамошнего падишаха, ни его коней.

Тогда падишах воскликнул:

— Девушку украли! — и повел вдогонку за беглецами свое войско.

Вот на ничего не подозревавшего падишаха нападает войско. Тут дочь падишаха, которую украл юноша, говорит:

— Мой отец — жестокий, пойду и убью его.

Она отправилась и убила своего отца. Войско сразу отступило. Военачальник известил об этом падишаха мирной страны, и падишах воскликнул:

— О люди, что это за история? Почему войско отступило?

Тогда ему рассказали:

— Откуда-то прискакало несколько всадников, и они убили падишаха, который был с войском. После этого войско повернуло назад.

Изумился падишах мирной страны и сказал:

— Позовите сюда этих людей!

Тех позвали, и падишах снова спросил, почему вражеское войско отступило.

— Это мы заставили его отступить, — отвечали они.

— Да как же вы это сделали? — спросил падишах.

И тогда юноша рассказал падишаху все, что с ними случилось.

Падишах воскликнул:

— Молодцы! — и устроил пир на семь дней и ночей.

Печенка была — на дно пошла, легкие были — они переплыли, а те, что влюбились, — своего добились.

31. Искендер-падишах

Было ли не было, в давние времена жил один падишах, которого звали Дараб. И у него в подчинении был другой падишах по имени Пилкус. У этого падишаха была одна-единственная дочь, и она была так красива, что своим светом озаряла мрак. Назвать бы ее луной — да рот у нее есть, назвать бы солнцем — да есть у нее глаза. И ума-разума у нее было в достатке, так что она всегда давала отцу мудрые советы в делах управления царством.

И вот в один из дней Дараб-падишах прослышал о том, что у Пилкуса-падишаха есть такая красивая и умная дочь. Написал он письмо: «Пилкус-падишах, отдай мне свою дочь», приложил к письму свою печать и послал особого гонца. Получил Пилкус-падишах это письмо, прочитал его вместе с дочерью и очень опечалился. Наконец, не зная что предпринять, падишах — делать нечего — отослал свою дочь с ее невольниками и невольницами к Дарабу-падишаху. Дараб-падишах женился на девушке и устроил пир на сорок дней и ночей.

Проходят дни, проходят месяцы, эта девушка и Дарабу-падишаху стала давать мудрые советы в его делах. В конце

концов получилось так, что Дараб-падишах перестал советовать со своими везирами, а поступал только по наставлениям своей жены. Это не понравилось везирам Дараб-падишаха, и они, сговорившись между собой, замыслили уничтожить девушку. Пришли они к Дарабу-падишаху и сказали:

— О падишах, послушай, Пилкус-падишах обманул тебя, он отдал тебе вместо своей дочери одну из ее умных невольниц.

Дараб-падишах поверил речам своих везиров и прогнал жену. А дочь Пилкуса-падишаха была беременна от Дараб-падишаха, и уже приближалось время родов. Надела она свои одежды, взяла несколько драгоценных камней и отправилась в страну своего отца. Коротко ли она ехала, долго ли ехала, проехала путь в несколько переходов и стала уже приближаться к стране своего отца. Но настал срок, и она родила сына. А по обычаю той страны считалось позором возвратиться в отцовский дом с ребенком. Делать нечего — решила дочь Пилкуса-падишаха покинуть своего сына. Обняла она его, подошла к какому-то разрушенному дому и положила там ребенка, а рядом с ним положила все взятые с собой драгоценные камни, чтобы было на что вырастить ребенка, если кто его найдет. Не в силах разлучиться со своим сыном, женщина то выходила из этого дома, то снова в него входила. Наконец она закрыла глаза, стиснула зубы и, сдерживая рыдания, покинула своего ребенка.

Когда дочь Пилкуса-падишаха бросила ребенка, к нему приполз огромный дракон и стал его стеречь. А на завтра к этому разрушенному дому пастух пригнал коз и овец, принадлежавших селению.

Пастух каждый день пригонял стадо в селение и раздавал скотину ее хозяевам. И вот к пастуху подошла одна старая женщина и стала упрекать его:

— Пастух, у меня в целом мире только и есть что дойная коза. И нет у меня ни сына, ни дочери. Я живу только молоком этой козы. Но, видно, ты еще больше нуждаешься, чем я, раз ты выдоил и выпил молоко моей единственной козочки. Собралась я ее подоить, а в вымени моей козы нет ни капли молока.

— Нет, бабушка, я не доил твою козу, — отвечал па-

стух. — На что мне молоко твоей козы? Если бы мне нужно было молоко, то ведь у меня есть и другие козы, я подоил бы их.

Но старуха продолжала кричать:

— Нет, пастух, это ты выдоил мою козу!

С тем она и ушла. Когда пастух снова погнал стадо на вчерашнее пастбище, он стал беспокоиться и думать: «Почему это старуха говорила мне такое? Что же случилось с ее козой?» И стал он особенно внимательно следить за козой старухи. Вот глядит он, а старухина коза вдруг отделилась от стада и направилась к разрушенному дому. Пастух тотчас пошел следом за ней. Подошел он и видит, что из входа в дом торчит змеиный хвост, толстый, как шерстяной мешок. Увидел это пастух и едва не лишился чувств от удивления. Забыл он и про козу, и про старуху и тотчас поворотил стадо назад к селению. А немного времени спустя и старухина коза вернулась в стадо. «Ну, ладно, если и теперь старуха что-нибудь скажет, я ее самое завтра отправлю к этому разрушенному дому», — подумал пастух.

Вечером пригнал пастух стадо в селение и развел коз да овец по дворам их хозяев. Снова старуха попробовала подоить свою козу, и снова у той в вымени не оказалось ни капли молока. «Господи, прости, — подумала старуха, — этот пастух совсем ошалел. Сейчас я пойду и повиыдержу ему все волосы из бороды». Отправилась она к пастуху и, придя, набросилась на него.

— Ну, пастух, и на этот раз ты не нашел никого, кроме меня, для своих делишек! Не нашел, кроме меня, над кем бы насмеяться!

— Бабушка, милая, ничего я с твоей козой не делал, не нужно мне ее молоко. Пойдем завтра со мной, и ты сама поглядишь да проверишь. У твоей козы и завтра не будет молока, но я тут ни при чем, — ответил пастух, но тайны старухе не открыл.

— Ладно, — сказала старуха, — завтра я сама с тобой пойду.

Назавтра пастух, прогоняя стадо мимо старухиной лачуги, крикнул:

— Бабушка, гони сюда свою козу.

Старуха пустила козу в стадо и пошла следом за пастухом.

— Ты садись на осла, бабушка, — сказал пастух и посадил старуху на осла.

Пастух стал пасти стадо за тем разрушенным домом. Вдруг старухина коза отделилась от стада и направилась к дому. Тогда пастух и говорит:

— Бабушка, милая, вон твоя коза ушла. Если хочешь узнать, куда девалось ее молоко, то иди за ней следом.

Старуха пошла следом за козой. Вдруг из разрушенного дома выполз дракон и исчез. Увидев огромного дракона, старуха поначалу изумилась и растерялась. Потом она вошла в дом и оказалось, что ее коза кормит красивого, словно месяц, грудного младенца. Старуха обрадовалась: «Ах, видно, господь послал мне сына!» Она схватила ребенка, обняла его, обтерла ему лицо и глаза, потом сняла с головы старый белый платок и завернула в него младенца. Глядит старуха, а на том месте, где был ребенок, лежит большой узел. Взяла она этот узел, — а внутри него оказалось золото и драгоценные камни. Старуха прижала к груди и ребенка и узел и пошла к пастуху, думая: «Бог дал мне счастье». Пастух же очень всему этому удивился.

Придя в селение, старуха от радости, что у нее есть ребенок, носилась как ветер. На золото она купила хороший дом, чтобы вырастить сына. Мальчик учился в мектебе, вырос и достиг шестнадцати лет. Вот однажды он и говорит старухе:

— Мать, купи мне коня, да еще — меч, да еще — снаряжение.

— Ладно, сынок, — сказала старуха и купила ему коня и снаряжение.

Каждый день юноша выезжал на охоту. Как-то раз он охотился в степи, и тут подъехали к нему разбойники.

— Эй, юноша, что ты делаешь в этих местах? — спросили они.

А юноша им отвечал:

— Да вот, охочусь в степи от нечего делать.

— Если ты не знаешь, чем тебе заняться, то присоединяйся к нам. Мы едем грабить скот Пилкус-падишаха. Пошли с нами!

— Ладно, как раз чего-нибудь такого я и ждал, — ответил юноша и отправился с разбойниками.

Вот угнали они часть овец Пилкус-падишаха, а пастухи

сразу сообщили об этом падишаху. Пилкус-падишах разгневался и послал вслед за разбойниками войско. На след разбойников тотчас напали и стали догонять их. Ну разве могли быстро передвигаться разбойники, которые гнали овец? Войско окружило разбойников, их схватили и бросили в зиндан падишаха. На следующий день, когда разбойников привели к падишаху, дочь Пилкус-падишаха увидела среди них юношу и вдруг почувствовала себя так, словно ее облили кипятком. Вспомнила она своего сына, которого оставила в разрушенном доме, и у нее молоко прилило к груди. Пришла она к отцу и сказала:

— О отец, Дараб-падишах прогнал меня, и в пути у меня родился ребенок. Я стыдилась привезти этого ребенка к тебе и бросила его по пути в разрушенном доме. А назвала я его Искендером, и с тех пор прошло ровно шестнадцать лет. И вот среди пойманных разбойников есть юноша: как только я увидела его, мне показалось, что меня облили кипятком, и в этот миг у меня молоко прилило к груди. Отец, позови сейчас этого юношу и расспроси его. Это непременно должен быть мой сын Искендер, потому что я вздрогнула, как только его увидела.

— Хорошо, дитя мое, — сказал Пилкус-падишах, — это не трудно. Если он действительно твой сын, это просто узнать. Я его тотчас расспрошу.

И он велел одному из ясаулов позвать юношу, который был среди разбойников.

— Скажи-ка, юноша, — стал расспрашивать падишах, — есть ли у тебя родители? Как их зовут?

— Я не знаю, кто были мои отец и мать. У меня есть только старая бабушка, и если вы хотите узнать, кто я и чей я сын, то позовите эту старуху и спросите у нее, — отвечал юноша.

Когда юноша сказал, что не знает, кто его отец и мать, дочь падишаха очень обрадовалась и уверилась в том, что это ее сын. Падишах расспросил, где живет старуха, и послал за ней ясаула.

Поздоровался падишах со старухой, поговорил с ней немного, а потом спросил:

— Скажи-ка, бабушка, этот юноша твой сын?

— Да, это мой сын, — отвечала старуха.

— Ты сама его родила? — спросил падишах.

— Нет, падишах, я не сама родила этого юношу. Я нашла его шестнадцать лет назад в одном разрушенном доме, — ответила старуха и подробно рассказала все как было вплоть до своего спора с пастухом.

— Бабушка, это мой сын! — воскликнула дочь падишаха.

Она вскочила с места, стала прижимать своего сына к груди, целовать его лицо, а потом сказала:

— Милая бабушка, спасибо тебе за то, что ты сберегла и воспитала его. Говорят: «Кто нашел — тот радуется, кто узнал, тот забирает себе» *. Этот юноша мой сын, шестнадцать лет назад я оставила его в том доме, а рядом с ним положила несколько золотых монет и драгоценные камни на расходы тому, кто найдет моего ребенка, чтобы вырастить и воспитать его. Теперь, милая бабушка, юноша — мой, и если хочешь, оставайся у нас, а не хочешь, живи в своем доме. Мы всегда будем помогать тебе, и ты ни в чем не будешь нуждаться.

— Ладно, дитя мое, — сказала старуха, — раз юноша — твой, то забирай его, и я переселюсь к вам. Я шестнадцать лет воспитывала этого юношу и не смогу перенести разлуку с ним.

После этого переселили они к себе старуху, а Искендер, попав к своей родной матери, стал жить в полном здравии.

В один из дней Пилкус-падишах скончался. Народ его похоронил и посадил падишахом его внука Искендера. Искендер был справедливым падишахом, много помогал бедным. И вот в один из дней умирает также и Дараб-падишах, и вместо него падишахом становится его сын Дара. Он позвал своего казначея и сказал:

— А ну-ка, представь мне свои книги. Какие падишахи не уплатили дани?

— О мой падишах, — отвечал казначей, — умер Пилкус-падишах, и вместо него падишахом стал его внук Искендер, вот его-то страна уже три года не платит дани.

Тогда Дара-падишах сказал:

— Ты сейчас же напиши ему письмо, и если он тотчас не привезет дань, то я вывезу землю его страны в торбах моих коней.

После этого казначей пришел к себе домой и написал письмо: «Искендер-падишах, ты давно не платишь дани, ко-

торую обязан платить. И если ты в трехдневный срок не представишь ее в мою казну, я выведу землю твоей страны в торбах моих коней». Написав это, казначей пошел к падишаху и дал ему приложить печать, а затем послал Искендеру-падишаху вместе с несколькими ясаулами.

Искендер получил письмо Дары-падишаха и очень разгневался. Он тотчас взял калам и бумагу и собственноручно написал: «Нынче курочка, что несла золотые яички, стала петухом!» Подписался Искендер, приложил печать и отдал письмо ясаулам Дары-падишаха, а сам, отослав их, тотчас собрал войско и пошел войной на Дару-падишаха. Искендер-падишах знал, что после этого письма Дара-падишах не сможет усидеть спокойно. И когда Дара-падишах тоже собрал войско и выступил в поход, Искендер-падишах в это время уже углубился в его страну.

Оба войска сражались мечами и копьями и бились с утра до вечера. На следующий день Дара-падишах заболел, и его войско стало сдавать. Тогда трое везиров Дары-падишаха посоветовались и решили: «Дара-падишах терпит поражение, давайте убьем его и тем самым угодим Искендеру-падишаху». И они дали Даре-падишаху яд. Потом везиры явились к Искендеру-падишаху, поклонились ему и сказали:

— О наш падишах, мы везиры Дары-падишаха, и мы дали ему яд. Он уже умер или вот-вот умрет. Входите спокойно в город.

Тогда Искендер-падишах воскликнул:

— Так, значит, вы неверны своему падишаху?!

Он бросил этих троих везиров в зиндан, а сам, погоняя коня, помчался к Даре-падишаху. Он собрал всех лекарей и мудрецов, заставил их приготовить разные снадобья и зелья, но ничто не помогало.

А Дара-падишах открыл глаза и узнал Искендера-падишаха. Тут они поняли, что они единокровные братья. После этого Дара-падишах умер, а троих везиров, которые отравили его, вздернули на виселицу. Они получили по заслугам. А Искендер-падишах, взойдя на престол Дары-падишаха, стал править его царством.

32. Охотник и двое его сыновей

Было ли не было, в старые времена жил один знаменитый охотник. Далеко славилась меткость его стрельбы. И была у него умная жена, от которой родились два сына. В один из дней жена охотника умерла, и тот взял себе другую, молодую и очень красивую жену.

Однажды отправился он на охоту. Охотился он в степях и лесах и поймал какую-то необыкновенно красивую птицу. Охотнику стало жаль убивать птицу, и он принес ее домой. Дома он никому ее не показал, а спрятал, привязав в углу за юком. Вечером лег охотник спать, а рано утром поглядел на птицу и увидел, что вокруг места, где она сидит, валяются кусочки золота. Охотник тотчас собрал золото, но никому про это не рассказал. И вот каждый день стал охотник собирать с подстилки птицы золото. Однажды решил он узнать, откуда у птицы берется золото, и сел ее стеречь. Когда птица уснула, охотник увидел, что золото сыплется из ее глаз. Не проронив об этом ни слова, охотник по-прежнему продолжал собирать золото с подстилки птицы.

А жена охотника встречалась с везиром падишаха. Однажды везир и говорит женщине:

— Убей своего мужа, и тогда я женюсь на тебе, а не то я убью тебя. Чтоб избавиться от мужа, есть средство: подсыпь ему в пищу яд.

И везир дал женщине яд. Та обещала убить мужа, взяла яд и отправилась домой. Пришла женщина домой, приготовила еду, насыпала в нее яд и поставила перед охотником. Тот поел, а после этого заболел и слег. И вот ему становится все хуже и хуже, во всем теле усиливаются боли. Не открывая своей тайны жене, охотник отослал ее куда-то, сам же позвал своих сыновей, старшему из которых было двенадцать лет, а младшему десять, и сказал:

— Дети, болезнь моя все усиливается, и я, наверное, умру. Поэтому я хочу вам дать несколько советов. Когда я умру, вы хорошенько кормите птицу, которая сидит за юком, а то, что будете поутру находить на ее подстилке, собирайте и прячьте. И никому, даже вашей мачехе, об этом не говорите. Когда вырастете, это вам пригодится.

— Ладно, отец, — сказали сыновья, — все, что ты наказываешь, мы крепко запомним и сделаем так, как ты велишь.

А мачеха мальчиков тем временем вовсе не пошла по поручению мужа, а стояла снаружи и подслушала все, что тот говорил. Когда она вернулась назад, охотник уже умер. «Ай-вай!» — стала притворно рыдать женщина. Надела она траур и устроила похороны. А на рассвете она встала раньше мальчиков, осмотрела подстилку птицы и нашла кучку золотых крупинок. Мачеха снова легла и притворилась спящей. Через некоторое время встали мальчики. Подошли они к тому месту, где сидела птица, но ничего здесь не обнаружили. Так каждый день осматривали они подстилку птицы, но ничего не находили, потому что мачеха каждое утро вставала раньше их и забирала золото. Мальчики удивлялись:

— Почему это отец дал нам такой наказ? Мы каждый день осматриваем подстилку птицы и ничего не находим.

А мачеха, увидев, что золото сыплется из глаз птицы, не утерпела и все рассказала везиру. Везир сказал:

— Раз так, убей эту птицу, свари ее в котле, и я съем ее глаза. Может быть, и у меня из глаз посыплется золото.

Женщина убила птицу, положила ее в котел и поставила на огонь, а сама ушла печь лепешки. Тут пришли мальчики, поглядели, а птицы нет: мачеха убила ее и положила в котел. Они очень огорчились и стали плакать. Потом старший приоткрыл котел и сказал:

— Съем-ка я кусочек мяса нашей птицы.

Достал он кусочек мяса, — а это оказалась голова птицы, — и съел его.

— Возьму-ка и я кусочек, — сказал младший.

Он тоже взял кусочек мяса и съел его. А это было сердце птицы. Потом мальчики решили, что мачеха побьет их за то, что они без позволения открыли котел, и убежали из города.

Пришла мачеха, выложила лепешки на скатерть, открыла котел и увидела, что там нет ни головы, ни сердца птицы. Догадалась она, что это съели мальчики и что они убежали из города, и поспешила сообщить обо всем везиру. Везир тотчас же позвал одного из своих нукеров и приказал ему:

— Догони мальчишек и убей их, а их одежду смочи в их крови и доставь сюда!

Нукер погнался за мальчиками. Неподалеку от леса он их догнал. Но человек этот пожалел детей. Он поймал в лесу пару зайцев, убил их, окрасил одежду мальчиков заячьей кровью и принес ее везиру. «Теперь мальчишки мертвы и вреда мне от них быть не может», — решил везир и стал спокойно жить с той женщиной.

А мальчики между тем все шли и шли. Вдруг дорога раздвоилась, и старший брат пошел по дороге, ведущей направо, а младший — по дороге, ведущей налево.

Коротко ли, долго ли шел старший брат, а к ночи дошел до окраины какого-то селения. Смотрит — в крайней лачужке виднеется слабый свет. Мальчик направился туда, вошел, а там сидит старая бабушка. Старуха ответила на приветствие мальчика и сказала:

— Входи, сынок, проходи на почетное место.

Мальчик ей рассказал:

— Я сирота, бабушка, и хотел бы стать кому-нибудь, у кого нет детей, сыном.

— Если хочешь, сынок, — отвечала старуха, — будь мне сыном. У меня детей нет.

Так стали мальчик и старая бабушка сыном и матерью.

Вот старуха стелит из своих лохмотьев постель и укладывает мальчика спать. Наутро встала старуха рано, чтобы вскипятить чай, посмотрела на мальчика и увидела, что вокруг его подушки рассыпаны крупинки золота. Старуха собрала их, потом вскипятила чай и разбудила сына. Однако ничего ему не сказала. «Если я скажу об этом сыну, он может где-нибудь разболтать. Ведь он еще ребенок. Услышит об этом падишах или еще кто-нибудь и ввергнет нас в беду. Может быть, и убьет моего сына. Нет, лучше я никому об этом не расскажу», — твердо решила старуха. И так каждый день стала собирать старуха вокруг подушки мальчика крупинки золота. Она была очень старая, и, хотя у нее теперь было золото, она боялась людских толков и не решалась его тратить. Тогда она решила: «Отдам-ка я своего сына в пастухи в этом селении, и у нас будет отговорка, что он зарабатывает».

— Сынок, — сказала старуха, — ступай пасти коров в этом селении, и у нас будет небольшой заработок, так,

чтобы не умереть с голоду. Но только не спи в поле, а то, если уснешь и растеряешь скотину, ее хозяева нас погубят.

Так долгое время мальчик пас коров, а его старуха мать под тем предлогом, что ее сын батрачит — пасет коров и получает плату, начала помаленьку пускать деньги в оборот. Они очень разбогатели, и юноша женился на дочери богатого купца. В народе разнеслась об этом юноше слава, и в конце концов падишах сделал его своим везиром.

А младший брат, который отправился налево, прошел несколько дорог и наконец в один из дней достиг окрестностей большого города. Возле города бродил какой-то старик, собирая хворост. Мальчик подошел к старику, поздоровался и сказал:

— Отец, я сирота и хочу стать кому-нибудь сыном, если он захочет.

— Хорошо, — ответил старик, — будь мне сыном. Мы оба станем собирать хворост, продавать его в городе и зарабатывать деньги.

Мальчик согласился, и они со стариком долго жили, продавая хворост. И вот этот мальчик стал юношей без изъяна.

В один из дней падишах другой страны пошел войной на падишаха этого города. И падишах города начал собирать большое войско. Юноша тоже стал воином падишаха и пошел воевать. И в сражении мечом, и в искусстве стрельбы, и в храбрости, и в богатырской силе юноша так проявил себя, что стал героем. Все жители города полюбили его. За такую доблесть, за то, что юноша прогнал врагов, падишах обласкал его, отдал за него замуж свою дочь и сделал его своим военачальником.

Однажды юноша пришел к падишаху и обратился к нему с просьбой:

— Несколько лет назад я разлучился со своим старшим братом и теперь хочу отправиться поискать его. Разрешите мне уехать на несколько дней.

Падишах дал ему снаряжение и отпустил. Отправился юноша, порасспросил множество народу и наконец нашел своего старшего брата. Пробыл он у брата несколько дней, посоветовались они и решили отомстить тому везиру, который убил их отца, совратил и взял себе в жены их махеху.

В скором времени приехали юноши в тот город, где они жили мальчиками, пришли прямо к везиру и сказали:

— Ты убил нашего отца, совратил нашу мачеху, думал, что убил и нас самих. Мы пришли, чтобы отомстить тебе. Готовься и не говори после, что ты не осуществил своих желаний, — мы не такие трусы, как ты.

Делать нечего, везир собрал войско для сражения с братьями и начал битву. В битве оба брата взяли верх, и войско везира было побеждено. Братья убили везира и свою мачеху и сами стали править в том городе.

33. Сирота

У одной вдовы был единственный сын, и никто не мог сравниться с ним в храбрости. Из-за этой-то храбрости и мужества юноши с ним все время дружили сын бая и сын купца.

Вот однажды, гуляя, набрали они на колодец, а возле него увидели следы какого-то огромного существа. Заглянули они в колодец, а оттуда повеяло жаром, как из тандыра. Друзья обрадовались и решили: «Мы нашли жилище дэва. Надо его убить и завладеть всеми сокровищами, всем его добром».

В тот день они вернулись домой, а на следующий — захватили с собой длинную веревку и опять пришли к колодцу. Сын бая сказал:

— Я полезу первым и убью дэва.

Он обвязался вокруг пояса веревкой, и его стали спускать в колодец. Прошло немного времени, и сын бая стал дергать веревку и кричать:

— Ой, тащите меня скорее, я совсем испекся!

Его тотчас вытащили наверх. Тогда сын купца сказал:

— Ну, от тебя толку не будет. Разве можно так позориться? Спускайте меня в колодец!

Вот сын купца обвязался веревкой, взял в руки саблю, и его начали спускать в колодец. Но не успел он немного спуститься, как тоже стал кричать:

— Ой, я изжарился, ой, я сгорел, тащите меня наверх!

Его тотчас вытащили. Тогда юноша-сирота сказал:

— Тьфу, из вас людей не будет, разве можно так трусить! А ну, спускайте меня и не вытаскивайте, если я даже стану просить об этом.

Обязался он веревкой, взял в руки обнаженную саблю и полез в колодец. Стали спускать этого юношу в колодец и спускали до тех пор, пока он не достиг самого дна.

Оказавшись на дне колодца, юноша увидел, что внутри колодец расширяется. Глянул юноша — а перед ним сидит сияющая пери. А возле нее спит огромный дэв.

— Послушай, человек, — сказала пери юноше, — пока дэв спит, убей его поскорей и выведи меня на белый свет.

— Хорошо, — отвечал юноша, — я выведу тебя на белый свет, но только я не стану убивать дэва, пока он спит. Это будет не по-мужски. Я разбужу его, и мы померяемся силами.

Юноша стал толкать дэва и тянуть его за ногу, но тот никак не просыпался. Тогда юноша воткнул в пятку дэва острие своей сабли. Дэв тотчас же вскочил и увидел, что ему угрожает человек. В тот же миг дэв схватил свою булаву и ударил ею, но только пробил в колодце яму. Не успел дэв взмахнуть булавой второй раз, как юноша ударил его по голове саблей. И вот голова дэва, словно огромный котел, лопнула и покатилась, а кровь дэва полилась потоком.

Юноша подал знак своим товарищам, и они вытащили все золото и серебро дэва. Остались в колодце только юноша и пери. Тогда пери и говорит юноше:

— Сначала пусть вытащат из колодца тебя. Если я выйду прежде, то может случиться, что твои товарищи захотят тебя бросить.

— Нет, это не дело, — возразил юноша, — если я выйду раньше, а тебя вытащу потом — это будет не по-мужски. Сначала выходи ты, а потом уж следом за тобой выйду я.

Он обвязал веревку вокруг пояса пери, и его товарищи вытащили пери из колодца. Увидев прекрасную пери, они очень изумились, а потом посоветовались между собой и решили: «Не будем вытаскивать из колодца юношу. Тогда один из нас возьмет себе сокровища, а другой — пери». И они не стали снова опускать в колодец веревку, а свернули ее и забросили в сторону.

Потом сын бая и сын купца стали тянуть жребий: кому достанется пери, а кому — сокровища. Сын бая забрал себе пери, а сокровища достались сыну купца. Они вернулись домой и зажили спокойно.

Вдова долго ждала своего сына и наконец отправилась к сыну купца. Никакого ответа от него она не добилась и пошла к сыну бая, который тоже ничего ей не сказал. Но когда она увидела пери, в сердце женщины закралась тревога. Горько рыдая, вернулась вдова домой.

Теперь послушайте про сына вдовы, который остался в колодце.

Поглядел юноша туда-сюда, а как выбраться на белый свет, так и не увидел. В колодце — ни еды, ни питья. От голода и жажды юноша совсем лишился сил. На следующий день он заснул и увидел сон. Кто-то во сне говорит ему: «Сегодня в час обеда для дэва сверху свалятся два барана. Один — белый, другой — черный. Если ты вскочишь на спину белого барана, то он вынесет тебя на белый свет, а если ухватишься за черного — он перенесет тебя в мир иной».

Проснулся юноша и стал поджидать баранов. Вдруг сверху сбросили для дэва двух баранов. Юноша прыгнул, стараясь попасть на спину белого барана, но угодил на черного. И баран этот тотчас унес юношу из родной стороны.

Пошел юноша куда глаза глядят. Шел он, шел — и увидел дайханина, который пахал землю. Поздоровался с ним юноша, а дайханин спросил:

— Ну, братец, откуда ты и куда идешь?

— Я, брат, и сам не знаю, откуда и куда иду, — отвечал юноша. — Рассказывать об этом долго, а давай-ка я лучше вспашу твою землю, а ты, может быть, принесешь мне поесть и попить.

— Об этом какой может быть разговор, но только когда будешь пахать, не подымай большого шума, — сказал дайханин.

— Ладно, брат, я не буду шуметь, даже и звука не пророню, — сказал юноша.

Дайханин направился в селение. Когда он совсем скрылся из виду, юноша вдруг подумал: «Почему это дайханин сказал, чтобы я пахал, не подымая шума? А что будет, если я начну шуметь?» — и крикнул быкам: «А ну, пошли!»

Стал он пахать, и тут вдруг из зарослей выскочили пять или шесть тигров, которые с яростью бросились на него. «Ого, вот, оказывается, почему дайханин не велел шуметь», — подумал юноша, тотчас схватил двух подоспевших тигров за загривки и стал колотить их друг о друга. Эти тигры так испугались юноши, что просто затряслись, а остальные в страхе разбежались. А юноша выпряг быков, вместо них запряг тигров, снова крикнул: «А ну, пошли!» — и, погоняя их, вскоре вспахал всю землю дайханина. Когда дайханин пришел и увидел, что юноша пашет на тиграх, он перепугался и стал поодаль.

— Эй, брат, не бойся, подходи ближе! — крикнул юноша.

Дайханин, изумленный тем, что увидел, боязливо приблизился.

— Ну, брат, принес ли ты мне что-нибудь поесть? — спросил юноша.

— Да, принес кое-что, — отвечал дайханин.

— Ну что, отпустить мне этих тигров или пахать на них дальше? — спросил юноша.

— Конечно, братец, ты уж отпусти их, пусть сгинут прочь! — воскликнул дайханин.

Тогда юноша сказал тиграм:

— Больше не смейте появляться здесь, и сколько бы ни шумел этот дайханин, чтоб ни один из вас не смел тронуть его! Я сам всегда буду тут, и не попадайтесь мне больше в руки, а не то разорву вас на куски!

Так юноша отпустил тигров, и они, не смея оглянуться и тяжело дыша, помчались прочь. Дайханин поставил перед юношей еду, тот поел и сказал:

— Спасибо, брат, теперь я сыт и с твоего позволения пойду своей дорогой.

— Как знаешь, — отвечал дайханин, — а то остался бы. Вудешь у нас почетным гостем, есть у нас бедный домишко, отдохнул бы...

— Нет, теперь я пойду. Прощай! — сказал юноша. — Спасибо тебе за то, что ты для меня сделал. — И юноша тронулся в путь.

Коротко ли он шел, долго ли шел, наконец лег отдохнуть под чинарой. Вдруг на верхушке дерева жалобно запищали птенцы. «Почему это они пищат?» — подумал

юноша, поднял голову и увидел, что по стволу ползет огромный дракон. Пустил юноша в дракона две стрелы, обе они попали в цель, и дракон свалился недалеко от чинары. Ударив хвостом так, что вздрогнула земля, дракон издох. А юноша снова склонил голову на землю и заснул. Птенцы вылетели из гнезда и принялись порхать над юношей. В это время прилетела их мать — птица Симуург. Увидев юношу, она подумала: «Так вот кто каждый год уничтожал моих птенцов. Сброшу-ка я на него кусок скалы и убью его». Полетела птица Симуург, принесла обломок скалы и хотела было сбросить его на юношу, но тут увидела, что ее птенцы летают над ним и щебечут. Тогда опустилась птица Симуург с этим камнем на землю, а птенцы и спрашивают ее:

— Матушка, что это за камень ты принесла?

— Каждый год, — отвечала мать, — у меня пропадали птенцы. Оказывается, их уничтожал этот человек. Я принесла кусок скалы, чтобы убить его, но вы все время летаете над ним и мешаєте мне.

— Ай-ай, что ты говоришь! — закричали птенцы. — Ведь этот юноша сделал нам такое доброе дело! Разве ты не видишь дракона, что там лежит? Когда он приполз, чтобы нас съесть, этот юноша убил его и спас нам жизнь.

Услыхала птица Симуург речи своих птенцов и раскаялась в своем намерении. Отнесла она камень на прежнее место, вернулась назад и, раскрыв крылья, прикрыла юношу от солнца.

Вот проснулся юноша, а над ним порхают, словно мотыльки, и щебечут птенцы, а их мать, птица Симуург, распустила крылья и прикрывает его своей тенью. Очень удивился этому юноша. А птица Симуург ему и говорит:

— Не удивляйся, человек, и не смущайся. Дело в том, что этот дракон, которого ты убил, каждый год пожирал моих птенцов, а я не знала, что это делает он. Из-за дракона у меня до сих пор не было потомства. Теперь ты убил моего врага, и какое бы доброе дело я для тебя ни сделала, все равно оно не сможет сравниться с тем, что сделал для меня ты.

Тогда юноша сказал:

— Ну, ладно, поспал я возле твоих птенцов и хорошо отдохнул, а теперь с вашего позволения потихоньку пойду дальше.

— Раз ты уходишь, — говорит птица Симург, — проси у меня любой помощи.

— Ничего мне не нужно, лишь бы ты была здорова! — отвечал юноша.

Птица Симург вырвала у себя несколько перьев и сказала:

— Вот возьми эти перья и хорошенько храни их. Когда с тобой что-нибудь случится, сожги одно перышко, и в тот же миг я окажусь рядом.

Распрощался юноша с птицей Симург и снова тронулся в путь. Коротко ли он шел, долго ли шел, пришел в один город и остановился в доме у бедняка, который жил на окраине. Заметил юноша, что жители этого города с ног до головы одеты в черное, и спросил своего хозяина:

— Почему это жители вашего города одеты во все черное?

И хозяин рассказал ему, в чем дело:

— Видишь ли, братец, через наш город протекала река, а теперь в ее русле поселился дракон. Каждый день жители нашего города отдают дракону девушку, и, когда он встает, чтобы ее съесть, по руслу течет немного воды. Дракон уже съел всех девушек в нашем городе, и завтра к нему должны повести дочь падишаха. Поэтому весь город носит траур.

— А где этот дракон? — спросил юноша.

— Если пойдешь вдоль реки, он как раз и будет на самой окраине города, — объяснил хозяин.

Незадолго перед заходом солнца юноша взял свое оружие и отправился к тому месту, которое ему указал хозяин. Спустя некоторое время пришел он к руслу той самой реки, посмотрел — а там лежит и жадно облизывается огромный дракон. Юноша подошел к дракону сзади и выпустил одну за другой четыре стрелы. Он пронзил стрелами голову дракона, а потом подбежал, ударил дракона по шее своей алмазной саблей * и убил его. Русло реки наполнилось водой, смешанной с кровью, которая потекла в сторону города. А юноша вырезал со спины дракона ремень величиной с подпругу и вернулся назад. Пришел он к тому человеку, у которого гостил, и как ни в чем не бывало сел и принялся беседовать с хозяином дома.

Когда жители города увидели, что течет вода с кровью,

они очень изумились. «Видно, кто-то убил дракона», — решили они и поспешили обрадовать падишаха. И вот весь город стал ликовать, лица людей озарились светом радости. А назавтра падишах велел объявить:

— Пусть ко мне явится тот, кто убил дракона, и я отдам за него свою дочь.

Многие приходили к падишаху, говорили:

— О падишах, это я убил дракона и жду твоей награды.

А падишах спрашивал их:

— Если ты убил дракона, то чем ты это докажешь?

И они ничем не могли это доказать и с позором возвращались назад.

В тот день так и не нашелся человек, который убил дракона. Тогда хозяин дома, где гостил юноша, ничего не говоря ему, отправился к падишаху и рассказал:

— О падишах, так-то и так: пришел к нам в дом гость, спросил у меня приметы места, где поселился дракон, и после этого куда-то ушел. Должно быть, это он убил дракона.

— Что ж, наверное, так и есть, как ты говоришь! — сказал падишах. — Ведь если бы это был человек из нашего города, то что же он думал прежде, когда позволил дракону истребить всех девушек нашего города?

— Ступай и сейчас же приведи этого юношу! — приказал падишах ясаулу.

Ясаул тут же отправился за юношей.

— Эй, гость, тебя зовет падишах, — сказал он и повел юношу с собой.

— Ну, сынок, это ты убил дракона? — спросил падишах.

— Да, падишах, и теперь вы от него избавились. Никакой другой помощи людям оказать я не мог, ну а дракона убил, — отвечал юноша.

— Это очень большая помощь, — сказал падишах, — но если ты и вправду убил дракона, то можешь ли это как-нибудь доказать?

Тогда юноша вытащил из-за пазухи вырезанный со спины дракона ремень и бросил его перед падишахом.

— Ну, этого достаточно, хвала тебе за храбрость! — сказал падишах. — Ты, сынок, сделал для нас очень доброе дело, и поэтому я даю тебе в жены свою дочь.

— О падишах, — сказал юноша, — я не сделал ничего та-

кого, за что стоило бы отдавать мне в жены девушку, я только оказал помощь, какую сумел. К тому же у твоей дочери, наверное, есть юноша, который ей уже приглянулся.

— Нет у нее юноши, который бы ей приглянулся. А если даже и есть, то все равно: за дело, которое ты совершил, я отдам девушку тебе! — отвечал падишах.

— О падишах, послушай, — отвечал ему на это юноша. — Если у твоей дочери кто-нибудь есть, то неплохо было бы устроить в этот радостный день свадебный пир. И у меня тоже уже есть девушка, с которой мы связаны обещаниями. — Тут юноша подробно рассказал падишаху о том, как он разлучился с пери и как хочет с ней встретиться, и попросил падишаха помочь ему достигнуть исполнения своих желаний.

— Тогда, сынок, будем с тобой до конца своих дней отцом и сыном, — сказал падишах. — Кроме дочери, у меня детей нет, а теперь будут дочь и сын.

— Хорошо, падишах, я навсегда стану твоим сыном. У меня тоже нет никого, кроме старухи матери, — отвечал юноша.

Падишах поселил юношу у себя дома. Юноша стал шахзаде, и пусть себе он ездит на охоту *. А вы теперь послушайте про сыновей бая и купца.

Сын купца живет, проматывая богатство дэва, а сын бая с первого дня все хотел заставить пери выйти за него замуж. Но пери все время ему отвечала:

— Нет, не могу, я дала обещание тому юноше. У нас, у пери, есть обычай: если дала обещание, ждать самое меньшее полтора года. И я буду ждать того юношу полтора года. Вот если он в срок не вернется, тогда можешь на мне жениться.

И сын бая стал ждать, когда пройдет полтора года, потому что со времени того уговора пока прошло только шесть месяцев.

Тем временем однажды, когда шахзаде спал, приснилась ему птица Симург. На следующий день встал он пораньше, рассказал обо всем падишаху-отцу, а потом сжег перо птицы Симург. В тот же миг птица Симург оказалась перед ним. Вот юноша и говорит ей:

— Со мной случилось то-то и то-то и попал я сюда. Помоги мне теперь отыскать домик моей старухи матери.

Птица Симург отвечала:

— Для нас трудных дел нет. Но только сначала ты убей семь быков и наполни их skóry водой, так чтобы и мяса было довольно, и воды хватило. По пути, когда я попрошу мяса, ты дай мне воды, а когда попрошу воды, дай мяса.

Юноша тотчас стал готовиться в путь, как наказала птица Симург. А потом пошел он к своему названому отцу и сказал ему:

— Отец, я хотел бы отправиться с птицей Симург к себе на родину и перевезти сюда свою мать и пери, а сыновьям бая и купца отомстить. Как ты на это посмотришь? Отпустишь ты меня на несколько дней?

И падишах отпустил юношу. Тот сел на спину птицы Симург, и она взвилась в небо.

— Ну как, видна земля? — спросила птица Симург у юноши.

— Да, она похожа на крышку котла *, — отвечал юноша.

Вот птица Симург летит, и, когда она просит мяса, юноша дает ей воды, а когда она просит воды, он дает ей мяса. Летят они, летят — и вот попросила птица воды, и юноша уже собрался дать ей мяса. Глянул он, а все мясо кончилось. Ничего не сказав, юноша тотчас же отрезал у себя кусок ляжки и сунул птице в клюв. «Какое вкусное мясо, что-то здесь не так!» — подумала птица Симург, мясо есть не стала, а спрятала у себя под языком. Пролетела птица Симург еще некоторое время, а потом опустилась на вершину горы.

— Видишь домик на краю вон того селения? Так вот, это твой дом, иди туда, — сказала она юноше и опять дала ему четыре своих пера.

— Если ты консьнешься этим пером своего подбородка, то превратишься в седобородого старика, если проведешь по подбородку вот этим пером, то снова станешь молодым, как прежде. Твоя мать ослепла, и, если ты проведешь по ее глазам вот этим пером, она прозреет, а когда сожжешь вот это, последнее перо, я снова появлюсь возле тебя, — объяснила птица Симург юноше.

Попрощался юноша с птицей и хотел было уйти, но нога у него не двигалась. Тогда птица Симург подозвала юношу к себе, достала из-под языка кусок его ноги, прило-

жила к ране, полизала языком, и нога стала такой, как прежде. Юноша зашагал к дому.

Вошел он в дом и приветствовал свою мать. И она ответила ему, не подозревая, что это ее сын. Тут юноша провел по глазам матери пером птицы Симург, и она прозрела. Рассказала старуха юноше обо всем, что с ней случилось, а он спросил ее:

— Матушка, а если бы ты увидела своего сына, ты бы его узнала?

— Конечно, — отвечала мать, — если я увижу своего ягненочка, я его тут же узнаю *.

Тогда юноша вышел из дому, провел по своему лицу одним из тех перьев, что дала ему птица Симург, и вернулся в дом.

— Ах, сыночек мой, это ты! — воскликнула тут же мать и обняла сына.

А потом она рассказала ему все про сыновей купца и бая. Тогда юноша сказал:

— Матушка, я скоро вернусь.

Взял он свою острую саблю и отомстил сыновьям купца и бая. Забрал он себе богатство дэва и свою пери. А потом сжег перо птицы Симург, и в тот же миг она появилась перед ним. Юноша нагрузил на птицу Симург сокровища дэва и вместе с матерью и пери отправился в страну своего названного отца. Птица Симург быстро перенесла их туда, куда им было нужно. Юноша от всего сердца поблагодарил птицу и отпустил ее. А потом он устроил свадебный пир на сорок дней и ночей и взял пери в жены.

На том пиру и я был. И досталась мне на том пиру большая кость. Принес бы я ее вам, да пес Алабай выхватил ее у меня из рук и убежал.

34. Как бедняк ходил за черкезом

Было ли не было, жил в одном большом селении бедняк. У бедняка этого, кроме осла, ничего не было — ни курицы, ни собаки, ни кошки. Жил он в своей юрте с женой и дочкой. Жена его очень искусно ткала ковры, и баи на-

нимали ее ткать поденно. А дочку байские жены нанимали качать люльку. Вот так они и жили, еле зарабатывая на пропитание.

Однажды взял бедняк кетмень, веревку и, ведя за собой осла, отправился в пустыню за черкезом. Пришел он туда, набрал вязанку саксаула и почувствовал, что очень устал. Тогда положил бедняк свою шапку в тени большого черкеза, лег и мигом заснул. Спит он и видит сон, что кто-то поджег собранный им черкез. «Ой, подожгли мои дрова!» — воскликнул во сне бедняк, вздрогнул и вскочил на ноги. Смотрит — никто его дрова не поджигал. «Значит, целы мои дрова», — сказал себе бедняк, протер глаза получше и взглянул на солнце. А солнце уже вот-вот сядет. Забеспокоился бедняк, собрал еще немного дров и снова поглядел на солнце. И вдруг заметил он, что в десяти шагах от него что-то заблестело: солнечный луч упал на какой-то предмет, и его блеск ударил бедняку в глаза. Понравилась бедняку эта блестящая вещица, подошел он поближе, посмотрел, а это — кусок золота. Сильно обрадовался бедняк, так, что потерял сознание и некоторое время пролежал без чувств. Потом, когда очнулся, взял он кусок золота, снова взглянул на солнце, а оно уже совсем село. «Заночевать мне здесь или вернуться домой?» — стал раздумывать бедняк. Наконец он решил остаться в пустыне, привел поближе своего осла и разжег костер из собранных дров. Провел эту ночь бедняк в пустыне, а назавтра с утра пораньше навьючил на осла черкез и к полудню добрался до дому. Свалил бедняк дрова, смотрит — а жены нет. Поглядел он туда-сюда и видит, что жена его сидит у юрты бая и ткет ковер. Позвал бедняк жену и велел ей:

— Эй, дай мне зеленого чая, да завари покрепче!

Жена тотчас вскипятила чай на дровах, что привез муж, и поставила его перед мужем. Вот муж сидит, пьет чай и, улыбаясь, поглядывает на жену.

Тогда жена и говорит:

— Ну, отец, что с тобой сегодня, почему ты такой веселый?

— Кому же быть веселым, как не мне? — отвечает муж. — Передо мной зеленый чай, на скатерти — свежая белая лепешка.

Тогда жена и говорит:

— Ты и прежде пил чай с лепешкой, но таким, как сегодня, не бывал. Тебе бы следовало жаловаться, глядишь — бог и нам послал бы хоть какую-нибудь козу, чтобы у нас был айран.

— В том месте, куда я ходил за дровами, — сказал наконец муж, — я нашел немножко золота.

— Оставь, отец, — проговорила жена, — такие бедняки, как мы, не находят золото! Господь знает, кому его посылать.

Тогда муж, чтобы убедить жену, достал из сумки золото и показал ей.

— Дай-ка посмотреть, отец, — попросила жена.

Взяла она у мужа золото и стала его разглядывать. А в это время вошел в юрту ишан.

— Проходи на почетное место, — сказал бедняк ишану.

Тот направился к почетному месту и уселся там.

— Вскипяти чай, — велел бедняк жене.

Вскипятила жена чай, подала его мужу, а муж подал чай ишану *. Пьет ишан чай и говорит жене бедняка:

— А что это, женщина, видел я у тебя в руках золотое, когда входил. Дай-ка поглядеть.

— Ничего особенного, ишан-ага, — отвечает бедняк, который понял, что ишану нужно.

Но ишан не отстает, снова просит, и тогда бедняк говорит жене:

— Дай, пусть поглядит.

Жена бедняка достала золото и подала его мужу.

— На, гляди! — сказал бедняк и со злостью бросил золото перед ишаном.

— Да где же ты его взял? — спросил ишан бедняка.

Бедняк ничего не ответил. Но ишан спрашивал снова и снова, и тогда бедняк, не выдержав, стал рассказывать:

— Взял я своего осла, кетмень и веревку и отправился в пустыню собирать черкез. Утомился, подложил под голову шапку и лег под большим черкезом. Уснул я и вдруг вижу сон.

— Что же ты увидел во сне? — спросил бедняка ишан.

— Приснилось мне, что собранный мной черкез поожгли. Я охнул и вскочил. Смотрю на дрова — они целы и на месте, глянул на солнце, а оно вот-вот сядет, — рассказывал бедняк ишану.

— Я спрашиваю тебя, как ты золото нашел? — перебил ишан.

— Когда я посмотрел на солнце, чтобы узнать, не поздно ли уже, солнечный луч упал на что-то, и оно заблестело.

— Ну, ладно, будьте здоровы, я пойду, — сказал ишан и тут же отправился домой. Но по дороге он остановился и подумал: «Спрошу-ка я у них немного золота, может быть, дадут». Вернулся ишан с полпути и сказал:

— Отломи мне маленький кусочек от твоего золота.

— Когда тебе от нас что-нибудь нужно, ты тут как тут, а когда нужно что-нибудь от тебя, тебя и не сыщешь, — ответил бедняк.

— Ты дай мне лишь столько, сколько я прошу, — сказал ишан, сам взял золото и отломил кусочек.

— Пусть будут славные у тебя сыновья, пусть каждый найдет себе девушку, красивую как пери, — пожелал ишан, проведя обеими ладонями по лицу *.

Бедняк, рассерженный действиями ишана, воскликнул:

— Уйди прочь с моих глаз! Все тебя почитают и дают тебе подарки, но если ты бессовестно станешь брать у таких бедняков, как я, то все будут тебя стыдиться!

Да что тут — если к рукам ишана может что-то прилипнуть, разве станет он стыдиться?

— Пусть бог благословит тебя и всех, — снова пожелал ишан и опять провел ладонями по лицу.

С того дня как бедняк принес домой золото, он больше не посылал жену к баям ткать ковры. Зажили они хорошо.

А ишан пришел домой, взял веревку, кетмень, сел на осла и поехал в пустыню за черкезом. Приехал он в пустыню, срубил два больших черкеза и сказал притворно: «Устал я». Подложил ишан под голову свою чалму, улегся в тени черкеза и собрался заснуть, но сон к нему никак не шел. Хочет ишан заснуть, а вместо этого глаза таращит. Встал он тогда и снова начал собирать черкез. На этот раз устал как собака. «Ну, теперь засну и увижу сон», — подумал ишан и опять улегся под черкезом. Только он успел задремать, как вдруг за ворот к нему вползает змея.

— Ты зачем заползла ко мне? — спросил змею ишан.

А змея ишану отвечает:

— А зачем ты сначала солгал, что устал? Разве ишану пристало лгать?

— Знаешь, змея, — сказал тут ишан, — вот вчера один бедняк лег здесь спать и увидел сон, а потом нашел золото.

— Тот бедняк и вправду устал и заснул, а ты солгал. А ведь тебе и так дают все, что ты просишь, бедняку же никто ничего не дает. Убирайся отсюда поскорей, а не то будет тебе от меня худо, — сказала змея и прогнала ишана из пустыни.

Приходит ишан домой, словно яду наелся. Жена его спрашивает:

— Что с тобой, почему у тебя такое грустное лицо?

Разозлился ишан на жену и говорит:

— Жена должна сидеть да помалкивать!

А жена не унимается и спрашивает снова:

— Что с тобой?

— С такой бабой, как ты, известно, что надо делать, — проговорил ишан и принялся колотить жену палкой.

Приходит тут из соседнего дома старуха и говорит:

— Ишан, нельзя так бить жену: она ведь не скотина бессловесная, а как-никак человек.

— Убирайся прочь с моих глаз! — закричал ишан. — Ишан таких баб, как ты, уму-разуму учит, а баба ишана учить не смеет!

И прогнал ишан старуху. Прокляла его старуха и пошла по своим делам. А ишан продолжал колотить жену, пока та не упала. Тогда ишан уселся спокойно и сказала:

— Бабы — хитрый народ.

Через некоторое время подошел ишан к жене, потрогал ее тело, а оно холодное. Понял ишан, что его жена умерла. Достал он из сумки, что висела на стене, коран и стал его читать, чтобы оживить мертвую жену. А жена все не оживает. Тогда он положил коран обратно в сумку, отворил дверь дома, разостлал у дверей войлок и, закрыв лицо руками, начал плакать. Услыхали его люди и стали говорить:

— Ишан-ага кричит, что-то случилось.

Вот собрались все мужчины и женщины селения и видят, что жена ишана умерла. Стали тут ишана спрашивать:

— Ишан-ага, твоя жена ведь только что была жива-здорова. Как же это вдруг случилось?

— У бедняжки было больное сердце, вот ее и схватило, — солгал людям ишан.

Женщины стали обмывать жену ишана и заворачивать ее

в саван. Тут они и увидели, что все тело жены ишана покрыто синяками от ударов палкой. Так все узнали, что ишан забил свою жену до смерти.

Вот прошел месяц. Захотел ишан снова жениться. Он нашел в своем селении старика и старуху и послал их сватами. Куда бы старики ни ходили, всюду их спрашивали:

— Кому нужна девушка, за кого сватаете?

Старики рассказывали, и всюду им на это отвечали:

— Так это за того самого ишана, что забил свою жену до смерти? Если вы явились присматривать девушку для этого ишана-кровопийцы, то поворачивайте своих ослов по своим следам, пока их ветром не замело!

Возвращаются старики к ишану, а тот им снова говорит:

— Завтра вы пойдете еще туда-то, — и посылает старика и старуху на следующий день в другую сторону. Отправляются старики сватать в то селение, что указал ишан, но во всех домах их снова спрашивают:

— Для кого пришли сватать?

— Для нашего ишана, — отвечают старики.

И как только люди узнают, что свою прежнюю жену ишан убил, этих сватов тотчас же выгоняют. Возвратились наконец старики к ишану и сказали:

— Не выходит у нас сватовство, ишан.

— Ладно, хватит, оставьте, — ответил ишан и уже больше не пытался жениться.

Так и умер ишан неженатым, а все его добро досталось людям.

35. Овез-лентяй

В старые времена жил один бедняк, и был у него сын, которого звали Овез. Этот парень даже из дому никогда не выходил, а все лежал, да проедал то, что зарабатывали его родители. Так до восемнадцати лет он и рук в холодной воде не замочил *. Поэтому его прозвали «Овез-лентяй». Но все же Овез не вынес людских насмешек, в нем заговорила совесть, и он решил: «Все люди трудятся. А я ведь тоже человек, негоже мне вот так валяться!» И Овез-лентяй отправился с купеческим караваном в другой город на заработки.

Долго ли, коротко ли ехал Овез с караваном, но вот однажды караван вошел в один город. В первый день Овез отдыхал, а на следующий — вышел на базар поискать работы. А на базаре как раз в это время ходил купец и выкрикивал:

— Кто пойдет ко мне в работники, тому буду платить в месяц нечестных денег — тысячу тенге, честных — одно тенге! Кто пойдет в работники?

Овез подошел к купцу и нанялся на поденную работу за одно тенге честных денег. Проработал Овез у купца месяц и получил одно тенге. Пошел он на базар, чтобы посмотреть, не едет ли кто в его родное селение. А тут как раз один караванбаши собирался в селение Овеза. Овез стал ходить из лавки в лавку, чтобы купить что-нибудь на заработанное тенге и послать домой, да на одно тенге ничего ведь не купишь. Наконец Овез купил на свое тенге кошку и отдал ее караванбаши. Тот посадил кошку Овеза в торбу и отправился в селение. А Овез снова стал работать на прежнем месте.

Через несколько дневных переходов караван дошел до какого-то селения и стал на отдых. А в этом селении было такое множество мышей, что и не сказать; случалось, что они попадали даже в пищу. И ни одной кошки в этом селении не было. Увидели жители селения кошку у караванбаши и стали его упрашивать продать ее. Но караванбаши отвечал:

— Эта кошка не моя, один человек поручил мне доставить ее к нему домой.

Тогда собрались старики этого селения и предложили:

— Послушай, караванбаши, отдай нам кошку, а мы наполним золотом эту торбу, в которой ты ее везешь.

Караванбаши отдал кошку, в торбу насыпали золота, и караванбаши отвез торбу родителям Овеза.

А Овез проработал еще один месяц и получил еще одно тенге. Пошел он на базар, чтобы купить что-нибудь на эти деньги и послать домой, но не мог найти ничего подходящего. Ходил он, ходил — и наконец купил на свое единственное тенге собаку. Овез решил, что завтра подыщет человека, который собирается в его селение, и перешлет с ним собаку, а пока улегся спать. Проснулся Овез на следующее утро и увидел — вокруг него извивается огромный дракон.

— О юноша, — сказал дракон, — я единственный сын падишаха драконов. Много лет назад я поссорился со своим

отцом. Если ты помиришь меня с ним, то исполнятся все твои желания, а если не помиришь, я тебя съем.

Овез так испугался дракона, что не знал, как ему поступить.

— Хорошо, — ответил наконец Овез, — я помирю тебя с отцом, — и отправился вслед за драконом.

Прошли они путь в несколько дневных переходов, и дракон сказал Овезу:

— По пути нам встретятся огромные змеи, но ты их не бойся. Раз я с тобой, они тебе ничего не сделают. Главное — постарайся помирить меня с отцом. Если сделаешь это, отец тебя спросит: «Чего ты хочешь в награду?» Так вот слушай, есть у отца один перстень, который исполняет все, что пожелаешь. Проси у отца этот перстень, и что бы он ни предлагал тебе взамен — не бери.

Проделав долгий путь, Овез с драконом стали встречать множество огромных змей, которые им вслед кричали:

— Вот идет сын падишаха!

Наконец они прибыли к падишаху драконов и почтительно поздоровались с ним. Тут Овез сказал:

— О падишах! Ты властелин такой обширной страны, зачем тебе ссориться со своим единственным сыном? Падишахам не пристало так поступать! Наоборот, ты сам должен мирить тех, кто поссорился.

Услышав это, падишах драконов тут же стал мириться со своим сыном. Так Овез помирил дракона с отцом. Все были очень рады и устроили пир на три дня и три ночи.

Прошло несколько дней. Овезу оказывали почет и уважение. Наконец Овез решил вернуться назад, и тогда падишах драконов сказал ему:

— Ты сделал для меня много добра, поэтому и я хочу что-нибудь для тебя сделать. Проси чего хочешь.

— Я хочу только одного: чтобы ты был в добром здравии, — ответил Овез и продолжал. — Говорят, правда, у тебя есть один перстень. Вот если бы ты дал мне его...

Услышав, что Овез просит перстень, падишах драконов очень опечалился. Но как ему ни было жаль перстня, все же он отдал его Овезу. Попрощался Овез с драконами и отправился домой.

Дома Овез рассказал родителям обо всем, что с ним случилось, а потом приказал перстню доставить к нему продан-

ную кошку. После этого Овез попросил свою мать посватать для него дочь падишаха. А падишах этого города был человек жестокий и безжалостный, и мать Овеза очень боялась идти к нему. Но Овез все время упрашивал ее:

— Иди, какой бы выкуп он ни потребовал, мы заплатим. Наконец мать Овеза решилась.

Многие хотели жениться на дочери падишаха, но стоило падишаху назвать несметную сумму выкупа, как все они отступали. Никто не мог уплатить этот выкуп.

Мать Овеза, дрожа от страха, пришла к падишаху и сказала о своем деле. Падишах разгневался. Он пришел в ярость от того, что какой-то бедняк решился посватать его дочь, и, чтобы сразу отвести Овеза, назначил за свою дочь неслыханный выкуп.

— Пусть к завтрашнему утру, — сказал падишах, — будет построена золотая крепость. В каждом углу этой крепости пусть будет золотой дом, и чтобы в одном из домов была весна, в другом — осень, в третьем — лето, а в четвертом — зима. Если твой сын выполнит это условие, то получит девушку, а нет — пусть простится с жизнью.

Послушала мать Овеза, что сказал падишах, и с разбитым сердцем отправилась домой.

— Ну, матушка, удача или неудача? — спросил Овез.

— Ах, да поди ты со своей удачей-неудачей, — отвечала мать, — падишах назначил такой выкуп, что его нипочем не осилить! А еще он сказал, что, если ты его повеление не исполнишь, он нас всех погубит!

— Ни о чем не печалься, матушка, — сказал Овез, — ничего падишах нам не сделает, а скорее сам погибнет. Сию же минуту мы выполним с избытком все, что требует падишах!

Проговорив это, Овез тотчас отдал приказ перстню, и все свершилось так, как было приказано. Овез взял в жены дочь падишаха и устроил свадебный пир на семь дней и ночей, щедро раскинув перед народом скатерть.

Очень удивился падишах тому, что произошло, и подумал: «Клянусь жизнью, что это может значить? Несколько падишахов не смогли одолеть назначенный мной выкуп, и вот теперь какой-то жалкий бедняк завладел моей дочерью. Нет, тут что-то есть!» А дочь падишаха хорошо знала своего отца, и потому она сказала мужу:

— Говорят: «Две бараньи головы в одном котле не ва-

рятся». Мой отец не даст тебе покоя, он постоянно будет думать: «Какой силой этот парень завладел моей дочерью?» — и житья нам от него не будет. Давай переберемся на ту сторону реки и поселимся там.

Овез послушался жены, взял с собой кошку и собаку и отдал приказ перстню. Все мигом очутились на другом берегу реки и остались там жить.

А падишах прослышал о том, что у Овеза есть чудесный перстень. Он кликнул клич:

— Тому, кто добудет волшебный перстень, я дам много золота!

Услыхала об этом одна старуха и сказала:

— Если меня перевезут на ту сторону реки, я попробую.

Падишах приказал своим людям перевезти старуху, и ее тотчас переправили через реку.

Вот старуха улеглась на берегу реки недалеко от дома Овеза и принялась стонать. Спустя некоторое время ее увидел Овез и спросил:

— Эй, бабушка, что это ты здесь горюешь?

— Ах, дитя мое, кому же плакать, как не мне, — отвечала старуха. — Было у меня единственное дитя, которое я лелеяла, а люди падишаха убили его. Меня же они завезли на этот берег реки, и теперь я не знаю, куда идти.

А так как плакать ей не хотелось, она смочила глаза слюной и притворялась, что плачет.

— Пойдем, бабушка, — сказал Овез, — будешь жить у нас и станешь помогать моей молодой жене. Она все говорит, что ей скучно. Ничего, что ты старая.

Старуха прожила несколько дней в доме Овеза, и Овез с женой к ней привыкли.

Каждый день Овез уходил на охоту. Вот однажды старуха и говорит его жене:

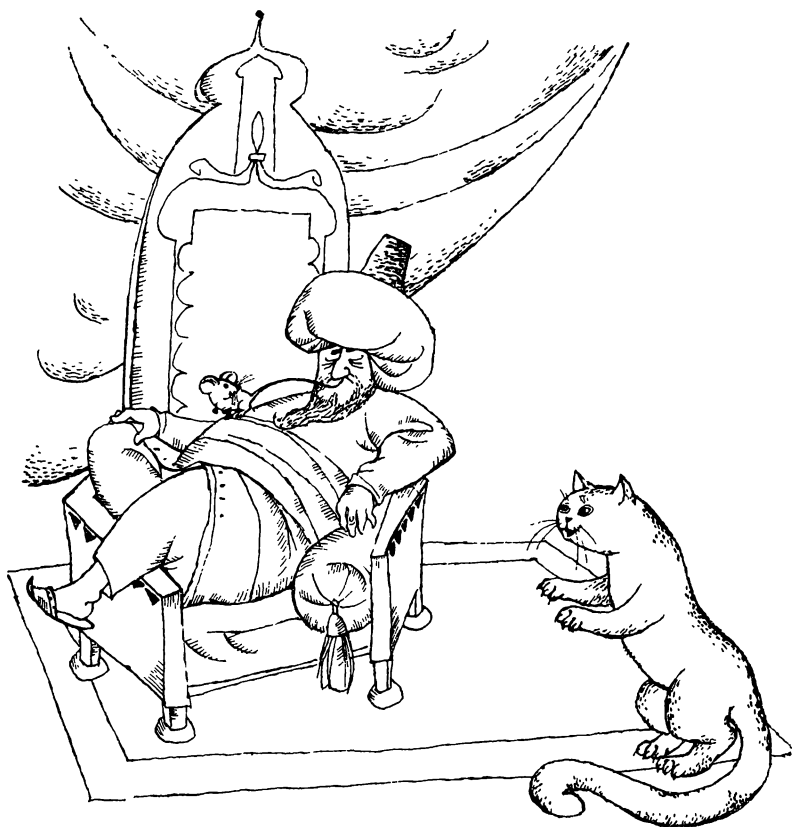
— А ведь муж-то тебя не любит. Он не верит тебе своих тайн. Если бы муж любил тебя и доверял тебе, он дал бы тебе свой красивый перстень.

Таковыми разговорами старуха точила сердце молодой женщины. Когда вечером Овез вернулся с охоты, жена сказала ему:

— Дай мне поносить твой перстень.

Овез дал ей перстень, но при этом наказал:

— Только береги его хорошенько!

На следующий день Овез снова ушел на охоту, а старуха увидела у молодой женщины перстень и сказала:

— Давай я согрею воды, а ты искупаешься. Такая молодая женщина, как ты, должна содержать себя в большой чистоте. — И старуха принялась греть воду.

Когда вода согрелась, жена Овеза сняла с руки перстень и положила его на одеяло. Старуха это видела. А что еще ей и было нужно, как не тот перстень? Как только молодая женщина отошла, старуха тотчас подскочила к перстню, схватила его, надела на палец и воскликнула:

— О чудесный перстень! Убей Овеза до смерти, его жену — до полусмерти, а меня доставь к падишаху!

И тотчас все совершилось. Проклятая старуха сняла с пальца перстень, отдала его падишаху и, получив награду, заковыляла к себе домой.

Тогда кошка и собака Овеза сговорились отправиться на другой берег реки и поискать перстень. Собака посадила кошку себе на спину, и они переправились через реку. Потом они разузнали, что перстень находится у падишаха, и тогда кошка сказала собаке:

— Друг собака, ты побудь на улице, а я проберусь во дворец падишаха и поищу там перстень.

Собака согласилась и осталась на улице, а кошка пробралась прямо туда, где спал падишах, и уселась, глядя на него. А падишах прятал перстень у себя под языком. Пока кошка сидела да раздумывала, как ей добыть перстень, вдруг выбежала мышь. Кошка тотчас поймала ее и сказала:

— Я отпущу тебя, если ты заставишь падишаха чихнуть.

Мышь обещала. Она вытянула хвост и засунула его в нос падишаху так, что тот громко чихнул. Тут перстень и выскочил. Кошка прыгнула, мигом схватила перстень и убежала. Падишах сейчас же проснулся и закричал:

— Ой, ой, пропал мой перстень!

Но сколько он ни кричал, было уже поздно.

А кошка и собака прибежали к реке.

— Друг кошка, дай перстень мне,— сказала собака.

— Нет, друг собака,— отвечала кошка,— ты уронишь перстень в реку, и потом его не найти.

Однако как кошка ни старалась оставить перстень у себя, ей пришлось в конце концов отдать его собаке. Та взяла и спрятала перстень у себя под языком. Потом собака посадила кошку к себе на спину, и они поплыли к другому берегу реки. Пока собака плыла, она совсем забыла, что у нее в пасти перстень, принялась лакать воду и незаметно для себя выронила перстень в реку. Добрались собака с кошкой до другого берега, и кошка сказала:

— Друг собака, отдай теперь перстень мне.

Собака вспомнила про перстень, пошарила у себя в пасти, но перстня там не оказалось.

— Друг кошка, а ведь перстня-то у меня в пасти нет! Видно, я выронила его, когда пила воду,— отвечала собака.

— Ну и натворила же ты бед, ну и натворила ты несчастий! Не хотела я давать тебе перстень, но ты не послуша-

лась, а теперь все наши труды пропали даром! Ведь у нас не хватит сил, чтобы вычерпать из реки воду и обшарить дно. Что нам теперь делать? — стонала кошка.

Сильно горевали и плакали собака с кошкой, оттого что потеряли перстень. Наконец собака сказала:

— Друг кошка, ведь говорят же: «Тысяча печалей одного дела не совершит» *. Давай лучше пошарим немного в реке, посмотрим в брюхе у здешних рыб, может быть, и найдем там перстень *.

Так они и сделали: стали ловить в реке рыбу и поедать ее. И вот в брюхе одной из рыб кошка нашла перстень. Обрадовались кошка и собака: «Кто ищет — тот найдет» — и отнесли перстень жене Овеза. А жена Овеза тотчас приказала перстню:

— Исцели меня и Овеза и доставь моего мужа сюда.

В тот же миг Овез предстал перед своей женой. Оба они исцелились полностью, словно заново родились на свет. Жена Овеза рассказала мужу о случившемся, о злых кознях старухи и о том, как собака с кошкой принесли перстень.

— Я часто слышал от старых людей, что на свете дороже всего то, что добыто своим трудом. Это очень верно сказано. Кошка и собака, которых я добыл своим трудом, очень помогли нам сегодня, — сказал Овез, гордясь кошкой и собакой. А потом он приказал:

— Ну-ка, перстень, уничтожь падишаха, его везиров и векилей и проклятую старуху. А моих родителей, всех родных и близких перенеси сюда.

Перстень выполнил все наилучшим образом. И тогда был устроен пир, и народ славил Овеза и его молодую жену.

Была друзьям радость, а врагам — гибель.

36. Алдаркёсе, дэв и лиса

В старые времена жил один бедняк по имени Алдаркёсе *. Однажды он сказал своей жене:

— Жена, я пойду поищу работы. — И отправился в широкую степь.

Идет он, идет — и встречает дэва. Поздоровался с ним Алдаркёсе, а дэв ему и говорит:

— Если бы ты не поздоровался со мной, я бы тебя разорвал и съел. Эй, человек, выбирай: стреляться или бороться?

— Пусть отец твой стреляется, дэв-ага. Лучше бороться!

— Давай, если так. Но только скажу тебе, человек, — не пожалел ты себя.

— Дэв-ага, а может, лучше померяемся силами как-нибудь еще? Зачем нам бороться и губить друг друга!

— Ладно, скажи, каким способом ты хочешь померяться силами?

— Тогда так, дэв-ага, пусть каждый из нас возьмет по пригоршне песку, сожмет его и выжмет оттуда масло. Кто сумеет выжать масло, тот, значит, и сильнее.

Дэв согласился на такое условие. Тогда Алдаркёсе тайком от дэва закопал в песок куриное яйцо, а потом доказал дэву, что тот первый должен начать состязание.

— Начинай, дэв-ага, твоя очередь, — сказал Алдаркёсе.

Взял дэв с земли горсть песку, сдал его один раз — ничего не выжал, сдал второй раз — опять ничего. В третий раз сдал он песок изо всей силы, но и тут, как прежде, ничего не выжал. Огорчился дэв своей неудачной попыткой и сказал Алдаркёсе:

— Ну, безбородый, теперь твоя очередь. Покажи, какова твоя сила.

Алдаркёсе два раза сжал песок, взятый в разных местах, и, наконец, в третий раз стиснул вместе с песком яйцо, которое заранее закопал. Между его пальцев у него потек желток. Увидев это, дэв вскочил и растерянно проговорил:

— Ну, безбородый, видел я твою силу. Давай будем друзьями!

Алдаркёсе заметил, что дэв трусит, и сказал, протягивая ему руку, словно нехотя:

— Ну давай, если ты хочешь.

Тогда дэв предложил Алдаркёсе:

— Дружище, пойдем-ка ко мне.

— Ладно, пойдем, — ответил Алдаркёсе, улыбаясь, и пошел впереди дэва.

Привел дэв Алдаркёсе к себе домой, принял его как гостя и рассказал своей жене о силе Алдаркёсе. Вечером, когда пришло время ложиться спать, Алдаркёсе постелили в комнате для гостей. Ночью дэв рассказал жене о том, что боится Алдаркёсе.

— Рано или поздно, — сказал он, — от этого безбородого будет нам беда. Поэтому, пока он спит, я принесу кусок скалы и навалю на него.

Алдаркёсе еще вечером понял, что дэв не очень-то честен, и поэтому подслушал все, о чем говорили хозяева дома. Потом он устроил свою постель так, словно в ней лежит человек, а сам пошел и улегся в другом месте. Вот дэв принес огромный кусок скалы, навалил его на постель гостя и, вернувшись к жене, похвастался:

— Теперь мы можем не бояться безбородого. Я отправил его душу в ад.

Алдаркёсе же думал: «Нужно мне поскорей убираться отсюда. Ведь не смогу же я бесконечно спасаться хитростью от этих опасностей».

И вот утром Алдаркёсе говорит дэву:

— Дружище-дэв, что это ты ночью положил на меня? Хотя, что бы это ни было, оно оказалось кстати, иначе я бы погиб от холода.

А когда поели и попили чаю, Алдаркёсе с важным видом произнес:

— Теперь, дружище, если можно, я вернусь домой, а то без меня вся моя скотина разбредется.

Дэв, который радовался, что от безбородого останется лишь мокрое место, увидев Алдаркёсе, изумился. «Должно быть, он бессмертен, — подумал дэв. — Во всяком случае я должен поскорей от него избавиться». И вот в испуге он наполнил золотом большой хум, поставил его перед Алдаркёсе и сказал:

— Иди, дружище, иди, спасибо тебе, что зашел к нам.

Алдаркёсе с одного взгляда понял, что не сможет унести подаренный дэвом хум, и, придумав выход, проговорил:

— У нас, у людей, считается позором, если хозяин не донесет ношу своего гостя до его дома.

— Раз так, дружище, ладно, — сказал дэв, взял под мышку хум и рысцой добежал до дома своего друга. Алдаркёсе ввел дэва в комнату для гостей, а сам вышел из дома и стал думать, как избавиться от дэва.

— Жена, — сказал Алдаркёсе, — я буду колоть дрова и спрошу тебя, приготовила ли ты еду, а ты ответь: «Уже два месяца, как ты ушел из дому, а уходя, оставил только двух дэвов, которыми мы должны были обойтись до твоего воз-

вращения. Мы их давно уже съели. И теперь ты притащил только одного дэва. Ну да ладно, убей его, и я мигом что-нибудь приготовлю».

Жена Алдаркёсе исполнила все наилучшим образом. Когда дэв услышал разговор мужа с женой, он припомнил пословицу: «Трус тот, кто медлит спастись» * — и убежал со всех ног. А Алдаркёсе кинулся с палкой за ним по пятам. Пробежал он так немного и отстал.

А дэв между тем все бежал и бежал. Тут навстречу попала ему лиса.

— Эй, приятель, откуда и куда ты так поспешно направляешься? — спросила лиса дэва.

Дэв подробно рассказал лисе о случившемся.

— Э-э, да ведь это же Алдаркёсе, — проговорила лиса. — Он тебя обманул, нет у него ни силы, ни чего-либо на нее похожего.

И лиса, потащив за собой изумленного дэва, решила снова привести его к Алдаркёсе. Но дэв никак не мог всему этому поверить. Тогда лиса, потеряв наконец терпение, сказала:

— Приятель, если ты не веришь моим словам, надень мне на шею веревку и веди меня к Алдаркёсе. Если окажется, что я говорила неправду, ты можешь разорвать меня и съесть.

Дэв согласился и отправился к дому Алдаркёсе. Когда они подошли к селению, Алдаркёсе заметил их, схватил палку и с громким криком побежал им навстречу:

— Ах ты, проклятая лиса! Твой отец задолжал мне трех дэвов, и уже столько лет прошло, как он помер, а ты за это время приводишь мне только одного дэва?! А ну-ка, иди сюда, я тебе хребет перешибу!

Дэв, уже напуганный прежде, услышал угрозы Алдаркёсе и подумал: «Оказывается, эта проклятая негодница-лиса вела меня к Алдаркёсе, чтобы отдать свой долг» — и пустился наутек.

А с лисой произошло вот что. Так как на шее у нее была веревка, ей не удалось, как обычно, спрятаться в норе или в куче мусора. А дэв и не слушал, что лиса вопит: «Ой, пропала я!» В конце концов, не поспевая за шагами дэва, лиса, которая сама уготовила себе гибель, разорвалась на мелкие кусочки: один попал на камень, а другой — на дерево, один попал в воду, а другой — в огонь. Да и на каждой травинке осталось по кусочку.

37. Человек, который понимал язык животных

Было ли не было, в старые времена жил человек по имени Ораз. Пришел Ораз к пророку Сулейману и сказал ему:

— Сулейман, научи меня языку животных! *

— Я научу тебя, Ораз, — отвечал Сулейман, — но если ты кому-нибудь об этом расскажешь, то умрешь.

— Хорошо, я никому об этом не скажу ни слова, — пообещал Ораз.

И Сулейман научил его языку животных. Когда Ораз пришел к своим быкам, то оказалось, что он понимает их.

Вот однажды взял Ораз двух быков и отправился пахать землю. Вспахал он землю и вернулся домой. Тут осел, который был у этого человека, сказал быкам:

— Не уставать вам *, друзья-быки!

— Спасибо, приятель, мы-то очень устали, да ничего не поделаешь, — отвечали быки.

Тогда осел сказал им:

— Неужто вы не знаете, что делать?

— Нет, а что нужно делать? — спросили быки.

И осел научил их:

— Ложитесь, травы не ешьте и воды не пейте, уши свесьте, а когда придет хозяин и захочет вас поднять, не вставайте.

И быки поступили так, как советовал осел. На следующее утро пришел хозяин и стал поднимать быков, а они не встают. Но человек накануне вечером слышал разговор осла с быками и решил теперь сделать вот что. Когда быки по совету осла прикинулись больными, он вывел своего осла и запряг его вместо быков. В этот день он вспахал земли вдвое больше, чем обычно. Измучил он своего осла чуть не до смерти и привел домой.

— Не уставать тебе, осел! — встретили его быки, а осел им отвечает:

— Спасибо за доброе слово. Сегодня хозяин сел на меня верхом и съездил к мяснику: хочет вас продать.

Тут быки выпучили глаза и спрашивают:

— Что же нам теперь делать?

И осел им сказал:

— Когда хозяин снова придет к вам, вы поднимитесь с земли, поставьте уши торчком, закиньте хвосты на спину и нетерпеливо переступайте ногами. Тогда он вас не продаст.

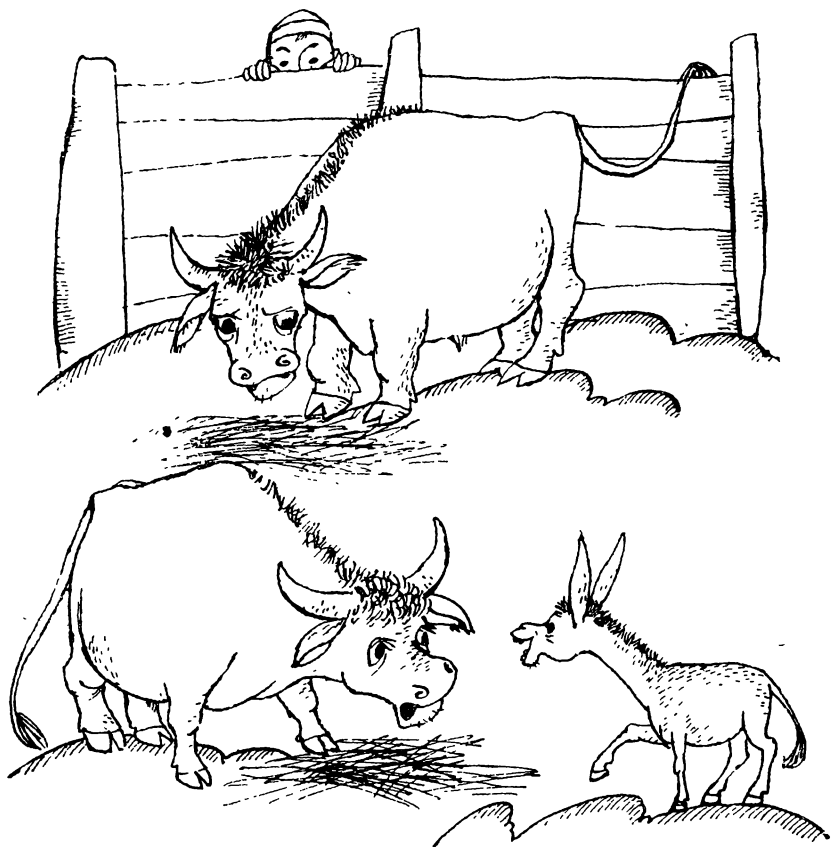
Услыхал это хозяин и засмеялся. А его жена заметила, что муж смеется, и спросила:

— Эй, муженек, ты чего это там один смеешься?

— Я не смеюсь,— отвечал муж.

— Нет, ты смеялся!

— Нет, не смеялся!

— Конечно, это ты надо мной насмеялся, — обиделась жена.

На следующий день муж снова запряг быков и отправился пахать. Вечером он вернулся, привязал скотину и остановился снаружи послушать, о чем они будут говорить:

— Не вздумайте теперь притвориться больными, а то хозяин непременно продаст вас мяснику, — сказал осел быкам.

Человек снова засмеялся, а жена ему и говорит:

— Вот ты опять смеешься. Ты, видно, спятил, и я разведусь с тобой!

Как муж ни уверял ее, что он вовсе не сошел с ума, ничего не помогало.

— Либо ты скажешь мне, над чем смеялся, либо я от тебя уйду, — говорила жена.

Человек не знал, что ему делать, и в конце концов согласился:

— Хорошо, завтра скажу.

Но как тут быть? Если рассказать обо всем, то его ждет смерть, а если не рассказать, то уйдет жена. Размышляя об этом, он стал укладываться спать.

А у этого человека были петух и десять кур. Петух одну курицу в курятник загоняет, а другую выпускает и говорит сам себе:

— Вот я, комок перьев, управляюсь с десятью курами, а мой хозяин не может сладить с одной бабой!

— А как ему с ней сладить? — спрашивает тут одна из кур.

И петух ответил:

— Когда завтра его жена придет и спросит, почему он вчера смеялся, он должен ответить: «Какое место у тебя скучает по палке?» — и отколотить ее как следует.

Человек по совету петуха положил рядом с собой палку, а когда настало утро и жена спросила его: «Ну, говори, почему ты вчера смеялся?» — он ответил ей палкой.

— Не нужно больше говорить! — закричала жена и обрадовалась.

А если бы петух того разговора не вел, то человек все рассказал бы жене и умер.

38. Сын пастуха

Некогда жил человек, который много лет был пастухом. Наконец, отдав все, что он заработал, человек этот взял себе жену *, и через год у него родился сын. Когда мальчику исполнилось четыре года, его родители умерли, и он остался на руках одной родственницы. Жилось ему впроголодь. Когда ребенок от голода плакал, тетка отламывала и давала ему кусочек лепешки. Мальчик шел на берег реки, размачивал лепешку в воде и ел. А крошки всегда подъедал сом. Так мальчик-сирота дожил до двадцати лет и превратился в крепкого юношу. И каждый день он виделся с рыбой, и они привыкли друг к другу.

Однажды на базаре появился важный бай, который велел кликнуть клич:

— Сорок дней кормлю — один день заставляю работать! Пусть нанимается, кто хочет!

Юноша услышал это, подошел к баю и сказал:

— Если вы согласны, я поступаю к вам.

Бай согласился и привел его в свой дом. Сорок дней бай кормил юношу разной едой, а на сорок первый день привязал к рогам быка веревку и велел юноше вести его. Сам же нагрузил на спины шести верблюдов мешки и отправился следом. Пришли они в какое-то пустынное место. Тут бай и говорит юноше:

— Сынок, зарежь-ка быка и сдери с него шкуру целиком.

Юноша зарезал быка и содрал с него шкуру. Тогда бай ему говорит:

— Залезь-ка в шкуру да погляди, нет ли в ней прорехи.

Юноша забрался в шкуру, а бай тотчас затянул и завязал дыру, через которую влез юноша, веревкой. Потом он ото-гнал своих верблюдов подальше и стал ждать.

Место, где был убит бык, называлось горой Келезав, и здесь водились всякие хищные птицы. Они налетели и сожрали тушу быка. А его шкуру птицы подхватили, поднялись в воздух и улетели. В шкуре находился юноша. Птицы отнесли шкуру на вершину горы, разодрали ее клювами, и тут юноша выбрался из шкуры наружу. Оглянувшись он кругом и понял, что находится на вершине высокой горы. Поискал он, где бы спуститься, но со всех сторон его окру-

жали высокие утесы Келезава. Тогда юноша посмотрел вниз и увидел, что бай преспокойно едет себе на верблюде.

— Что ты сделал со мной? Как я спущусь теперь? — кричал юноша.

— Как тебе спуститься, я скажу потом. А сейчас сбрасывай вниз куски золота и серебра, которые есть на этой горе. Я навьючу ими своих верблюдов, — отвечал бай.

Юноша сбросил с горы много золота и серебра, бай наполнил ими свои мешки, навьючил их на верблюдов, а потом направился в сторону своего селения.

— Эй, бай-ага, — кричал юноша, — а как же мне спуститься?

Тогда бай ему крикнул:

— Что ты видишь на вершине горы?

— Человеческие кости, — отвечал юноша.

— Ну вот, это кости таких же джигитов, как ты. Кто на эту гору влезет, тот уж не вернется. Теперь и от тебя, так же как от других, останутся здесь только кости! — крикнул бай и уехал.

Поглядел юноша по сторонам и подумал: «Если прыгнуть вниз, то разобьешься о камни». Ходил, ходил он, не зная, как ему быть, и наконец заметил, что под горой протекает река. Тогда юноша решил: «Чем быть мне добычей для волков и птиц, уж лучше пусть съедят меня в реке рыбы» — и прыгнул в реку. Тут вдруг его подхватила какая-то рыба и вынесла на берег. А сама снова нырнула в воду.

Юноша, живой и невредимый, добрался до своего дома. Глядь — а тот бай на базаре снова зазывает к себе работников. Юноша переоделся и опять пришел к баю. Тот не узнал его и взял к себе в работники.

Вот, как и прежде, юноша выполнил все приказания бая, зарезал быка и содрал с него целиком шкуру. Тут бай и говорит юноше:

— А теперь полезай внутрь шкуры, сынок, да погляди, нет ли в ней дыр.

— Нет, бай-ага, — отвечал юноша, — я не знаю, как это сделать. Влезьте сначала сами да покажите мне. Потом и я полезу.

— Ну что тут уметь! — разозлился бай. — Вот так и залезают!

Не успел бай влезть в шкуру, как юноша тотчас завязал

ее, а потом отогнал верблюдов и стал в стороне. Снова налетели птицы, съели тушу быка, подхватили шкуру и унесли ее на вершину горы. А юноша, как прежде бай, погнал верблюдов к подножию горы.

Птицы разорвали, продырявили шкуру, бай выбрался из нее и увидел: вокруг лежат кости некогда веселых юношей, которые погибли из-за него, став добычей волков и птиц. Тут бай подумал: «Вот и сбылись слова стариков: „Не поджигай — обожжешься, не копай — сам упадешь“» *.

— Ах, сынок, что ты со мной сделал? — воскликнул бай.

— Бай-ага, — отвечал юноша, — в прошлый раз ты со мной поступил так же, но я отыскал место, где можно спуститься. Сбрасывай вниз золото и серебро, я навьючу верблюдов, а потом скажу тебе, где спуститься.

Бай поверил ему и сбросил вниз много кусков золота и серебра. Юноша навьючил верблюдов и тронулся в путь.

— Так скажи же, где спуститься, прежде чем уедешь! — кричал бай.

Тогда юноша сказал:

— Дай мне письменное обязательство, что отдашь мне все свое добро, жену и детей. Да приложи под ним печать и сбрось вниз. Вот тогда я скажу тебе, где спуститься.

Бай написал обязательство, приложил печать и сбросил его вниз. А юноша его поднял, положил за пазуху и сказал баю:

— Ты ведь попал в яму, которую вырыл сам. И на этом твои счеты с миром кончились.

Взял юноша верблюдов и уехал. А когда он прибыл в селение, то завладел всем добром, что принадлежало баю.

39. Бедняк и Счастье

Один бедный человек бродил как-то в горах и увидел нечто.

— Что ты такое? — спросил человек.

— Я — твое Счастье, — отвечало оно.

— Если ты — мое Счастье, — сказал человек, — то когда же я избавлюсь от бедности?

— Приходи через три месяца. Я буду здесь, и ты избавишься от бедности, — отвечало Счастье.

Человек вернулся домой. Прошло три месяца, и человек снова отправился к своему Счастью. Повстречался ему лев.

— Куда ты идешь? — спросил лев у человека.

— В таком-то месте находится мое Счастье, вот я и иду к нему, — отвечал человек.

— У меня голова болит, спроси у своего Счастья, какое мне нужно лекарство, — попросил лев.

Ушел человек от льва. Идет он дальше и встречается по пути войско. Падишах этого войска остановил человека и спрашивает:

— Ты куда идешь?

— Я иду к своему Счастью.

— Спроси у своего Счастья, почему мне иногда хочется своих воинов истребить, а иногда я их люблю? Спроси о причине этого, — попросил падишах.

Ушел человек от падишаха. Вот идет он дальше, и оказывается перед ним сад. Вошел он в сад и увидел там лежащего старика.

Старик спросил:

— Ты куда идешь?

— Я иду к своему Счастью.

— Спроси у своего Счастья, почему мой сад, который я посадил пятьдесят лет назад, не плодоносит? Спроси о причине этого, — попросил старик.

Ушел человек из сада и направился к своему Счастью.

— Вот я пришел, — сказал он своему Счастью. — Что же, избавлюсь я от бедности?

А Счастье ему отвечало:

— Я останусь тут, а ты иди, да не проходи мимо того, что тебе встретится.

Тогда человек спросил:

— Когда я шел сюда, повстречался мне лев. У него болит голова. Какое ему нужно лекарство?

— Лекарство льва — мозг дурака. Лев выздоровеет, если съест его.

Тогда человек спросил опять:

— Повстречался мне падишах. Иногда ему хочется своих воинов истребить, а иногда он их любит. В чем причина этого?

— Причина в том, — отвечало Счастье, — что этот падишах — женщина. Ни одному человеку она этого не открывает. Она надела мужскую одежду и разгуливает в облике мужчины. Никто и не догадывается, что она женщина. Когда в ней пробуждается страсть, ей хочется истребить своих воинов, а когда ее страсть утихает, она их любит.

— После этого передо мной оказался сад, а в саду был старик. Его саду вот уже пятьдесят лет, а он не плодоносит. В чем причина этого? — спросил человек.

— В саду зарыт клад. Поэтому сад не приносит плодов, — отвечало Счастье. — Если этот клад выкопать, то сад станет плодоносить.

Вот ушел человек от своего Счастья и снова подошел к тому саду. Вошел он в сад и приблизился к старику.

— Твой сад не приносит плодов потому, что в нем зарыт клад. Если ты этот клад выкопаешь, сад станет плодоносить. Тогда старик сказал:

— Забери этот клад себе, я отдаю его. Мне богатство не нужно. Моя жизнь близится к концу. Если мой сад принесет плоды и я хоть раз попробую их, то умру спокойно.

— Нет, — отвечал человек, — у меня теперь есть Счастье. Зачем же мне твой клад?

И человек ушел из сада. Пришел он к падишаху, и тот спрашивает:

— Спросил ли ты обо мне у Счастья?

— Спросил, — отвечал человек. — Оказывается, ты — женщина, но никому не открываешь этого. Когда в тебе пробуждается страсть, тебе хочется истребить своих воинов, когда же страсть в тебе утихает, ты их любишь.

— Это верно, — сказал падишах. — Давай станем мужем и женой: ты мне будешь мужем, а я тебе — женой. И никому об этом не расскажем. Чего бы ни пожелало твое сердце в этом мире, я тебе добуду.

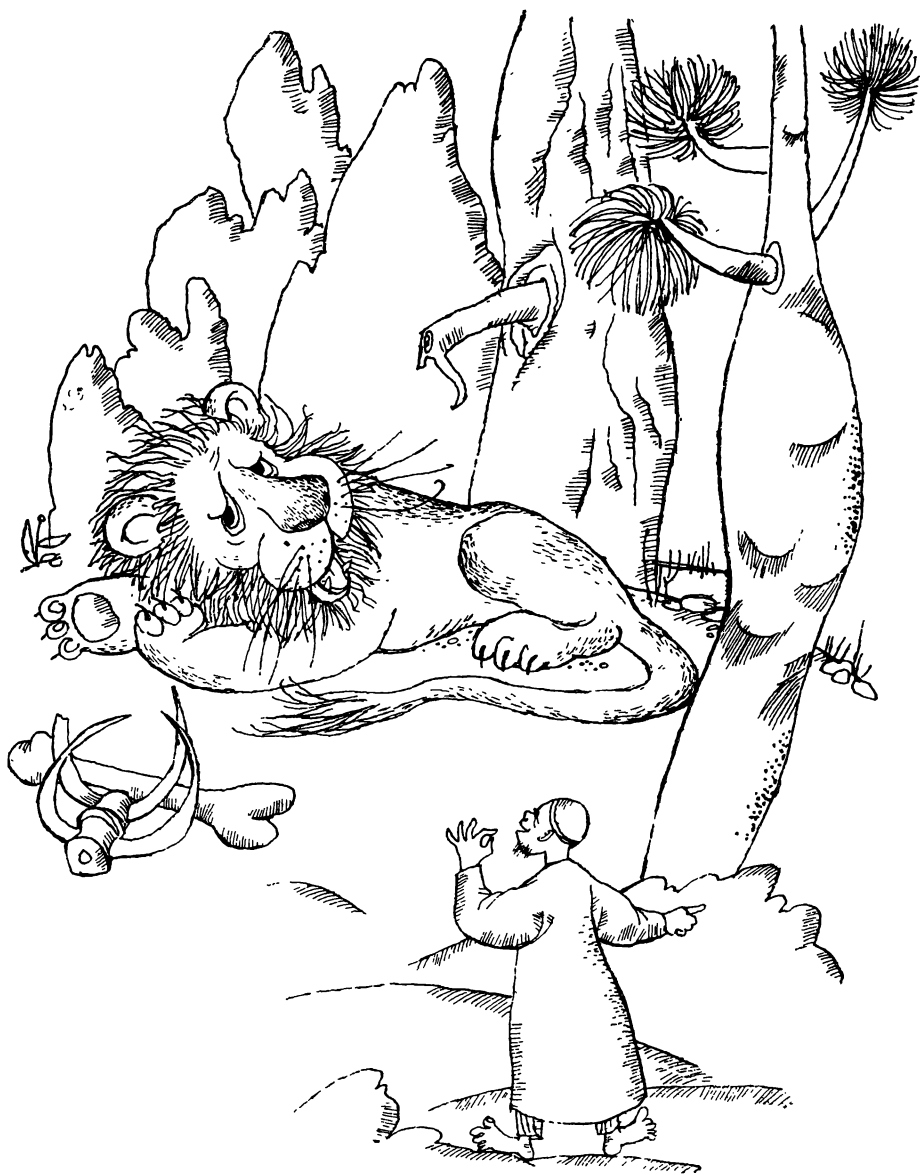
Но тот человек отвечал:

— Нет, у меня теперь есть Счастье, и я не возьму тебя в жены.

Ушел человек от падишаха. Пришел он ко льву.

— Ты узнал средство от моей головной боли? — спросил лев.

— Узнал, — отвечал человек. — Твое лекарство — это мозг дурака. Ты выздоровеешь, если съешь его.

— А что тебе встретилось на пути? — спросил человека лев.

И человек рассказал:

— Я встретил на своем пути падишаха. Он оказался женщиной, и она стала меня упрашивать: «Возьми меня в жены, и я дам тебе все, что ты захочешь в этом мире». Я не согласился. Потом я пришел в один сад. А в нем был зарыт клад. Хозяин сада спрашивал меня: «Возьми себе клад», но и тут я отказался.

— Значит, ты прошел мимо всего и ничего себе не взял? — спросил лев.

— Да, — отвечал человек, — я прошел, ничего не взяв.

— Ну, — сказал тогда лев, — большего дурака, чем ты, нет!

40. Как плешивый был батраком

Было ли не было, жил один бедняк, у которого было три сына. Однажды бедняк заболел. Позвал он к себе младшего сына, который был плешивым, и сказал ему:

— Когда я умру, сынок, ты можешь взять припрятанный мною клад.

Потом бедняк позвал среднего сына и ему тоже сказал о кладе. Рассказал он о кладе и старшему сыну. Вскоре бедняк умер. А его сыновья промотали оставшееся после отца добро и принялись за тот клад. Поделили они между собой деньги, но плешивому старшие братья дали мало, а потом и вовсе выгнали его из дому.

Пошел плешивый к одному баю и нанялся в батраки. А у плешивого был друг. Вот он и говорит:

— Каждый человек за сто тенге может увидеть пери.

— А есть у тебя сто тенге? — спросил плешивый.

— У меня нет ни одного тенге, — отвечал его друг.

Тогда плешивый попросил бая, у которого он батрачил, дать ему в долг сверх платы одно тенге. Взял он тенге, и отправились они вдвоем с приятелем в путь, чтобы увидеть пери. Шли они, шли — а навстречу им — пастух. Плешивый и говорит пастуху:

— У нас на двоих есть только одно тенге. Продай нам

маленького козленка, чтобы мы могли поесть. Уже три дня, как мы и крошки во рту не держали.

Пастух взял у плешивого его тенге и дал ему маленького козленка. Тогда плешивый и его друг обошли вместе с купленным козленком вокруг стада и снова появились перед пастухом.

— Пастух, — сказали они, — этот козленок мал, а нас пятеро. Ты дай нам ягненка-однолетка побольше, а у тебя за это будет то тенге, что мы тебе уже дали, да еще впридачу мы дадим тебе этого козленка.

«Одно тенге — уже мое, да еще и козленок будет моим», — рассудил пастух и дал им большого ягненка-однолетка. А плешивый с приятелем опять обошли вокруг стада, привели ягненка к пастуху и снова говорят ему:

— Ягненок этот тоже мал, а нас двадцать человек. Поэтому пусть то тенге, козленок да впридачу и этот ягненок будут твоими, а ты нам дай козу побольше, чтобы на всех хватило.

Пастух дал им большую козу, а они снова обошли с козой вокруг стада, пришли к пастуху и говорят:

— Этой козы нам будет мало. Одно тенге, козленок, ягненок и эта коза пусть будут твоими, а ты нам дай за них большого барана.

«Я выгадаю», — подумал пастух, выбрал в стаде большого барана и отдал им. А потом пастух долго размышлял и пересчитывал все, что получил, и оказалось, что досталось ему только одно тенге.

Плешивый с приятелем взяли барана и пошли дальше, чтобы увидеть пери. Вот подошли они к месту, где жила пери, повалили барана на землю и принялись — каждый со своего бока — выдергивать у барана шерсть. Заметила их пери и говорит служанке:

— Пойди к ним посмотри, что это они с этим бараном делают.

Служанка подошла к ним и спросила:

— Что это вы делаете с бараном?

— Мы его режем, — отвечали те.

Вернулась служанка к пери и говорит:

— Они сказали, что режут барана.

Тогда пери сказала:

— Не сумеют они зарезать барана, пойди зарежь им.

Служанка пошла и зарезала барана. А плешивый с приятелем ей говорят:

— Ты найди нам котел, а то мы не сможем сварить барана и поесть.

Служанка дала им котел и ушла к пери. Тогда плешивый с приятелем перевернули котел вверх дном, положили на дно мясо и стали сверху ведрами лить на него воду, так что вокруг котла образовалась целая лужа. Увидела это пери и сказала своей служанке:

— Пойди научи их варить.

Пришла служанка, разожгла огонь, показала им, как варить мясо, и вернулась к пери. А те сварили мясо и стали швырять его по сторонам. Увидела это пери и снова послала свою служанку. Та приходит и спрашивает:

— Что вы делаете с мясом?

— Едим, — отвечали плешивый и его друг.

Тогда служанка посадила одного из них перед собой и стала совать ему мясо в рот. А другой начал плакать:

— Ай, накорми и меня!

Вернулась служанка к пери и сказала:

— Оказывается, они и есть-то не умеют.

Тогда пери со служанкой пришли к плешивому и его другу, обняли их и стали кормить мясом. Тут плешивый с приятелем стали просить пери, чтобы она дала им место для ночлега. Привела их пери к себе домой и уложила спать. А они спать не стали и принялись скакать по дому.

— Спите, — сказала им пери, а они ей отвечали:

— А мы так спим.

Тогда пери и ее служанка обняли одна плешивого, другая — его приятеля и легли с ними. Так один из них провел время в наслаждениях с пери, а другой — с ее служанкой.

На следующий день плешивый на рассвете вышел наружу, крепко заткнул себе уши указательными пальцами и протяжно стал кричать во все горло:

— Аллоу хекбер *, аллоу!..

Пери, заслышав этот крик, сказала:

— Перестань, не кричи! Ты осрамишь нас перед людьми, и нас убьют.

— Нет, я не собираюсь пропускать намаз. У меня проходит время намаза.

И плешивый снова стал кричать.

— Я дам тебе все, что ты захочешь, — сказала пери, но плешиный ее не слушал и продолжал кричать.

— Он не пропускал намаза даже под страхом смерти, — подтвердил друг плешиного.

Тогда пери, подойдя к плешиному, сказала:

— Довольно, не кричи! Можете оба взять золота столько, сколько вы в силах унести.

Тут плешиный замолчал. Взяли они столько золота, сколько могли унести, и возвратились к себе домой. Пришел плешиный туда, где он батрачил, а бай его и спрашивает:

— Где ты взял это золото?

— Мне дала его пери, — отвечал плешиный.

А бай ему и говорит:

— Ты — мой батрак, поэтому все, что ты добудешь, должно быть моим.

И бай отнял у плешиного все его золото. Стал плешиный говорить баю: «Ты же отнял у меня все золото!» А бай ему на это отвечал: «Раз ты у меня работаешь, я могу с тобой делать все, что хочу». Не вытерпел плешиный притеснений этого бая и пошел в батраки к другому баю. Тогда прежний бай стал каждый день по несколько раз приходить к плешиному и требовать:

— Отдай мне долг в один кран, который ты у меня взял *.

Не выдержал плешиный и сказал своим новым хозяевам:

— Если он придет еще раз, скажите ему, что, мол, плешиный умер.

Когда бай пришел снова и спросил, где плешиный, ему ответили:

— Он умер.

— Тогда отдайте мне его труп, — сказал бай. — Он, бедняга, был хороший, и я сам похороню его.

Унес бай плешиного. Положил он его на колючие ветки и стал обмывать горячей водой. Плешиный терпел и лежал молча, только стискивал зубы. Потом бай повез его на кладбище хоронить, а сам все думал с сожалением: «Эх, пропал мой кран». Тут вдруг ему в голову пришла мысль, и он сказал сам себе: «А может, этот плешиный еще оживет? Не стану я его хоронить, а постерегу несколько дней в склепе». И бай спрятался в углу склепа.

А склеп на кладбище всегда был местом встречи сорока разбойников. И на этот раз стали разбойники делить здесь

награбленную добычу. Вот осталась одна сабля, и каждый из разбойников хотел взять ее себе. Пока они спорили, кто-то из разбойников вдруг обвел взглядом склеп и увидел труп плешивого. Он сказал, обращаясь к своим товарищам:

— А вот только что умерший бедняга, его, видно, не успели зарыть до ночи и оставили до завтра. Кто сумеет разорубить его этой саблей так, чтобы она прошла насквозь, тот пусть и забирает ее себе.

— Ладно, пусть будет так, — согласились остальные разбойники и подошли к плешивому. А тот вдруг как крикнет: «Мертвых больше, чем живых!» — и, вскочив, как бросится на разбойников! И разбойники удрали, побросав все добро. А бай, который стерег плешивого, обрадовался: «Плешивый-то, оказывается, живой, и теперь я получу с него свой кран». Подошел он к плешивому и, пиная его, стал кричать:

— Отдавай мой кран тут же, не трогаясь с места!

В это время как раз один из разбойников осмелел и решил осмотреть кладбище. Он тихонько вернулся, просунул голову в склеп и ткнулся прямо в подбородок плешивому. Тот сорвал с него папаху, швырнул ее баю и крикнул:

— На, возьми свой кран!

А храбрый разбойник, который было просунул голову в склеп, со всех ног бросился бежать обратно теперь уж с непокрытой головой. Прибежал разбойник к своим товарищам и говорит им:

— Бегите, братцы, нам по триста туманов хватило, а они не помирятся из-за одного крана. Кому-то из них не хватило крана, так он завопил, и ему отдали мою папаху.

И разбойники удрали. А бай взял себе добро, оставшееся от разбойников, и снова забрал к себе плешивого. Так плешивый и остался во власти бая.

41. Умный дайханин

В старые времена жил один юноша дайханин по имени Сапа. Он всегда старательно ухаживал за своими посевами и поэтому каждый год получал такой урожай, что он не умещался между небом и землей. Сапа был очень хорошим человеком. Ни разу он не польстился на чужое добро.

В один из дней Сапа поливал свои посевы и вдруг увидел, что по арыку плывет красное яблоко. Сапа достал яблоко из воды, стал есть, но, когда от яблока осталась половина, неожиданно подумал: «Эх, что же это я, съел пол-яблока, не спрося у его хозяина, без его позволения». Сапа решил, что это недостойный поступок, и, раскаиваясь, пошел вдоль арыка в ту сторону, откуда приплыло яблоко, чтобы возместить урон его хозяину.

Долго ли, коротко ли шел Сапа и пришел к одному садовнику. Смотрит Сапа — по саду рассказывает седобородый и седовласый садовник. Сапа поздоровался с ним и спросил, показывая половину яблока:

— Скажи, ага, это яблоко не из твоего сада?

Старик взглянул на яблоко и ответил:

— Нет, братец, это яблоко не из моего сада. Но подальше находится сад моего старшего брата. Может быть, яблоко оттуда. Покажи ему.

И снова пошел Сапа вверх по течению арыка. Наконец он очутился перед большим садом. Смотрит Сапа — в саду ходит и поливает его садовник; волосы и борода у него с проседью. Сапа поздоровался с ним и спросил:

— Скажи, ага, не из твоего ли сада это яблоко?

Старик посмотрел на яблоко и ответил:

— Нет, это яблоко не из моего сада. Вон там находится сад моего старшего брата. Может быть, оно оттуда.

Юноша снова пошел вверх по течению арыка и очутился перед огромным садом. А в саду разгуливал человек с черными как уголь бородой и волосами. Сапа подошел к нему, поздоровался и, показывая яблоко, спросил:

— Скажи, ага, не из твоего ли сада это яблоко?

Человек взглянул на яблоко и ответил:

— Да, это яблоко из моего сада.

— Раз оно твое, — сказал Сапа, — то знай, что, когда я находился в таком-то месте возле арыка, оно приплыло по течению. Я достал его и нечаянно съел половину. Возьми, ага, за яблоко, что хочешь, и прости меня.

— Нет, за яблоко мне ничего не нужно, но и простить тебя я не могу, — отвечал человек.

— Ага-джан, — стал упрашивать Сапа, — я такой же дайханин, как и ты, и я всегда довольствовался тем, что сам зарабатывал. И вот случилось так, что я нечаянно съел поло-

вину твоего яблока. Если теперь ты потребуешь за него денег, я дам тебе денег, потребуешь зерна — дам зерна, потребуешь что-нибудь другое, я на все согласен, а если ты скажешь, чтобы я служил тебе, я стану служить, но только прости мне, что я съел половину яблока.

Однако и тут садовник не простил его. Сапа продолжал умолять садовника, и наконец тот сказал:

— Раз так, добрый юноша, то вон в той комнате находится моя дочь. Она слепая, глухая, немая, у нее нет ни рук, ни ног. Если ты возьмешь ее за себя замуж, я прощу тебя.

— Ладно, — сказал Сапа, — я пока еще не женат, и я женюсь на твоей дочери, лишь бы ты простил меня за это яблоко.

Тогда садовник сказал:

— Она вон в той комнате, ступай туда.

Юноша открыл дверь и вошел. Смотрит он — а в комнате спит прекрасная девушка. Юноша подумал: «Ну, милые мои, видно, я по ошибке вошел не в ту комнату. Ведь эта девушка вовсе не такая, как говорил садовник». Сапа вернулся к садовнику и сказал:

— Слушай, ага, ведь эта девушка совсем не такая, как ты рассказывал. Может быть, я по ошибке вошел не в ту комнату?

— Нет, — отвечал садовник, — ты не ошибся. Моя дочь, о которой я рассказывал, именно такова.

— Почему же ты тогда говорил, что она слепая, глухая, немая и у нее нет ни рук, ни ног? — спросил Сапа.

— Да потому, что так оно и есть, — отвечал садовник. — Она слепа, потому что, кроме написанного в книгах, ничего вокруг не видит, вечно сидит, уткнувшись в них. Глуха, потому что, кроме того, что читает, ничего не слышит, а нема, потому что постоянно беседует только с этими книгами. Я сказал, что у нее нет рук, ибо ее руки вечно заняты книгой. А то, что у нее нет ног, я сказал потому, что она совсем нигде не выходит.

— Достаточно, — сказал Сапа, — теперь я понял. Но я хочу спросить тебя еще об одном: когда я шел в поисках хозяина яблока, передо мной оказался сад, а в нем был садовник с совсем седыми волосами и бородой. Он сказал мне: «Там дальше живет мой старший брат, может быть, это яблоко из его сада». Я пришел к нему и увидел, что борода и волосы

этого человека совсем не такие седые, как у его младшего брата, а только чуть с проседью. Этот человек тоже сказал мне: «Это яблоко не из моего сада, но есть у меня старший брат, может быть, это яблоко из его сада». Так я пришел к тебе и увидел, что у тебя в волосах и бороде нет ни единого седого волоса. Почему это так и что это означает?

И тот человек ответил:

— Верно, тот садовник, которого ты увидел первым, мой младший брат. Он живет не в ладу со своей женой, постоянно злится и поэтому так состарился. Тот, кого ты видел вторым, мой средний брат. Он живет со своей семьей получше, чем младший. Поэтому волосы и борода у него только с проседью. А я из них — самый старший. В нашей семье никогда не бывает раздоров, у нас всегда мир и покой, потому-то я и не старею, а, наоборот, с каждым днем становлюсь моложе.

Подивился Сапа тому, что рассказал садовник, получил у него прощение за яблоко, распрощался с садовником и, взяв с собой прекрасную девушку, отправился назад. Придя домой, он устроил большой пир и зажил с этой девушкой.

Прошли дни, прошли месяцы — и родился у них сын. Мальчик оказался тихим и умным. И вот ему исполнилось семь лет.

По соседству с ними жил один старый дед. Этот старик был немного хвастлив, он говаривал:

— Еще не родился на свет человек, который был бы умнее меня.

Однажды, когда этот дед копал землю, он выкопал запертый сундучок. Старик решил, что там золото, и тут же открыл крышку, чтобы проверить это. Как только он открыл сундучок, из него выползла тоненькая змейка и тотчас обвилась вокруг шеи старика. Змейка, которая прежде мучилась тем, что ей не хватало воздуха, попав на свежий воздух, стала раздуваться и превратилась в огромную змею.

— Змея, я вызволил тебя из сундука, сделал тебе доброе дело, а ты теперь хочешь меня задушить. Разве отвечают злом на добро? — спросил старик.

— Конечно, — сказала змея, — на добро злом отвечают, спроси, у кого хочешь. А если и нет, то все равно, хотя ты и вызволил меня из сундука и тем самым сделал мне добро, я задушю тебя.

Решили змея и старик спросить у растений, зверей и лю-

дей, отвечают ли злом на добро. Шли они, шли — и встретилось им стадо верблюдов. Старик, у которого змея висела на шее, спросил старого верблюда, что шел позади всех:

— Верблюд, а верблюд, разве отвечают злом на добро?

— Да, конечно, злом на добро отвечают, — сказал верблюд. — Вот все эти верблюды — мое потомство. Я для хозяина произвел столько скотины, а теперь он хочет меня убить, потому что я состарился! Если это не зло в ответ на добро, так что же это?

— Слышал? — спросила змея и, смеясь, заерзала на шее у старика.

Пошел старик дальше, и перед ним оказался большой высохший тутовник. Старик подошел к дереву и спрашивает:

— Послушай, тутовник, ты много прожил, не счесть, сколько времени пронеслось над тобой. Ты много знаешь, так скажи, отвечают ли злом на добро?

— Да, — сказал тутовник, — злом на добро отвечают. Вот я столько лет давал своему хозяину густую тень, с моей помощью он получил столько шелка, продал его и разбогател. А теперь я высох, и хозяин хочет спилить меня, разрубить на дрова и сжечь. Что же это, как не зло в ответ на добро?

Пошли они дальше, и встретилась им кучка играющих детей. Увидели мальчики на шее у старика змею и разбежались. И только один из них остался. Это был умный сын Сапы. Старик подошел к мальчику и спросил:

— Скажи, сынок, отвечают ли злом на добро?

— погоди, дедушка, — сказал мальчик, — Расскажи прежде, что это за змея у тебя на шее?

— Когда я копал землю, — стал рассказывать старик, — то наткнулся на сундучок. Я открыл его, чтобы посмотреть, нет ли в нем денег, а из сундучка выползла змея и обвилась вокруг моей шеи. Вот она и висит у меня на шее и говорит, что задушит меня.

— Ой, дедушка, ты сказал неправду. Разве такая огромная змея может поместиться в маленьком сундучке? Нельзя так врать, — сказал мальчик.

— Нет, сынок, это не ложь. Змея действительно вылезла из того маленького сундучка.

Тогда мальчик спросил змею:

— Змея, неужели все твое огромное тело уместилось в сундучке?

— Да вот уместилось, почему же не уместиться? — отвечала змея.

— Ну, оставь! Оказывается, и змеи умеют врать, — сказал мальчик. — Такая большая змея не может поместиться в сундучке!

— А вот посмотри, как я это сделаю, — сказала змея, соскользнула с шеи старика на землю, выпустила из себя воздух и снова стала тонкой змейкой. Вползла она в сундучок, а голову оставила снаружи.

— А голова-то у тебя все-таки не поместилась! — воскликнул мальчик.

— Ну а теперь тоже не поместилась? — спросила змея и втянула голову в сундучок.

А мальчик тотчас захлопнул крышку сундучка, крепко запер его и сказал:

— Дедушка, разве ты зарывал этот сундучок? Неужели тебе неизвестна пословица: «Не бери того, чего не оставлял». Ступай положи сундучок туда, откуда ты его взял.

Старик удивился сметливости мальчика. Он был очень благодарен ему и зарыл сундучок в том месте, откуда его взял.

42. Эсен

Было ли не было, у одного человека был сын по имени Эсен. В один из дней Эсен поссорился с отцом и пошел на-ниматься в батраки. Вот пришел он в селение и нанялся к одному человеку за двадцать кранов в месяц. А у этого человека было два коня, и один из них захворал. Хозяин сказал Эсену:

— Сегодня ночью сиди возле коней и, если больной конь уляжется и станет подыхать, будь наготове.

И хозяин дал Эсену острый нож. Ночью Эсен устроился возле коней, и здоровый конь возьми и ляг. Эсен, не разобравшись, подошел к коню и перерезал ему горло. Наутро пришел хозяин и увидел, что Эсен убил здорового коня. Разозлился хозяин и прогнал Эсена.

Ушел Эсен из этих мест и пришел в другое селение. А в этом селении жила богатая вдова. Она сказала Эсену:

— Сынок, живи в моем доме. У меня нет мужа, и я каждый день сама ношу по вязанке дров, а потом уже ничего не могу делать. Приноси мне каждый день по вязанке дров, и я буду платить тебе двадцать два крана в месяц, да еще сошью штаны и рубашку.

Эсен согласился, и вдова сшила ему рубашку и штаны, а он каждый день стал носить ей по вязанке дров. Однажды женщина пошла печь лепешки, а Эсен принялся шарить внутри дома. Нашел он два яйца и сунул их себе под папаху. В кувшине оказалось коровье масло, так он засунул под папаху и кусок масла. А время было жаркое. Засунув все это под папаху, Эсен взял топор и веревку и пошел за дровами. Но вдова увидела его и крикнула:

— Пойди сюда, лепешка готова! Возьми с собой лепешку. Делать нечего, Эсену пришлось немного задержаться. Тут от солища и от жара тандыра масло на голове Эсена начало таять. Чтобы женщина ничего не заметила, Эсен стал утираться рукавом. Но вдова взглянула на голову Эсена и увидела, что из-под его папахи течет масло.

— Это что еще за масло у тебя под папай? — рассердилась женщина. — Ах ты, головорез! — И она треснула Эсена кочергой по голове. Яйца в его папаше разбились и запачкали его новую рубашу и штаны. От стыда Эсен тут же и убежал.

Шел он два дня и пришел в другое селение. Стал он обходить дома и спрашивать:

— Кому нужен батрак?

Повстречался ему человек, который предложил:

— Я буду платить тебе по одному крану в день, работай в моем доме.

— Ладно, — согласился Эсен.

Вот послали Эсена с двумя верблюдами на мельницу. Взял он половину лепешки и отправился. Когда он пришел на мельницу, оказалось, что там уже набралось очень много мешков. Просидел Эсен с товарищами один день, а его очередь все не подходит, просидел другой день — все не подходит. Проголодались они, и Эсен, закинув на плечо свою торбу, пошел по домам попрошайничать. Собрал он целую торбу лепешек и принес их товарищам. Наелись Эсен с товарищами, а потом те и говорят ему:

— Нас-то ты накормил, а вот теперь достал бы соломы для наших верблюдов.

— Ладно, — сказал Эсен, взял мешок и ушел.

Когда он пришел в селение, уже стемнело. Стал Эсен бродить в поисках соломы, залез на крышу одного дома и через отверстие в крыше заглянул внутрь. В одной половине дома горел светильник, и медный поднос отражал его свет в другую половину. Эсен с крыши принял этот поднос за солому и прыгнул сквозь отверстие в крыше внутрь дома. Шлепнулся он наземь и тут вдруг увидел, что это вовсе не солома. Сидит Эсен и не знает, как ему отсюда выбраться. А в другой половине дома находилась женщина. В это время пришел в дом какой-то человек и принес платок с рисом, сало и еще узелок с конфетами. Они вдвоем с женщиной сварили плов, поели, а остаток плова отнесли в другую по-

ловину дома. Эсен же сидел в темном углу, и они его не заметили. Заглянул Эсен в котел и увидел, что в нём много плова. Съел он плов и снова спрятался. И вот, в то время когда женщина и мужчина сидели, обнимаясь, снаружи вдруг закричал муж женщины:

— Открывай дверь, жена!

А мужчина этот был любовником женщины, и он спросил:

— Где мне спрятаться?

— Полезай в яму, куда мы ссыпаем муку,— сказала женщина.

Мужчина залез в яму, и женщина сверху кое-как его прикрыла.

— Эй, жена, открывай скорей! — снова закричал муж.

Тогда женщина, кряхтя и постанывая: «Ох, никуда я сегодня не гожусь», наконец открыла дверь.

Муж сказал ей:

— Возьми-ка мешок с другого конца, надо высыпать муку.

А жена отвечала:

— Да я еле жива, муку можно пересыпать и завтра.

— Хоть ты и больна,— сказал муж,— а все же нельзя оставлять муку снаружи.

Вышел он один и, кряхтя, с трудом принес смолотую на мельнице муку, сам вскипятил чай и напился, а потом сказал:

— Ну, теперь высыплю муку.

— Ах, ты бы завтра ссыпал муку в яму, я совсем погибну от этого шума,— заныла жена.

Но муж сказал:

— Завтра легче не станет.

В яму, куда ссыпали муку, входило два мешка.

Муж убрал сваленные на яму вещи, высыпал один мешок муки, и яма наполнилась.

— Жена, ты, должно быть, что-то оставила в яме! — сказал муж, взял железный прут и стал тыкать им в яме.

В тот же миг из ямы выскочил любовник жены в муке с ног до головы, словномышь, попавшая на кендирик. Муж схватил его за шиворот, дал ему затрещину, и они оба стали лупить друг друга. Началась драка. Среди этого шума Эсен незаметно вылез и, так как ему хотелось поглядеть на драку, снова забрался на крышу. Поглядел он, а те все еще дерутся. Осмотревшись кругом, Эсен заметил деревянное седло для осла, взял его и размахнулся, чтобы бросить вниз, но кривая

перекладина седла зацепилась за шею Эсена, и он вместе с седлом свалился с крыши. С грохотом Эсен упал в дом, а любовник жены тем временем убежал. Муж подскочил, схватил Эсена за шиворот и ударил раза два. Тогда Эсен закричал:

— Эй, ага, я кое-что хочу сказать тебе!

— Говори, — произнес муж.

И Эсен сказал:

— Меня послал бог для того, чтобы два мусульманина перестали драться. Вот я и пришел поведать об этом.

Тогда муж взял Эсена за руку, помог ему подняться, угостил чаем с лепешкой и предложил переночевать у себя в доме. Но Эсен отказался и отправился на мельницу. Пришел он, а его очередь уже подошла. Эсен смолот муку и привез ее своему хозяину.

Вот живет Эсен у хозяина один месяц, живет два месяца, а потом и говорит ему:

— Отдай мне мое жалованье, я пойду на базар.

— Оставайся у меня, — сказал бай, — лучше места, чем здесь, ты не найдешь. А если пойдешь на базар, тебя обманут и деньги отберут.

— Нет, я все-таки пойду, — отвечал Эсен.

Тогда хозяин отдал Эсену деньги и отпустил его. За два месяца получилось шестьдесят кранов. Обрадовался Эсен и пошел на базар. Ходил он по базару и вдруг наткнулся на старую женщину, у которой на руках был мальчик. Женщина попросила Эсена:

— Ты посмотри немного за ребенком, а я пойду куплю в этой лавке орехов.

Эсен согласился и взял ребенка на руки. Прошло много времени, ребенок начал плакать, и Эсен, чтобы успокоить его, купил конфет на один кран. Спустя долгое время вернулась женщина.

— Возьми своего ребенка, — сказал Эсен, а она ему и отвечает:

— Это ребенок твой, а ты — мой муж.

— Нет, я тебе не муж, — сказал Эсен.

Заспорили они и пошли к кадию. Старая женщина сказала кадию:

— Это мой муж, но теперь он хочет бросить меня и уйти.

— Нет, я не муж этой женщине, — возразил Эсен.

Тогда кадий сказал:

— Ну, ваше дело простое.

Посадила он ребенка в одном месте, а сами они все уселись поодаль.

— Ну-ка, женщина, позови ребенка, — велел кадий.

И женщина сказала:

— Иди ко мне, сынок, дам тебе грудь.

Но ребенок к ней не пошел. Три раза женщина звала ребенка, но он так к ней и не пошел. Потом кадий сказал:

— Иди ко мне, сынок, я тебе что-то дам.

Но и к нему ребенок не пошел. Три раза кадий звал ребенка, а он так и не пошел к нему. Потом настала очередь Эсена. Он сказал:

— Иди сюда, мальчик, дам тебе конфетку.

Тут ребенок громко засмеялся, на четвереньках подполз к Эсену и обнял его. Тогда кадий сказал:

— Значит, ты муж этой женщины.

А женщина сняла с себя пояс, накинула его Эсену на шею и повела Эсена к себе домой. Приведя к себе, она втолкнула его в дом и собралась запереть снаружи. Но Эсен сказал:

— Я тоже пойду туда, куда ты идешь.

Женщина снова привязала на шею Эсену пояс и повела с собой. А жила эта женщина тем, что ходила на кладбище, раскапывала свежие могилы и грабила саваны с покойников. Вот притащила она Эсена на кладбище и стала снимать саван с только что похороненного покойника. А Эсен в это время перерезал пояс и убежал. Женщина погналась за ним, а Эсен вбежал в мечеть и заперся там. Следом за ним подбежала женщина и закричала:

— Отвори!

Но Эсен не открывал.

Тогда женщина принесла человеческую голову, влезла на мечеть и бросила голову вниз.

— Завтра, когда в мечеть придут люди, я скажу, что ты убил человека, и тебя убьют, — сказала она.

Испугался Эсен и открыл дверь. Тогда женщина опять повязала ему на шею свой пояс и увела с собой. Пришли они домой. Ночью женщина снова отправилась на кладбище, а Эсена оставила дома и ребенка положила рядом с ним. Когда она ушла, Эсен сел и задумался, а тут ребенок начал плакать. Положил Эсен ребенка в уголке, а сам вышел из дома и побежал. В это время вернулась женщина. Увидела она,

что ребенок один, и погналась за Эсеном. А Эсен прибежал к баю, у которого было девять сыновей, и попросил:

— Не выдавай меня этой женщине.

— Ладно, — согласился бай.

Эсена пустили на крышу дома, а ту женщину прогнали. Чтобы Эсен до утра не убежал, бай улегся спать у стены дома. А Эсен не знал, что бай лежит внизу, прыгнул с крыши и как раз попал обеими ногами баю в живот. Бай только охнул раз и умер. Заслышав голос своего отца, примчались сыновья бая. Они догнали Эсена, который бросился бежать, схватили его и повели к кадию, приговаривая:

— Пойдем, пойдем к кадию!

По дороге они увидели двух женщин, которые сидели и пряли. Эсену захотелось пить, и он попросил этих женщин дать ему кружку воды. Женщины набрали воды и дали Эсену. Тот напился и отбросил кружку, да попал женщине в живот. А та и выкинула. Схватила женщина Эсена за шиворот и потащила, говоря:

— А ну, пошли к кадию!

И вот в то время, пока Эсена вели, встретился им по дороге человек, у которого осел застрял в трясине, и вытащить его этот человек никак не мог. Эсен, желая сделать доброе дело, стал тащить осла за хвост и оторвал его. Схватил этот человек Эсена за шиворот, и они все вместе прибыли к кадию.

Кадия на месте не оказалось, и тогда все жалобщики сказали Эсену:

— Походи-ка вокруг, поищи кадия и приведи сюда.

Стал Эсен ходить в поисках кадия и в старом разрушенном доме вдруг наткнулся на кадия, занимавшегося там непотребным делом. Перепуганный до смерти кадий поглядел на Эсена, а тот, заприметив, чем занят кадий, вернулся обратно.

— Ну, нашел ты кадия? — спросили его ожидавшие.

— Нет, я его не видел, — отвечал Эсен.

Подождали они еще некоторое время, и тут пришел, почистившись, кадий. Все изложили свои жалобы, а кадий, оглядев сидевших, узнал Эсена и стал выносить приговор. Сыновьям бая он сказал:

— Пусть Эсен ляжет у стены дома, а вы спрыгните с крыши и отомстите ему за кровь отца. А не то платите ему сто кранов.

Сыновья бая побоялись прыгать с крыши. Поэтому уплатили они сто кранов и ушли. Затем кадий сказал женщинам:

— Приведите беременную женщину и бросьте в нее кружку. Не попадете, заплатите сто кранов, а не хотите, так сейчас платите сто кранов.

Женщины не захотели бросать кружку в беременную и уплатили Эсену сто кранов. Тогда кадий привел осла и сказал тому хозяину:

— Если не сумеешь оторвать этому ослу хвост, то уплатишь двадцать кранов.

Стал тот хозяин тянуть осла за хвост, но никак не мог его оторвать. Тогда он попытался надкусить хвост зубами, но и тут ничего не вышло. В конце концов отсчитал тот хозяин Эсену двадцать кранов. Обрадовался Эсен, взял себе сто пятьдесят кранов и ушел. Накупил Эсен на базаре всякой всячины и уже возвращался, но вдруг увидел, что на дороге сидит какая-то старуха. Вот старуха ему и говорит:

— Сынок, вынеси мне с базара этот сундук, а я дам тебе за это три крана.

Эсен согласился, поднял сундук и вынес его с базара. Тогда старуха ему сказала:

— Если ты донесешь сундук до такого-то места, я дам тебе пять кранов.

Эсен и туда отнес сундук, а она ему опять говорит:

— Если донесешь мне сундук до дома, дам тебе десять кранов.

И снова Эсен согласился. Донес он сундук до дверей дома старухи, опустил его и хотел уйти, а старуха ему и говорит:

— Зайди поешь лепешки.

Эсен отказался, тогда старуха предложила:

— Если не хочешь поесть лепешки, то хоть выпей воды!

Принесла она кружку воды, Эсен напился и в тот же миг превратился в собаку. А старуха, колдовством превратившая Эсена в собаку, втолкнула его ко множеству других таких

же собак. Но Эсен изловчился и убежал. Старуха науськала на него других собак и отправила их по следу Эсена. Но они так его и не догнали. А Эсен в собачьем облике бежал, бежал — и вдруг возникла перед ним река. Вошел Эсен в воду, лег в нее и тут снова превратился в человека, да только голого. Пошел он дальше голый и набрел на кучку мальчишек, которые собирали хворост.

— Сумасшедший идет! — закричали мальчишки и разбежались.

Рассказали они об этом взрослым, а те пришли, поймали Эсена и стали расспрашивать. Тут Эсен все, от начала до конца, им рассказал.

После этого один человек предложил Эсену:

— Иди жить ко мне в дом.

Эсен согласился, и они пошли. Человек дал Эсену одежду. Эсен оделся и вошел в дом. А у этого человека была дочь-волшебница. Вот она и говорит Эсену:

— Я сделаю для тебя доброе дело.

Дохнула она на горсть песка, дала его Эсену и сказала:

— Если ты посыплешь этим песком ту старуху, она сама превратится в собаку.

Потом девушка дохнула на другую горсть песка и сказала:

— А если ты посыплешь этим песком дочь старухи, она превратится в ослицу. Тогда садись на нее верхом и пригони сюда.

Эсен согласился. Пошел он к той старухе, обсыпал ее песком, и старуха превратилась в собаку. Потом Эсен обсыпал дочь старухи, и она превратилась в ослицу. Эсен сел на ослицу верхом и, тыча ее в загривок, пригнал к девушке. Загнала девушка ослицу в старый дом и заперла.

На следующий день старуха вернула себе человеческий облик и пришла требовать свою дочь, а девушка ей и говорит:

— Я верну тебе дочь, если ты дашь мне слово, что всех людей, превращенных тобой в собак, ты снова сделаешь людьми и никогда с этих пор не станешь совершать ничего подобного.

Старуха согласилась, пошла домой и превратила собак снова в людей. Потом она вернулась и забрала свою дочь.

Эсен долго жил в этом доме, и в один из дней хозяин

отдал за него свою дочь. Устроили свадебный пир. Поставили рядом большую новую юрту, и Эсен проводил здесь время в удовольствиях. И своих родителей он тоже сюда перевез.

43. Щедрый и Скупой

Жили в старые времена Щедрый и Скупой. Как-то собрались они вместе и отправились к Каабе. Щедрый взял с собой батман лепешек, замешенных на масле и молоке, а Скупой — полбатмана лепешек, замешенных на воде. В полдень остановились они на отдых. Щедрый достал свои лепешки, и они поели. А поев, снова тронулись в путь к Каабе. На закате они снова остановились, и Щедрый снова достал свои лепешки, и они снова поели. А поев, опять тронулись в путь к Каабе. Шесть дней пути они вдвоем ели лепешки Щедрого. На седьмой день остановились они на отдых, но теперь уж у Щедрого не было лепешек, все кончились. А Скупой уселся и начал есть свои лепешки.

— Дай-ка и мне, — попросил Щедрый.

— Не дам, — отвечал Скупой, — ведь я зовусь Скупым.

— Но мы же ели мои лепешки вдвоем, брат! — сказал Щедрый.

— На то ты Щедрый, а я — Скупой, — отвечал Скупой.

— Тогда я должен вернуться назад, — сказал Щедрый.

Скупой поел своих лепешек и пошел к Каабе. А Щедрый двинулся назад. Пришел он к одному старому кочевью и увидел тут глинобитный дом, а возле него — конюшню. Щедрый забрался в конюшню и лег там. Как только он вошел в конюшню и улегся, поднялся ветер и полил дождь. В это время в глинобитный дом зашел лев. Потом сюда же пришел волк, а следом за ним — лиса. Лев спросил:

— Хорошо ли ты себя чувствуешь, друг лиса?

— Плохо, ничего не нашла поесть, — отвечала лиса.

— И я никого не поймал на охоте, — сказал волк.

— О Аллах, мы голодны все трое, — сказал лев. — Здесь недалеко один человек пашет на быке землю. Я хотел схватить этого быка, но человек от него не отходит. Так я до быка и не добрался. А в том месте, где пашет человек, есть

дом. Он разрушен. Под этим разрушенным домом зарыт большой клад. Человек же, который там пашет, ничего этого не знает.

— Люди не знают о том, чего они не видят, — сказала лиса. — Знал бы он, что и перед домом закопано много денег!

Щедрый, который лежал в конюшне, слышал этот разговор. Когда рассвело, звери ушли из дома. А Щедрый вышел из конюшни, отыскал закопанные деньги, о которых говорила лиса, и забрал их себе. После этого он снова пустился в путь.

Пришел Щедрый в селение одного падишаха *. А вокруг дома падишаха собралось множество людей.

— Что делают эти люди? — спросил Щедрый.

— Сын падишаха болен, — ответила какая-то старуха. — Эти люди — табибы, они хотят его вылечить.

— Людей этих надо прогнать. Я вылечу сына падишаха, я сделаю его здоровым, — сказал Щедрый.

Тех людей прогнали. А Щедрый дал сыну падишаха лекарство, и сын падишаха выздоровел. Стал он хорошим, здоровым человеком. Тогда падишах сказал:

— Щедрый, все, что ты захочешь, я дам тебе!

— Мне ничего не нужно, пожелай мне только добра, — отвечал Щедрый.

— Я выдам за тебя свою дочь, — сказал падишах.

И падишах отдал Щедрому свою дочь в жены. И еще он дал ему землю для посева. А в той земле, что дал Щедрому падишах, как раз и был тот клад, о котором говорил лев. Щедрый отыскал клад и взял себе.

Стал теперь Щедрый богачом. Поставил он шестикрылую белую юрту * и в этой белой юрте наслаждался с дочерью падишаха. И горя нет в мире для Щедрого. Возле порога юрты он выстроил дом с окнами, а вокруг всего этого возвел забор. Стал теперь Щедрый несчастным человеком.

О ком теперь спросить новостей? Спросим-ка о Скупом.

Скупой ел свои лепешки и кончил их. Тогда оставил он путь к Каабе и побрел как нищий. И вот, нищенствуя, пришел он к порогу Щедрого. Скупой не узнал Щедрого, не узнал товарища, с которым ходил к Каабе.

— О богач, дай мне что-нибудь, — сказал он.

— А, Скупой, ты разве не узнаешь меня? — спросил Щедрый.

— Нет, я тебя не знаю, — отвечал Скупой.

Тогда Щедрый сказал:

— Я — твой товарищ, с которым ты ходил к Каабе. Шесть дней пути мы вдвоем ели мои лепешки, а когда лепешки у меня кончились, ты уселся есть свои лепешки. Я сказал тебе: «Дай и мне кусочек лепешки», но ты не дал. Если я буду похож на тебя, моя щедрость станет ложной. О Скупой, я дам тебе все, что тебе нужно!

И Щедрый дал Скупому много денег. А Скупой спросил:

— О Щедрый, как ты достиг такого богатства?

— В одном старом кочевье есть дом. А возле этого дома — конюшня. Я вошел в конюшню и лег там, — стал рассказывать Щедрый. — Поднялся ветер, полил дождь, и тогда в этот дом зашел лев. Следом за ним вошел волк, а за волком в дом вошла лиса. Я же лежал в конюшне, а звери этого не знали. Я добился всего, потому что один час просидел в конюшне. И нет теперь в мире человека счастливее меня.

— О Щедрый, а если и я сделаю так, как ты: полежу в конюшне? Может быть, и я своего добьюсь? — спросил Скупой.

— Хочешь полежать — лежи. Зайди в конюшню, туда, где я лежал, и укладывайся, — отвечал Щедрый.

Ночью, как только Скупой улегся, поднялся ветер и полил дождь. В дом вошел лев. Следом за ним вошел волк. А следом за волком вошла лиса. Вот лев и говорит:

— На месте того клада человек поставил белую юрту.

— А вокруг построил забор, — сказал волк. — Должно быть, человек слышал наш разговор.

— Под этим домом было зарыто много денег. Видно, он нашел их и взял себе, — сказала лиса.

— Эй, лиса, выйди-ка наружу да посмотри, не стоит ли там опять и не подслушивает ли человек, — сказал лев.

Лиса вышла из дома, обошла его вокруг, но ничего не обнаружила. Тогда лиса вскочила на конюшню, заглянула внутрь, а там лежит Скупой. Спрыгнула лиса с конюшни и подбежала ко льву.

— О мой лев, в конюшне лежит человек, — сказала она.

Лев вышел из дома, заглянул в конюшню, а там и впрямь человек лежит. Лев подошел к Скупому, ударил его лапой и убил.

От Скупого остались одни клочья.

44. Яртыгулак

Было ли не было, в старые времена жили муж с женой. Как-то раз поехал муж на мельницу молотить зерно, а его жена, которая была беременна, родила сына. Новорожденный мальчик был ростом в половину уха. Не успел мальчик родиться, как спросил:

— Мать, а мать, куда уехал отец?

— Отец уехал на мельницу молотить зерно, — отвечала мать в испуге. — Вот надо бы отвести ему верблюда.

Яртыгулак * отвязал верблюда от кола, влез на верблюда и прыгнул ему в ухо.

Вот бежит верблюд по дороге, а тут мальчишки останавливают его и говорят:

— Смотри-ка, верблюд бежит один!

А Яртыгулак как закричит:

— Эй вы, дети свиней, отпустите верблюда, чего вы его держите!

Мальчишки стали оглядываться, но никого не увидели.

— Чей это голос? — спросили они в страхе, отпустили верблюда и разбежались. А Яртыгулак погнал верблюда дальше. Приехал он на мельницу и стал кричать:

— Эй, отец!

Но ведь отец-то Яртыгулака не знал, что у него уже есть сын, и потому ничего не отвечал. А Яртыгулак все кричал «отец» да «отец», но так как тот все не отвечал, Яртыгулак стал кричать, называя отца по имени. Тогда отец сказал:

— Вроде бы у меня нет сына, а между тем он меня зовет...

Подожел он поближе, а Яртыгулак снова закричал:

— Отец, поди сюда скорее! — и тут же решил: «Когда отец подойдет поближе, я напугаю его».

Яртыгулак выпрыгнул из уха верблюда и, забравшись под пучок травы, улегся там. А верблюд возьми да и съешь эту траву, под которой прятался Яртыгулак. Отец Яртыгулака подошел и видит — верблюд что-то жует, а сына нигде нет.

— Сынок, а сынок! — стал звать отец.

— Я внутри верблюда, отец, — отвечал Яртыгулак. — Он меня проглотил.

Отец навьючил на верблюда муку и приехал домой. Тут жена его и спрашивает:

— А сына моего ты привез?

— Нашего сына верблюд съел, — отвечал муж.

Заплакали они оба, а потом резали верблюда и стали искать в его кишках. Но ничего не нашли и последний кусочек кишки выбросили. А Яртыгулак-то как раз и был в том кусочке кишки. Муж с женой ничего не нашли да еще вдобавок и верблюда зарезали, а поэтому сели они и принялись плакать.

Как-то раз на то место, где был зарезан верблюд, пришел голодный волк и съел тот кусочек кишки. Не насытившись, волк собрался напасть на овец одного пастуха. А Яртыгулак как закричит:

— Эй, пастух, берегись! Пропали твои овцы!

— Эгей, гони его прочь! Один баран-двухлеток — твой! — закричал в ответ пастух, спустил собак, и они прогнали волка.

А Яртыгулак все кричал и кричал: «Эй-эй, эгей, улюлю!» Волк-то этот голос слышал, да откуда он идет, не знал. Так он и убежал, и не то что овцу не съел, но и сам еле ноги унес. Не в силах терпеть голод, горемычный волк отправился к другому пастуху. Когда он приблизился к стаду, Яртыгулак снова закричал:

— Эй, пастух, берегись! Потом не говори, что не слышал, как волк утащил твою овцу! Берегись!

Этот пастух тоже закричал в ответ:

— Э-э-эй, гони его прочь! Один баран-двухлеток — твой!

И Яртыгулак, подняв страшный шум, продолжал кричать:

— Эй, эгей, улюлю!

Пастух с тремя собаками бросился на волка, и волк убежал. Собаки погнались за ним и чуть было не схватили волка за хвост, но тот ускользнул, и собаки, прогнав волка подальше, вернулись.

Снова волк подкрался к стаду, и опять Яртыгулак дал знать об этом пастуху. И этот пастух ему крикнул:

— Один баран-двухлеток — твой!

И Яртыгулак, опять подняв страшный шум, снова прогнал волка. Так несколько дней волк пробовал подобраться к разным стадам, но, где бы он ни появился, всюду Яртыгулак давал о нем знать пастухам и начинал шуметь, так что волк, за которым гонялись собаки-овчарки, совсем извелся и обессилен. Тогда понял волк, что вся его беда внутри него самого.

Ослабев так, что у него в глазах потемнело, он лежал еле живой и думал: «Как же мне избавиться от этой напасти?» И волк решил посоветоваться с ученым табибом — лисой.

— Друг лиса, — взмолился волк, — внутри меня завелась какая-то беда. Я совсем обессилел от голода, но, когда я пытаюсь задрать овцу, внутри меня кто-то кричит: «Эй, пастух, берегись! Твою овцу унес волк, берегись!» И вот уже пять дней, как у меня во рту не было ни кусочка мяса. Покинули меня силы, и остались во мне лишь стоны. Сделай что-нибудь, укажи какое-нибудь средство!

Тогда лиса спросила:

— А если я найду средство избавить тебя от этой беды, ты дашь мне овцу?

— Ах, дружище, попроси ты хоть две овцы — я дам! Лишь бы мне избавиться от этой напасти, — пообещал волк.

— От обещаний до овцы далеко, приятель. Дай-ка ты мне письменное обязательство, — сказала тогда лиса, и они оба подписали договор. После этого лиса посоветовала волку:

— Слушай, волк, съешь-ка ты холодного буламака, а потом пробегись несколько раз вверх и вниз по кособоку. После этого твоя беда наверняка из тебя выйдет.

А Яртыгулак, который сидел внутри волка, засмеялся:

— Эх, лиса, лиса, глупая ты лиса: ведь если бы у него был буламак, чтобы поест, разве он дошел бы до такого состояния?

— Вот, друг лиса, ты сама теперь видишь мое горе. Пожалей же меня! — сказал волк и заплакал.

— Плохи твои дела, дружище волк, — отвечала лиса. — Да поможет тебе бог! Ты встретился с тяжелым бедствием, и есть только один выход, к которому ты должен прибегнуть.

— Скажи, друг, — стал умолять волк. — Если есть какое-нибудь средство, попробую его. Поможет — хорошо, а не поможет, так я готов умереть!

Тогда лиса сказала:

— Дружище волк, пойди в полдень в виноградник и наешься зеленого винограда. Пусть та беда, что внутри тебя, кричит, пока не лопнет: в полдень в саду нет ни сторожей, ни собак. Ну а если они услышат и прибегут, ты не удирай и старайся съесть винограда побольше.

— Ладно, — сказал волк и в полдень отправился в сад есть виноград.

Добравшись до виноградника, волк забрался туда и принялся есть зеленый виноград. А Яртыгулак как закричит:

— Эй, хозяин винограда, поспеши! Твой виноград крадет вор, берегись!

Пока из селения подоспел хозяин винограда, бедняга волк успел очистить две виноградные лозы. «Кто бы это мог кричать?» — думал хозяин винограда, а когда он добежал до виноградника, то обнаружил, что голос раздается из-за виноградных лоз. Хозяин взял палку, обшарил ею вино-

градник и увидел, что виноград поедает волк. Подкравшись тихонько, он ударил волка палкой по носу. Волк пустился наутек. В это время Яртыгулак и выскользнул у волка из зада. Волк обрадовался этому и со всех ног помчался к лисе.

Теперь послушайте вести о Яртыгулаке. Выскочив из волка, Яртыгулак улегся под виноградной лозой. Хозяин виноградника, прогнав волка, набрал ведро винограда и стал поднимать его себе на плечо. А Яртыгулак в это время и влез в ведро. Человек пошел и по дороге запел песню, а Яртыгулак стал кричать ему из ведра:

— Вот спасибо, дорогой, вот спасибо!

Человек подумал, что за ним следом кто-то идет, и оглянулся, но никого не увидел. Тогда он решил, что ему просто послышалось, и запел снова. А Яртыгулак снова стал кричать из ведра:

— Вот спасибо, вот спасибо, дорогой!

Человек опять оглянулся, никого не увидел, и ему стало страшно. «Что это — джинн или привидение?» — подумал он, перестал петь и зашагал быстрее.

Пришел он домой и не успел снять с плеча ведро, как сказал жене, весь дрожа:

— Я встретил по дороге джинна!

А Яртыгулак выпрыгнул из ведра и залез под мешок. Жена человека, услышав, что ее муж видел джинна, тотчас уложила его и укрыла двумя одеялами. А соседи, узнав о том,

что вот, мол, такой-то видел джинна, пришли справиться о его здоровье. Женщины-соседки шептались:

— Не дай бог ни одному мусульманину увидеть такую нечисть, как джинн.

И прося у бога прощения за грехи, все разошлись по домам.

В тот вечер в дом человека, увидевшего джинна, пришло несколько гостей. Они легли спать, а Яртыгулак вылез из-под мешка и связал гостей бородами по двое. После этого он связал бороду хозяина с волосами его жены.

Ночью одному из гостей понадобилось выйти. Он решил, что его товарищ держит его за бороду, и сказал:

— Эй, отпусти мою бороду!

А другой проснулся, решил, что его товарищ нарочно дернул его за бороду, и крикнул:

— Эй, ты чего дергаешь меня за бороду?! Что тебе борода — игрушка, что ли?

И он стукнул приятеля по макушке. Началась драка, поднялся шум. Проснулся еще один из гостей и попытался вмешаться, но ему тоже показалось, что его товарищ схватил его за бороду.

— Ты чего хватаешь меня за бороду? — вскрикнул он и стал пинать лежавшего в живот. А тот вскочил и ударил товарища по голове.

Все четверо гостей принялись бить друг друга по головам, так что потекла кровь, и подняли в доме страшный переполох. Тут проснулись муж и жена.

— Эй, жена, мало того, что я видел джинна, так ты меня еще и за бороду хватаешь? — воскликнул муж и стал жену колотить. А жена закричала:

— Помогите! Соседи, на помощь! Он меня убьет!

Четверо гостей и муж с женой подняли в доме ужасный шум. Сбежались соседи и увидели, что в доме пыль столбом, а гости и муж с женой лупят друг друга. «В них вселился злой джинн», — решили соседи и начали всех разнимать. А Яртыгулак снова залез под мешок и улегся там.

— В этом доме поселился какой-то злой дух, надо поскорей отсюда убираться, — сказали гости и, встав на рассвете, удрали.

Вот муж с женой сидят и трясутся от страха перед джинном. Тогда жена и говорит мужу:

— Послушай, отец, не сходить ли нам к ишану-аге, чтобы выгнать из нашего дома джинна?

— Что ж, ступай скорее, попроси его помочь, — отвечал муж.

Когда жена собиралась к ишану, Яртыгулак прыгнул ей на плечи и спрятался в ее платке. Так они и отправились к ишану вместе. Придя к ишану, женщина сказала:

— Ишан-ага, третьего дня в наш дом вселился джинн, не дашь ли ты против него молитву? *

— О, джинн очень скверная штука, — сказал ишан, — если над тобой не прочесть молитву, он не отстанет.

Ишан отвел женщину в пустую комнату и, делая вид, что молится, стал ощупывать ее там и сям. А Яртыгулак незаметно для них перебрался на чалму ишана. Как только ишан начал произносить: «Агуз биллахи мин аш-шайтани-р-раджим...» *, Яртыгулак, сидя на макушке ишана, заорал во все горло. Ишан перестал молиться и в испуге сказал:

— Вот ведь какое несчастье, какой скверный джинн! Дамка я тебе поскорей молитву.

Он второпях нацарапал что-то на бумаге и произнес:

— На, возьми эти две молитвы и уходи. Пусть одну из них носит твой муж, а другую носи сама.

Ишан взял положенную плату, и женщина быстро ушла. А Яртыгулак остался на чалме ишана. Ишан решил, что джинн ушел от него вместе с женщиной, и так как он исполнял обязанности имама, то отправился в мечеть, чтобы совершить вечерний намаз. Вот встал он перед собравшимися верующими, а Яртыгулак в это время лежал в складках его чалмы. Как только ишан, исполняя перед людьми обязанности имама, провозгласил: «Аллах акбар!» * — и собрался коснуться лбом земли, Яртыгулак тоже сказал в один голос с ним: «Аллах акбар!» Это повторилось несколько раз, и ишан подумал: «Наверное, кто-то из стоящих сзади недоволен тем, что я руковожу молитвой, и нарочно восклицает вместе со мной». Обозлился ишан и ушел. А верующие, думая, что ишан еще не поднял лба от земли, пролежали долгое время, уткнувшись в пол, пока один из них наконец не поднял голову и не увидел, что имама перед ними нет. Он сказал об этом остальным. «Уж не помешался ли наш ишан?» — перемолвились между собой люди, покинули мечеть и разошлись по домам.

В тот вечер жена ишана сварила для мужа и себя плов, а для сопи и батраков, работавших у них, большой-котел тыквенной каши. Ночью, когда все уснули, Яртыгулак набрал в миску тыквенной каши, оставшейся в котле, и вылил ее на штаны ишана. Потом Яртыгулак подошел к тому месту, где спали сопи, и их штаны тоже забросал тыквенной кашей. Затем он снял расшитые тюбетейки со взрослых дочерей ишана и надел им на головы крышки от кувшинов с маслом. А чалму ишана надел на голову его жене. Сам же влез на дверь и, хотя еще не рассвело, стал кричать азан. Сопи, которые спали в мечети, проснулись и увидели, что их штаны перепачканы. «Видно, мы объелись вчера, запачкали штаны и осквернили вонью мечеть», — подумали сопи, вскочили и бросились бежать. А ишан, проснувшись, тоже решил, что он наделал в штаны, и крикнул:

— Жена, эй, жена, вставай! Мне нужно сменить одежду, моя — не в порядке.

Жена встала и кинулась искать одежду. Глянул ишан, а у той на голове его чалма. Потом встали дочери ишана, и оказалось, что у них на головах крышки от кувшинов. Ишан, который не мог встать, изумился, увидев все это, и закричал:

— Что случилось? С ума вы что ли посходили?

Ничего не подозревавшая жена ему отвечала:

— Как это — что случилось? Ты вот штаны обмарал! Когда ешь — знай меру.

На шум сбежались люди.

— Дура, — кричал ишан жене, — я спрашиваю, что у тебя на голове? И что это на головах у наших дочерей?

Жена сняла то, что было у нее на голове, и увидела, что это чалма, глянула на дочерей, а на них — крышки от кувшинов.

— Увы, — проговорил ишан, — у нас стал хозяйничать джинн той женщины, что приходила вчера.

— Да пропади пропадом и ее джинны, и ее деньги, а вот мы стали посмешищем для людей, — заныла жена.

Ишан переоделся и занялся своими делами. А в этот вечер ишана пригласили на свадьбу. Когда ишан стал туда собираться, Яртыгулак снова залез в его чалму.

Яртыгулак сидел на самой макушке ишана и озирался вокруг, а ишан погонял своего осла и уже приближался к ме-

сту, где была свадьба. Тут Яртыгулаку в голову пришла одна мысль. Он спрыгнул с головы ишана на круп осла, потом сполз вниз, уцепился за кисточку его хвоста и принялся колотить осла по задку. Осел стал брыкаться и лягаться и до того разошелся, что сбросил ишана, словно набитый мешок, на каменистую землю. Ишан разбил лоб, потерял сознание, да так и остался лежать на дороге. Прохожие увидели его и подобрали.

А Яртыгулак, расставшись с ишаном, сам отправился на ту свадьбу. Пришел он туда и видит, что хозяин юрты, где была свадьба, — важный бай. Бай женил своего единственного сына и по случаю свадьбы устраивал пир. Яртыгулак незаметно пробрался в сухой траве, пролез между жердями с задней стороны юрты, устроился за кошмой* и заглянул в щель. Поблизости сидела вместе со своими подругами невеста, которую уже привезли. Подальше расселись, скрестив ноги, разные богатые люди и увлеченно беседовали. А на самом почетном месте юрты сидел, накручивая чалму, тот самый ишан.

Яртыгулак принялся тыкать палкой сидевших с невестой девушек, а те, подозревая в этом друг друга, начали переругиваться. Обозлившись и не решаясь дальше разговаривать на людях, девушки стали уходить. В конце концов невеста осталась одна.

Когда зашло солнце, ишан собрался совершить обряд бракосочетания, назначил двух свидетелей и приступил к делу. Свидетели подошли к невесте, которая сидела, закутавшись с головой, и спросили:

— Кого из нас вы выбираете своим свидетелем?

А невеста сидела, закутавшись, и плакала. После того как вопрос ей был повторен несколько раз, Яртыгулак как закричит из-за кошмы:

— Чтобы стать женой вашего плешивого парня, ни одного из вас не хочу иметь своим свидетелем!

Свидетели перепугались, а присутствовавшие здесь удивились и растерялись. Подошла одна женщина и стала ласково уговаривать невесту. А та, не зная, что ей теперь делать — плакать или смеяться, сидела, по-прежнему плотно завернувшись в курте. Так как невеста не отвечала, Яртыгулак закричал снова:

— Нет, нет, я ведь сказала твердо и не передумаю!

Женщины, обступившие было невесту, отпрянули и стали переговариваться: «Что, эта невеста — дурочка, что ли?»

— О невеста, ты совершаешь грех, это постыдно, — сказал со своего места ишан.

Тогда Яртыгулак крикнул:

— А мне не нужен брак, который заключает такой человек, как ты!

— Господи помилуй, что это еще за несчастье! — воскликнул ишан и умолк.

День подходил к концу. «Вот уже и солнце село, прошел этот благоприятный день, теперь придется отложить свадьбу на завтра»*, — стали говорить люди, и те, у кого были срочные дела, ушли, а те, кто любопытствовал, чем все это кончится, остались посмотреть.

Сын бая, который был в соседней юрте, с нетерпением ожидал вечера и, беспокоясь, что дело затягивается, пришел в юрту, где была невеста*. А Яртыгулак в это время вскарабкался между кошами и деревянным остовом юрты и вылез в дымоход.

— Сегодня уже поздно заключать брак, — сказал ишан, — но нужно позаботиться о завтрашнем дне, поэтому давайте все покинем юрту, а юноша пусть покажет невесте свою голову.

Присутствовавшие сочли это разумным. В это время Яртыгулак как закричит в дымоход:

— Не прозевай, девушка! Они хотят вместо плешивого сына бая показать человека со здоровой головой!

Люди изумились, поглядели наверх, но ничего не увидели. Тогда ишан в испуге сказал:

— Видно, это тот проклятый джинн. Он не дает покоя нашему селению. Что ему от нас нужно?

— Наверное, нужно прогнать его молитвой, — отвечал бай-хозяин.

— Ох, да я уже молился, и мне не удалось его прогнать, — сказал ишан, — наоборот, он наметился на меня самого и совсем было оседлал меня. А однажды ночью он забрался ко мне на живот и стал душить. Чуть не убил.

Тут Яртыгулак как крикнет:

— Это не тогда ли я забрался к тебе на живот, когда ты обмарал свои штаны?

— Вот видите, — сказал ишан, — он меня совсем замучил.

— Что же теперь делать? — спросил бай.

— Нужно собрать самых знающих мулл и молиться всем вместе, — отвечал ишан.

Бай тут же велел позвать четверых самых знающих мулл, которые жили в селении. А еще там был порхан, так бай и его велел позвать. В одной части юрты стали молиться четверо мулл во главе с ишаном, а в другой — порхан принялся прыгать, скакать, так что у него на губах выступила пена, и выкрикивать:

— Эй, сюда, мой баран, что живет в такой-то долине! *. Эй, сюда, мои пери, что живут в таком-то ущелье! Эй, сюда, мои джинны, что живут на такой-то вершине!

— Ну-ну, поглядим, каковы твои джинны, — сказал Яртыгулак и, спрятавшись между складками серпика, закрывавшего дымоход, улегся там.

Яртыгулак очень устал и поэтому сразу уснул. Поспав некоторое время, он проснулся, прислушался и сказал себе: «Должно быть, в юрте полно джинов. Поглядим, что это такое — джинны, пери и бараны порхана». Посмотрел Яртыгулак через дымоход вниз и увидел, что порхан в исступлении, изо рта идет пена, да так, что даже длинная борода порхана покрыта ею, крики усилились во сто крат, а сам порхан дергается и кидается из стороны в сторону так, что кажется, будто большая юрта превратилась в тесный ящик. Муллы в поте лица все еще молятся во все горло, а люди сидят и дремлют, и, кроме них, в юрте не видно ни джинов, ни пери, ни баранов.

После полуночи обессиливший порхан остановился и сказал:

— Ну, видишь, бай-ага, что я сделал: стоило моим джинам тронуться с места, как тот джинн, что был в твоём доме, пустился наутек. Явились мои джинны и пери и прогнали твоего джинна за горы и доли.

Тогда ишан сказал:

— Наши молитвы тоже очень помогли.

Тут Яртыгулак не утерпел и рассмеялся над их словами. Присутствовавшие удивились и перепугались.

— Оказывается, этот проклятый еще не исчез, — проговорил ишан.

Пока Яртыгулак сожалел о том, что рассмеялся, порхан ответил:

— Не бойтесь и успокойтесь: это мои джинны смеялись от радости, что прогнали того.

После этого все успокоились.

— Бай-ага, — сказал порхан, — если позволишь, я верну своих джиннов на место.

— Отпусти их, — отвечал бай.

И порхан, опять выкрикивая нараспев, спровадил «своих джиннов». Муллы перестали молиться. В юрту принесли чай и еду.

Когда все поели, в одной половине юрты расстелили в ряд постели и уложили спать мулл и порхана. Остальные гости разошлись по своим домам. А рядом с невестой в эту ночь должны были спать две девушки. Так как люди большую часть ночи провели без сна, стоило им коснуться головами подушек, как глаза их тотчас закрылись, и они погрузились в глубокий сон.

Яртыгулак спрыгнул с дымохода, взял ножницы, которыми бай подстригал свою бороду, и подошел к спавшим муллам. Проговорив «бисмилла», он приступил сначала к ишану и срезал его длинную пегую бороду под корень. После этого Яртыгулак отхватил под корень длинную пегую бороду самого важного муллы. Затем он по очереди отрезал бороды у остальных мулл. У самого младшего муллы Яртыгулак отстриг только кончик бороды, подкоротил ее, а совсем срезал усы. Покончив с этим, Яртыгулак подошел к порхану и сказал: «Ну, если у тебя есть свои джинны, то пусть лучше они поспешат сюда». Затем он срезал правую половину длинной черной бороды порхана, а левую половину оставил и отрезал левый ус, а правый оставил.

В углу юрты лежали желудки зарезанных для пира животных. Яртыгулак взял эти желудки и надел на головы девушек, спавших сладким сном возле невесты, а тюбетейки девушек спрятал. Потом он взял бороду ишана и приклеил ее к подбородку невесты, а под носом у нее пристроил ус младшего муллы. Так невеста стала с бородой и усами. Остальные бороды Яртыгулак соединил вместе и прикрепил их к бороде бая, так что борода у бая стала до самых ног.

— Ну вот, кажется, я неплохо справился с этим делом, — сказал после этого Яртыгулак и снова залез в дымоход.

Когда рассвело и взошло солнце, хозяева и гости стали просыпаться. Раньше всех встала невеста. Увидала она желудки на головах спавших рядом с ней девушек и принялась смеяться. Проснулась жена бая и спросила:

— Ой, что это борода у тебя стала такая длинная?

— Что ты, дура, болтаешь! — отвечал бай, но, открыв глаза, поглядел сам и так удивился, что и не знал, что сказать. Тут проснулся порхан, увидел мулл с голыми подбородками и начал хохотать. «Видно, среди моих джиннов есть один негодный проказник, это его рук дело. Побраню его как следует», — подумал он. А муллы в это время пригляделись к лицу порхана и тоже громко расхохотались. Порхан торопливо потрогал свои щеки и на одной из них не нащупал ничего. Тогда он кинулся бегом к зеркалу в углу юрты, схватил его, посмотрел на себя и увидел, что его усы и борода смахивают на лужайку, потравленную конями. Порхан отпрянул от зеркала и передал его муллам; те глянули на свои лица — а подбородки у них совсем голые. Девушки, не подозревая о том, что с ними самими, увидали усы и бороду невесты и в испуге попятились. А жена бая их спрашивает:

— Эй, полоумные, что это с вами?

— У невесты выросли усы и борода, — отвечали девушки.

— Я не о том, плешивые. Я спрашиваю, что это вы надели себе на головы? — сказала жена бая и дала им зеркало.

Девушки увидели у себя на головах желудки, бросили зеркало и побежали к себе домой. А невеста, когда увидела в зеркало свои усы и бороду, перепугалась сама себя. Стала она скорей отрывать бороду и усы.

В это время как раз начали собираться отовсюду мужчины и женщины, чтобы узнать о вчерашних джиннах. Порхан и муллы, не найдя, куда бы им спрятаться, не стали дожидаться обещанного баем вознаграждения и выбежали из юрты. Бросились они наутек, выбирая места безлюдней. В юрте остались только бай, его жена и невеста.

— Как же теперь избавиться от этой беды? — сказал бай. — Если бы нашелся человек, который бы избавил нас от этой напасти, я дал бы ему все, что бы тот ни потребовал.

— А если бы он потребовал десять баранов? — спросил тут Яртыгулак из дымохода.

— Ах, да я дал бы и пятнадцать! — отвечал бай.

— Ловлю тебя на слове, не забудь своих слов! — крикнул Яртыгулак, соскользнул вниз между кошмами и деревянной решеткой юрты и незаметно в сухой траве выбрался на дорогу.

Шел он по обочине дороги, шел — и нагнал его человек верхом на коне. Всадник был из того же селения, что и Яртыгулак, и возвращался домой с той же свадьбы. Поравнявшись с Яртыгулаком, всадник остановился подтянуть подпругу. В этот миг Яртыгулак незаметно уцепился за хвост коня, а когда всадник стал садиться в седло, вскарабкался коню на спину и уселся на чересседельнике.

Когда всадник поравнялся с юртой Яртыгулака, тот спрыгнул с коня и пошел домой. Вошел Яртыгулак в юрту, обнялся с отцом и матерью, которые очень ему обрадовались, и стали они друг друга расспрашивать. Яртыгулак рассказал обо всем, что с ним случилось, и добавил:

— Отец, такой-то пастух должен нам одного барана. И такой-то пастух тоже должен нам одного барана, а такой-то — должен двух баранов, — так Яртыгулак назвал многих пастухов. — Пойди и скажи им, чтоб они отдали баранов, которых обещали за то, что мы прогнали волков. А потом сходи к такому-то баю и скажи ему, чтоб он отдал баранов, которых должен за то, что мы прогнали джинна.

Отец пошел, забрал долг у пастухов и бая и вернулся, погоняя целое стадо овец.

Яртыгулак же узнал все людские тайны, каждому говорил в лицо о его пороках, не держал на сердце злобы, правду называл правдой, а неправду — неправдой, не одобрял хитрости и коварства, был правдив и честен и в конце концов достиг исполнения всех своих желаний.

45. Пять каландаров

Было ли не было, в старые времена в цветущей стране Чандыбиль жил падишах по имени Ахмед-шах. Детей у него не было. Правил он сорок лет и наконец стал молить бога: «Пошли мне ребенка». Семь дней и ночей Ахмед-шах зани-

мался благочестивыми делами, а на восьмую ночь увидел сон, будто у него родится сын. Прошел месяц, и жена падишаха забеременела, а через девять месяцев и девять дней родился у падишаха сын. Ахмед-шах так обрадовался, что созвал к себе всех людей, у которых в этот день тоже родились сыновья, и сказал:

— Раз ваши сыновья родились в один день с моим, пусть они тоже станут моими сыновьями.

А в тот день, когда падишах стал отцом, родились сыновья у четверых бедняков. И вот падишах забрал к себе их сыновей, нанял пятерых нянек и стал воспитывать всех мальчиков вместе. Когда мальчикам исполнилось семь лет, каждого из них стали обучать какому-нибудь ремеслу. Один изучал ремесло художника, другой — ремесло копателя кяризов, третий учился на муллу. И вот братьям исполнилось четырнадцать лет.

Как-то раз сели юноши на своих коней и отправились на прогулку. А падишах в это время был у себя во дворце. Тут какой-то купец принес падишаху сундук.

— Что это? — спросил падишах.

— Сундук продается, — отвечал купец.

— Тогда открой крышку, поглядим, что в нем находится, — сказал падишах.

— Этот сундук не открывается, — отвечал купец.

— Раз так, — сказал падишах, — то я куплю его и открою сам.

Падишах отдал деньги, открыл сундук и увидел внутри шелковую рубашку.

— Увы, купец обманул меня! — огорченно воскликнул падишах.

Он развернул рубашку и тут увидел, что на ней нарисован портрет девушки, да такой, что не ешь, не пей, а только сиди и на нее гляди. Увидал падишах этот портрет и упал без чувств. А когда он пришел в себя, то внимательно разглядел рубашку и заметил под портретом подпись: «Гюльджемиле, дочь китайского падишаха». «Пусть лучше мой родной сын никогда не увидит этого портрета», — подумал падишах. Он спрятал портрет в сундук, а сундук отнес в одну из комнат, запер ее на замок и отдал ключ жене.

Но один из сыновей падишаха, тот, что учился на муллу, был все время рядом с падишахом и видел портрет девушки.

Прошло несколько дней, падишах взял с собой везиров и векилей, поручил дела родному сыну и уехал на охоту.

Теперь послушай о сыне падишаха — мулле.

Пришел он к родному сыну падишаха и рассказал ему про секрет падишаха. Родной сын падишаха, еще не видя той девушки, уже влюбился в нее и потребовал у матери ключ от комнаты, где хранился сундук. Мать не дала ему ключ. Тогда сын падишаха сговорился со своими братьями, и они взломали дверь. Вошел сын падишаха в комнату, нашел сундук, открыл его и увидел портрет девушки. И тут уж он влюбился в нее всей душой и всем сердцем. Не в силах дожидаться возвращения отца, он хотел тотчас же отправиться на поиски девушки, но братья его удержали. Когда вернулся отец, шахзаде стал просить его:

— Посватай за меня эту девушку!

— Ее отец — падишах не отдаст нам свою дочь, а воевать с ним — у нас сил не хватит, — отвечал отец.

Тогда сын сказал:

— Если ты меняпустишь, я сам добуду девушку.

Получив разрешение отца, пятеро братьев переоделись каландарами и пешком отправились в город китайского падишаха. Пришли они туда и остановились в караван-сараяе. Но как увидеть дочь падишаха, они не знали. Наконец посоветовались они между собой и решили: «Надо, чтобы каждый из нас занялся каким-нибудь делом». Тогда брат, который изучал ремесло художника, сделал из бумаги цветок, отдал его сыну хозяина караван-сарая и велел продать, а деньги поделил с ним поровну.

Цветы так хорошо продавались, что братьям вполне хватало на жизнь, и ничем другим они не занимались.

Однажды братья отдали сыну хозяина караван-сарая очень красивый цветок и сказали:

— Не продавай его меньше чем за сто туманов.

— Хорошо, — отвечал юноша, взял цветок и пошел на улицу. А там был страшный переполох. В недоумении юноша остановился. Тут появились ясаулы падишаха и стали разгонять людей. Следом за ясаулами показалась толпа женщин и девушек, лица которых были закрыты покрывалами.

— Что здесь происходит? — спросил юноша.

— Прочь с дороги, дочь падишаха идет гулять в сад! — закричал один из ясаулов.

Юноша отошел в сторону. В это время в карете со стеклянными окнами * мимо проезжала дочь падишаха. Она увидела юношу, который держал в руках цветок замечательной красоты. Дочь падишаха окликнула юношу и спросила:

— Продашь свой цветок?

— Да, — ответил юноша и продал цветок за сто тенге *.

— Кто делает такие цветы? — спросила дочь падишаха.

— Я делаю, — отвечал ей юноша.

— В таком случае, — сказала дочь падишаха, — приноси мне их каждый день.

Юноша обещал, а дочь падишаха даже не пошла на прогулку. Она взяла прекрасный цветок и тут же вернулась домой. С тех пор юноша каждый день стал продавать цветы дочери падишаха.

Как-то раз художник-шахзаде сделал особенно красивый цветок. Потом на листке бумаги нарисовал реку, текущую в пруд, подsunул бумагу под лепесток цветка так, чтобы торчал край, и послал сына хозяина караван-сарая к дочери падишаха. Юноша продал этот цветок дочери падишаха за шестьсот тенге. Этот цветок понравился дочери падишаха гораздо больше, чем другие. Она взяла его, стала разглядывать и вдруг заметила какой-то листок бумаги. «Что это такое?» — подумала девушка и развернула бумагу. Смотрит, а там нарисована река, что протекает возле ее дворца. Тогда дочь падишаха стала расспрашивать сына хозяина караван-сарая:

— Скажи правду, кто делает цветы и нарисовал этот рисунок?

— Я сам делал, — отвечал юноша.

— Ну, если ты их делаешь сам, то сделай цветок у меня на глазах. Принесите ножницы и бумагу! — приказала девушка.

Прислужницы принесли бумагу и ножницы, но юноша так ничего и не сумел сделать. Тогда дочь падишаха спросила снова:

— Скажи правду, кто делает эти цветы?

— Мне было велено не говорить, — отвечал сын хозяина караван-сарая.

Дочь падишаха стала его уговаривать, и юноша рассказал все, что знал:

— У нас в караван-сараяе живут пять каландаров. Один из них и делает эти цветы.

Дочь падишаха взяла лист бумаги и калам, написала каландарам письмо и отправила его с юношей. В письме девушка спрашивала: «Откуда вы прибыли? Для чего делаете и продаете цветы?»

В тот день юноша вернулся домой с письмом. Прочитали каландары письмо, обрадовались и сказали своему брату-мулле:

— Напиши ответ, покажи свою образованность.

Тот взял калам и написал: «Наш шахзаде влюбился в вас, поэтому мы здесь». Затем он подробно описал все, что с ними случилось. А художник снова сделал цветок. И на этот раз это был совсем особенный цветок. Потом художник нарисовал портреты шахзаде и дочери падишаха, вложил их в цветок и послал с сыном хозяина караван-сарая. Юноша отнес его дочери падишаха. Та взяла цветок и заметила письмо. Прочитав письмо, девушка заметила еще одну бумагу. Она развернула ее и увидела свой портрет и портрет шахзаде. Взглянув раз на портрет шахзаде, девушка тут же написала: «Устройте нам свидание» — и отправила это послание с сыном хозяина караван-сарая к шахзаде. Тогда был сделан еще один цветок, и брат шахзаде, который изучал мастерство рытья кяризов, оделся в женское платье и отправился во дворец. Он пришел к дочери падишаха и рассказал ей обо всем. Тогда девушка спросила:

— Как же мне встретиться с шахзаде?

А мастер по кяризам ответил:

— Если вы сможете выносить вырытую мной землю, то я начну рыть под твоим покоем кяриз и через пятнадцать дней выйду на поверхность в нашей келье в караван-сараяе.

Девушка согласилась, и юноша стал копать кяриз от ее дома. А прислужницы выносили вырытую землю и сбрасывали ее в реку, что протекала возле дворца. Таким образом через две недели брат шахзаде вышел на поверхность в той келье, где они жили, и сообщил об этом дочери падишаха.

— Приведи ко мне шахзаде, — сказала девушка, и шахзаде провели во дворец. Так они встретились друг с другом и стали проводить время в наслаждениях.

Прошло шесть месяцев. Как-то раз до ушей падишаха дошли толки, дескать, в таком-то караван-сараяе уже год живут-поживают пять каландаров. Делать ничего не делают, и зачем сюда прибыли, тоже неизвестно. Услыхав эту весть, падишах сказал своему везиру:

— Сегодня ночью мы оденемся каландарами и пойдем все разузнаем.

— Хорошо, о кыбла мира *, — отвечал везир.

Вечером, когда все легли спать, падишах и его везир надели одежду каландаров и отправились в путь. Пришли они к келье братьев и увидели, что из-под двери пробивается свет. Они подошли и тихонько заглянули в дверную щель. Смотрят — а там дочь падишаха со своими служанками и шахзаде с братьями сидят и пируют. Едва падишах увидел это, как в нем вспыхнул гнев, он выхватил свою саблю и хотел было ворваться в келью, но везир его удержал.

— Постой, о падишах мира! — сказал везир. — Есть много похожих девушек. Как бы не оказалось, что это жены каландаров. Пойди и проверь сначала покои своей дочери, а я тем временем покараулю здесь у дверей.

— Тогда не трогайся с места и никого не выпускай, пока я не схожу к своей дочери, — приказал падишах и ушел.

А везир тем временем постучался в дверь каландаров.

— Кто там? — спросили они.

Везир вошел в келью и сказал:

— Я пришел к вам с добром, а не со злым умыслом. Мы с падишахом решили о вас все разузнать, но тут падишах увидел у вас свою дочь и ее служанок. Разгневавшись, он хотел было войти к вам, но я ему сказал: «Есть много похожих девушек, проверь сначала покои своей дочери. Если окажется, что ее нет на месте, тогда возвращайся и делай, что найдешь нужным». Он тотчас же ушел, а вы скорей возвращайтесь к себе каким-нибудь коротким путем так, чтобы опередить падишаха.

Девушки сейчас же отправились домой подземным ходом и пришли раньше падишаха. Прибежали они к себе и улеглись, словно давно уже спят.

Пришел падишах и видит: его дочь спит.

— Оказывается, на свете есть девушки, похожие на мою дочь. Я чуть было не пролил напрасно кровь. Аллах уберет меня от этого, — сказал падишах и удалился.

А дочь падишаха со своими служанками тем же ходом вернулась в келью каландаров, и они снова принялись пировать. Тем временем падишах снова пришел к келье и увидел, что везир стоит у дверей с обнаженной саблей. Заглянул падишах в щелку и видит: его дочь развлекается в келье каландаров. Падишах разгневался и сказал:

— Пойду проверю еще раз.

Вернулся он домой, а его дочь спит. Так несколько раз падишах ходил туда и обратно. Наконец везир сказал ему:

— Уж не обезумел ли ты, падишах? Что с тобой? Если твоя дочь спит, так о чем же беспокоиться? На свете много похожих людей.

И везир увел падишаха с собой.

Некоторое время спустя дервиши тайно позвали к себе везира и сговорились с ним бежать из города. Везир притворился больным и попросил падишаха отпустить его на несколько дней. Он собрал свое добро, однажды ночью вышел со своей семьей из города и направился в сторону города шахзаде. О том, что он бежал, не знал никто. А через несколько дней братья сговорились бежать с дочерью падишаха. Они написали письмо, где сообщали, кто они такие, и повесили его возле кельи. Затем каждый из братьев вскочил на прекрасного коня из конюшни падишаха, и, захватив с собой дочь падишаха, они помчались прочь.

Одна из служанок сообщила об их бегстве падишаху, и тот послал ясаула за везиром. Ясаул пошел за везиром, и тут обнаружилось, что везир тоже сбежал. Тогда падишах взял с собой векиля и направился к келье каландаров. Пришли они туда, смотрят, а каландаров тоже нет. Падишах рассказал обо всем векилю, тот выломал дверь кельи, и когда они вошли внутрь, то обнаружили посреди кельи отверстие, в которое мог пролезть человек. А возле кельи — письмо, где было сказано: «Мы не дервиши. Мы приехали сюда, переодевшись дервишами, потому что шахзаде влюбился в твою дочь. С помощью подземного хода он достиг своей цели, и теперь мы уехали, взяв твою дочь с собой. Сын Ахмед-шаха, шахзаде».

Падишах прочитал это письмо и стал спрашивать совета у векиля. Тот сказал:

— Вряд ли мы их догоним. Лучше всего не ехать.

Гнев падишаха утих, и он решил не догонять беглецов.

Теперь послушайте вести о пяти братьях-шахзаде.

Как ветер в песках, как поток в горах, как вихрь и буря, коротко ли, долго ли они мчались — и добрались до источника. Вечером легли они у источника спать, а брата-муллу оставили караулить. Братья очень устали и сразу же уснули. А бедняга мулла отрезал себе бритвой кусочек мизинца, присыпал его солью и накрепко перевязал. От боли он до утра не сомкнул глаз. На заре, в час намаза *, прилетели, шумя крыльями, три голубки и уселись на чинару, которая росла у источника. Одна голубка сказала:

— Сестрицы, вы знаете, сегодня к нам прибыли дорогие гости, нужно их одарить.

Тогда другие голубки спросили:

— Чем же мы их одарим?

— Нужно одарить их речами, — ответила голубка и продолжала так:

— Ах, сестрицы, если они спят — пусть проснутся, а если проснулись, то пусть слышат. Одарю-ка я их речами.

А другие голубки повторяли:

— Одари, одари, сестрица.

— Знаете ли вы, сестрицы, — стала говорить голубка, — что, после того как братья уехали из своего города за девушкой, их отец так много плакал, что ослеп *, и падишахом стал его брат. Когда дядя шахзаде узнает, что они возвращаются, он вышлет им навстречу коней, чтобы братья въехали в город на этих конях. Но на них садиться нельзя, потому что кони эти созданы колдовством. Если братья сядут на них верхом, то кони вознесут их на небо и оттуда сбросят вниз, так что братья разобьются. Поэтому тем коням нужно отрубить головы. Если братья останутся невредимы и пожелают въехать в свой город, их ждут новые ворота. Эти ворота тоже заколдованы, и въезжать в них нельзя. Если братья приблизятся к ним, их вместе с конями и всем прочим тут же охватит пламя, и они погибнут. Поэтому братья должны въехать в другие ворота. Если братья достигнут своего дворца, им навстречу выйдут сорок мулл и захотят поздороваться. Но здороваться с ними нельзя, потому что в руках у них яд. Если братья станут с ними здороваться, то муллы отравят их этим ядом. Поэтому всех мулл надо убить. Когда же шахзаде ляжет спать, то нужно хорошенько охранять его, ибо с помощью колдовства сде-

лан дракон, который постарается ночью убить шахзаде. Если братья этого дракона убьют, они спасут себя от всех бед. А своего отца они смогут излечить, накапав в его глаза настой листьев этой чинары. Тогда он прозреет. Но если тот, кто нас слышал, кому-нибудь об этом расскажет, он обратится в камень.

Сказав это, голубки улетели. А мулла все эти секреты услышал.

Наутро братья встали, и мулла сказал им:

— Если вы меня отпустите, я уйду куда глаза глядят, а не отпустите, покончу с собой.

Тут братья стали умолять его остаться с ними.

Тогда мулла сказал:

— Братья, пока мы не доберемся до нашего города и не заживем там в добром здравии, сделайте меня шахзаде и, что бы я ни совершил, не удивляйтесь и не возражайте.

— Ладно, — согласился шахзаде и надел на палец муллы свой перстень.

— Тогда едем, — сказал мулла, и они тронулись в путь под предводительством муллы.

Проехали они путь в несколько переходов и приблизились к своему городу. Об их прибытии сообщили падишаху-дяде. И тот, стараясь показать, что хочет обласкать их, выслал им навстречу заколдованных коней: пусть, мол, сядут на этих коней и въедут в город. Коней привели, но мулла велел срубить им головы. Стали братья въезжать в город, и тут падишах-дядя сказал:

— Мы построили для вас ворота из золота, въезжайте через них.

А мулла ответил:

— Не ваше дело! — и братья въехали в город через другие ворота. Подъехали они к своему дворцу, и тут вышла им навстречу толпа мулл в чалмах, и собрались они с братьями здороваться, но мулла им тоже срубил головы. А когда вечером братья улеглись спать, мулла сказал:

— Я буду вас стеречь.

Вот заснули братья, и тут вдруг в окно влетает дракон. Но мулла убил и этого дракона. А наутро мулла накапал в глаза отцу настой из листьев чинары, и тот прозрел.

Падишах-дядя сделал вид, что очень расстроен, и стал жаловаться Ахмед-шаху:

— Твои сыновья сделали из меня посмешище. Зачем они так поступили?

— Спроси об этом у муллы, ведь это он все сделал, — ответил шахзаде.

Стали расспрашивать муллу. Тот не хотел ни о чем рассказывать, но его заставили это сделать. Тогда мулла подробно рассказал обо всем и тут же обратился в черный камень.

Ахмед-шах стал горевать и сказал, что не следовало муллу ни о чем расспрашивать. А шахзаде, рассердившись на своего отца, убежал в пустыню. Там он бродил, грустя о своем брате-мудле, и неожиданно по дороге набрел на тот источник, у которого они ночевали. «А ну-ка, прилягу я у источника. Может быть, здесь отыщется какое-нибудь средство, чтобы помочь моему брату-мудле», — подумал шахзаде и ночью лег спать у источника. На заре он проснулся и лежал с открытыми глазами. Вдруг видит он: прилетели три голубки и сели на чинаре. Одна голубка сказала:

— Знаете ли вы, сестрицы, что к нам прибыл гость? Надо помочь ему в его беде.

На это другие голубки ответили:

— Ты верно сказала, сестрица, ему нужно помочь.

Тогда голубка продолжала:

— Мы-то поможем, а наш гость — если он спит, то пусть проснется, а если проснулся, то пусть услышит. Это ведь наш прежний гость шахзаде, его брат-мудла обратился в камень. Теперь он думает, как его оживить. Нужно набрать листьев этой чинары, растолочь их и сделать настой, а потом полить тот камень настоем. Вот мулла и оживет.

Голубки улетели. А шахзаде, услышав эти слова, набрал полную конскую торбу листьев чинары и пошел в сторону своего города, не отличая дня от ночи. Коротко ли, долго ли шел шахзаде, и прибыл он в свой город. Смотрит, а брат его мулла все так же лежит камнем. Шахзаде не стал ни есть, ни пить, а тотчас же растолок листья чинары, сделал настой и вылил его на брата-мудлу. Тот чихнул и тотчас же вскочил со словами:

— Ну и ну, долго же я спал!

Ахмед-шах обрадовался, что его сын снова ожил, устроил пир на сорок дней и ночей и женил всех своих приемных

сыновей. Мы тоже на том пиру побывали и изрядно там утомились.

Хорошему — исполнение желания, дурному же — позор в наказание. Хотя зачем ему с ним оставаться, и его пусть исполнится желание.

46. Караванбаши

Было ли не было, в старые времена жил один человек — караванбаши. Он водил караваны с товарами и побывал во всех странах.

Прошло много месяцев и много лет, человек этот состарился и уже не мог, как прежде, ездить в любое время куда придется. День ото дня его все больше угнетала старость.

Однажды несколько его односельчан задумали отправиться за зерном в какую-нибудь страну. Пришли они к караванбаши и сказали:

— Послушай, ага, будь нашим проводником.

А у этого караванбаши повсюду, в каждой стране, были друзья и знакомые, и он знал, где и что продается дешево, а где и что — по дорогой цене.

— Ох, люди, — отвечал караванбаши, — я уже очень стар, совсем одряхлел. Попробуйте обойтись без меня.

— Что ты, ага, — стали говорить люди, — ты и такой стоишь многих, и твое место никто не займет. Но если тебе идти никак нельзя, то пусть идет с нами твой младший брат.

— Хорошо, — согласился караванбаши. — Раз так, то берите с собой моего младшего брата. Я дам ему письмо, и в том городе, куда вы придете, мои знакомые вам помогут.

Односельчане караванбаши стали готовиться в путь, а караванбаши написал письмо, чтобы его знакомые в том городе, куда должен был прийти караван, оказали односельчанам нужное содействие и помогли завершить их дела.

Вот уже младший брат караванбаши сел верхом на иноходца, и тут сын караванбаши попросил:

— Привези мне какой-нибудь подарок!

Затем караванбаши и жители селения проводили караван в путь, пожелав им на дорогу:

— Езжайте, и бог вам в помощь! Благополучно вам добраться и так же благополучно вернуться.

Караван тронулся в путь. Потихоньку, полегоньку, мимо черной лачужки любезной госпожи-старушки * с божьей помощью идут они, идут, едут они, едут, погоняют и погоняют — и наконец добираются до того города, куда направлялись. Несколько дней они бродили по городу, вели торг на базаре, накупили всего, что было нужно, и собрались в обратный путь.

Караван вышел из города и направился домой. Сделали они один переход, и вдруг младший брат караванбаши воскликнул:

— Ой, я совсем забыл купить подарок сыну старшего брата! Накупили мы всего много, а того, что я хотел купить ему, — нет. Раз так, вы продолжайте путь сами, а я вернусь, куплю подарок и догоню вас на следующей стоянке.

Брат караванбаши помчался на своем иноходце и за час или два достиг города. Покружил он по базару и увидел, что продается маленькая птичка.

— Что это за птица? Сколько она стоит? — спросил брат караванбаши.

— Такой птице цена одна — сто золотых, и ни копейкой меньше, — ответил хозяин птицы.

— Что ты, ага, разве бывают птицы ценой в сто золотых? Что же это за птица, раз стоит она так дорого?

— Эта птица — попугай, и когда она вырастет, то станет очень мудрой. Она будет говорить совсем как человек, сможет давать советы, учить уму-разуму. Для человека, знающего в таких птицах толк, она стоит многого. Эта птица приносит счастье, и если у тебя хватит денег, то покупай ее. Потом сам увидишь, что я говорил правду.

Брат караванбаши отдал сто золотых, купил птенца попугая и повернул назад. Ехал он, ехал, погонял, погонял — и догнал караван на его второй стоянке.

Коротко ли, долго ли шел караван, пересекая дороги, пересекая пустыни, — и наконец подошел к своему селению. Тут караванщикам повстречался сын старого караванбаши, и брат караванбаши подумал, что юноша вышел их встретить. Но оказалось, что сын караванбаши обиделся на своего отца и ушел из дому. Рассказал юноша о своей обиде, а брат караванбаши стал его уговаривать:

— Нельзя так делать, ведь твой отец старый человек! Вернись, пойдем с нами!

Но как он ни упрашивал, ничего не помогало, сын караванбаши отвечал:

— Не уговаривай меня, дядя, раз уж я ушел, так, значит, ушел и не вернусь!

Тут стар и млад, все вместе стали юношу уговаривать, но все было напрасно.

— Если я отпущу тебя одного,— сказал брат караванбаши,— то с какими глазами я покажусь твоему отцу, моему старшему брату? Лучше уж я пойду с тобой.

И брат караванбаши попросил своих спутников отпустить его. Караван уже приближался к селению, и они его отпустили.

Сын и брат караванбаши взяли с собой птицу, сели вдвоем на иноходца и пустились в путь. По дорогам, по пустыням, по горам и по долинам добрались они до одного города и остановились в караван-сараях.

А караванщики подъехали к селению, где навстречу им вместе с другими жителями вышел караванбаши. Увидев, что его младшего брата нет, караванбаши заподозрил недладное и спросил:

— Что, разве мой брат не пришел с вами?

Караванщики ему рассказали:

— Когда мы подъезжали к селению, по дороге в таком-то месте нам встретился ваш сын. Он сказал, что обиделся на вас и ушел из дому. Тогда ваш младший брат и мы все вместе стали упрашивать его вернуться, но он нас не послушался. И тут ваш брат решил, что не может явиться к вам, отпустив вашего сына одного. Он отправился с юношей в надежде уговорить его вернуться не сегодня, так завтра.

Караванбаши немного опечалился, но сказал:

— Что ж, если они не пришли сегодня, то обязательно явятся завтра. А вас с благополучным приездом!

Все разошлись по своим домам.

Тем временем сын и брат караванбаши уже продали и проели почти все, что у них с собой было, даже иноходца. Дядя уговаривал племянника:

— Послушай, давай-ка вернемся домой, а не то мы скоро станем посмешищем в этой чужой стране.

Но юноша не слушал дядю. Постепенно они продали все и уже не знали, как им быть дальше. Вдруг кто-то сказал:

— Такому-то падишаху нужен пастух, чтобы пасти коров. Если вы на это согласны, он будет каждый месяц платить вам столько-то денег.

Сын и брат караванбаши стали озираться, чтобы понять, откуда идет голос, и увидели попугая. Брат караванбаши тотчас пошел и договорился пасти коров падишаха. Он получил деньги на пропитание, отдал их юноше, а сам принялся пасти коров.

Прошло несколько дней, юноша потратил и эти деньги. Стал он думать: «Что же мне теперь делать?» — и тут снова заговорил попугай:

— Слушай, юноша, у падишаха есть дочь, которая от рождения не разговаривает. Падишах велел кликнуть клич, что он отдаст свою дочь за того, кто сумеет ее разговорить. Когда ты придешь туда, то у дверей дочери падишаха увидишь множество людей. Это шахзаде, которые прибывают из разных стран, чтобы попытаться разговорить дочь падишаха. Ты прямо проходи в ее покои. Девушка в окружении прислужниц будет лежать на своем ложе, закрыв глаза. Как только ты к ней войдешь, посади меня на жердочку, а сам начини рассказывать следующую историю: «Было ли не было, в старые времена жили три друга. Один из них был столяр, другой — портной, а третий — мулла. В один из дней они решили отправиться путешествовать в другую страну. По дороге, когда солнце село, они заночевали в степи. А так как эта дорога была опасная, то они, разделив ночь на три части, решили попеременно нести караул. Первым стал караулить столяр. Товарищи его заснули, и столяру стало скучно сидеть без дела. Сломал он одно из деревьев, которые росли вокруг, и пришла ему в голову мысль сделать из дерева человека. Столяр сделал деревянного человека так искусно, что он совсем не отличался от настоящего. Увлеченный своим занятием, столяр и не заметил, как прошла треть ночи. Наступила очередь портного нести караул. Столяр разбудил своего товарища, улегся на его место и спокойно уснул. Портной огляделся и увидел, что неподалеку стоит человек. Подошел тихонько портной к нему поближе и обнаружил, что человек — деревянный. Не будь он голым, то выглядел бы совсем как настоящий. Портной оценил

искусство своего товарища-столяра и тут же немедленно сделал деревянному человеку волосы и сшил ему платье. Одел он деревянного человека с ног до головы, и оказалось, что посреди степи стоит прекрасная девушка.

Прошло две трети ночи, и портной разбудил муллу:

— Вставай, твоя очередь караулить!

Портной улегся на место муллы и спокойно уснул, а мулла огляделся вокруг и заметил какую-то фигуру. „Что это?“ — подумал он и подошел поближе. Смотрит — а это фигура прекрасной девушки, и единственное, чего ей не хватает, так это жизни. Понял мулла, что здесь сказалось искусство его товарищей, тотчас совершил омовение * и прочитал намаз *, а затем стал просить:

— О единосущий бог, дай этой девушке душу!

Молитва его была услышана, в дерево вселилась душа, и деревянная девушка ожила: назвать бы ее луной — да рот у нее есть, назвать бы солнцем — так есть у нее глаза, веки как миндаль, уста словно полураскрытая фисташка, губы нежные и талия тонкая, как у муравья. Словом, нужно было видеть ее своими глазами!

Наутро, проснувшись, три друга стали спорить из-за этой девушки...»

«Тут, — продолжал попугай, обращаясь к юноше, — ты и спроси: „Кому же из них троих должна принадлежать девушка?“ Дочь падишаха не ответит, а я со своей жердочки скажу: „Девушка должна принадлежать столяру“. Ты же возрази: „Нет, она должна принадлежать портному!“ Так между нами возникнет спор, и тогда девушка не сможет больше молчать. Она что-нибудь скажет. А если она заговорит, значит, счастье наше!»

Так попугай научил юношу. Выслушав эти речи, юноша тотчас взял с собой попугая и направился во дворец дочери падишаха. Пришел он туда и увидел, что, как и говорила птица, несколько юношей и молодых мужчин ждут своей очереди, надеясь заставить дочь падишаха заговорить. Наконец дошла очередь и до сына караванбаши. Вошел он в покои и увидел, что там на ложе, закрыв глаза, лежит девушка такой беспредельной красоты, какую не описать, а нужно увидеть своими глазами. Юноша посадил попугая на жердочку и с начала до конца рассказал ту историю, которой научил его попугай.

— И вот теперь трое друзей заспорили, кому должна принадлежать девушка из дерева. Ты как думаешь? — спросил юноша, обращаясь к дочери падишаха.

Но не успела дочь падишаха ответить, как попугай, сидевший на жердочке, сказал:

— Ну да разве это не ясно само собой? Конечно, девушка должна принадлежать тому, кто ее сделал.

— Нет, это неверно, — отвечал юноша, — ведь нарядил ее, сделал ей одежду портной. Поэтому она должна принадлежать портному.

Тут дочь падишаха, которая лежала, не говоря ни слова, приподнялась, опершись на локоть, и сказала:

— Девушку оживил мулла. Поэтому она должна принадлежать мулле.

— Ой-ой, почему же это девушка должна принадлежать мулле? — спросил сын караванбаши, делая вид, что ждет ответа от попугая.

— Потому что, — продолжала дочь падишаха, — мулла не спал и молился, и его молитва была принята всевышним богом, который даровал девушке жизнь. А что толку от неподвижного изображения, лишенного жизни?

Прислужницы дочери падишаха слушали это во все уши. А падишах еще прежде им обещал: «Если кто-нибудь заставит мою дочь говорить, я награжу ту из вас, которая первой сообщит мне эту радостную весть». Поэтому, когда дочь падишаха заговорила, прислужницы наперегонки, спотыкаясь и падая, бросились к падишаху. Падишах подарил всем девушкам по халату. И еще один халат он велел отнести юноше, который заставил его дочь заговорить. При этом он наказал служанкам:

— Служите этому юноше хорошенько, а сами приглядывайтесь, что он за человек.

Прислужницы дочери падишаха вернулись назад и одели сына караванбаши в прекрасный халат, присланный падишахом. Сын караванбаши взял свою птицу и отправился к себе домой.

Когда он пришел домой, попугай ему сказал:

— Ну, юноша, когда завтра ты снова придешь к дочери падишаха, нужно будет снова заставить ее говорить, и на этот раз ты Расскажи ей такую историю:

«Было ли не было, жил однажды богатый купец. И было

у него три сына. В один из дней купец послал сватать очень красивую девушку, а сыновьям своим сказал:

— Каждому из вас я дам столько-то сот туманов и товары на продажу, поезжайте торговать в какую-нибудь страну, и кто успешней справится с делом, тому я и отдам эту девушку.

Купец решил так потому, что если бы он сразу отдал девушку за своего любимого младшего сына, то другие его сыновья остались бы недовольны. Вот дал купец сыновьям денег и товаров, и трое юношей пустились в путь. Ехали они, ехали — и вот дорога разделилась на трое. Доехали они до перекрестка, отдохнули здесь немного и решили разъехаться по трем дорогам. Попрощались братья друг с другом, и каждый из них отправился своим путем.

Старший брат прибыл в один город, поступил тут в ученики к гадателю и стал изучать искусство гадания. Деньги же, которые у него были, он все растратил. Средний брат все свои деньги отдал за кубок. А у этого кубка было такое свойство: стоило больному человеку выпить из него воды, как он сразу исцелялся.

А младший брат, расставшись со своими братьями, коротко ли ехал, долго ли ехал — наконец достиг гор. И когда он проезжал по одной из долин, то вдруг наткнулся на трех дерущихся дэвов. Дэвы увидели юношу, перестали драться и сказали:

— Пусть наш спор решит человек. Давайте расскажем ему, в чем дело.

— Человек, — обратились дэвы к юноше, — мы нашли коврик. Если на него сядешь, то в какой бы город или страну ты ни велел себя доставить, он перенесет тебя туда, едва ты успеешь закрыть и открыть глаза. И теперь мы не знаем, как поделить этот ковер. Реши наш спор!

— Нет, я не могу решать такие споры, договаривайтесь сами, — отвечал юноша.

Но дэвы закричали:

— Нет, нет! Почему это ты не можешь? Мы сделаем все, как ты скажешь! — И они поклялись именем Сулеймана*.

Юноша тотчас сделал три стрелы для своего лука и сказал:

— Я пушу эти стрелы в разные стороны, и, как только я

выстрелю, вы бегите за ними. Кто первый принесет мне стрелу, тому и достанется коврик.

Дэвы согласились, и юноша пустил три стрелы в разные стороны как можно дальше. Стрелы улетели очень далеко.

— Ну, теперь бегите! — приказал юноша, и дэвы со всех ног бросились бежать за стрелами. А юноша сел на ковер и сказал:

— Ну-ка, ковер, перенеси меня в тот город, где сейчас находится мой средний брат.

Не успел он закрыть и открыть глаза, как уже был на месте.

Тем временем один из дэвов прибежал назад и увидел, что ни человека, ни ковра нет. Тут прибежал второй дэв и спросил:

— Где ковер и человек?

— Не знаю, — отвечал первый дэв, — должно быть, убежал.

Но второй дэв этому не поверил и закричал:

— Ты съел человека, а ковер спрятал!

А тут подоспел и третий дэв, и принялись они снова драться. И дрались до тех пор, пока все трое не умерли.

А юноша прибыл в город и стал искать своего среднего брата. Он нашел его как раз в тот момент, когда он покупал кубок. Братья встретились, поздоровались, и средний рассказал младшему о свойствах этого кубка. Потом оба брата сели на ковер и приказали:

— Ну-ка, ковер, доставь нас в тот город, где сейчас находится наш старший брат.

Едва успели они закрыть и открыть глаза, как ковер перенес их в тот город. Стали они искать старшего брата, обошли весь город и наконец повстречали его. Поздоровались они с братом, и тот им сказал:

— Я изучил искусство гадания.

— Раз так, — проговорили братья, — то узнай, здоров ли наш отец.

Старший брат погадал и воскликнул:

— Что делать, отец лежит при смерти! Пока мы до него доберемся, он умрет.

Братья тотчас же сели на ковер и приказали:

— Эй, ковер, доставь нас к отцу!

В одно мгновение ковер перенес их к отцу. Братья тут же наполнили водой кубок, дали отцу напиться, и тот сразу же выздоровел. А потом братья принялись спорить из-за девушки.

Один из них говорил:

— Если бы я не узнал, что отец болен, то и вы бы этого не узнали.

— А если бы не было моего коврика, то вы бы не успели к отцу добраться, — говорил другой брат.

— Если бы мы даже и успели добраться, то без моего кубка отец все равно бы умер, — говорил третий брат...»

«Все это ты Расскажи, — продолжал учить юношу попугай, — и спроси: „Так кому же из трех братьев должна принадлежать девушка?“ И тут я, опередив дочь падишаха, скажу: „Она должна принадлежать гадалею“, — а ты возрази: „Нет, она должна принадлежать среднему брату, потому что он с помощью своего кубка спас отца от смерти“. Дальше увидим, что на это скажет дочь падишаха».

С тем и пошел на другой день сын караванбаши к дочери падишаха. Люди, что сидели в ожидании у дверей дворца, зашептали: «Вот идет тот человек, который вчера заставил говорить дочь падишаха» — и уступили юноше дорогу. Юноша вошел в покои, сел и начал рассказывать:

— Жил когда-то один купец, и было у него три сына. Купец посватал одну красивую девушку, но не знал, за кого из своих сыновей ее выдать. Поэтому он решил послать своих сыновей торговать, чтобы отдать девушку тому, кто успешней справится с делом...

И сын караванбаши рассказал всю историю с кубком, ковром и гадалею с начала до конца. Дойдя до того места, как братья заспорили, он спросил:

— За кого же из сыновей должен теперь купец отдать эту девушку?

— Ну, это ясно и понятно: девушка должна принадлежать гадалею, — сказал попугай. — Ведь если бы он не погадал, они бы в тот день не вернулись домой и уж не стали бы отца в живых.

— Нет, — возразил сын караванбаши, — девушку следует отдать тому, кто купил кубок. Потому что именно он спас жизнь отцу.

Слушая этот спор, дочь падишаха не могла смолчать. Она оперлась на локоть и сказала:

— Эх, глупцы, девушка должна быть отдана тому, кто добыл ковер. Никто, кроме него, ее не заслуживает.

— Ну а чем он ее заслужил? — спросил сын караванбаши.

И дочь падишаха отвечала:

— Во-первых, посмотри, с какой ловкостью этот сын купца отнял у дэвов ковер. Если бы на его месте был кто-нибудь другой, дэвы бы его съели. А во-вторых, он не по-

тратил ни копейки из взятых с собой денег, все сохранил в целости. И в-третьих, не будь этого коврика, братья не сумели бы вовремя вернуться на родину, и их отец бы умер. Поэтому девушка должна принадлежать младшему брату.

Прислужницы снова бросились к падишаху:

— О падишах, вчерашний юноша опять заставил вашу дочь говорить! — И они передали ему историю, рассказанную юношей.

Падишах очень обрадовался и поразился уму юноши. Он подарил прислужницам по халату и дал всякого другого добра, а сыну караванбаши пожаловал множество халатов и разных других вещей.

Все разошлись, и сын караванбаши со своим попугаем снова вернулся домой. В народе стали поговаривать:

— Видно, этот юноша возьмет за себя дочь падишаха.

И вот падишах велел объявлять днем и ночью:

— Я отдаю свою дочь за сына караванбаши, прибывшего из таких-то мест!

Услышав глашатаев падишаха, младший брат караванбаши очень удивился и, вернувшись к юноше, стал его обо всем расспрашивать. Сын караванбаши рассказал подробно все, что устроил попугай, и дядя этому очень обрадовался.

Так они сидели и ждали известий от падишаха. Наконец явились посланные и принесли сыну караванбаши красивые одежды и привели самого лучшего коня. После этого сын караванбаши и его дядя были доставлены во дворец падишаха. Там устроили пир на семь дней и ночей и выдали девушку замуж за сына караванбаши. А так как, кроме нее, других детей у падишаха не было, то падишах возвел своего зятя на престол. Снова был устроен пир на несколько дней. И на этот пир привезли самого караванбаши.

Была друзьям радость, а врагам — гибель.

47. Ак-Памык

В старые времена жил один человек. У него было семеро сыновей, а дочери не было. Однажды жена его снова забеременела. Прошло девять месяцев, и сыновья этого человека, собираясь в тот день на охоту, сказали отцу:

— Если родится у нас сестра, то повесьте над воротами куклу, а если брат, то седло коня.— И они уехали в степь.

Родилась у женщины дочь, и отец повесил над воротами куклу. Но один из соседей был недругом семи братьев. Он тотчас же снял куклу и вместо нее повесил седло коня. Вернулись братья с охоты, посмотрели и вскрикнули:

— Увы, над воротами висит седло! Значит, опять у нас родился брат. Не будем здесь больше жить!

Покинули братья селение и ушли в горы. Там они стали жить в пещере: днем охотились, а вечером возвращались домой, ели и ложились спать. Так проходило время.

О ком теперь послушать новостей? Послушай-ка о сестре юношей.

Отец и мать называли новорожденную Ак-Памык и не спускали глаз с дороги, поджидая сыновей. Прошел месяц, а сыновей все нет. Прошел год, а их все нет и нет. Прошло три года — сыновей нет как нет.

Однажды к старикам пришел гость из другого селения и сказал:

— Недавно я видел ваших сыновей. Место, где они живут, от вас не так уж далеко. Они поселились в пещере на такой-то горе и занимаются охотой.

Отец и мать, услышав такую новость, приготовили плов, подали его гостю и сказали:

— Хорошую ты принес новость! Только вот мы сами не можем туда пойти: сил нет, мы ведь стары. Но если ты еще хоть раз увидишь наших сыновей, то передай им от нас большой поклон.

Гость поел плова, простился со стариками и ушел в свое селение. А старики теперь стали жить, не сводя глаз с той горы. Однако своей дочери они об этом не сказали ни слова.

Прошли месяцы, прошли годы. Ак-Памык исполнилось четырнадцать лет. Как-то раз соседи собирали женщин для работы *. Увидев мать Ак-Памык, они сказали:

— Позволь своей дочери прийти помочь нам.

— Что ж, позволю,— отвечала мать,— пусть идет, если сама захочет.

А в те дни, в то старое время был обычай: женщинам и девушкам, имевшим братьев, отводилось во время такой

работы место получше. Та, у которой братьев не было, должна была сидеть на месте похуже.

Ак-Памык вошла в юрту и села на самое плохое место. Тут одна из женщин говорит:

— Почему ты, козочка, села там? Пересядь на место получше.

— Ах, матушка, — отвечает Ак-Памык, — как же я могу сесть на место получше, если у меня нет братьев.

— Не говори так! У тебя есть семеро братьев, сильных, как львы. А если твои отец и мать о них до сих пор тебе ничего не говорили — тому есть причина. Родители твои стары и не могут пойти к братьям сами. А тебе ничего не говорят, чтобы ты не убежала от них. Когда придешь домой, скажи матери: «Ах, у меня болит голова, дай мне коврижки». Когда мать даст тебе коврижки, ты не бери ее ложкой, а попроси: «Дай мне своей рукой». После этого схвати мать за руку и тогда узнаешь все, что тебе нужно.

Ак-Памык вернулась домой и сказала:

— Матушка, у меня голова болит.

— Чего бы ты съела, дочка? — спросила мать.

— Дай мне немного коврижки, матушка. Поем, может, и полегчает, — отвечала Ак-Памык.

Мать села готовить коврижку.

— Дай мне немножко с огня, — попросила Ак-Памык.

Мать хотела было дать ложкой, но Ак-Памык сказала:

— Нет, матушка, ложка плохо пахнет, дай мне рукой!

Что делать? Несчастная дала ей рукой. Тогда Ак-Памык крепко ухватила мать за руку и сказала:

— Есть у меня братья или нет?

— Ой, ой! О господи! — закричала мать.

— Есть у меня братья или нет? Если не ответишь, не отпущу, — сказала Ак-Памык.

— Есть, — отвечала бедная мать. — Семеро братьев есть. Они ушли на охоту еще до твоего рождения и до сих пор не возвращаются.

— Но известно, что они живы? — спросила Ак-Памык.

— Да, они живут в пещере на такой-то горе, — отвечала мать.

Тогда Ак-Памык отпустила руку матери и сказала:

— Я пойду туда.

— Ты не найдешь их, — сказала мать. — Вот я сделаю

тебе колобок. Кати да за ним иди. Где он остановится, там и будут твои братья.

Ак-Памык взяла колобок и, покотив его, отправилась в путь. Пришла она к пещере, заглянула внутрь, а в пещере полно одежды, выпачканной кровью, да висит немного мяса. Ак-Памык взяла одежду, пошла к источнику и одну за другой все вещи выстирала. Потом она вернулась в пещеру, приготовила из мяса плов и стала ждать. Вдруг глядь — идут семеро мужчин. Ак-Памык спряталась и стала смотреть. А братья пришли и видят — кругом все не так, как было: одежда выстирана, еда приготовлена. Переоделись братья, поели и легли спать.

На следующий день рано утром они снова ушли на охоту. Ак-Памык опять снесла одежду братьев к источнику, выстирала ее и приготовила еду. А потом снова спряталась. Братья вернулись с охоты и видят: все прибрано еще лучше, чем вчера. Тогда они посоветовались и решили: «Нужно завтра покараулить». Наутро шестеро братьев ушли на охоту, а самый старший из них спрятался, чтобы покараулить, но заснул. Ак-Памык укрыла его одеялом, сказала: «Спи, милый брат» — и принялась за работу. Вернулись братья, поглядели — опять обед приготовлен, одежда выстирана, а старший брат спит себе под одеялом.

— Ну, кто же так делает? — сказали братья, когда разбудили его.

— Я ничего не видел, я заснул, — отвечал он.

На следующее утро спрятался другой брат, но и он заснул. Наконец остался караулить самый младший брат. Он слегка порезал себе ногу, посыпал это место солью и от боли не мог уснуть.

И вот когда он так сидел, вдруг вошла девушка и, постирав одежду, принялась готовить еду. Тогда брат вышел из угла, в котором прятался, и спросил:

— Ты человек или дух?

— Я не дух, я ваша сестра, — отвечала Ак-Памык.

Так они познакомились. Вернулись другие братья и очень обрадовались, что у них есть сестра.

— Оставайся жить в нашей пещере! — сказали они Ак-Памык.

Братья приносили с охоты мясо и очень заботились о своей сестре. Однажды они снова ушли на охоту, а Ак-Па-

мык отправилась к источнику. Когда она вернулась, то оказалось, что огонь в очаге погас. «Что делать?» — подумала Ак-Памык. Она вышла наружу, огляделась вокруг и заметила вдалеке дымок. «Возьму там огня», — решила Ак-Памык и отправилась туда. Вошла она в дом, поздоровалась, а в доме жил старый, седой дэв. Увидел он Ак-Памык и сказал:

— Если бы ты со мной не поздоровалась, я бы тебя в два счета проглотил. Подойди, ягненочек, да поищи у меня в голове.

Вот Ак-Памык поискала немножко у него в голове и сказала:

— Я пришла за огнем. Если у тебя есть, дай мне!

— Держи свой подол, — отвечал дэв.

Ак-Памык подставила подол. Дэв положил туда углей, золы, а сверху — огня и сказал:

— Иди, дочка, будь здорова!

Забрала Ак-Памык огонь и пошла назад. А в ее подоле от огня образовалась дыра, и из нее понемногу сыпалась зола, отмечая след. Ак-Памык этого не знала. Она вернулась в пещеру, приготовила еду. Потом пришли братья.

Наутро братья опять отправились в горы. А дэв выследил Ак-Памык по золе и пришел к пещере. Ак-Памык заметила его еще издали. Она заперла дверь и стала ждать. Тогда дэв сказал ей:

— Просунь сквозь дверь палец!

Ак-Памык просунула палец. Дэв крепко ухватил его, прокусил зубами и стал сосать кровь.

— Если скажешь об этом братьям, съем тебя! — пригрозил потом дэв и ушел.

Ак-Памык очень испугалась и ничего не сказала братьям. А дэв стал приходить каждый день и сосать у нее из пальца кровь. Ак-Памык худела день от дня.

— Эй, козочка, что с тобой? — спрашивали ее братья.

Ак-Памык ничего не отвечала. Тогда братья сговорились:

— Давайте спрячемся где-нибудь и узнаем, в чем дело.

И вот, вместо того чтобы пойти на охоту, они спрятались и притаились. Ак-Памык переделала все дела, заперла дверь и стала ждать. В обычное время, как всегда, пришел дэв, который уже привык постоянно сосать кровь, и закричал:

— Открой дверь!

Тогда семь братьев бросились с семи сторон на дэва и изрубили его на тысячу кусков. Стоны дэва донеслись до неба. А братья подошли к Ак-Памык и сказали:

— Мы убили врага. Почему ты раньше нам ничего не говорила? Надо было давно рассказать! Теперь ничего не бойся.

А через месяц ночью к семерым братьям пришли дэвы — друзья убитого и убили всех братьев. Ак-Памык забралась в шкуру льва, и дэвы ее не заметили. Напившись крови братьев, дэвы вернулись в свои селения. А Ак-Памык накрыла трупы братьев чем пришлось, села на коня и поехала от города к городу, от селения к селению расспрашивать старых людей:

— Есть ли способ оживить моих братьев или нет?

И все люди отвечали:

— Видно, такого способа нет.

Наконец встретила Ак-Памык одного старика, и он сказал ей:

— Оживить твоих братьев можно, но только это очень, очень трудно.

— Пусть трудно, дедушка, ты лишь Расскажи как? — попросила Ак-Памык.

И старик рассказал:

— Есть верблюдица, которую зовут Ак-Мая. Если ее молоком побрызгать на братьев, они тотчас же оживут *. Но только Ак-Мая — людоедка. Как только увидит тебя, съест непременно. Вот верблюжонок ее — тот людей любит. Если ты хочешь добыть молока, возьми с собой тыкву *.

— Спаси тебя бог! — сказала Ак-Памык старику, попрощалась с ним и пошла искать верблюдицу Ак-Мая.

Вот пришла она в одно ущелье, глядь — а здесь бродит верблюжонок.

— Ты чей верблюжонок? — спросила Ак-Памык.

— Я верблюжонок Ак-Мая, — ответил он.

— Ну, тогда подойди ко мне, — сказала Ак-Памык верблюжонку.

Услышав это, он вприпрыжку подбежал к Ак-Памык. Она погладила его и поцеловала, а потом сказала, зачем сюда пришла.

— Ладно, — отвечал верблюжонок, — но если об этом

узнает моя мать, она съест и тебя и меня. Полезай ко мне под брюхо. Я стану сосать и налью молока в твою тыкву.

Ак-Памык согласилась и залезла верблюжонку под брюхо.

— Нет ли возле нас людей, почему-то я слышу запах человека? — спросила верблудица Ак-Мая.

— Да тут и птица не может пролететь, — отвечал верблюжонка, — как же сюда попадет человек?

— Нет, дитя мое, должно быть, все-таки кто-то есть, я чувствую запах человека, — сказала Ак-Мая.

— Я пришел издалека и никого не встретил, — отвечал верблюжонка.

Вот тыква Ак-Памык наполнилась молоком, верблюжонка оторвался от матери и отошел. Когда Ак-Памык была уже возле своего коня, верблудица Ак-Мая заметила ее и громко закричала. Ак-Памык с трудом села на коня и помычалась. Верблудица бросилась ей вдогонку, но так и не сумела ее догнать.

Тогда верблудица сказала:

— Стань черным камнем, мое дитя! — и заколдовала своего верблюжонка. Говорят, став черным камнем, он, бедный, и сейчас еще стоит на дороге в Мекку!

О ком теперь послушать новостей? Послушай-ка об Ак-Памык.

Ак-Памык вернулась в свою пещеру, собрала кости братьев, разложила по местам и полила молоком верблудицы Ак-Мая. Братья поднялись, зевая и чихая.

— Ох, долго же мы спали! — сказали они.

— Если бы не я, вы спали бы до дня воскресения из мертвых, — проговорила Ак-Памык и потом рассказала по порядку все, что случилось.

— Большое тебе спасибо, дорогая сестра, — сказали братья.

А потом Ак-Памык вскипятила чай и позвала братьев:

— Садитесь, пейте!

Так семеро братьев зажили снова, проводя свои дни в охоте. Каждый из них взял себе жену и устроил той. Братья продолжали любить сестру по-прежнему, но их жены не полюбили Ак-Памык.

— Нас так не любят, как ее, — говорили жены. — Давайте-ка что-нибудь придумаем.

Но жена самого младшего брата Ак-Памык сказала:

— Нет, я не согласна. Ак-Памык меня очень любит, и я ее тоже очень люблю.

Тогда другие жены сказали:

— Уходи! Не хочешь действовать с нами заодно, так не мешай. А помешаешь — погибнешь!

Испугалась несчастная и никому не сказала ни слова.

А шесть жен заколдовали Ак-Памык и сделали ее немой. День ото дня Ак-Памык чахла.

— Милая сестра, что с тобой? — с тревогой спрашивали ее братья.

Но Ак-Памык ничего не могла ответить. Тогда одна из жен сказала:

— Не спрашивайте у нее, что с ней. Это я знаю.

— Если знаешь, так скажи нам, чтоб и мы знали, — попросили братья.

— Ак-Памык нужен муж, ее сердечку дело нужно, — отвечала она.

— Что ж, отдадим ее за того, кто ей нравится, — сказали тогда братья.

А женщина тут и говорит:

— Посадите ее на верблюда и отправьте в степь. Кто ей понравится, за того она и выйдет.

Братья посадили Ак-Памык на верблюда и пустили его в степь. Ак-Памык ехала задумавшись. В это же время в путь вышли сын падишаха и сын везира. Смотрят они — виднеется что-то черное. Тогда сын падишаха сказал:

— У того черного, что виднеется, я беру себе верх.

— А я возьму низ, — сказал сын везира.

Подъехали они и видят — на верблюде сидит девушка.

— Ты человек или дух? — спросили они у девушки.

Но та не издала ни звука.

— Откуда и куда ты едешь? — спросили они.

Ответа нет. Тогда сын падишаха сказал:

— Ну, хоть ты ничего не отвечаешь, а со мной поедешь.

Так сын падишаха вместе с девушкой приехал в свой город и потом на ней женился.

Прошел год, и у них родился сын. В тот день, когда у Ак-Памык родился сын, она заговорила. Когда сын падишаха увидел, что Ак-Памык наконец перестала быть немой, он очень этому обрадовался. Стала жить Ак-Памык, не ведая

печали. Вот только иногда ей хотелось повидать своих братьев. Так прошло четырнадцать лет.

Однажды Ак-Памык сделала своему сыну золотые бабки и, позвав его к себе, сказала:

— Когда ты будешь кидать бабки, приговаривай так:

Я племянник шести дядей *,
Их сестрица — моя мать.
Вышел с бабкой золотой я,
Чтоб за дядей покидать.
Младший дядя мой — Байрам,
За Байрама кину сам.

О ком теперь послушать новостей? Теперь нужно послушать о братьях Ак-Памык.

Каждый день, приходя с охоты, братья Ак-Памык говорили о ней:

— Ак-Памык сделала нам добро, а мы посадили ее на верблюда и сказали: «Поезжай себе!» Прошло уже четырнадцать лет. Жива ли она или умерла? Мы этого не знаем. Давайте-ка отправимся каждый в какой-нибудь город да поищем ее.

И вот семеро братьев отправились в разные города. Пришел в один город и Байрам, а тут кучка ребят играет в бабки. Среди них — один мальчик с золотой бабкой. Всякий раз как мальчик ее кидает, он приговаривает:

Я племянник шести дядей,
Их сестрица — моя мать.
Вышел с бабкой золотой я,
Чтоб за дядей покидать.
Младший дядя мой — Байрам,
За Байрама кину сам.

По этим словам дядя узнал своего племянника.

— Ну-ка, пойдем, мальчик, вместе, — сказал Байрам и пошел с племянником. Так Ак-Памык нашла своего брата, а брат нашел Ак-Памык. Она рассказала ему все, что с ней случилось. После этого брат сказал:

— Ну, я отправляюсь назад.

Тогда Ак-Памык приказала людям из селения *:

— Принесите фаланг и скорпионов! — а сама села шить семь мешков.

Принесли фаланг и скорпионов. Ак-Памык наложила их в шесть мешков и сказала брату:

— Дашь по мешку каждой невестке.

А седьмой мешок она набила кишмишом с горохом и, передав его Байраму, сказала:

— А это отдашь своей жене.

Байрам вернулся в свое селение и всем женам братьев дал по мешку.

— Золовка прислала нам подарки! — закричали женщины и сунули руки в мешки. Тут скорпионы с фалангами и впились им в руки.

— Ой-ой-ой! — поднялся крик.

А Байрам позвал братьев и сказал:

— Я нашел Ак-Памык. Она стала женой такого-то падишаха.

Следом за братом приехала и Ак-Памык. Она рассказала все, что с ней случилось, и семеро братьев, посоветовавшись, прогнали своих злых жен. Осталась только жена Байрама, которую Ак-Памык любила до самой своей смерти.

48. Шахзаде и его жеребенок

У одного падишаха были две жены. От старшей жены у него был сын, а от младшей детей не было.

В один из дней старшая жена падишаха умерла. И вот со временем ее сыну исполнилось девять лет. Тогда падишах послал сына на берег моря пасти лошадей. В то время как мальчик пас лошадей, из моря появился морской конь и покрыл кобылицу. Через несколько месяцев кобылица родила прекрасного жеребенка.

Однажды падишах решил поручить своих коней другому пастуху, а сына послать учиться к мулле. Пришел падишах к сыну и сказал:

— Я хочу отдать тебя в мектеб. А за то, что ты пас коней, дарю тебе жеребенка. Выбирай какого хочешь!

Мальчик выбрал жеребенка, который родился от морского коня.

— Да ведь это плохой жеребенок, выбери получше, сынок,— сказал падишах.

— Э, не беда,— отвечал мальчик,— пусть плохой, а мне он нравится.

Шахзаде взял с собой жеребенка и вместе с падишахом вернулся домой. Пришел падишах домой, и оказалось, что его младшая жена тоже родила сына. Обрадовался падишах и устроил праздничный пир на семь дней и ночей.

Стал старший сын падишаха ходить к мулле. И каждый день, возвращаясь от мутлы, шахзаде своим платком вытирал жеребенку морду. В один из дней вернулся мальчик с учения, подошел к жеребенку и увидел, что тот плачет. Шахзаде спросил:

— Почему ты плачешь?

— Твоя мачеха напекла тебе оладий с ядом. Не ешь их,— отвечал жеребенок.

Мальчик вошел в юрту и сказал:

— Матушка, дай мне лепешки, я голоден.

— Я напекла оладий, возьми да поешь,— отвечала мачеха.

— Нет, матушка, я хочу лепешку,— сказал шахзаде, взял лепешку и принялся есть.

На следующий день мальчик снова ушел к мулле. А мачеха рядом со скатертью, в которую была завернута лепешка, вырыла яму глубиной в три локтя, прикрыла ее сверху белой кошмой, что постилают на пол, а внутри ямы воткнула торчком четыре копыя. Вернулся от мутлы шахзаде, подошел к жеребенку, а тот снова плачет.

— Почему ты плачешь? — спросил шахзаде.

— Не подходи к скатерти, не бери лепешку,— отвечал жеребенок,— рядом с ней глубокая яма, а в яме — четыре копыя, чтобы тебя убить.

Шахзаде заглянул в юрту и сказал:

— Матушка, дай лепешку, я голоден.

— Пойди да возьми в скатерти,— отвечала мачеха.

Тогда шахзаде, войдя в юрту, сказал своему брату — сыну мачехи:

— Братец, пойди и возьми мне в скатерти лепешку.

Сын мачехи, собираясь взять лепешку, приблизился к скатерти и тут же провалился в яму, вырытую его матерью. Копья вонзились ему в живот, и он умер.

На следующий день шахзаде снова пошел к мулле. А мачеха стала расспрашивать знающую старуху, есть ли способ извести своего пасынка. Старуха отвечала:

— Ты положи на то место, где спишь, камышу, сверху покрой его кошмой, потом снова положи камышу и прикрой его своим тюфяком. Ложись спать, а ночью повертись туда-сюда, камыш зашуршит, ты и воскликни: «Ох, мои косточки!» Падишах спросит: «Чем тебе помочь?» Тут ты напавь его ко мне.

Жена падишаха легла спать, сделав все так, как советовала старуха. Падишах спросил ее:

— Что с тобой, жена? Чем помочь тебе?

И жена отправила его к той старухе.

Пришел падишах к старухе, рассказал ей, что его жена заболела, и спросил, не знает ли та какого-нибудь лекарства.

— О падишах, лекарство против болезни твоей жены — это сердце жеребенка с черным языком, — отвечала старуха.

Падишах вернулся к жене и сказал:

— Жена, где нам взять жеребенка с черным языком?

— Не знаю, — отвечала жена. — Правда, вон у порога стоит жеребенок твоего сына. Ну а если он не подойдет, пощи в табуне.

Падишах раскрыл рот жеребенку своего сына, а у того язык как раз и оказался черным. Тогда падишах сказал:

— Черный язык-то, оказывается, у жеребенка моего сына. Пусть он придет, и спросим его. Если сын согласится, зарежем жеребенка и сделаем из его сердца лекарство.

Вернулся шахзаде с учения, подошел к жеребенку, а тот снова стоит и плачет.

— Что случилось? — спросил шахзаде.

— Говорят, мое сердце — лекарство для твоей здоровой и лживой мачехи, — отвечал жеребенок. — Сейчас твой отец спросит твоего разрешения убить меня. Ты соглашайся, но только завтра, когда меня будут убивать и схватят за узду, я заржу в первый раз. Когда меня повалят на землю и свяжут, я заржу во второй раз. А когда к моему горлу приставят нож, я заржу в последний раз. Ты должен ко мне поспешить, иначе я погибну.

Мальчик вошел в юрту, и падишах спросил у сына разрешения убить жеребенка. Мальчик согласился. На следую-

ший день он снова пошел к мулле. Вот слышит он — жеребенок заржал в первый раз. Шахзаде сказал:

— Мулла, отпусти меня!

А мулла его не отпускает. Вот жеребенок заржал во второй раз. Шахзаде снова сказал:

— Отпусти, мулла!

А мулла снова не отпускает. Тогда шахзаде ударил муллу доской по лбу, оглушил его и бросился бежать со всех ног домой. Прибежал он домой, смотрит — жеребенок еще жив. Тогда шахзаде сказал:

— Отец, пока ты не убил моего жеребенка, разреши мне сесть на него верхом, испробовать его. Я ведь еще даже не садился на него верхом.

— Хорошо, сынок, вот твой жеребенок, садись! А убить его мы еще успеем, — отвечал отец.

Мальчик оседлал жеребенка, перекинул ему на спину хурджин, надел свое оружие и проехал взад-вперед перед дверьми юрты.

— Ну как, отец, хорошо я выгляжу на этом жеребенке? — спросил шахзаде.

— Очень хорошо, сынок! А теперь слезай, — отвечал отец.

— Ну раз так, то и ладно, — проговорил шахзаде и ударил плетью жеребенка по крупу. Тот как птица взлетел к небу и скрылся с глаз.

Прибыл шахзаде на своем жеребенке в другой город и там поселился. А жена падишаха сказала:

— Верно говорят: «Дураку — по заслугам, а собачнику — собачьи плошки». Вот я и получила по заслугам.

49. Советы старого отца

Было ли не было, в старые времена жил один падишах. Он приказал всех стариков и старух отводить в пустыню и бросать там. У одного из нукеров падишаха как раз был отец-старик. Вот однажды взвалил нукер своего старого отца себе на спину и отправился в пустыню, чтобы там его оставить. По дороге нукер устал и присел на пригорке отдохнуть. Вдруг его отец рассмеялся. Тогда сын спросил:

— О отец, я собираюсь бросить тебя в пустыне, а ты смеешься! Что это значит?

— Сын мой, — отвечал отец, — и я когда-то шел, чтобы оставить своего старого отца в пустыне, и тоже отдыхал на этом пригорке. Говорят: «Не радуйся беде соседа, она и к тебе придет» *. Ты сел на то же самое место, где и я сидел, потому-то я и смеюсь, сынок.

— Значит, отец, когда я состарюсь, меня тоже бросят в пустыне? — спросил сын.

— Конечно, сын мой, когда ты состаришься, и тебя бросят в пустыне, — отвечал отец.

— Раз так, дорогой отец, то я не брошу тебя! — воскликнул сын, вновь взвалил отца на спину и вернулся домой.

Принес он отца домой, посадил его в сундук и запер там. Когда кругом никого не было, тайком от всех он выпустил отца из сундука, а когда вокруг были люди, снова прятал его в сундуке.

Как-то раз падишах созвал своих всадников и приказал им:

— Приготовьте все необходимое. Я собираюсь отправиться к источнику Земзем, чтобы испытать из него воды! *.

Юноша пришел домой, выпустил отца из сундука и сказал ему:

— Дорогой отец, наш падишах завтра собирается к источнику Земзем. Хочет испытать из него воды.

— В таком случае, сынок, я кое-чему научу тебя, — сказал отец. — Если ты все исполнишь, то доберешься до источника Земзем.

— Лучше я посажу тебя в сундук и возьму с собой, — сказал юноша.

— Хорошо, — согласился отец, — только захвати еще с собой рыбу, быка и несколько фунтов арбузных семечек.

Сын взял с собой все, что было нужно, и отправился с падишахом в путь.

Вот прошли они путь в несколько переходов, и отец сказал сыну:

— Ну, сынок, скоро начнется пустыня. У войска кончится вода. Тогда ты пусти вперед быка и иди за ним следом. В том месте, где бык станет бить землю, начинай копать — там будет вода.

— Эй, нукер! — вдруг крикнул падишах. — Зачем ты ведешь с собой быка?

— О падишах, — отвечал юноша, — если у нас в дороге кончатся припасы, этот бык окажется к стати.

Проехали они путь во много переходов и добрались до пустыни, о которой говорил старик. Здесь людей охватила такая жажда, что они были близки к смерти. Тогда юноша пустил на волю быка. Тот пошел вперед и в одном месте стал бить рогом землю. Юноша и его спутники принялись копать в этом месте, и через некоторое время здесь забила фонтаном вода. Увидев это чудо, падишах тотчас записал о нем в свою тетрадь.

Войско вдосталь напилось и отдохнуло. Когда все собрались трогаться дальше, отец сказал сыну:

— Теперь, сынок, высыпь в разлитую воду арбузные семечки. Пока вернемся, поспеют арбузы.

Сын так и поступил. Затем все тронулись дальше. Вдруг на пути в мареве показалось что-то темное. Они двинулись в ту сторону. Подъехали и видят — растет огромная чинара, а под ней лежит какой-то человек. Этот человек тоже шел к источнику Земзем, но не смог до него добраться. От жажды он обессилел, да так и остался лежать на дороге. С тех пор рядом с человеком, который от голода и жажды так никуда и не дошел, выросла чинара. Падишах и об этом записал к себе в тетрадь.

Коротко ли они ехали, долго ли ехали, но вот добрались до одного места, и тут отец сказал юноше:

— Сынок, рыба с тобой? Скоро мы приедем к сорока источникам. Один из них — источник Земзем. Когда мы остановимся, люди начнут пить из первого попавшегося источника. Но ты всякий раз окунай прежде в источник рыбу. Когда рыба попадет в источник Земзем, она тут же оживет и выскользнет у тебя из рук. Так ты узнаешь, что это и есть источник Земзем. Тогда припади к нему и пей, а потом наполни кувшин и возвращайся.

Ехали они, ехали — и добрались до источника. Юноша поступил с рыбой так, как советовал ему отец. В одном из источников мертвая рыба ожила и уплыла. Тогда юноша напился из этого источника и наполнил кувшин его водой.

Тронулись в обратный путь. Ехали, ехали — и приехали

туда, где были посеяны арбузные семечки. Глядь — арбузы спели и лежат, словно круглые камни. Падишах увидел это и тоже записал об этом в свою тетрадь. Взяли они с собой арбузов, сколько могли, и отправились дальше. Так достигли они одного места, где свет померк от тумана и было совсем темно. Тут отец юноши сказал:

— Сынок, подними сейчас с земли камней, сколько сможешь, и садись потом на верблюда. А те камни, что останутся, пни ногой и крикни: «Того, что взял, — мало, и что не взял — мало!»

Юноша так и сделал. Он поднял три камня — столько, сколько сумел, и навьючил их на верблюда. Спутники стали его бранить: «Видно, ты спятил!» А падишах услышал это и тоже записал об этом в свою тетрадь.

Так, живые и невредимые, они вернулись домой. После возвращения падишах позвал к себе юношу и стал расспрашивать его о том, что произошло в пути.

— О падишах! — отвечал юноша. — Я расскажу тебе все, если ты простишь меня.

— Прощаю, — отвечал падишах.

И юноша рассказал:

— О падишах, когда я нес своего отца, чтобы бросить его в пустыне, в одном месте я присел отдохнуть, и тут мой отец сказал: «Когда я шел, чтобы тоже бросить своего отца в пустыне, я тоже отдыхал на этом же месте». Тогда я сжался, принес отца обратно домой и спрятал его от всех. Потом я рассказал ему, что ты собираешься к источнику Земзем, и он мне посоветовал: «Возьми с собой быка, рыбу и несколько фунтов арбузных семечек». Я посадил отца в сундук и взял его с собой, а потом все совершал по его совету. Так он спас всех нас от смерти.

— Но что значил твой крик в той темени? — спросил падишах.

— А вот камни, что я тогда поднял, — отвечал юноша и показал падишаху три камня. Один из них был золотом, другой — жемчугом, а третий — бриллиантом.

Падишах изумился этому и с тех пор запретил бросать стариков в пустыне. А в честь юноши, который слушался советов отца и правильно поступал, устроил праздничный пир на сорок дней и ночей, и юноша достиг всех своих желаний.

50. Пастух-богатырь

Было ли не было, а жил когда-то один бедный пастух. И был он очень сильным. Однажды, когда пастух гнал баранов, перед ним появился дэв и сказал:

— Стой!

Пастух остановился.

— Отдай мне всех баранов, а не то я и тебя самого съем и всех твоих баранов заберу, — сказал пастуху дэв.

Подумал пастух некоторое время и ответил:

— Я не отдам тебе, братец-дэв, ни одного барана. Ты их съешь, если у тебя хватит сил, а не то сам отдашь душу.

— Ладно, — сказал тогда дэв, — давай с тобой бороться.

Схватились они с пастухом, а пастух и говорит:

— Кто будет побежден, тот умрет.

— Ладно, — согласился дэв.

Стали пастух и дэв бороться, и на четвертый день пастух победил дэва. Достал он из-за пояса нож, которым режут овец, отрубил дэву голову, потом пригнал баранов к колодцу, напоил их, а сам вскипятил чай и сел пить. Сидит пастух, пьет чай и думает: «Брошу-ка я эту тяжелую жизнь, оставлю байских овец». И, выполняя задуманное, он в тот же вечер поставил перед баранами осла — вожака овечьего стада — и в ночь погнал стадо к дому бая, чтобы известить того о своем решении. Бай вышел к пастуху и спросил:

— Почему ты уходишь от меня? Может быть, тебе не хватает еды или одежды? Или что-нибудь еще случилось?

— Нет, — ответил пастух, — мне всего хватает. Просто я хочу оставить пастушью жизнь.

На это бай ему сказал:

— Пусть окончится год, тогда я отпущу тебя.

А пастух ответил:

— Я провел у тебя пять лет. Хватит! Отдай мне заработанные деньги.

— Раз ты не делаешь так, как я тебе говорю, — сказал бай, — я не отдам тебе денег.

— Быть того не может, чтоб ты не отдал, — сказал пастух.

— А вот не отдам, — сказал бай.

— Не отдашь, так вот тебе,— сказал пастух, связал бая по рукам и ногам и отнял все деньги, какие при нем были.

После этого вошел пастух в дом и сказал сыну бая:

— Твой отец около баранов, он велел тебе скорей прийти.

И пастух отправился в город. А сын бая пришел к отцу, а тот лежит — руки-ноги связаны.

— Кто это тебя связал, отец? — спросил сын.

— Пастух,— ответил отец.

— Он только что пришел и послал меня к тебе,— сказал сын.

— Не беда, сынок,— отвечал бай, и они нашли другого пастуха.

Пришел пастух в город и спросил у чайханщика:

— С кем бы здесь побороться?

А чайханщик ответил:

— Завтра пойдем на базар. Там глашатай станет выкликать: «Кто хочет бороться за награду?» — вот мы и узнаем кто.

— Ладно,— сказал пастух.

На следующее утро пошли они на базар, а там глашатай кричит:

— Завтра в таком-то месте будут состязания в борьбе. Кто хочет, пусть туда приходит!

Пастух с чайханщиком отправились туда. Пришли они, а борьба уже началась. И был там один силач — кто бы ни вышел с ним бороться, всех он побеждал и забирал награду.

— Я тоже хочу с ним бороться,— сказал пастух чайханщику.

— Если ты победишь его,— сказал чайханщик,— я стану называть тебя «Богатырь — Ослиное ухо».

— А что это за Ослиное ухо, о котором ты говоришь? — спросил пастух. И чайханщик ответил:

— Как-то проезжал один бай. У него был осел, и с каким бы ослом он ни подрался, всегда побивал его своим ухом.

Пастух приободрился, подумал: «Я его одолею, чего там!» И вышел на середину. Люди вокруг стали толковать: «Победит ли пастух этого силача?»

Вот силач схватил пастуха за пояс и тут понял, что пастух очень силен. Два раза перевернул пастух силача и

швырнул оземь так, что силач не вытерпел и заплакал. А люди кругом стали громко кричать, поздравляя пастуха. После этого чайханщик прозвал пастуха «Богатырь — Ослиное ухо». Стал пастух знаменитым богатырем, а тот побежденный силач, устыдившись своих слез, стал похвастаться тем, что его победил пастух.

Как-то раз услышал Богатырь — Ослиное ухо, что у падишаха другой страны есть великий силач. Несколько дней, не открывая того, кто он, ходил пастух-богатырь среди жителей страны своего падишаха и разузнавал, а потом сказал чайханщику:

— В нашей стране нет человека, который мог бы меня побороть. Но сегодня, когда я ходил по городу, люди говорили, что у падишаха такой-то страны есть силач, с которым никто не может справиться.

— Смотри, — ответил чайханщик, — не дай этому силачу себя победить, не осрамись перед людьми. А если он тебя все-таки одолеет, тогда буду бороться я. Не то люди станут смеяться, что ты пришел из дальних земель и ушел побежденный.

— Не беда, если я и буду побежден, — сказал пастух и отправился к тому падишаху.

У всех, кого пастух встречал по дороге, он спрашивал:

— Где страна того падишаха, у которого есть великий силач?

Шел пастух-богатырь сколько-то дней и дошел до страны того падишаха. Спросил он у какого-то человека:

— Где жилище вашего падишаха?

А тот человек отвечал:

— Чтобы добраться до его дома, братец, ты должен пройти путь еще в несколько дней.

— Не беда, дядюшка, — сказал пастух-богатырь, — укажи мне дорогу, которая ведет к нему.

Человек вывел богатыря на правильную дорогу и спросил:

— Откуда ты будешь?

— Я, дядюшка, и сам не знаю, — отвечал богатырь.

— Ну, иди вот по этой дороге, — показал человек богатырю.

К вечеру пастух-богатырь подошел к тому месту, где жил падишах, и остановился на ночлег в одном доме. «К па-

дишаху пойду завтра», — подумал он и посоветовался с хозяином.

— Братец, завтра здесь состоится борьба, — сказал хозяин, — мы пойдем туда и увидим там падишаха.

— Вот это-то я и люблю, — сказал пастух-богатырь, — уж если где борьба, то я не упущу.

— А что, гость, — спросил хозяин, — ты что, шутишь или ты силач?

— По правде говоря, брат, я и ушел из своей страны, потому что прослышал, будто у вашего падишаха есть великий силач, и захотелось мне с ним побороться.

— Братец, этому силачу у нас нет равных, — сказал хозяин, — и если ты его одолеешь, падишах оставит тебя при себе.

— Это-то ладно, вот только как бы мне не опозориться, если буду побежден, — сказал пастух-богатырь.

Договорились они, что завтра вдвоем пойдут на состязание, и легли спать. Наутро встали они, поели-попили и вышли из дому. Тут Богатырь — Ослиное ухо увидел огромного человека и сказал хозяину:

— Я считал себя громадиной, а этот, пожалуй, еще больше меня.

— Братец, а ведь это как раз тот человек, который будет бороться с силачом падишаха, — сказал хозяин.

— Каков же тогда сам силач падишаха? — спросил хозяина пастух-богатырь.

— Он меньше тебя, но очень сильный, — отвечал хозяин пастуху.

Богатырь — Ослиное ухо все беспокоился, скоро ли начнется борьба, а хозяин ему все говорил: «Не беспокойся, сейчас начнется».

— Пойдем домой, поедим! — сказал хозяин.

И они оба пошли домой, поели, а когда снова вышли, оказалось, что на месте состязания полно людей и туда уже направляются силачи. Один из них был силачом падишаха. Богатырь — Ослиное ухо и хозяин протиснулись сквозь толпу, и взгляды всех обратились на Богатыря — Ослиное ухо. Оба падишаха, силачи которых должны были бороться, уже были здесь и побились об заклад на треть своего богатства. И вот случилось так, что побежденным оказался силач падишаха, приехавшего из другой земли. Тогда хо-

заяин дома, где остановился пастух-богатырь, сказал своему падишаху:

— Есть у меня силач, давай сведем его в борьбе с твоим силачом.

— Ладно, вызывай их, — сказал падишах.

Хозяин вызвал Богатыря — Ослиное ухо. Вышел и силач падишаха. Стали они бороться, и Богатырь — Ослиное ухо победил силача падишаха. Тогда падишах привел пастуха-богатыря к себе в дом и сказал ему:

— Оставайся у нас, не уезжай!

А Богатырь — Ослиное ухо ему ответил:

— О падишах, если ты слышал про пастуха-богатыря, то знай, что это я.

Падишах взял пастуха-богатыря себе в силачи, и слава о нем разнеслась по семи поясам земли *, и пастух-богатырь достиг цели своего желания.

51. Девушка, достигшая своей цели

В давние времена жил один человек. Был он купцом, богатства у него были несметные. Но богач этот отличался большой скупостью. У богача был старший брат, очень бедный, но никакой помощи от своего младшего брата он никогда не видел. В конце концов умер бедняк от голода. И тогда богач не дал денег, и саван бедняку сделали жители селения.

У бедняка остался сын лет пятнадцати-шестнадцати. Жил он тем, что работал пастухом у богатого односельчанина. Юноша полюбил дочь своего хозяина, и девушка тоже его любила. Ее родители, узнав об их любви, сказали друг другу:

— Не будем идти наперекор сердцу нашей единственной дочери.

Отдали они свою дочь за того юношу и устроили такой пир, какой только им могло позволить их богатство.

Юноша был хорош собой, но красота девушки не имела границ. Жили они, проживали — как вдруг однажды увидел красавицу девушку, в то время как она куда-то шла, дядя юноши, скупой богач, увидел и влюбился в нее без памяти. «Чья она?» — спрашивал он себя, следуя за ней по пятам. А она все шла, шла — и вошла в разоренный двор его брата, умершего от голода.

Богач, догадавшись, кто эта красивая девушка, кое-что

задумал. Он позвал своего племянника, имени которого до сих пор даже не знал, и сказал ему:

— Ну, как живешь? Почему ты нас избегаешь, ведь ты же все-таки мой племянник? Вот, все это добро — твое, ты мне как младший брат!

Юноша подумал: «Что бы мог значить этот разговор? Вроде бы не похоже на него — отец мой умер с голоду, а этот не только за всю жизнь ни разу не заглянул к нам, но даже на похороны отца не дал денег. Может быть, сам бог его надоумил — вселил в его сердце милосердие?» — и сказал дяде:

— Хорошо, дядя, я сделаю все, что ты пожелаешь. Мое дело — служить чужим.

— Я тебе не чужой, — сказал богач, — я тебе родня. Вот не сегодня-завтра, даст бог, отправится в путь наш караван, ступай и ты с ним. Будешь в добром здравии, понемногу и выберешься из своей бедности.

— Я бы пошел, — сказал юноша, — но тогда жена останется голодной. Ведь я живу тем, что служу у чужих людей и едва-едва зарабатываю нам на пропитание.

Тогда богач сказал:

— Об этом и говорить не стоит! Пока ты не вернешься, мы будем заботиться о твоей жене. Не беспокойся о ней!

Юноша поверил словам богача и решил пойти с купцами. А богач наказал своим купцам: «Заберите его с собой, он будет вам служить!» — и отправил юношу вместе с купцами в дальний путь. С той поры как богач отправил купцов, он посылал молодой женщине кое-чего понемногу, а когда исполнилось ровно четыре месяца, пришел к ней и стал плакать.

— Что случилось? — растерянно спросила молодуха.

— Мой племянник умер, — притворно зарыдал богач.

— Когда умер?! — спросила молодуха.

— Сегодня исполнилось три месяца и десять дней, как он умер, — отвечал богач.

А сказал он так потому, что по закону шариата женщине, у которой умер муж, разрешается выходить замуж снова через три месяца и десять дней. Вот богач и назвал такой срок. Ушел богач, а молодая женщина всю ночь горевала по умершему. На следующее утро богач пришел снова и сказал:

— Не умирать же тебе следом за ним, да и сидеть горевать — не дело. Хочу дать тебе совет.

— Какой совет? — спросила молодуха.

— Выходи-ка ты за меня замуж. Как ты на это смотришь? — спросил богач.

— Так вот каков твой совет! — разгневалась молодуха. — Убирайся отсюда прочь! Хорошо же ты мне посоветовал!..

Богач, не обращая внимания на это, протянул к ней руки, но молодуха ударила его по лбу чугунной миской, подвернувшейся ей под руку, да так, что богач свалился, и вытащила его на улицу.

Пришел в себя богач, отер кровь со лба и отправился домой. Там он поразмыслил как следует и придумал вот что. Призвал богач двух послушных ему людей, рассказал им, что собирается делать, и попросил их быть свидетелями. Дал он за это им денег, они и согласились. Богач заставил своих свидетелей заучить на память все, что они должны будут сказать, а потом отправился к падишаху и обратился к нему с жалобой.

— Племянник мой, пускаясь в далекие края, оставил на мое попечение свою жену и дом. И вот его жена собирает у себя дома мерзких парней, устраивая каждый вечер сборища. И я застиг ее с одним парнем, когда они были заняты непотребным делом. Тут парень избил меня и поранил мне лоб.

Падишах спросил:

— Согласно шарияту, были ли свидетели этому непотребству?

— Мы видели все это втроем, — отвечал богач.

Падишах приказал ясаулам:

— Ступайте и приведите свидетелей.

Свидетели, которых нанял богач, пришли и слово в слово повторили падишаху то, чему научил их богач.

— Видно, все это правда, — решил падишах и приказал: — Ступайте приведите виновницу!

Когда молодую женщину привели, падишах в гневе закричал:

— Негодная, ты совершила грех!

Женщина попросила падишаха выслушать ее жалобу. Она подробно рассказала все, что с ней случилось. А падишах выслушал и сказал:

— Согласно шариату, по показанию трех свидетелей тебя надлежит покарать!

Он позвал ясаула и приказал:

— Побей камнями эту молодуху.

Женщину вывели за город, закопали по пояс в землю, а сверху забросали камнями. Завалив женщину камнями, ясаулы решили, что она умерла, и разошлись. К вечеру женщина пришла в себя и застонала. А в это время по дороге проезжал на верблюде один богатый человек. Услыхал он стоны, обернулся и увидел — лежит молодая женщина, вся окровавленная. Взвалил он ее на верблюда и отвез к себе домой. Несколько дней он ухаживал за женщиной, залечивал ее раны и увидел — молодуха-то, оказывается, необыкновенно красива. Влюбился он в нее и говорит:

— Выходи за меня замуж.

— Ты ухаживал за мной, как за родной дочерью, — отвечала молодая женщина, — как же тебе не стыдно такое говорить!

— Будь по-твоему! — согласился этот человек. — Считай, что я тебе ничего не говорил.

Но первая жена этого человека все же приревновала молодуху к своему мужу и стала изводить ее. А в доме у них жил еще раб. Вот однажды, когда молодуха пошла за водой, раб увидел ее и влюбился. Он сказал об этом женщине и попытался ее обнять. Тогда она воскликнула:

— Чтoб у тебя рука отсохла! — и рука у раба повисла, как плеть.

Чтобы отомстить за свой позор, стал раб искать способов причинить молодой женщине зло. И вот однажды ночью, когда все уже легли спать, он пролез в юрту через дымоход и бритвой перерезал горло трехлетнему сыну хозяина. Потом положил окровавленную бритву под подушку молодухи и снова через дымоход выбрался наружу. Утром все встали, а мальчик лежит с перерезанным горлом. Бритва же оказалась под подушкой у молодухи. Увидел это хозяин и спросил ее:

— Что все это значит?

Женщина ответила, что она ничего не знает. Тогда хозяин подумал: «Наверное, это сделала моя жена из ревности, чтобы оклеветать молодуху, которая невиновна». И он поверил молодой женщине.

— Ты теперь больше не можешь оставаться у нас,— сказал хозяин молодухе.— Я даю тебе на дорогу сорок золотых...

Ушла от них молодуха и отправилась в путь. Шла она, шла — и встретила ей огромная толпа. Глядит молодуха, а это палачи падишаха собираются вешать какого-то человека.

— За что вешают того человека? — спросила молодуха какого-то человека, стоявшего с краю толпы.

Он ей ответил:

— Это закоренелый вор. Если он заплатит сорок золотых, его отпустят. Но у вора ничего нет.

Сжалилась над ним молодуха. Она протянула палачам свои сорок золотых и спасла вора от смерти.

Пошла женщина снова своей дорогой, а вор, избежавший смерти, двинулся следом за ней. В это время показался впереди большой караван. Тогда вор закричал во весь голос:

— У меня убежала рабыня! Держите ее!..

Караванщики не стали слушать никаких объяснений и схватили молодую женщину. Подбежал вор и сказал:

— Это моя рабыня. Она сбежала от меня.

И решил вор продать женщину караванщикам. Сколько та ни повторяла: «Я спасла его от смерти», караванщики не верили ей и купили ее у вора. Тогда прокляла молодуха вора, пожелав ему покрыться паршой.

Делать нечего, пришлось молодой женщине стать рабыней этих караванщиков. А те, купив рабыню, отправились дальше.

Шли они, шли — и пришли к морю, где должны были сесть на корабль. Сели они на корабль и поплыли. Вдруг налетела буря, и корабль разбился. Спаслась только одна молодуха, уцепившись за доску. Волны вынесли ее на берег. Там молодуха сняла свою одежду и надела мужское платье.

Шла она, шла — и встретила сорок разбойников. Атаман разбойников поговорил с ней о том о сем и спросил наконец, как ее зовут.

— Меня зовут Эсен, — отвечала молодуха.

Приняли ее разбойники в свою шайку. И был среди них один человек, очень догадливый. Он все время смотрел в лицо молодухе и говорил ей:

Ах, Эсен, его девичий глаз
Зажигает, обжигает нас.
На руке оставил знак браслет,
А на шее — ожерелья след.

И после этого добавлял:

— Да-а, глаза у тебя как у девушки, но ты вроде бы мужчина...

Так разбойники и не узнали тайну молодой женщины и отпустили ее.

Долго ли, коротко ли шла молодуха, и пришла она ночью к воротам города. Постучалась она в ворота, но караульщики не открывали, потому что была глубокая ночь. Пришлось молодухе спать эту ночь у ворот.

А в ту ночь как раз умер падишах этого города. По обычаю той страны, когда умирал падишах, на рассвете открывали городские ворота и первого встречного, оказавшегося у ворот, делали падишахом. И вот, когда открылись городские ворота, все увидели, что у ворот сидит бедно одетый юноша. Схватили его люди и повели. А молодуха, переодетая в мужскую одежду, стала кричать:

— Помогите! Чем я провинился! Ведь я даже не стучал в ворота!

Но ее подняли и понесли, не обращая внимания на крики.

Тогда один человек сказал:

— О чужеземец, знай — мы ведем тебя, чтобы сделать падишахом. Таков у нас обычай.

— Но я бедняк, у которого нет ни кола ни двора. Разве я могу стать падишахом? — еще громче закричала молодая женщина.

Но и тут никто не обратил внимания на ее слова. Привели ее, одели в шахскую одежду и посадили на трон. И стала молодуха справедливым падишахом. Слава о ней разнеслась по всему свету. Она во всем старалась помочь людям, и даже если к ней приходил за советом больной, она и ему указывала лекарство. Пусть пока молодуха остается падишахом, а мы послушаем теперь о ее возлюбленном юноше.

Дядя-богач, отправив юношу со своими купцами, все глаза проглядел, не вернулось ли его добро. Приехал юно-

ша — глядь, а дядя-богач ослеп. Стал богач притворно плакать и рассказывать юноше о случившемся:

— Твоя жена собирала в доме развратников и занималась скверными делами. Меня она не только не слушалась, но даже ударила меня и разбила мне лоб. В конце концов падишах казнил ее, повелев забросать камнями.

Простодушный юноша поверил в это и страшно разгневался на свою жену.

Однажды юноша сказал своему дяде:

— Когда мы возвращались после продажи товаров, забросило нас в один город. В нем правит падишах, очень справедливый и знающий всякие лекарства от болезней. Свезу-ка я тебя к нему, может быть, он вылечит твои глаза.

Богач согласился и решил ехать. Собрались они и пустились в путь. Ехали они, ехали — и повстречался им какой-то богатый человек. Богач спросил их, куда они идут, и те рассказали о мудром падишахе.

— Вот как, — сказал этот богач, — а у меня есть раб, у которого не действует рука. Отведу-ка я раба к этому падишаху.

Взял он с собой раба и присоединился к юноше и его дяде. Двинулись они дальше, и встретился им человек, весь покрытый паршой. Он спросил их, куда они идут. Те рассказали ему о мудром падишахе. Тогда этот паршивый сказал:

— Раз так, пойду и я с вами. Может быть, и от моей болезни найдется средство.

И паршивый отправился вместе с ними.

Коротко ли, долго ли они ехали, наконец достигли города справедливого падишаха. Попросили они стражника, стоявшего у дверей падишаха, пропустить их. Стражник пошел к падишаху и сказал:

— О падишах, пришли какие-то люди. Они хотят тебя видеть.

Падишах разрешил людям войти. И как только те вошли, падишах сразу узнал их, а они совершенно не узнали падишаха.

— Ну, гости, на что вы жалуетесь? — спросил падишах.

Каждый рассказал о своей беде. Тогда падишах стал спрашивать ослепшего богача:

— Может быть, ты совершил какой-нибудь большой грех, поэтому ты и ослеп? — спросил он.

— Нет, — отвечал богач, ни в чем не желая признаваться, — никакого греха я не совершал.

— То, что ты совершил большой грех, — это ясно, хотя ты в этом и не признаешься. Нет у меня для тебя лекарства!

— О шах, но я ни в чем не виноват... — продолжал говорить богач, настаивая на своем.

Падишах разгневался и крикнул:

— Эй, палач!

Тогда богач закричал:

— Постой, постой, падишах, я расскажу все!

— Если ты не откроешь всю правду, — сказал падишах, — если ты упустишь хоть одно слово, я узнаю это, и тогда мне нетрудно будет снова кликнуть палача.

И падишах отослал палачей, которые уже стояли в дверях наготове.

Тогда богач начал с самого начала рассказывать о том, что он сделал. И по мере того, как богач рассказывал, его племянник все больше приходил в ярость. Когда богач окончил свой рассказ, юноша закричал:

— Ах ты, негодяй! Вот как ты, оказывается, измывался над моей женой! Хотел и меня погубить, и женой моей завладеть!

— Стойте, стойте! — воскликнул падишах, успокаивая их. — Кому принадлежит трон — мне или вам? Если вы будете так непристойно вести себя у моего трона, я вас отдам в руки ясаулов.

Затем падишах продолжал:

— Ну, раб, ты тоже совершил большое преступление, иначе у тебя не отсохла бы рука. Рассказывай-ка и ты!

И раб, который видел, что сейчас случилось с богачом, подробно, ничего не утаив, рассказал о своем проступке. Тут хозяин раба пришел в гнев и сказал:

— Я подозревал свою жену, но, оказывается, это ты перерезал горло моему трехлетнему сыну. Позволь, о падишах, я перережу горло этому рабу.

Но падишах возразил:

— В моей стране не карают смертью того, кто честно признался в своем преступлении.

Затем падишах обратился с вопросом к человеку, покрытому паршой. И тот рассказал о своем преступлении:

— Я был закоренелым вором в одной стране. Когда меня наконец поймали, падишах этой страны приказал вздернуть меня на виселицу, потому что он не знал иного способа заставить меня бросить воровство. И вот, в то время когда меня собирались вешать, проходила мимо какая-то молодая женщина. Она сжалилась, выкупила меня у палачей за сорок золотых и тем спасла от смерти. Я же за ее добро погнался за ней следом, схватил ее и, уверяя всех, что она моя рабыня, продал караванщику, а деньги истратил. И сколько ни умоляла меня эта женщина, повторяя: «Я спасла тебя от смерти, а ты так жестоко поступаешь со мной», я не обращал на нее внимания. Тогда она крикнула мне: «Чтоб тебе покрыться паршой!» И вот я стал таким.

— Ладно, — сказал падишах, — я узнал о недуге каждого из вас. Теперь идите отдыхать в покои для гостей. Но если, озлобившись, вы попытаетесь причинить друг другу вред, добра не ждите. Если же будете спокойны, болезни вас оставят.

И падишах отослал их в покои для гостей.

В полночь ясаул падишаха пришел в покои для гостей, разбудил юношу и сказал ему:

— Тебя зовет падишах!

Юноша испугался: «Что он собирается делать со мной среди ночи! Уж не прикажет ли он меня казнить?»

Пришел юноша в сопровождении ясаула к падишаху, стал перед троном, не узнавая свою возлюбленную, сложил руки в знак покорности и склонил голову. Тогда девушка, которая в одежде падишаха сидела на троне, сказала ему:

— Иди сюда, ведь трон этот принадлежит тебе, а я — твоя возлюбленная.

Тут юноша как следует пригляделся к ней, узнал свою молодую жену, бросился к ней и обнял ее. Девушка рассказала все, что с ней случилось, усадила своего любимого на трон и сделала его падишахом. После этого юноша сказал:

— Казним этих преступников!

— Нет, — отвечала девушка, — не будем уподобляться им.

А гости, страдавшие недугами, наутро встали, погляде-

ли — а от болезни и следа не осталось. Пока слепой радовался, что он прозрел, вор радовался, что избавился от парши, а раб — что у него исцелилась рука, пришел ясаул падишаха и сказал:

— Падишах зовет!

Вошли они в дверь и видят: на троне падишахом сидит юноша, а рядом с ним прекрасная, словно луна, стоит та самая молодуха, что претерпела столько несчастий. Разум у них помутился, содрогнулись они, словно им на голову вылили кипяток, волосы на макушке поднялись у них дыбом.

— Узнали теперь невинную? — спросила с укором девушка.

Преступники так тряслись от страха, что даже не могли рта раскрыть, чтобы ответить. Только старик, некогда освободивший девушку из-под камней, ответил:

— Узнали теперь! Здравствуй, дочка!

— Не бойтесь и не страшитесь, — сказала девушка, — я не собираюсь уподобиться вам. Идите своей дорогой.

Девушка отпустила их, а сама осталась со своим возлюбленным в своем царстве.

52. Как три брата нанимались в батраки

Было ли не было, в старые времена жил один бедный человек. И было у этого бедняка три сына. Вот как-то позвал он своих сыновей и сказал:

— Дети, я скоро умру. После моей смерти не нанимаетесь в батраки к безбородому баю.

— Ладно, — ответили юноши.

И вот тот человек умер.

Пошел старший из его сыновей наниматься в батраки, и повстречался ему старик.

— Куда идешь, сынок? — спросил старик.

— Иду наниматься в батраки, — ответил юноша. Тогда безбородый бай и говорит:

— Иди ко мне. Будешь у меня вместо воды масло пить!

Парень согласился и стал у него батрачить. Вот безбородый бай ему и говорит:

— Есть у меня одно условие.

— Какое условие? — спросил парень.

— Кто из нас рассердится, — сказал безбородый бай, — у того с затылка будет вырезан ремешок длиной с вершок.

— Ладно, — согласился парень и отправился с быками пахать землю.

Вечером приходит парень, усталый после работы, в юрту старика, а жена того начинает приказывать «принеси воды» да «вынеси золу».

— Что же, мне и отдохнуть нельзя? — спрашивает тогда парень. А безбородый бай тут ему и говорит:

— А что, может быть, ты рассердился?

— Конечно, рассердился, — отвечает парень.

Вырезал безбородый бай с затылка у юноши ремешок длиной с вершок. Вернулся парень домой и рассказал:

— Нанялся я в батраки к одному безбородому баю, так он вырезал у меня с затылка ремешок длиной с вершок.

После этого отправился средний брат наниматься в батраки. В это время безбородый бай пахал на быках землю.

— Откуда ты и куда? — обратился безбородый бай к среднему брату.

— Иду наниматься в батраки, — ответил юноша.

— Иди ко мне, — сказал безбородый бай. — Будешь вместо воды масло пить!

— Ладно, — согласился парень.

Тогда безбородый бай и говорит:

— Есть у меня одно условие.

— Какое условие, говори — посмотрим, — сказал парень.

— Кто из нас рассердится, у того с затылка будет вырезан ремешок длиной с вершок, — отвечал безбородый бай.

— Согласен, — сказал юноша и нанялся в батраки к старику.

Безбородый бай передал быков юноше, а сам вернулся домой. Парень до вечера пахал землю, устал и пришел домой к баю, а жена бая приказывает ему:

— Вынеси золу, натаскай воды.

— Разве мне не положено отдыхать? — спросил юноша. Тогда безбородый бай и говорит:

— Ты что, никак рассердился?

— Конечно, рассердился, — с возмущением ответил парень. — Что это — ни попить, ни поесть, ни прилечь, ни прилечь!

— Держи его, жена! — крикнул безбородый бай и вырезал у юноши с затылка ремешок.

Возвратился парень домой и, когда у него спросили, какую работу он делал, ответил:

— Какую работу ни делал, а вот вырезали у меня с затылка ремешок длиной с вершок.

Тогда самый младший из братьев сказал:

— Где этот безбородый бай?

— Вон за тем холмом, — показал средний брат.

Пошел к тому безбородому баю младший брат. Вот безбородый бай спрашивает его:

— Эй, парень, ты откуда и куда?

А юноша отвечает:

— В батраки наниматься иду.

— Иди ко мне, — сказал тогда безбородый бай.

Юноша согласился и пошел в батраки к безбородому баю. Тогда безбородый бай сказал:

— Только есть у меня одно условие.

— Какое условие? — спросил юноша.

И безбородый бай ответил:

— Кто из нас рассердится, у того с затылка будет вырезан ремешок длиной с вершок.

— Ладно, — принял уговор и этот юноша.

Безбородый бай передал юноше быков. А тот прогнал быков в поле, пшеницу закопал в землю, а сам лег спать до вечера. Пришел вечером парень в дом, а жена старика приказывает:

-- Вынеси золу да натаскай воды.

Юноша и воды натаскал, и золу вынес. Ночью заплакал сын младшей жены безбородого бая. Рассердился безбородый бай и сказал:

— Возьми этого мальчишку за ногу да тресни его о стенку.

Парень схватил мальчишку за ногу и стукнул его о стенку. У того сразу и дух вон.

— Ты убил моего сына! — закричал безбородый бай.

— Разве ты не сам мне это велел? — ответил парень.

Тут безбородый спросил:

— Ты сердишься?

А парень ему ответил:

— Раз уж ты не сердишься, я и подавно не сержусь.

— Он убил моего ребенка! — заплакала жена бая.

Тогда безбородый закричал:

— А ну, слуга, ударь ее заступом по голове, чего стоишь?

Взял парень заступ, валявшийся на земле, и ударил им по голове младшую жену безбородого бая. Она тут же и умерла. Остался безбородый бай со старой женой.

— Бессовестный, ты и жену мою убил! — крикнул безбородый.

— Разве ты не сам мне это велел? — отвечал парень.

— Ты сердишься? — спросил тогда безбородый бай.

— Нет, не сержусь, — отвечал юноша.

— Ладно, — сказал безбородый, — привяжи теперь быков, да так, чтобы они и голов из хлева не могли высунуть.

— Хорошо, — ответил парень.

Пошел он и перерезал быкам глотки, да так и оставил их в хлеву.

Прошла ночь. Рано утром встал безбородый бай, глянул на быков, а те лежат мертвые.

— Ты и быков моих убил! — закричал тогда безбородый бай.

— Я сделал только то, что ты мне велел, — отвечал парень. — Разве ты не говорил, что быки не должны и головы высунуть из хлева?

— Ну, парень, — сказал безбородый бай, — не оставил ты мне ни скотины, ни жены, ни ребенка — всех до одного прикончил!

— Что же, ты сердишься? — спросил тогда юноша.

— Нет, не сержусь, — отвечал безбородый бай.

После этого взяли они оба по заступу и отправились копать землю. Весь долгий день они работали. Настал вечер. После ужина безбородый бай завел со своей старой женой разговор и сказал:

— Если мы не убежим, этот парень и нас прикончит.

Сговорились они в ту же ночь увязать свое добро и бежать. А юноша подслушал их разговор. Вот связали муж и жена свое добро, а потом жена безбородого бая принялась жарить катламу. Ночью, когда погас огонь, жена бая вышла, чтобы принести дров со двора. А юноша потихоньку

забрался в мешок, куда она складывала катламу. Жена бая набила мешок катламой и стала будить мужа:

— Муженек, а муженек, вставай, бежим, пока не рассветло.

Взял безбородый бай мешок, и они отправились. Шли они, шли — по дороге захотелось парню помочиться, он и помочился в мешок. А безбородый подумал, что это масло протекло, и говорит:

— Ты, женушка, изжарила слишком жирную катламу, всю дорогу масло капает.

Вот остановились они, приготовили еду, поели, а часть завтрака осталась. Тут безбородый бай и говорит:

— Эх, был бы тут наш батрак, он бы съел это.

А юноша в это время вылез из мешка и ответил:

— Я тут как тут.

— Как, и ты сюда пришел? — удивился безбородый бай. Тогда парень им сказал:

— Не лучше ли вам вернуться?

Пошли они, неся мешок по очереди, и добрались до берега реки. Вдруг начался проливной дождь. Тут безбородый бай и говорит потихоньку своей жене:

— Давай, женушка, этой ночью бросим батрака в реку. Если мы его не убьем, он нам жизни не даст.

— Ладно, — согласилась жена.

А парень и этот разговор подслушал. Ночью, пока они спали, вода в реке сильно прибывала. Парень поднялся и, подойдя к безбородому баю, сказал:

— Муженек, а муженек, переляг вон туда, — и отпихнул его подальше.

Потом юноша подошел к жене бая и проговорил:

— Женушка, а женушка, ляг подальше, — и отпихнул ее в другую сторону.

Потом парень повязал себе голову белым платком и разбудил безбородого:

— Вставай, муженек, бросим батрака в реку.

Безбородый бай и юноша вдвоем подняли жену бая за руки и за ноги и бросили ее в воду. И тут юноша сказал:

— Ах ты, злой безбородый, зачем же ты свою жену бросил в реку?

Ударил себя безбородый по лбу и закричал:

— Ох, погубил ты меня совсем!

— Ну, бай-ага, значит, ты сердисься? — спросил юноша.

— Как же мне не сердиться, ты не оставил мне ни сына, ни жены, ни скотины — ничего! И напоследок ты погубил даже мою верную старую жену.

Тогда парень сказал безбородому:

— Подставляй затылок! — и вырезал у бая с затылка ремешок длиной с вершок. После этого юноша вернулся домой, а безбородый бай так и остался в степи плакать. А мы ему скажем: «Огонь сначала на себе испробуй; не обожжет, тогда уж — на другом» *.

53. Сын кирпичника из Шираза

Было ли не было, в городе Ширазе жил один человек, который делал кирпич. В один из дней этот кирпичник умер, и остался после него сын, а были они люди бедные и голодные. Вот однажды богатые горожане задумали отправиться торговать в другую страну и стали собираться в дорогу. Сын кирпичника тоже сказал своей матери:

— Матушка, купцы отправляются в путь, я тоже поеду с ними.

— Сынок, — отвечала мать, — у людей есть деньги, они едут торговать, а ты зачем поедешь?

— А я хочу поехать без денег, — сказал сын.

— Не езд, дитя мое, умрешь с голоду! — стала просить мать.

Тогда сын сказал:

— Знаешь, матушка, путешествие — это ключ к торговле. Как бы там ни было, а я все же поеду.

Делать нечего, и мать ответила:

— Ну, поезжай, дитя мое, если хочешь, и пусть ровным будет твой путь!

Отправился сын кирпичника с караванами. По пути если кто-нибудь давал ему кусок лепешки, так он и ел, а нет — все равно плелся следом. Шли они, шли — и дошли до города другого падишаха. Купцы отправились в чайхану, а сын кирпичника пошел в мечеть и уселся в постоялом дворе при мечети. Люди спрашивали его:

— Откуда ты?

А он отвечал:

— Я странник.

И люди давали ему из милосердия кусок лепешки.

В один из дней, когда юноша, уперев руки в бока, ходил глазами по городу, увидел он вдруг девушку, да такую, что не ешь, не пей, а только сиди да на нее гляди. Подобной красавицы нигде на свете ни одна мать не рожала. Сын кирпичника сказал сам себе: «Вот если бы эта девушка стала моей!» — и с тем ушел.

А муж этой девушки напился в тот день вина, опьянел и закричал:

— Развод, развод, тройной развод! *

Все жители города слышали это. Так муж дал девушке развод, а когда протрезвел, стал об этом сожалеть. Тогда собрались приятели этого пьяницы и стали ему советовать, как быть.

— Теперь брак с этой девушкой расторгнут, поэтому нужно выдать ее замуж за какого-нибудь бедняка, а ему сказать: «Мы женим тебя на один день, а на следующий — ты с женой разведешься. Мы же за это дадим тебе много денег».

Все стали думать: «За кого бы нам теперь выдать девушку?» — и один из них сказал:

— В такой-то мечети есть один странник. Не выдать ли за него? А потом заставим его за небольшую сумму денег дать ей развод.

Пришли они к сыну кирпичника и предложили ему:

— Мы хотим выдать за тебя одну девушку, а потом, через день, ты с ней разведешься. За это мы дадим тебе много денег.

— Хорошо, — согласился сын кирпичника.

Теперь послушайте о сыне кирпичника.

— Душа моя, жизнь моя, — сказал сын кирпичника той девушке, — не думай, что тебя выдали замуж за странника, за дервиша. Я сын падишаха города Шираза, я увидел тебя во сне и влюбился без памяти. Поехал тебя искать и вот теперь, слава богу, достиг свидания с тобой. Зовут меня Мурза Кемаль Ширазский.

И девушка поверила. А этот юноша был искусным поэтом, и в тот же вечер он в дервишеской ханаке, опьяненный любовью к девушке, стал читать газели. И достиг он тут небывалого еще в своей жизни искусства.

В этот вечер падишах, одевшись в дервишеские одежды, ходил по городу и подслушивал у дверей. И вот его слух коснулся голос этого дервиша. Падишах подошел и стал слушать. Не удовлетворившись сладостью этого голоса, падишах постучался в дверь.

— Кто там? — спросил дервиш.

И падишах ответил:

— Я такой же странствующий дервиш...

Тогда Мурза Кемаль Ширазский сказал:

— Если ты дервиш, то не мешай мне сейчас. Мне и своих забот достаточно.

Долго упрашивал падишах, и наконец — делать нечего — тот отпер дверь. Смотрит падишах — сидит девушка, красота и прелесть которой освещают темноту комнаты. А она падишаха не узнала, так как он был в одежде дервиша.

— Прочитай-ка бейт *, дервиш, — попросил падишах, и тот согласился. Плача, он поведал о том, что его отец был бедным кирпичником в Ширазе, о том, как он отправился в путь с караванами, о том, как он был один-одинешенек, и о том, как здесь за него выдали замуж на время эту девушку и что завтра должны прийти и отнять ее у него. Падишаха охватила жалость к дервишу, и он сказал:

— Ну, друг дервиш, теперь кое-что скажу тебе я: когда завтра придут за девушкой, ты им ответь: «Не думайте, люди, что я нищий дервиш, я сын падишаха такого-то города. В двенадцать лет я влюбился в эту девушку и вот теперь встретил ее. Если вы пожелаете, я дам вам сколько угодно денег, а если нужна девушка, я достану вам десять или двадцать девушек». Если они согласятся, попроси у них десять-пятнадцать дней сроку, а там, как говорится, «кинь яблоко в небо, а пока оно упадет — будь что будет» *.

Сын кирпичника спокойно проспал ночь с девушкой. Наутро пришли родные этой девушки и потребовали:

— Дай ей развод.

Тогда дервиш встал со своего места и сказал:

— Не думайте, люди, что перед вами нищий дервиш и что он даст развод этой девушке. Я сын падишаха города Шираза, и зовут меня Мурза Кемаль Ширазский. Когда мне было не то десять, не то двенадцать лет, мне приснилась эта девушка, и я влюбился в нее без памяти. Теперь, слава богу, я достиг соединения с ней. Выбросьте из головы пустую надежду, и если вам нужны деньги, то дайте мне дней десять-пятнадцать сроку, и я отдам вам столько золота, сколько весит эта девушка.

— Ладно, давай нам золото, — согласились родственники девушки, которые поверили дервишу. Дали они ему десять-пятнадцать дней сроку. А сын кирпичника про себя подумал: «Ведь у меня нет ничего, кроме старых форм для кирпича, оставшихся от моего отца. Что я им отвечу через эти десять-пятнадцать дней?»

Родственники девушки разошлись по своим домам, а дервиш и девушка снова предались наслаждениям. Прошло че-

тырнадцать дней, и на пятнадцатый — люди снова собрались у дервиша.

— Ну, пришло золото из Шираза? — спросили они дервиша, а тот, не зная, что ответить, думал: «Тот дервиш поставил меня в безвыходное положение — раз нет у меня ничего, кроме старых форм для кирпича, оставшихся от моего отца, то откуда же из Шираза появится золото? Что я теперь им отвечу?»

В то время пока он так размышлял, прискакал, погоня коня и размахивая плеткой, какой-то всадник и спросил:

— Где дом Мурзы Кемаль?

Люди ему ответили:

— Вот он сам, Мурза Кемаль,— и показали на него.

— Мурза Кемаль,— сказал всадник,— твой караван прибыл, выйди ему навстречу.

А Мурза Кемаль снова подумал: «Если у меня на всем свете нет ничего, кроме старых форм для кирпича, оставшихся от моего отца, откуда мог прибыть ко мне этот караван?» Пока он так думал, прискакал второй всадник и спросил:

— Где Мурза Кемаль, его зовет падишах!

И Мурзу Кемаль увели, а в это время подошел караван в сорок верблюдов и верблюдиц, груженный одеждой и тканями, золотом и серебром. И когда люди увидели это, они сказали: «Должно быть, он знатный падишахзаде» — и в изумлении прикусили себе пальцы.

Привели Мурзу Кемаль к падишаху. Глядит Мурза Кемаль, а падишах — тот самый дервиш, что приходил ночью, и тогда понял Мурза Кемаль, что караван — тоже дело рук падишаха. Обрадовался Мурза Кемаль, а падишах ему и говорит:

— Мурза Кемаль, я тот самый дервиш, что приходил ночью. Каждую ночь я одеваюсь в одежду дервиша, хожу от дома к дому и слушаю у дверей, кто мной недоволен и кто говорит тайные речи. Так, переходя от двери к двери, я услышал твой скорбный голос, и мне стало жаль тебя. Указав тебе, как нужно поступить, я вернулся домой и стал размышлять: «Вот я сказал этому дервишу, как поступить, но если выяснится, что его слова ложь, его забьют насмерть». Тогда я в соответствии с тем, что советовал тебе, послал тебе в подарок сорок верблюдов, навьюченных

тканями, золотом и серебром, чтобы ты смог уплатить цену взятой тобой девушки.

Мурза Кемаль чуть не умер от радости. Позвал он отца и прежнего мужа девушки и сказал им:

— Возьмите сами из этих выюков золота и серебра столько, сколько захотите.

Отец девушки отвечал:

— Мне ничего не нужно.

Прежнему же мужу девушки дали пять верблюдов золота и серебра, и этого оказалось ему довольно.

Теперь послушайте про Мурзу Кемалья.

— О падишах, — сказал Мурза Кемаль, — я хотел бы вернуться на родину.

— Хорошо, — ответил падишах.

Он велел поместить на спину белой верблюдицы кеджебе и посадить туда жену Мурзы Кемалья, дал им в охрану тридцать всадников, приказав следовать за Мурзой Кемалем до тех пор, пока он не доедет до города Шираза и не спешится возле своего дома, и ко всему этому пожаловал тридцать пять верблюжьих выюков золота и серебра. Попрощался Мурза Кемаль с падишахом и направился в город Шираз.

Коротко ли ехал, долго ли ехал, а доехал Мурза Кемаль до города Шираза. Разнесся в городе слух, что сын кирпичника привез с собой сорок верблюдов золота и серебра.

Мать Мурзы Кемалья встретила сына и спросила:

— Дитя мое, где ты это добыл?

И Мурза Кемаль ответил матери:

— Разве я не говорил тебе, что ключ к торговле — это путешествие?

Так умный и удачливый сын вернулся к своей матери.

54. Девяносто мешков

Жил когда-то падишах, и ему было девяносто лет. А в его городе жил один бедняк, у которого была очень красивая дочь. Однажды падишах увидел эту девушку и задумал, взять ее себе в жены. Послал он к бедняку своих везиров

и векилей. Пришли они в дом бедняка, передали слова падишаха и наобещали много золота и серебра.

— Приходите дня через два-три, и я вам дам ясный ответ, — сказал бедняк, который хотел посоветоваться с женой и дочерью.

Везиры и векили вернулись к падишаху и сообщили, как обстоит дело, и падишах обрадовался, посчитав девушку уже своей. Стал он с нетерпением ждать, когда минут три дня.

А бедняк рассказал жене и дочери о предложении падишаха, и стали они с женой думать: «Отдать нашу дочь за падишаха — так ведь он девяностолетний старик, а не отдать — так ведь он жестокий падишах, и не нам с ним шутить. Что же теперь делать?» Тогда девушка сказала отцу и матери:

— Не печальтесь из-за этого. Когда придут сваты, соглашайтесь, но только скажите, что выкуп невеста назначит сама.

Обрадовались родители словам девушки. На третий день снова пришли везиры и векили и спросили ответа у бедняка. Тот сказал:

— Предложение падишаха мы принимаем, а какой должен быть выкуп, хочет решить сама дочь.

— Хорошо, — радостно согласились везиры и, обращаясь к девушке, стали спрашивать: — Ну, девушка, раз ты согласна выйти за нашего падишаха, скажи, какой должен быть за тебя выкуп. Слава богу, казна шаха велика и неисчерпаема!

— Мой выкуп так велик, что заплатить его у вашего падишаха не хватит сил, — сказала им девушка.

А везиры отвечали:

— Да ты и глазом не успеешь моргнуть, как уже будет готов твой свадебный пир!

— Моя цена такова, — сказала девушка, — десять ягнят, двадцать волков, тридцать верблюдов-самцов, сорок мудрых советников, пятьдесят жеребцов, шестьдесят меринов, семьдесят веревок, восемьдесят ремешков и девяносто мешков.

— Что ж, хорошо! — ответили везиры, поднялись и побежали к падишаху с вестью — мы, дескать, легко справились с делом.

— Ну, на чем вы сговорились? Рассказывайте, а я послушаю, — приказал падишах.

И везиры отвечали:

— О падишах, девушка сама назначила выкуп, и он при вашей казне не будет тяжелым. Это не что-нибудь такое, чего не найдешь. Выкуп за девушку: десять ягнят, двадцать волков, тридцать верблюдов-самцов, сорок мудрых советников, пятьдесят жеребцов, шестьдесят меринов, семьдесят веревок, восемьдесят ремешков и девяносто мешков.

— Вот так-так! Хорошо же вы сговорились! — воскликнул падишах.

— А что? Падишах недоволен? Разве выкуп большой? — спросили везиры.

— Эх вы, глупцы, — сказал падишах, — я объясню вам сейчас, как безмерно велик этот выкуп. Когда девушка сказала «десять ягнят», она подразумевала, что в десять лет человек подобен ягненку, а в двадцать — волку, в тридцать — верблюду-самцу, в сорок становится мудр, как советник, в пятьдесят он — жеребец, в шестьдесят — мерин, в семьдесят его нужно связывать веревкой, в восемьдесят — стреножить ремешком, а в девяносто — бросить в мешок. Но вы всего этого не сообразили, потому что у вас всех, вместе взятых, ума оказалось меньше, чем у одной девушки.

После этого падишах послал к девушке ясаула. Тот пришел к ней и сказал:

— Падишах зовет тебя!

— Зачем падишах зовет меня? Я ему уже дала ответ, — сказала девушка.

— Ну, этого я не знаю! — отвечал ясаул. — Во всяком случае, ты должна идти.

Тогда девушка сказала матери:

— Пойдем, матушка, сходим к падишаху и узнаем, в чем дело.

Так девушка, ее мать и ясаул явились втроем к падишаху, поклонились и стали перед ним.

— Ну, подойдите, садитесь, — сказал падишах.

А девушка отвечала:

— У нас чересчур много дел, чтобы сидеть. Поэтому скажи нам поскорей то, что ты хотел сказать.

И падишах спросил:

— А ну-ка, девушка, знаешь ли ты, кто из животных тяжелее всех на свете и что на свете всего слаще?

— Почему, падишах, ты спрашиваешь меня о таких простых вещах? — сказала девушка.

— Тебе это просто, а мы этого не знаем, потому и просим тебя ответить, — сказал падишах.

И девушка отвечала:

— Знай, о падишах, что среди животных нет на свете животного тяжелей, чем конь. А слаще всего на свете — это соединение мужчины с женщиной.

— Может быть, девушка, это и верно, — сказал падишах, — но откуда это тебе известно и почему ты так полагаешь?

— То, что конь тяжелее всех, видно по тому, что, когда он мчится по улице, содрогается земля и его след вдавливается в землю. С другими животными так не бывает. А о том, что сладостно соединение мужчины с женщиной, я узнала вот откуда: когда я была маленькой и сидела как-то возле огня, мой отец и мать в это время были заняты этим самым делом. И хотя я чуть не упала в огонь, моим отцу и матери некогда было меня уберечь. Это дело было для них дороже, чем ребенок. А вот тебе и второе доказательство: ты наш падишах, и тебе девяносто лет, но сердце твое пожелало взять в жены девушку.

Так девушка закончила свою речь, и падишах признал себя побежденным. Он отпустил девушку и ее мать, и они вернулись домой.

55. Мулла с отрубленным носом

Была когда-то у одного купца очень красивая дочь. И отдал он ее в обучение к мулле. В один из дней купец собрался ехать в другую страну и, уезжая, поручил свою дочь мулле.

Учил мулла эту девушку, учил — и возникли у него дурные намерения. Стал он к ней приставать, то говорит: «Пришла бы ты ко мне», то — «Пойдем погуляем вдвоем». Девушке надоело, что он каждый день говорит ей одно и то же, и однажды она ему ответила:

— Ладно, раз так, то приходи сегодня вечером в такое-то место, под такое-то дерево.

Получив ответ, мулла с нетерпением стал дожидаться, когда зайдет солнце. С трудом, кое-как прожив день, он пришел под нужное дерево и в ожидании девушки застыл как вкопанный. А у девушки был слуга-раб. Позвала она его, дала ему острый топор и сказала:

— Ступай к такому-то дереву и, кто бы там тебе ни встретился, бей его по голове.

— Хорошо, — ответил раб, взял топор и пошел к тому дереву. Он быстро нашел дерево и заметил под ним что-то темное. Подошел раб поближе и увидел, что под деревом сидит скорчившись какой-то человек. Раб подумал: «Вот тут, должно быть, его голова» — и, размахнувшись, ударил человека по этому месту. Мулла отпрянул, оберегаясь, и топор попал ему по носу, отрубив порядочный кусок носа. Мулла громко завопил и кинулся бежать. Сначала раб погнался за муллой, а потом схватил его нос и вернулся к девушке, чтобы подробно рассказать ей: так, мол, и так. Девушка очень всему обрадовалась и отпустила раба на волю.

Мулла очень долго страдал от раны на носу. Наконец нос его зажил, но стал похож на муравейник. «Ну, если теперь я тебе что-нибудь не устрою, если не заставлю твоего отца убить тебя, не будет мне покоя», — думал мулла о девушке. Поразмыслив некоторое время, он решил послать отцу девушки письмо. В письме же он сообщал: «Вот, купец, ты уехал, поручив мне свою дочь, а она в последнее время стала вести себя непристойно: блудит с твоим рабом. Я пошел к ней и стал ее увещевать, но бесполезно. Она же, поняв, что я расскажу тебе о ее поведении и тогда ей недобровать, велела твоему рабу убить меня. Раб ударил меня по голове топором, но топор попал мне по носу и отрубил мне нос. Я едва убежал и тем спасся. Как только получишь это письмо, сейчас же возвращайся назад».

Получив письмо муллы, купец сильно разгневался и сразу же пустился в обратный путь. Коротко ли он ехал, долго ли ехал — наконец приехал в свое селение. Тотчас же купец велел позвать муллу и спросил его:

— Ну, как же все это произошло?

— В такой-то день, — стал рассказывать мулла, — пришел я в такое-то место, а там, оказывается, ваша дочь обни-

мается с рабом. Окликнул я ее, стал ей говорить и то и се, вот тут они с рабом и сговорились меня убить. Да, видно, смерть моя еще не пришла. Меня они не убили, а пришлось мне поплатиться своим носом.

Когда отец девушки услышал эти слова, он весь прямо раздулся от гнева. Тотчас он позвал своих сыновей, потом ухватил дочь за волосы, раздел ее донага и, передав в руки сыновей, сказал:

— Ступайте отведите ее в степь и убейте!

— Постой, отец,— стала умолять девушка,— я хочу тебе кое-что рассказать, а потом делай как знаешь.

Но отец не стал слушать свою дочь, и братья потащили девушку в степь.

— Братья, я невиновна в этом деле,— принялась умолять девушка.

И братья сжалились над ней. Они не убили ее, а только бросили в той степи, куда привели, и вернулись назад.

Девушка горько заплакала. Побрела она одна-одинешенька по пустынной степи без пищи и без воды, с непокрытой головой и босая.

Пока девушка шла, испытывая столь тяжелые лишения, падишах одного города выехал на охоту и добрался до той степи.

Вот охотится падишах и вдруг видит — сидит вроде бы голый человек. Падишах тотчас издали окликнул девушку и послал ей с одним из своих слуг одежду, чтобы она прикрылась. Потом падишах подъехал к девушке и поздоровался с ней. Девушка ответила на приветствие падишаха, смутилась, и из ее глаз градом полились слезы. Глянул падишах в лицо девушке, а та: назвать бы ее луной — да рот у нее есть, назвать бы ее солнцем — так есть у нее глаза, брови как калам, зубы — ожерелье, талия тонкая, волосы словно гиацинт, щеки — яблоки, губы как полураскрытая фисташка, и видно, что она очень страдает.

— Скажи-ка, девушка, из какого ты сада роза, с какой ты лужайки соловей? Как ты попала в эту безводную степь?

— Сначала, джигит, ты сам Расскажи, что ты за человек, из какой страны, из какой земли и что делаешь здесь в степи. А после я Расскажу тебе, что случилось со мной, — отвечала девушка.

Тогда падишах сказал:

— Ну, так вот, девушка, я — падишах такого-то города из такой-страны, а сюда всегда езжу на охоту.

— Если так, падишах, — сказала девушка, — то оставь меня и езжай охотиться. Не трогай мой огонь *. Я не Расскажу тебе о своем горе: ведь ты падишах, а я — несчастная. Есть старая пословица: «Не говори о своей головной боли в присутствии того, у кого голова не болит». Езжай своим путем.

— Нет, девушка, — сказал падишах, — не говори мне таких речей, а Расскажи подробно, что с тобой случилось, и, что бы ты ни пожелала, я исполню.

Девушка, плача, стала Рассказывать:

— Я была дочерью купца, и отец отдал меня к мулле. Училась я у него, а когда подросла, мой отец решил отпра-

виться в путешествие в одну из стран. Он поручил меня мулле и уехал. Прошло немного дней, и мулла, который меня учил и опекал, задумал дурное и стал говорить мне всякие непотребства. Ежедневно и ежечасно он не давал мне покоя. А я, очень расстроенная этим, не ела и не пила. В конце концов он как-то мне сказал: «Приходи к такому-то дереву». Я же, зная, что он не отстанет, ответила: «Хорошо», а сама дала рабу топор и сказала ему: «Ступай, сядишь под таким-то деревом и, кто бы к тебе ни пришел, бей его по голове». Раб взял топор и ушел. Подошел он и видит, что под деревом что-то темнеет. Тут мой раб размахнулся и ударил топором. Мулла отдернул голову, и топор отрубил ему нос. Потом мулла этот долго маялся от раны, но не умер, а выздоровел, только нос его стал похож на муравейник. После этого мулла, опередив меня, написал моему отцу такое письмо: «Купец, твоя дочь, которую ты, уезжая, поручил мне, сбилась с пути и стала проводить время с рабом. Я пытался было вразумить ее, но моих наставлений она слушать не стала, а, напротив, сговорившись с рабом, едва меня не убила. Однако мой смертный час, видно, еще не настал, и я только лишился носа. Теперь же, как только получишь это письмо, приезжай немедленно». Мой отец, едва получив письмо, пришел в ярость и тут же отправился в обратный путь. Через сколько-то дней он воротился в селение, приехал домой, позвал муллу и стал расспрашивать его снова. И мулла снова повторил ту же ложь, которую написал в письме. Мой отец снова разъярился, тотчас схватил меня за волосы, раздел донага и передал моим братьям со словами: «Ступайте отведите ее в степь и убейте». Но братья не решились меня убить и бросили в этом месте. Тут мы и встретились.

И девушка, рассказав это, снова заплакала. Падишах почувствовал жалость к девушке из-за перенесенных ею страданий и всем сердцем в нее влюбился.

— Ах, девушка, — сказал он, — если ты согласна стать моей женой, то поедem в мою страну. Что дальше — там видно будет.

— О падишах, — отвечала девушка, — какие могут быть разговоры между падишахами и бедняками? Не шути так, оставь меня одну переносить свое горе.

— Нет, я правду говорю, — сказал падишах. — Если ты

со согласишься, я сделаю тебя главной над всеми моими женами.

Девушка увидела, что падишах полюбил ее от чистого сердца, и согласилась поехать с ним.

«Не нужно мне лучшей добычи, чем эта», — подумал падишах, посадил девушку сзади себя на коня и направился к своему городу. Приехав, он устроил той на несколько дней и ночей и взял девушку за себя замуж.

Падишах и девушка очень любили друг друга, проводили досуг вместе, и спустя некоторое время у них родились два сына.

Был у падишаха везир, которого он очень высоко ценил и любил. Этот везир с первого взгляда влюбился в девушку и все думал: «Каким бы образом овладеть ею?»

В один из дней девушка попросила у падишаха позволения поехать с мальчиками к своему отцу. Падишах дал на это согласие и решил послать вместе с ними везира. Везир этому очень обрадовался, заторопился и тотчас же собрался в путь. Везир и девушка посадили каждый позади себя по ребенку и тронулись в путь.

Во время пути везир задумал совершить дурное и попытаться овладеть девушкой, но она стала сопротивляться. Тогда везир сказал:

— Если ты не согласишься, я убью твоего сына!

На это девушка ответила:

— Как же это ты, везир, ешь хлеб падишаха, а сам готов предать его?

Везир рассвирепел и убил одного из ее сыновей. Потом он сказал:

— Если ты не согласишься, девушка, я убью и второго твоего сына, и тебя самое убью.

Так он убил и второго сына падишаха. Девушка стала плакать. Но везир не оставлял своих намерений, и тогда она сказала:

— Ах, ну ладно, так и быть. Только сначала ты пойд и вон из того колодца принеси ведро воды.

Везир взял ведро и пошел за водой. А девушка в это время вскочила на коня, другого схватила за повод и ускакала. Везиру же ничего другого не оставалось, как только поглядеть ей вслед.

А девушка скакала, скакала — и встретила по дороге па-

стуха. Она отдала ему одного коня со сбруей, взяла взамен у пастуха старую одежду, надела ее, пришла к своему отцу и нанялась в батраки. Отец не узнал ее, и стала она батрачить у него. А везир вернулся к падишаху и сообщил:

— О горе! Девушка забрала мальчиков и коней и бежала!

Услыхав эту весть, падишах страшно разгневался. Но он очень любил свою жену и рожденных ею сыновей, поэтому весь мир потемнел в его глазах.

— Ну, везир, раз так, то пойдем их искать, — сказал падишах.

И вот они, одевшись паломниками, стали обходить города и селения.

Шли они, шли — и пришли в город, где жил тот самый купец. В это время девушка вывела на прогулку коня, и падишах с везиром узнали коня с первого взгляда, а девушка осталась незамеченной.

Купец был в этом городе очень важным человеком, и падишах с везиром стали гостями в его доме. Пришел и мулла с отрубленным носом. Купец стал варить для них плов. А девушка сидела и подкладывала под котел дрова.

Вот купец, падишах, везир и мулла, сидя вчетвером и ведя дружескую беседу, решили, что каждый из них расскажет какую-нибудь историю. После того как были рассказаны их истории, падишах заметил батрака и воскликнул:

— Эй, ты! Батраки, вроде тебя, часто бывают хорошими рассказчиками. А ну-ка, расскажи нам что-нибудь.

— Нет, гости, — отвечала девушка-батрак, — я человек ничтожный, рассказывайте уж вы сами, а я посижу и послушаю. Мулла знает много историй, заставьте рассказывать его, если сами не можете.

Но падишах, везир и мулла пристали к девушке-батраку: расскажи да расскажи.

— Раз так, то ладно, но только с одним условием, — сказала девушка-батрак. — Прежде чем я начну рассказывать, запрем двери и никого не будем пускать ни снаружи внутрь, ни изнутри наружу.

Все согласились с тем, что предложила девушка, и заперли дверь. Смущаясь, девушка начала рассказывать:

— Было ли не было, а жил когда-то один купец. У него была очень красивая дочь. И эту дочь купец отдал в учение

к одному мулле, которого он очень уважал. Девушка училась и между тем подрастала. В один из дней купец решил уехать в путешествие и поручил девушку мулле. «Приглажай за ней, пока я не вернусь», — сказал купец. Спустя некоторое время мулла решился на негодное дело — замыслил овладеть девушкой и проводить с ней время. Стал он ей угрожать...

В этом месте мулла встал и говорит:

— Мне нужно ненадолго выйти.

Но падишах и купец сказали:

— Нет, мулла, сиди!

Девушка продолжала свой рассказ:

— Да, что ни говори, а делать нечего — этот мулла не переставал угрожать девушке, — и вот она, рассердившись на него, наконец как-то сказала: «Ладно, я сделаю то, о чем ты говоришь, приходи сегодня ночью к такому-то дереву. Я приду следом». Мулла, услышав ответ девушки, обрадовался, с трудом дождался, пока сядет солнце, пришел к дереву и сел в ожидании.

Здесь мулла снова попытался встать и сказал:

— Я сейчас приду.

Но купец и падишах не пустили его, с интересом слушая сказку и начиная кое-что понимать.

— У отца девушки был раб. Она позвала его, дала ему топор и сказала: «Ступай к тому дереву и, кого бы ты там ни увидел, бей по голове без промедления!» Раб пошел и увидел, что под деревом сидит скорчившись какой-то человек. Взмахнул раб топором и ударил муллу по голове, тот отдернул голову, и топор задел нос муллы, отрубив его. Мулла убежал, зажимая кровь. Некоторое время он страдал от раны, а потом выздоровел и подумал: «Ну, теперь надо поторопиться!» И мулла написал купцу, отцу девушки, такое письмо: «Так-то и так, твоя дочь, которую ты мне поручил, проводит время с твоим рабом. Я наставлял ее, чтобы она так не поступала, но она, сговорившись с рабом, решила меня убить и чуть было не убила. Приезжай немедленно». Купец, получив письмо верного, уважаемого муллы, тотчас возвратился назад. Приехал он в селение и снова расспросил муллу. А тот снова повторил все то, что написал в письме. Тогда купец раздел свою дочь донага, схватил за волосы и отдал в руки своих сыновей, сказав: «Ступайте

уведите ее и убейте!» Но братья девушки не решились ее убить, а бросили в степи без пищи и без воды. Через некоторое время туда, где находилась девушка, приехал падишах такой-то страны и, поговорив с девушкой, увез ее в свой город. Там он взял ее в жены, и у них родились два сына. Падишах очень их любил. Спустя какое-то время девушка, жена падишаха, попросила у падишаха разрешения съездить к своему отцу. Падишах согласился и вместе с ней послал своего везира, которому доверял...

В это время везир, что сидел и слушал, встал и говорит:

— Я выйду ненадолго.

Но падишах пригрозил:

— Не двигайся!

— Этот везир, влюбившись в жену падишаха, — продолжала девушка-батрак, — все ждал подходящего момента, и вот наконец-то он стал ее спутником. Девушка и везир посадили каждый позади себя на коня по мальчику и тронулись в путь. Проехали они сколько-то и сделали остановку. Тут везир говорит: «Эй ты, поди-ка сюда!» и пытается овладеть девушкой. Но она не соглашается и умоляет: «Не совершай предательства по отношению к жене падишаха». А везир говорит: «Раз ты не соглашаешься, я убью твоего сына» — и убивает одного из ее сыновей. Девушка стала кричать и биться. Тогда везир убил и второго ее сына. Потом везир сказал: «Если ты и теперь меня не слушаешься, я и тебя убью». Тогда девушка сказала: «Ладно, я согласна, но сначала ты пойди и принеси ведро воды вон из того колодца». Везир взял ведро и пошел за водой, а девушка вскочила верхом на коня, другого схватила за повод и унеслась прочь. Вот скачет девушка и приезжает в стан пастуха. Отдала она пастуху одного коня, взяла у него старую, рваную одежду, надела ее, пришла в город к своему отцу и стала у него батрачить. Однажды приехали в этот город те самые падишах и везир и остановились у купца в гостях. Пришел к ним побеседовать и тот самый мулла, а девушка-батрак, точь-в-точь, как я, сидела и подкладывала дрова под котел. Они велели ей рассказать сказку. Вот девушка и рассказала им свою сказку.

Закончив свой рассказ, девушка достала из-за пазухи окровавленные одежды своих детей и бросила их своему мужу. Тут наступило смятение. Отец девушки вскочил,

схватил муллу за горло и убил его, а падишах тотчас схватил за горло везира и тоже убил его.

Отец с дочерью и муж с женой обрели друг друга, возликовали и задали пир.

56. Аязхан

В старые времена жил один падишах, и не было ему равных в справедливости. Однажды сидел падишах, размышляя и спрашивая себя: «Интересно бы знать, кто хуже всех из людей и животных?» И вот что он придумал: «Худший из людей — это падишах, худший из скота — это мул, а худшая из птиц — сорока». Собрал падишах своих подданных и сказал:

— Есть у меня три вопроса. Кто на них ответит, того я сделаю своим везиром.

— Говори, говори, — зашумела толпа.

И падишах сказал:

— Пусть мне ответят в течение девяти дней, кто хуже всех среди людей, среди скота и среди птиц.

Тогда вышли из толпы три человека и сказали:

— Падишах, если дозволишь, мы попытаемся...

— Хорошо, — отвечал падишах, — позволяю, ищите ответ.

И три человека отправились в путь, чтобы разгадать загадку падишаха. Вот идут они, и встретился им по дороге верблюд, больной оспой.

— Ну, — сказали они, — хуже этой скотины ничего нет. Нам его послал аллах, давайте поймаем его! — и, поймав верблюда, повели его с собой.

Идут они дальше, а навстречу им — рыжий безбородый человек.

— Ну, — сказали они, — хуже этого человека и быть не может. Нам его послал аллах! — и взяли этого человека с собой.

Идут дальше, а навстречу им — ворона с перебитым крылом.

— Хуже этой птицы не бывает! — сказали они. — Теперь все три загадки падишаха разгаданы, — и, взяв с собой ворону, отправились назад.

Когда они возвращались, попался им на пути колодец. Присели они у колодца, и подошел к ним пастух.

— Счастья да удачи вам! — поздоровался с ними пастух и спросил: — Что вы тут делаете?

Тогда трое людей рассказали пастуху, в чем дело, и добавили:

— Вот мы и нашли тех, хуже которых не бывает ни среди людей, ни среди скота, ни среди птиц.

В это время к колодцу на водопой подошли овцы.

— Хорошо, — сказал пастух, — раз вы люди падишаха, посидите, я зарезу барана и угощу вас.

Пастух зарезал барана и приготовил еду. Накормив и напоив их чаем, пастух сказал:

— Те, кого вы с собой ведете, совсем не то, что требуется падишаху. Отпустите их, и я укажу вам существа, которые загадал падишах, но не называйте ему мое имя.

— Хорошо, мы не назовем твое имя. Скажи нам только разгадку!

И пастух сказал:

— Если вы скажете падишаху, что худший из людей — это падишах, худшее из скота — это мул, а худшая из птиц — сорока, он будет вами очень доволен.

Трое людей обрадовались и, не спросив пастуха, почему названные им существа самые плохие, отправились к падишаху. Еще издали они стали кричать:

— Падишах, мы разгадали твои загадки!

— Хорошо, — ответил падишах и спросил: — Скажите тогда, кто худший из людей?

И они сказали:

— О падишах, худший из людей — это падишах.

Когда же падишах попросил их объяснить почему, они ничего не могли сказать. Падишах вновь спросил:

— Ну ладно, а кто худший из животных?

— Худший из животных — мул, — ответили они.

Падишах опять спросил почему, но они и на это не могли ответить. И снова падишах спросил:

— Ну а какая птица хуже всех?

— О падишах, худшая из птиц — сорока.

Падишах снова спросил почему, но они опять не могли назвать причину. «Эге, — подумал падишах, — они знают ответы на мои загадки, но объяснить их не могут. Ясно, что

их научил какой-то умный человек. Попробую-ка я узнать, кто он».

— Скажите, джигиты, кто вас этому научил? — спросил падишах.

— О падишах, мы догадались сами!

— Нет, — сказал падишах. — Вас кто-то научил. Приведите того, кто вас научил. — И он приставил к ним ясаула. И вот те трое пошли к пастуху.

— Тебя зовет падишах, — сказали они и хотели увести пастуха с собой. Но пастух им сказал:

— Пойдите-ка, приятели, я же пастух. Не могу же я бросить чужую скотину. Пойдем отведем скотину ее хозяину, потом и отправимся к падишаху.

Так сначала они пригнали скотину ее хозяину, а потом отправились к падишаху.

— Ну, джигит, как тебя зовут и чем ты занимаешься? — спросил падишах.

— Меня зовут Аяз, — ответил пастух, — а занятие мое — пасти скот.

— Это ты, Аязхан, открыл им, что худший из людей — это падишах, худший из скота — мул, а худшая из птиц — сорока? — спросил падишах.

— Да, — ответил Аяз, — но только я просил, чтобы они не называли мое имя.

— В этом беды нет, — сказал падишах, — но ты объясни, почему названные тобой существа самые плохие.

И Аяз ответил:

— Падишах хуже всех потому, что его богатство налогом не облагается и податей он не платит. Он пользуется силой всех людей, но никому ничего не дает. Вот почему падишах самый плохой человек. Худшее из животных — мул, потому что он навсегда проклятая скотина: от него никогда не бывает приплода. А худшая из птиц — сорока, потому что эта тварь кладет яйца через рот.

Так ясно и понятно ответил Аяз на вопросы падишаха.

— Аязхан, все, что ты сказал, верно, — проговорил падишах и добавил: — Снимай свои чарыки!

Падишах одел Аяза в красивые одежды и сделал его своим визиром.

Аязхан взял свои чарыки и повесил в изголовье так, чтобы всегда видеть их, когда встает. Бывало, что разгне-

вается Аязхан из-за чего-нибудь, но вдруг взглянет на свои чарыки и скажет себе: «Эй, Аязхан, погляди-ка на свои чарыки! *. Еще вчера ты был пастухом, а сегодня задираешь нос к небу, оттого что стал везиром!»

У Аязхана было три сына. Подросли они и выучились. В один из дней падишах умер, и вместо него падишахом сделали Аязхана. Долгое время справедливо правил Аязхан, но наконец совсем состарился. Призвал к себе Аязхан сыновей и сказал им:

— Дети, я стал совсем стар. Возьмите у меня денег, сколько вам нужно, и поживите в других городах. А когда я умру, кого-нибудь из вас, может быть, сделают падишахом, если это будет угодно богу. Народ это сам решит.

Выслушали сыновья Аязхана отцовское наставление, взяли необходимые им деньги и, попрощавшись, отправились в путь, чтобы поселиться в другом городе.

Шли они по дороге и вдруг увидели верблюжий след. Тогда старший брат сказал:

— Это верблюды — самец.

Средний брат сказал:

— Если это верблюд-самец, то у него обрублен хвост.

А младший брат добавил:

— Если это верблюд-самец и у него обрублен хвост, то, видно, он слеп на один глаз.

Идут они дальше и видят на дороге след человека. Старший брат и говорит:

— Это след женщины.

Тогда средний брат говорит:

— Если это след женщины, то она бежала.

А младший брат замечает:

— Если это женщина, которая к тому же еще и бежала, то она, видно, беременна.

Пошли они дальше, а навстречу им всадник. Поздоровались они, а тот спрашивает:

— Эй, приятели, не видали ли вы верблюда?

Тогда старший брат сказал:

— Нет, не видали. А случайно не самец ли этот верблюд?

— Самец, — ответил всадник.

Тогда средний брат спросил:

— Приятель, а не бесхвостый ли это верблюд?

— Да, — ответил всадник.

Тогда спросил младший брат:

— Друг, а не слеп ли этот верблюд на один глаз?

— Верно, — сказал всадник. — Вы назвали все приметы моего верблюда, а говорите, что не видали его. Наверняка вы знаете, где мой верблюд, и я получу его с вас!

И всадник отправился следом за сыновьями Аязхана, требуя своего верблюда.

Шли они, шли, а навстречу им — двое людей. Поздоровались они, и те спрашивают:

— Эй, не видали ли вы по пути человека?

— Нет, не видали. А не женщина ли это была?

— Верно, женщина!

— И она бежала?

— Верно, бежала!

— А не была ли она беременной?

— Да, была!

Тогда те двое людей сказали:

— Вы назвали все приметы человека, которого мы ищем, а говорите, что не видали его. Мы потребуем с вас то, что ищем!

И эти люди тоже отправились следом за сыновьями Аязхана. Через некоторое время пришли братья в один город, устроились на постоялом дворе и стали там жить. Тогда те люди, что предъявляли юношам требования, клевета на них, пожаловались падишаху. И падишах послал за тремя братьями ясаула. Когда братья пришли к падишаху, тот сначала расспросил их о здоровье, а потом стал слушать человека, потерявшего верблюда.

— О падишах, — сказал человек, — вот эти люди своими собственными устами рассказали, что верблюд, которого я потерял, был самец, что у него был обрублен хвост и что он был слеп на один глаз. И они уверяют меня, что верблюда они не видели. Если они его не видели, то откуда они знают все его приметы?

Падишах попросил братьев ответить. Тогда старший брат сказал:

— Когда я увидел следы верблюда, я сразу понял, что это самец, потому что у верблюда-самца большое расстояние между ногами.

Средний брат сказал:

— Верблюд этот ронял навоз на середину дороги. Если бы хвост у него не был обрублен, он оставлял бы навоз по обеим сторонам дороги.

И младший брат добавил:

— Этот верблюд все время ел колючки только с одной стороны дороги, поэтому я понял, что он слепой на один глаз.

Потом падишах выслушал жалобу двоих людей, искавших женщину. Те сказали:

— О падишах, эти люди знают, что исчезла женщина, знают, что она бежала и была при этом беременна. Но они говорят, что ее не видели. Вот чему мы изумляемся!

— Видели вы эту женщину? — спросил падишах.

— Нет, о падишах, — ответили братья. — Мы поняли все, увидев ее следы.

Тогда падишах и говорит:

— Хорошо, я сейчас кое-что принесу, а вы угадайте, что это. Если не угадаете, значит, воры — вы.

— Неси, неси! — сказали братья.

Падишах принес сундучок и сказал:

— Вот угадайте, что в этом сундучке?

Старший брат постучал по крышке сундучка и сказал:

— То, что лежит в сундучке, — круглое.

Средний брат заметил:

— Ну, если оно круглое, то, значит, обязательно красное.

А младший брат добавил:

— Раз оно круглое да притом еще и красное, то это мазандеранский гранат *.

Падишах открыл сундучок, все глянули — а там и впрямь оказался мазандеранский гранат. Тогда падишах сказал жалобщикам:

— Ищите в другом месте людей, которые похитили ваше добро, — и отпустил их.

А троих братьев падишах поселил в одном из своих помещений для гостей, оказал им почет и стал угощать их. Вечером послал падишах своим гостям прекрасный плов, а одному из ясаулов приказал:

— Стой у дверей братьев и слушай, о чем они будут говорить. Потом расскажешь мне о их беседе!

Стоит ясаул и слушает. Когда братья кончили есть, старший из них сказал:

— А ведь наш падишах — раб.

Средний брат сказал:

— Ты говоришь, что падишах — раб, а я замечу, что мясо в кушанье, которое мы ели, — это мясо скотины, выкормленной поганим молоком.

А младший брат сказал:

— Рис, который был в нашем кушанье, — это рис, выращенный на кладбище.

Съели братья плов и улеглись спать, а ясаул передал их разговор падишаху.

Падишах поспешил к своей матери.

— Матушка, разве я раб? — спросил он.

Тогда мать ответила:

— Да, сынок, ты раб. Кроме меня у твоего отца была еще жена-невольница, которую он купил. У нее родился ты, а у меня родилась дочь. Девочку отдали ей, а тебя отдали мне. Вот как было дело, сынок.

Тогда падишах призвал человека, у которого было куплено мясо.

— Это правда, что скотина, которую ты сегодня прирезал, была выкормлена поганим молоком? — спросил он.

И тот ответил:

— Да, это правда, о падишах. У нас был ягненок, мать которого околела, так он сосал нашу суку.

После этого падишах позвал к себе продавца риса.

— Где ты сеял свой рис? — спросил он.

И продавец ответил:

— Я сеял рис возле кладбища.

Падишах поразился уму троих юношей, он оказал им множество почестей и сделал их своими ближайшими советниками.

Вот как мудро Аязхан и его сыновья вершили свои дела.

57. Умная женщина

Было ли не было, в старые времена жил один богач. У него по дому служил раб. И была у этого богача красавица дочь. Вот однажды раб тайно сговорился с дочерью

богача, и они, захватив с собой двух коней и денег столько, сколько могли унести, бежали в другой город. Прибыв в большой город, они сняли дом.

Однажды раб ввязался в драку с одним из людей падишаха, и раба посадили в самый прочный падишахский зиндан. Когда слух о том, что раб попал в зиндан, дошел до молодой женщины, она впала в отчаяние. Стала она искать из этого положения выход, но ничего не могла придумать. Что ни делай, а вытащить человека из зиндана падишаха не так-то просто! Наконец женщина решила: «Пойду-ка я к чиновникам и управителям падишаха, принарядившись, может быть, приглянусь им и мне удастся каким-нибудь обманным путем получить у них письменный приказ».

Женщина нарядилась и вышла из дому. Сначала она пришла к кадию. Глядит — в почетном углу дома сидит кадий в чалме и с длинной седой бородой. Как только кадий увидел женщину, он тотчас торопливо встал, взял ее за руку, усадил рядом с собой и сказал:

— Добро пожаловать! Что вы хотели рассказать? Не стесняйтесь, говорите!

Женщина, притворяясь смущенной, рассказала:

— Кадий-ага, слуги падишаха бросили моего мужа в зиндан. Чтобы освободить его, требуется ваш письменный приказ. Вот я и пришла за этим письмом.

Кадий тотчас схватил бумагу и калам и собрался было писать, но женщина его остановила:

— Кадий-ага, не утруждайте себя сейчас, у вас и так много дел, а лучше вот что: у меня на такой-то улице есть дом, и я там живу одна. Приходите вечером ко мне, тогда мы все и напишем.

— Прекрасно, прекрасно! — обрадовался кадий и отпустил женщину.

Выйдя от кадия, женщина отправилась к везиру. Везир один сидел в огромном зале. Когда женщина тихонько открыла дверь и заглянула внутрь, везир ее тотчас заметил.

— Входите, входите! — сказал везир.

Он встал, подвел женщину к месту и усадил напротив себя. Затем везир спросил ее:

— Что вы хотели мне сообщить?

— Везир-ага, — отвечала женщина, — слуги падишаха по-

садили моего мужа в зиндан, и, чтобы его освободить, нужен ваш письменный приказ.

— Ну, что же, — заметил везир и тут же взял бумагу и калам.

Но женщина его остановила, сказав:

— Погодите, везир-ага. Если у вас найдется время, приходите вечером ко мне. У меня на такой-то улице есть дом, и я живу там совсем одна. Может быть, тогда и напишем?

— Вот и прекрасно! — воскликнул обрадованный везир и отпустил женщину.

После этого женщина, видя, что все идет удачно, решила отправиться к падишаху. Но чтобы добраться до падишаха, нужно пройти стражу. Поэтому женщина, которая была молода и красива, приоткрыла покрывало так, чтобы были видны глаза, и направилась ко дворцу падишаха. Она приблизилась к стражнику у ворот, и тот спросил ее:

— Куда идешь?

Тогда женщина подмигнула ему и ответила:

— Мне нужно видеть падишаха, у меня к нему дело.

Стражник подумал: «Я ей понравился. Должно быть, это та самая женщина, которая уже приходила к падишаху». И он пропустил ее.

Затем женщина дошла до стражника у внутренних дверей.

— Куда идешь? — спросил стражник.

— К падишаху, — отвечала женщина.

Тогда стражник сказал:

— погоди, я спрошу падишаха. Если он позволит, ты войдешь к нему.

Стражник почтительно сложил руки ладонями вместе, вошел к падишаху и распростерся ниц. Падишах спросил его, что он хочет сказать.

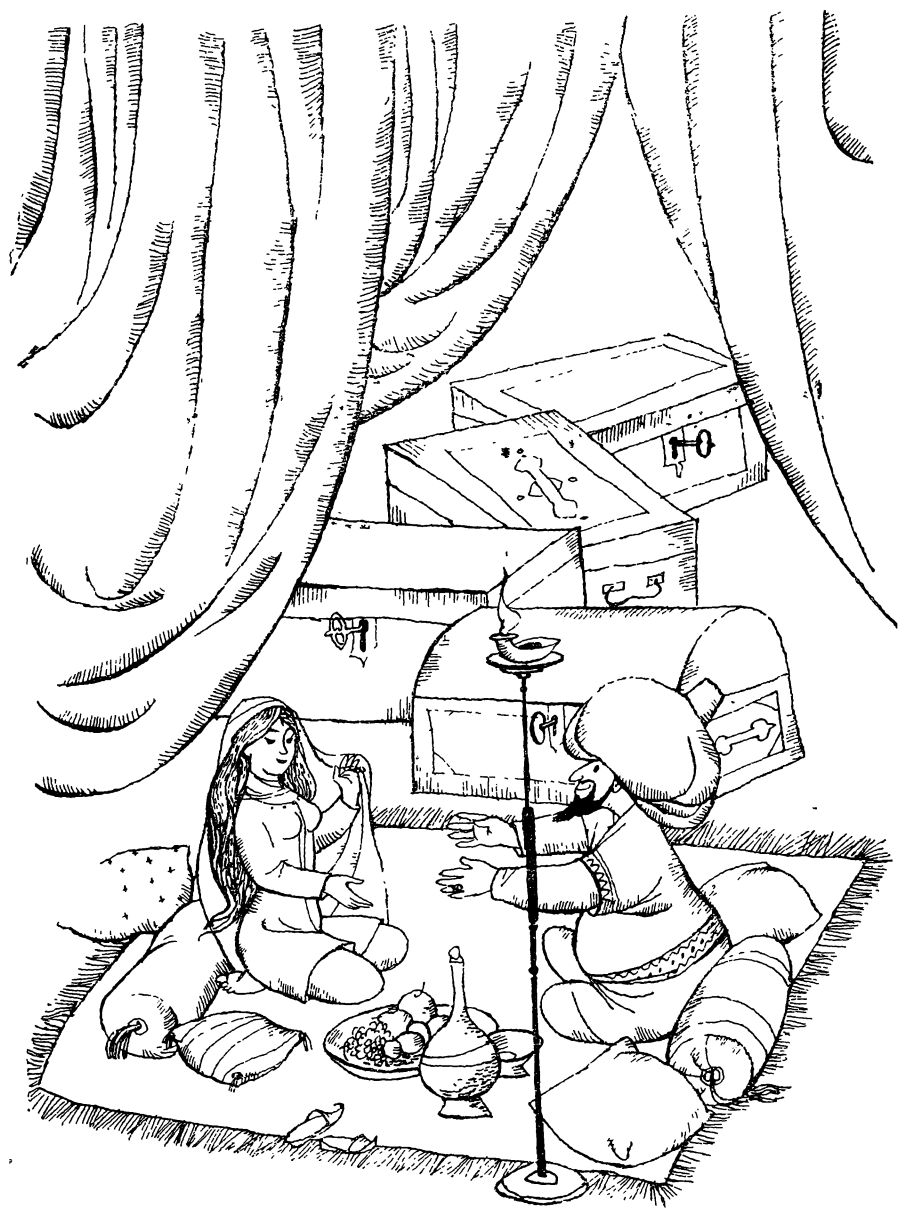
— О падишах, — отвечал стражник, — пришла какая-то очень красивая женщина, чтобы повидать вас. Она просит разрешения войти.

— Зачем же ты ее задержал, несчастный! — воскликнул падишах, прервав стражника. — Пусть она сейчас же войдет!

Падишах в нетерпении встал и приоткрыл дверь. И увидел, что женщина еще прекрасней, чем говорил стражник.

— Добро пожаловать, входи, — сказал падишах.

Взял он женщину за руку и усадил ее рядом с троном.

— Кто ты такая, женщина, откуда и зачем ко мне пожаловала? — спросил падишах.

— Я дочь Хурсатбая из Шама, зовут меня Гюльджехре, а имя моего мужа — Омар, и он сын Кайсар-хана. Не знаю, по какой причине, но он брошен вашими людьми в зиндан.

— Раз так, — сказал падишах, — то я тотчас же напишу, чтобы его освободили.

И падишах схватил калам и бумагу. Однако женщина удержала его, сказав:

— О дорогой, милый шах, погодите! У ваших дверей в надежде вас увидеть ожидают много бедняков, подобных мне, женщин и детей. Хорошо было бы, если вы сумели бы их до вечера всех отпустить. А вечером приходите ко мне домой, и там мы все напишем. Женщина, которая уже столько времени ждет своего мужа, может подождать и еще одну ночь. И кроме того, мой падишах, свидание с великим падишахом я считаю счастьем для себя.

Падишаху понравились слова женщины, он обрадовался и подумал: «Для меня свидание с такой красивой и умной женщиной, дочерью купца из Шама, тоже большое счастье. Возможно, что она откроет передо мной все свои тайны и исполнит все мои желания. Иначе она не указала бы мне свой дом и не пригласила бы к себе».

— Ладно, красавица, пусть будет так, как ты говоришь, — сказал падишах.

А женщина еще раз бросила кокетливый взгляд на падишаха и вышла. Шла она, шла — и пришла на базар к мастерам по деревянным изделиям. Тут она отыскала самого знаменитого мастера и обратилась к нему:

— Мастер-ага, мне нужны четыре сундука такого размера, чтобы в них мог поместиться человек.

— Вот, женщина, выбирай из этих сундуков, какие тебе понравятся, — сказал мастер.

Женщина выбрала четыре сундука, каждый из них взвалила на носильщика и, подмигнув мастеру, сказала:

— Мастер-ага, я не захватила с собой денег. Но на такой-то улице у меня есть дом, и если у тебя найдется время, приходи ко мне вечером, я отдам тебе деньги.

— Хорошо, можешь идти, — сказал мастер. — Вечером я свободен и непременно приду к тебе. Неужели я не поверю тебе в долг четыре сундука?

Женщина пришла домой и расставила сундуки по местам. Едва она успела отпустить носильщиков, как в дверь постучали. Гюльджехре встала, подошла и открыла дверь. Смотрит — а это кадий. Она ввела кадия в дом, помогла ему снять и повесила его парадные одежды. После этого кадий взял свой калам и написал приказ: «Немедленно освободить мужа такой-то женщины». Написав это, он тут же хотел было обнять Гюльджехре, но она сказала:

— Не спешите, мой кадий, сначала поешьте и попейте, я никуда не собираюсь уходить, и мы еще успеем насладиться.

В это время в дверь постучали.

— Кто это? — спросил кадий.

— Не бойся, — отвечала женщина, — это пришел мой по-лоумный брат. Он сейчас поест и уйдет.

— Что же мне делать, ведь он меня увидит? — испугался кадий.

Тогда женщина сказала:

— Выход есть, полезай в этот сундук.

Как только кадий вошел в сундук, женщина тотчас захлопнула и крепко заперла крышку сундука. После этого женщина открыла дверь, и в дом, покашливая, вошел везир. Он прошел на почетное место, снял с себя одежды, уселся и стал писать приказ. Написав приказ, везир передал его женщине и сказал:

— Ну вот, моя милая, теперь иди ко мне.

Но едва он взял женщину за руку, как в дверь постучали.

— Погоди, — сказала женщина, — это пришел мой по-лоумный брат. Он только поест и уйдет, тогда мы займемся своими делами.

— Где же мне спрятаться? — спросил везир.

Женщина и его спрятала в сундук и заперла там. Потом она подошла к двери, открыла ее, и вошел падишах. Женщина сняла с падишаха его драгоценные парадные одежды, повесила их и сказала:

— Ну, мой шах, не напишете ли вы тот письменный приказ, о котором я вас просила?

— Конечно, — отвечал падишах и тут же написал приказ, поставил в его конце свою подпись, приложил печать и отдал женщине.

— Ну, женщина, теперь иди ко мне, — сказал падишах и хотел было обнять ее. Но она его остановила:

— Зачем торопиться, мой падишах? Поедим-попьем, а потом вместе ляжем.

И она завела беседу. Но тут вдруг постучали в дверь. Падишах испугался.

— Кто это? — спросил он.

— Это пришел мой полоумный брат, — отвечала женщина. — Он только возьмет кусок лепешки и уйдет.

— Все равно, — сказал падишах, — я не хочу, чтобы он меня здесь видел. Спрячь меня куда-нибудь.

Женщина спрятала падишаха в сундук, заперла крышку, а потом открыла дверь и впустила мастера. Она помогла мастеру раздеться, усадила его и поставила перед ним чайник с чаем. А этот мастер все дрожал от испуга и, запинаясь, повторял:

— Н-н-ну, женщина, где же денежки за сундучки?

— Мастер-ага, — сказала женщина, — я тебе не заплачу за твои сундуки. Ты их сделал на четыре пальца короче, и человек в них не может поместиться.

— А ну-ка, поглядим. Разве бывают сундуки длиннее этих? — сказал мастер.

Он вошел в сундук и растянулся там во всю его длину. Женщина тотчас же заперла мастера. Потом она взяла приказы, пошла и освободила своего мужа из зиндана.

После этого они с мужем составили сундуки один на другой и в ту же ночь ушли в другую страну.

Четыре сундука остались в доме.

— Ай, ай! — стал кричать мастер, — если бы я не был дураком, я не сделал бы сундук на четыре пальца короче. Был бы он чуть подлиннее, я бы мог лежать, вытянув ноги, или же не лез бы в этот сундук, а ушел, забрав свои денежки!

— Кто это там кричит? — завопил кадий.

Тут и падишах, и везир стали оглашать дом воплями. На шум сбежались соседи и увидели, что стоят четыре больших сундука, а, кроме них, ничего больше нет. Из сундуков раздаются голоса: «Я падишах!» — «Я везир!». Тогда соседи решили: «Видно, в этом покинутом доме поселились духи. Нужно сжечь его!» Они притащили нефти и облили дом. Тогда кто-то сказал:

— Пойдите-ка, откройте дверь! Я слышу голос, который повторяет: «Я — ваш падишах!»

— Это дух, — стали говорить люди. — Что делать падишаху в этом ящике? — И они принялись лить на дом еще больше нефти. Между тем какой-то человек сказал:

— Будь что будет, а я все-таки открою...

Он поднял крышку сундука, и оттуда выскочил голый человек. Потом выскочил другой, а следом — третий и четвертый. Так вот и шли они гуськом, друг за другом: за везиром — кадий, за кадием — мастер, а впереди всех с бородой, торчавшей, как птичий хвост, — падишах. Так они и идут по сю пору.

58. Ишан и золото

В старые времена жил один туркмен. Он скопил много золота, чтобы совершить хадж. Положил он это золото в кувшин и заткнул его горлышко.

В том селении жил ишан, и ему человек отдал свое золото на хранение. Через год пришел человек к ишану и сказал:

— Отдай мне золото.

Ишан отдал ему кувшин.

Когда человек вернулся домой и раскупорил горлышко кувшина, оказалось, что кувшин полон арбузной патоки, а золота нет. Человек взял кувшин и, плача, направился к ишану. Навстречу ему попался один умный туркмен.

— О человеке, почему ты плачешь? — спросил он.

— Не спрашивай, почему я плачу, — отвечал тот. — Моё дело ты все равно не поправишь.

— Скажи причину, может быть, я тебе и помогу, — сказал тогда умный человек.

И этот человек рассказал:

— Я отдал ишану на хранение кувшин, полный золота. Через год я забрал у ишана свой кувшин, принес домой, открыл, а там оказалась арбузная патока. Золота нет. Теперь и не знаю, что делать — вот иду и плачу.

— Дай-ка мне свой кувшин, иди домой и жди, — сказал

тот умный человек. — А я отправлюсь к ишану, найду какой-нибудь способ забрать твое золото и возвращу тебе.

— Ладно, — ответил человек, отдал кувшин и ушел.

А тот умный человек принес кувшин к дому ишана и тут закопал его. Потом он вошел в дом и сказал ишану:

— Ишан-ага, я голоден, и семья моя голодна. Если вы подыщите мне какую-нибудь службу, то я буду служить вам, довольствуясь хоть кусочком лепешки.

— У меня есть сын и дочь. Вы можете учить их, — ответил ишан.

Человек согласился и отвел обоих детей ишана в мектеб. В одном из углов мектеба он выкопал яму и посадил туда детей.

После этого человек нарисовал портрет ишана. Потом поймал двух зайчат и посадил перед портретом. Зайчата хорошо запомнили образ ишана.

— Эй, человек, где мои сын и дочь? — спросил спустя какое-то время ишан.

А тот человек отвечал:

— Один из этих зайчат — твой сын, а другой — твоя дочь. И не знаю, как это случилось, но твои дети превратились в зайцев. Я прямо поражен!

— Не лги, — сказал ишан. — Со времен пророка Исы люди не меняют свой облик.

Заспорили они оба и отправились к хану. Хан сказал:

— Ты изменил облик сына и дочери ишана — тебя следует посадить в зиндан!

И этого умного человека отвели в зиндан. А у хана был везир.

— О хан, — сказал везир, — нехорошо сразу сажать человека в зиндан. Заставь его все рассказать, послушаем и тогда посмотрим.

Хан согласился. Вот привели того человека и спросили:

— Каким образом ты изменил облик детей ишана?

А человек отвечал:

— А я и сам не знаю. Они превратились в зайчат, и все! Если вы мне не верите, то посадите ишана среди других людей и выпустите к ним зайцев. Узнают они ишана — значит, они и есть его дети, а не узнают — значит, я лгу.

Тогда хан собрал несколько человек, позвал ишана и усадил всех. А потом к ним выпустили обоих зайцев. Зайчата

сразу сели перед ишаном и устави́лись ему в лицо. Тогда хан сказал:

— Если бы они не были твоими детьми, они бы тебя не узнали.

Заплакал ишан, не зная, что ему делать, и пошел домой. И тот умный человек тоже отправился домой.

После этого пришел ишан домой к тому человеку и сказал:

— О человек, верни моим сыну и дочери человеческий образ. Я дам тебе все, что попросишь.

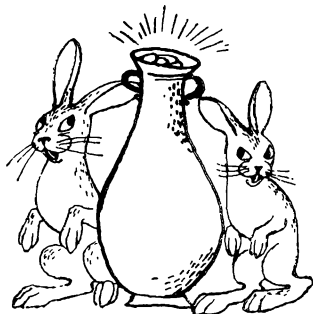
— О ишан, а вы когда-нибудь видели, чтобы золото превращалось в арбузную патоку? — спросил тот человек.

— Я виноват, я отдам золото, — отвечал ишан.

— Ну, ишан, тогда садись здесь и смотри вперед. А зайца отдай мне. Но если ты обернешься, то и сам превратишься в зайца, — сказал тот человек.

Ишан отдал зайцев и уселся, глядя прямо вперед. А человек взял зайцев, бросил их в яму, а сына и дочь ишана вытащил из ямы и привел к ишану. Дети подбежали к отцу и уселись рядом с ним.

Тогда ишан наполнил кувшин золотом и отдал его человеку, а тот отнес кувшин его хозяину. И для хозяина кувшина настали счастливые времена.

59. Три спорщика

В прошлые времена у одного богатого старика было три сына. В один из дней старик позвал своих сыновей и сказал им:

— У меня есть клад, который я зарыл в одном месте. И я отдам его тому из вас, кто будет за мной хорошо ухаживать.

Сыновья хорошо ухаживали за стариком, и потому он показал место клада всем троем. В один из дней старик

умер. А сыновья отправились за кладом, но увидели, что клада на том месте нет. Стали они все трое громко спорить: «Это ты взял! — Нет, это ты взял!» И так, подозревая друг друга, отправились они на суд падишаха.

Падишах выслушал их спор и сказал:

— Я расскажу вам одну историю, и если вы сумеете ее объяснить, то я решу ваш спор.

— Рассказывай, — отвечали юноши.

И падишах начал свою повесть:

— Когда-то юноша и девушка крепко полюбили друг друга. Но вот прибыли из другого места сваты и посватали эту девушку у ее родителей. Возлюбленный девушки, которому она дала обещание, был сыном бедняка, и поэтому не мог на ней жениться. Устроили свадебный пир, и девушку отдали другому. Обручили их, а когда вечером их вместе положили за пологом, девушка тяжело вздохнула. Юноша спросил ее:

— Почему ты так тяжело вздыхаешь? Разве ты не любишь меня?

Девушка сначала не хотела отвечать, но наконец сказала:

— Я люблю тебя, но еще раньше я была связана словом с другим юношей. Вот я и печалюсь, что обманула его.

Тогда этот юноша сказал:

— Раз так, то я по своей доброй воле отдам тебя тому юноше, а себе найду другую желанную.

И он тотчас же отпустил девушку.

Обрадовалась девушка и темной, безлунной ночью пустилась в путь. А в это время вокруг того селения бродил вор в надежде, что ему удастся что-нибудь украсть. Вдруг он заметил какую-то тень и решил, что нашлась для него добыча. Подошел он поближе и увидел, что это девушка, хорошо одетая. Когда вор захотел ее раздеть, девушка заплакала и рассказала ему все, что с ней случилось. И разбойник сжалился над ней и обещал отвести девушку туда, куда она направлялась. Пришла девушка к своему прежнему возлюбленному и рассказала ему, что тот юноша отпустил ее к нему. Тогда этот юноша сказал:

— Оказывается, он очень благородный человек. Раз так, я снова отдам тебя ему.

И он отправил девушку обратно.

А вор в это время стоял снаружи и подслушивал. Когда девушка вышла и опять пустилась в путь, вор проводил ее и доставил к прежнему мужу.

Так падишах закончил свой рассказ и добавил:

— Вот вы выслушали меня и теперь скажите, кто из этих людей самый великодушный?

Старший из трех сыновей сказал:

— Самый великодушный — муж этой девушки.

Средний сын сказал:

— Самый великодушный — юноша, который снова отослал девушку к ее мужу.

А младший сказал:

— Нет, самый великодушный из них — вор.

Тогда падишах сказал:

— Если вор — великодушен, то, значит, клад унес ты, и ты должен его вернуть.

Тогда младший брат достал клад из того места, куда его спрятал, и отдал братьям.

60. Правдивый юноша

У одного бедняка был сын. И было у них сорок золотых монет. Отец зашил эти сорок золотых в ворот старого халата сына и послал его с купцами торговать.

— Будь честным, сынок, не говори неправды, — наказывал он сыну.

Долго ли, коротко ли шли купцы, но дошли до одного места, и здесь напали на них разбойники. Поговорив между собой, разбойники решили: «Дадим-ка этому оборванцу что-нибудь из добычи».

Вот один из разбойников, желая подразнить юношу, спросил:

— Эй, оборванец, что с тебя можно взять?

Тогда юноша ответил:

— У меня есть сорок золотых монет.

Разбойники засмеялись и сказали:

— Откуда могут быть сорок золотых у такого, как ты?

Тут юноша распорол ворот халата и показал им свои золотые монеты.

— Зачем ты их показал? — спросили разбойники. — Мы хотели дать тебе денег, а теперь отберем и эти.

— Не беда, — отвечал юноша, — отец научил меня быть честным и не говорить неправды.

Изумленные разбойники вернули купцам их скот и деньги и бросили свое разбойничье ремесло.

61. Осел, который был умнее везиров

Жил один старик. И был у него осел. Старик говаривал: «Мой осел будет поумней везиров падишаха!»

Услыхали везиры про речи старика и стали жаловаться падишаху: «Мол, есть такой-то старик — позорит он нас». Тогда падишах призвал к себе старика и спросил его:

— Ну, старик, почему ты говоришь, что у твоего осла ума больше, чем у везиров падишаха?

— Это правда, — отвечал старик, — я всегда так говорю. Однажды я сел на осла и поехал. Пришлось мне переезжать мост, и вот нога осла попала в дыру на мосту, так что осел с трудом ее вытащил. Теперь всегда, когда я переезжаю этот мост, мой осел всхрапывает, упирается и перескакивает эту дыру. Видишь, какая умная скотина? А твои везиры совершают разные проступки, но, сколько бы ты их ни наказывал, при каждом удобном случае они делают то же самое! Так разве мой осел и здесь не был бы умнее?

Падишаху понравились речи старика, он подарил ему халат, а везирам своим сказал:

— Слыхали? Все, что говорит этот старик, — правда, и вам следует брать пример с его осла!

Так везирам пришлось брать пример с осла, потому что у них не было даже ума осла.

62. Умная девушка

В старые времена был один вор. Однажды он ограбил сокровищницу падишаха. Вдогонку за вором падишах послал всех своих сыщиков. Вора схватили и отняли у него награбленное. Тут падишах спросил своего главного везира:

— Как поступить с этим вором?
— Нужно собрать все население города и при всем народе этого вора зарезать, — отвечал везир.

А у падишаха была дочь. Падишах спросил ее:

— Правильно ли говорит везир?

— Везир рассудил по сути, — отвечала девушка.

Тогда падишах спросил среднего везира:

— Как поступить с этим вором?

— Нужно сложить побольше дров, посадить на них вора и поджечь.

И снова падишах спросил у своей дочери:

— Как ты находишь то, что сказал везир?

И дочь падишаха снова отвечала:

— Твой везир рассудил по сути.

Наконец падишах спросил своего младшего везира:

— Как поступить с вором?

— Нужно одеть вора с головы до ног, дать ему все, чтобы живот у него всегда был полон, и отпустить его.

Падишах опять спросил у дочери:

— Как ты находишь то, что сказал везир?

— Твой везир рассудил по сути, — отвечала девушка.

Тогда падишах сказал:

— Ты о каждом из трех везиров говорила, что он рассудил по сути. Что же ты имеешь в виду, объясни нам.

И девушка отвечала:

— Главный везир, который сказал, что вора нужно зарезать, по происхождению, должно быть, из мясников. Твой средний везир, видно, из обжигальщиков кирпича. А младший везир по всей своей сути — благороден.

Падишах проверил, и оказалось, что девушка была права. С вором поступили, как советовал младший везир: накормили досыта, дали на расходы денег и избавили от смерти. А младшего везира сделали главным везиром.

63. Ковродел

В одной стране падишах рассылал своих людей подслушивать разговоры, которые велись в городе. А у падишаха был добрый везир. Однажды ночью этот везир ходил по го-

роду, интересуясь, о чем говорят люди, и услышал чей-то голос. Везир подумал: «Что это значит?» — подошел поближе и увидел, что в одном старом доме сидит человек и ткёт ковер. Человек ткал ковер и приговаривал со слезами в голосе: «О мой язык, тысячу раз молю тебя, не ввергай меня в беду!» И так каждую ночь до рассвета человек ткал ковер и обращался с мольбой к своему языку.

«Тут должен быть какой-то смысл», — подумал везир и стал всякий раз приходить к этому человеку и подслушивать.

А человек этот очень искусно ткал ковры. На свете не было другого, кто бы ткал ковры так, как он.

Однажды, соткав ковер, человек понес его на базар продавать. И не было на базаре ковра более прекрасного, чем этот. Тогда один из тех, кто был в это время на базаре, пришел к падишаху и сказал:

— О мой шах, сейчас на базаре один человек продает очень красивый ковер. Такого ковра на базаре еще никогда не бывало, и ему пристало быть только в твоём доме. Я понял это и пришел тебе об этом сказать.

— Ступай и позови этого человека ко мне! — приказал тогда падишах.

Тот пошел и сказал ковроделу:

— Тебя зовет падишах!

Ковродел явился к падишаху.

Увидев ковер, падишах изумился и спросил:

— Сколько же он стоит?

Человек назвал свою цену, и падишах, заплатив деньги, купил ковер.

Ковродел отправился по своим делам, а падишах созвал своих везиров и векилей и сказал:

— О люди, сегодня я купил замечательный ковер! А теперь посоветуйте, как его получше употребить.

Каждый что-нибудь посоветовал. Только умный везир стоял молча. Тогда падишах спросил:

— О везир, каждый из присутствующих что-то мне посоветовал, один ты не сказал ни слова.

— О мой шах, — отвечал тогда везир. — Я хотел бы сказать вот что: давай позовем человека, который соткал ковер, и спросим его совета. Он знает лучше нас, как употребить этот ковер.

Падишах одобрил слова везира. Он позвал ковродела и спросил:

— О хозяин ковра, ты его соткал, а мы его купили. Так как же лучше всего употребить твой ковер?

И человек ответил:

— О мой шах, вот когда ты умрешь, пусть на этом ковре прочитают по тебе молитву. Лучше всего этот ковер употребить именно так, а до тех пор спрячь его.

Ответ ковродела привел падишаха в ярость. Он позвал палачей и приказал:

— Вздернуть этого человека на виселицу!

Но тут умный везир обратился к падишаху с просьбой:

— О мой шах, я очень прошу тебя: избавь этого человека от смерти. Дело в том, что однажды, когда я ходил с караулом по городу, я услышал чей-то голос. Я подошел поближе и увидел человека, который ночью ткал ковер и говорил со слезами в голосе, обращаясь к своему языку: «О мой язык, умоляю, не навлекай беды на мою голову!» И так каждую ночь я приходил послушать, что говорит этот человек, а на рассвете возвращался назад. Против длинного языка нет средства, любое дело человека зависит от его языка. Освободи его.

Падишах согласился и освободил ковродела от смерти. Тот вернулся домой и снова занялся своим делом, по-прежнему с плачем моля свой язык не ввергать его в беду. А везир с тех пор говаривал: «Когда не знаешь, что скажет твой язык, — это большое бедствие. Уж лучше быть немым».

64. Сын вола

Жил-был вор. И был у него сын десяти лет. Однажды вор украл барана. А когда он барана зарезал, его сын стащил баранью почку.

— Где вторая почка барана? — спросил отец сына, а тот отвечал:

— Я не знаю, отец, может быть, она у барана и была одна?

Тогда отец стал бить и ругать сына, но тот так и не сознался, что украл почку.

Однажды вор взял сына с собой и отправился грабить казну падишаха.

Он проделал в крыше дома дыру и спустил через нее внутрь дома сына, велел ему наполнить там мешок золотом и помочь вытащить его наружу. После того как вор вытащил порядочный куль золота, стал он поднимать наверх сына. И когда тот уже выбрался наполовину, отец снова спросил его:

— Ну, так где же вторая почка барана?

— Не знаю, отец, может быть, она у барана и была одна? — отвечал сын.

— Раз ты не сознаешься, что украл почку барана, я брошу тебя тут, — сказал отец.

И так как сын не признавался, отец оставил его внутри дома, а сам ушел.

Наступило утро, и обнаружилось, что казну падишаха обокрали. Внутри помещения нашли мальчика. Его доставили к падишаху и стали спрашивать.

— Кто ограбил казну? — спросил мальчика падишах.

— Тот, кто привел меня сюда, — отвечал мальчик.

— А кто привел тебя сюда? — спросил падишах.

— Тот, кто ограбил казну, — отвечал мальчик и, кроме этого, ничего больше не захотел сказать.

Тогда падишах приказал палачам:

— Вздернуть мальчишку на виселицу!

Собралась толпа. Мальчику накиннули на шею веревку. В это время его отец, находившийся в толпе, поднял два пальца, показывая, что, мол, у барана было две почки. А сын поднял в ответ один палец, дескать, нет, у барана почка была одна. Падишах увидел это и приказал:

— Подведите ко мне мальчишку!

Мальчика подвели к падишаху, и он спросил, почему тот поднял один палец. Тогда мальчик ответил:

— Когда мне на шею набросили петлю, явился мне шай-

тан и потребовал: «Скажи: два бога!» — а я, подняв один палец, ответил: «Бог един».

Падишах выслушал эти слова и освободил мальчика.

65. Изгнанный везир

Некогда жил один падишах. И был у него везир. Вот по какой-то причине везир впал в немилость, и падишах отнял все его имущество. А везир даже не знал, чем это объяснить.

Как-то раз изгнанный везир ходил по улицам и набрел на кучку ребятишек, которые играли в падишаха, его везиров и векилей. Игра ребятишек понравилась везиру, и он стал наблюдать. Смотрит везир — приехал «падишах» со своими всадниками и стал отбирать у мальчика, который изображал везира, его имущество. Тогда мальчик спросил:

— Ты падишах справедливый или нет?

— Справедливый, — отвечал «падишах».

И мальчик сказал:

— Ладно, можешь забрать мое имущество, но если ты справедливый, то верни мне жизнь, которую я потратил на службе у тебя!

«Падишах» засмеялся и ушел, а везир, услышав ответ мальчика, изумился и подумал: «Вот так надо было и мне ответить падишаху. Мальчик-то оказался умнее меня».

И везир написал падишаху письмо: «Так, мол, и так, падишах, ты отнял у меня все мое имущество, и против этого мне нечего возразить, потому что я был беден, когда ты сделал меня везиром, и все свое добро я нажил благодаря тебе. Но служа тебе в течение долгих лет, я растрачивал свою жизнь. И если ты справедливый падишах, то верни мне потраченную на тебя жизнь».

Падишах прочел письмо везира, и оно ему понравилось. Придя в хорошее расположение духа, он послал за везиром ясаула. Когда везир пришел, падишах снова вернул ему его прежнее место.

А спустя некоторое время везир рассказал падишаху об игре мальчиков, о том, как он взял с них пример, и они оба посмеялись.

66. Догадливый бедняк

Жил один бедняк, который служил падишаху. В один из дней падишах дал бедняку письмо и сказал:

— Ступай и вручи это письмо главному мирабу.

А бедняк был очень сообразительный. Он взял у падишаха письмо и, выйдя от него, дал прочесть письмо какому-то человеку, а затем спросил его:

— О чем здесь говорится?

Человек, прочитав письмо, сказал:

— Наш падишах повелел главному мирабу выдать подателю сего письма тридцать пудов снега.

Все это происходило зимой, и бедняк подумал: «Кто же в зимний день не достанет снега? Но если главный мираб человек могущественный, пусть-ка он достанет это летом». Спрятал бедняк письмо к себе в карман и пошел по своим делам.

Зима прошла, и в самый разгар лета бедняк достал письмо падишаха и отправился к главному мирабу. Подал он письмо мирабу, а тот сказал ему:

— Глупец, разве бывает снег летом?

А бедняк ему отвечал:

— Меня это не касается, исполняй приказ падишаха.

— Что же мне теперь делать? — в страхе спросил мираб.

Тогда бедняк сказал:

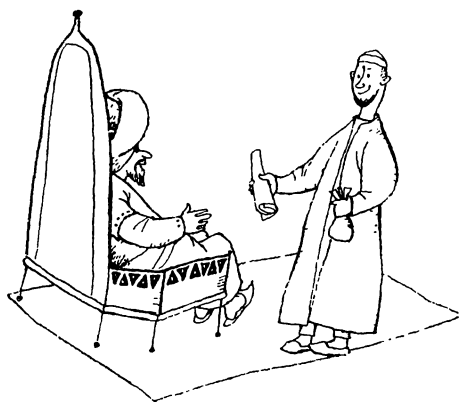
— Я могу сказать тебе, что делать.

— Ну, скажи, — проговорил мираб.

И бедняк сказал:

— Вместо этого снега дай мне денег. Ведь если потерянная вещь не находится, за нее платят деньги.

Мираб выдал бедняку деньги, а тот, забрав их, отправился к падишаху и вернул ему его письмо.

— Что же, бедняк, не нашлось для тебя снега? — спросил падишах.

И бедняк ответил:

— Э, хоть снега мне и не дали, но я своего не упустил и взял вместо снега деньги.

Падишах очень этому удивился, а потом долго смеялся. Деньги же, которые получил бедняк, так у него и остались.

67. У твоей матери

мука кончилась

В давние времена один мальчик ходил к мулле. И каждый раз, когда он приходил в мектеб, мулла говорил ему:

— Входи, сын красивой женщины.

Однажды, придя домой, мальчик спросил:

— Мама, а мама, это правда, что ты такая красивая? Каждый раз, когда я прихожу, мулла говорит мне: «Входи, сын красивой женщины».

Тогда мать и говорит ему:

— Сегодня, когда придешь на урок, скажи: «Мулла, моя мать зовет тебя».

И вот, когда мальчик пришел на урок, мулла снова сказал ему: «Входи, сын красивой женщины».

А мальчик ему ответил:

— Мулла, а мулла, моя мать зовет тебя сегодня.

Мулла согласился вечером прийти, а мальчик рассказал обо всем отцу и матери. Тогда женщина сказала мужу:

— Когда солнце сядет и начнет смеркаться, а мулла, ничего не подозревая, будет сидеть тут, ты нагрузи на верблюда пшеницу, подведи верблюда к двери и крикни: «Хых, чок!» *.

И вот как только солнце село, мулла, у которого разыгралось воображение, пришел к матери мальчика и спросил:

— Зачем я тебе нужен?

— Сегодня вечером моего мужа нет дома, — отвечала мать мальчика, — и я позвала тебя в гости на угощение. Снимай

ичиги, одежду и располагайся поудобней — мой муж сегодня ночью не придет.

Снял мулла все одежды, удобно расположился и стал ба- лагурить с матерью мальчика. Вдруг в это время у двери раз- далось: «Хых, чок!» — и женщина воскликнула:

— Ой, муж пришел!

Мулла растерялся и засуетился:

— Куда бы мне спрятаться?

Тогда мать мальчика сказала:

— Ты не волнуйся, будь спокоен, я все устрою. Накинь на голову мой курте, возьми вон в том углу ручную мельницу и сделай вид, что мелешь муку.

И она сунула мулле торбу с зерном.

Мулла надел курте матери мальчика и принялся молотъ пшеницу ручной мельницей. Тем временем отец мальчика втащил в дом мешок пшеницы.

— Кто эта женщина? — спросил он у жены.

— Это невольница такого-то, пришла молотъ пшеницу, — отвечала жена.

— Тогда пусть она смелет и пшеницу, что в этом мешке, — сказал отец мальчика.

Когда «невольница» смолола весь мешок пшеницы, муж сказал жене:

— Сегодня я с тобой спать не буду. Я давно уже хотел спать с невольницей такого-то, и теперь мое желание испол- нится.

Как только мулла услышал это, он скинул с себя курте, выскочил из дома и задал стрекача. А вся его одежда оста- лась в том доме.

Прошло некоторое время. И вот, когда мальчик снова со- бирался идти на урок, мать сказала ему:

— Сегодня, когда придешь в мектеб, скажи мулле, что твоя мать снова зовет его.

Мальчик пришел в мектеб и сказал:

— Мулла, моя мать опять зовет тебя.

— Ха, дружок, видно у твоей матери мука кончилась, — отвечал мулла.

68. Как падишах с женой сидели у дверей

Жил когда-то один падишах, и вот однажды он вышел со своей женой на улицу и сел у дверей. В это время по улице шел какой-то дайханин. Проходя мимо падишаха, он подумал: «Я всегда так тяжело работаю. А что если я поднесу падишаху и его жене, которые сейчас тут сидят, красные яблоки на блюде? Может быть, он что-нибудь пожалует мне в подарок?» Дайханин решил, что это правильная мысль, купил на базаре несколько красных яблок, положил их на блюдо, поднес падишаху и его жене.

— Великий падишах, — сказал он, — я порадовался тому, как вы тут сидите у дверей, но у меня ничего нет, и поэтому я принес вам в подарок вот только эти красные яблоки.

Падишаху это очень понравилось, а жена его развеселилась и дала дайханину пятьсот рублей. Тогда, не желая отстать от жены, падишах тоже дал дайханину пятьсот рублей.

Бедняк дайханин, радуясь, что ему довелось увидеть такое, чего он в жизни не видывал, пошел не чуя под собой ног. И повстречался ему другой дайханин.

— Эй, приятель, почему ты идешь с таким довольным видом? — спросил он.

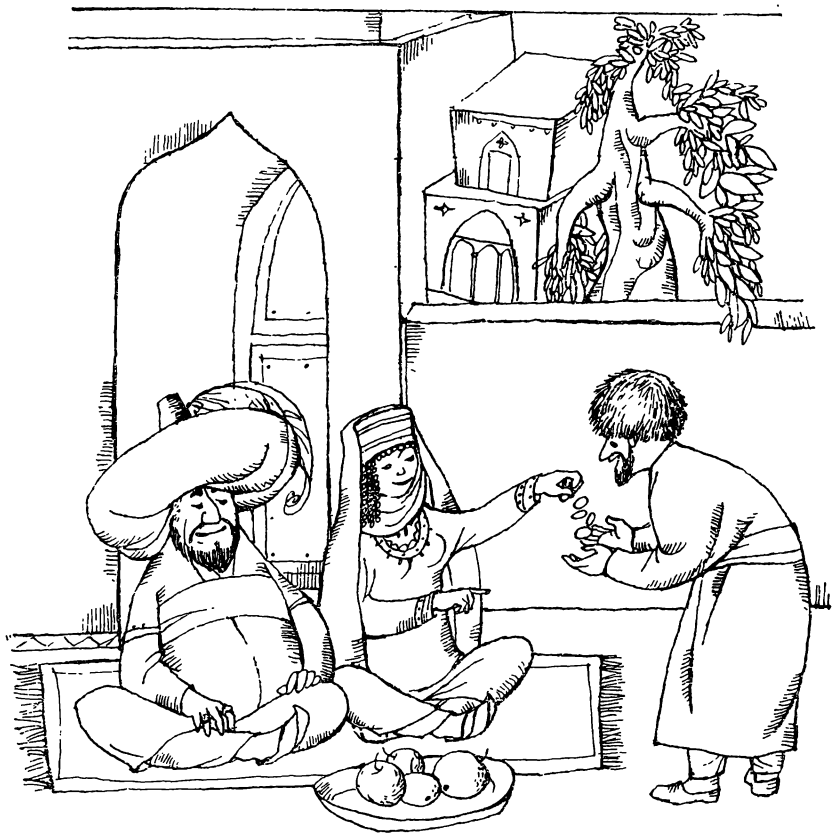
— И не спрашивай, друг, — отвечал первый дайханин, — я поймал добычу.

— А ну-ка, Расскажи, друг, — попросил второй дайханин. И первый рассказал:

— Проходил я по улице, а в это время падишах со своей женой сидели у дверей. Я преподнес им несколько красных яблок на блюде, и они дали мне каждый по пятьсот рублей.

— Если так, приятель, — сказал второй дайханин, — то снесу-ка им что-нибудь и я.

Пошел второй дайханин на базар и хотел было купить в подарок падишаху репы. Потом эта мысль показалась ему неправильной. Он поразмыслил и решил: «Репа — невкусная штука, на что она падишаху? Поднесу-ка я ему красного луку». Подумав, что это будет хорошо, дайханин положил на блюдо немного горького луку, подошел к падишаху и его жене, сидевшим у дверей, подал им блюдо и сказал:

— Вот, великий падишах, мне так приятно, что вы сидите тут вдвоем с женой.

Но падишаху не понравился лук этого дайханина, и он велел кликнуть своих слуг. Когда те пришли, падишах сказал:

— Возьмите этот лук и каждую луковицу разбейте на голове этого дайханина.

По приказу падишаха стали класть дайханину на голову луковицы и разбивать их. Те лопались, а дайханин при этом повторял: «Слава богу!» Разбив таким образом несколько луковиц, слуги падишаха спросили дайханина:

— Почему это ты славил бога?

— Вам какое дело? Падишах приказал вам разбить у меня на голове лук — вот вы и занимаетесь этим.

Тогда слуги рассказали обо всем падишаху: «Когда мы разбиваем у него на голове луковицу, она лопается, а он при этом говорит: „Слава богу“». Тут падишах разгневался и приказал:

— Ступайте приведите этого негодника!

Слуги отправились и притащили дайханина. Падишах спросил его:

— Почему ты прославляешь бога, в то время как на твоей голове разбивают лук, проклятый дайханин?

И дайханин отвечал:

— Великий падишах, я расскажу, если ты простишь мне мою провинность.

— Ладно, я простил тебя, — сказал падишах.

Тогда дайханин стал рассказывать:

— Падишах, сначала я и не знал, что вы вдвоем со своей женой здесь сидите. Но тот человек, который поднес вам красные яблоки, рассказал мне, что произошло. Услыхал я обо всем, пошел на базар и хотел купить для вас репы. Но потом решил, что репа — вещь невкусная, и принес вам лук. Вы же приказали слугам разбить этот лук у меня на голове. Когда слуги стали класть и разбивать у меня на голове луковицы, они лопались с одного удара. А если бы я принес вам репы, ее бы не разбили и десятью ударами. Вот я и благодарю бога за то, что купил лук.

Падишаху понравилась речь дайханина, он развеселился, дал ему сто рублей и отпустил.

Она, печенка, потонула, а мы, легкие, остались.

69. Бехлили Дана

Жил один дивана, которого звали Бехлили Дана *. В один из дней, когда он бродил по базару, какой-то торговец спросил его:

— Эй, Бехлили Дана, что мне купить в этом году для выгодной продажи?

— Купи чеснок и железо, — ответил Бехлили Дана.

Торговец закупил то, что ему посоветовали. В том году

на чеснок и железо в народе был большой спрос, и торговец выручил за них в десять-пятнадцать раз больше, чем потратил.

На следующий год этот торговец снова повстречал Бехлили Дана, когда тот бродил по базару, и на этот раз спросил его с насмешкой:

— Эй, Бехлили Дивана, что мне купить в этом году для выгодной продажи?

— Купи халву и лук, — отвечал Бехлили Дана.

Торговец на все свои деньги закупил то, что он ему советовал. Но в тот год никто не купил у торговца даже батмана лука и халвы. Наступила весна — халва растаяла, лук пророс, и все пропало. Таким образом торговец разорился и обнищал.

Однажды торговец снова повстречался с Бехлили Дана.

— Скажи, почему в прошлом году на мой вопрос ты посоветовал мне купить такие товары, которые принесли мне выгоду, а в этом году — такие, от которых я разорился? — спросил торговец.

И Бехлили Дана отвечал:

— В прошлом году, когда ты спрашивал совета, ты назвал меня «Бехлили Дана», и я ответил тебе сообразно с моей мудростью. А в этом году ты назвал меня «Бехлили Дивана». Вот я и ответил тебе как безумный.

70. *Рассказ о том, как Мирали стал везиром*

Однажды Мирали взял взаймы у одного богача сто жирных баранов и отправился торговать в страну Солтансоюна. Долго ли он шел, коротко ли шел, но наконец достиг города, где жил Солтансоюн.

На следующий день Мирали погнал своих баранов на базар. Люди увидели, что бараны у Мирали жирные, и обступили его со всех сторон.

— Скажи, купец, почем продаешь баранов? — стали спрашивать его люди.

А Мирали отвечал:

— Каждый баран стоит столько-то, но я даю их взаймы до дня смерти падишаха.

Как только люди услышали про это, они мигом расхватали баранов Мирали. Но один из бывших на базаре пришел к падишаху и сказал:

— О падишах, какой-то чужак пригнал сегодня на базар стадо баранов и роздал их взаймы якобы до твоей смерти.

Тотчас же по приказу падишаха привели к нему Мирали, и падишах спросил его:

— Что же ты за дурак, купец: отдаешь свой товар взаймы до дня смерти падишаха и теперь будешь ходить и желать мне смерти! Что я тебе плохого сделал?

— Ты прав, о падишах, — отвечал Мирали. — Я отдал баранов взаймы до дня твоей смерти, но я-то ведь один, а баранов взяли сто человек. И если даже я стану желать тебе смерти, то ведь все они пожелают тебе бессмертия. А что сильнее: пожелание одного человека или — сотни людей?

От этих слов Солтансоюн растрогался и сделал Мирали своим везиром.

71. Расспросы каравана

Однажды падишах Солтансоюн со своими воинами выехал на охоту. Коротко ли они ехали, долго ли — приехали в безлюдную степь. А везиры, векили и улемы только и делали, что порочили Мирали. Хотя Солтансоюн их речей не слушал, везиры и векили не переставали поносить Мирали. Наконец Солтансоюн огляделся и увидел вдали еле заметный взору караван. Он подъехал к своему шатру и сказал, обращаясь к везирам и векилям:

— Что это чернеет во-о-о-он там? Ступайте разузнайте! Те съездили и вернулись.

— Ну, везиры и векили, что это? — спросил Солтансоюн.

— Это купеческий караван, — отвечали они.

— А откуда и куда они направляются, узнали? — спросил Солтансоюн.

— Ах, нет, мы этого не узнали, — отвечали везиры и векили.

— Так ступай расспроси ты! — приказал Солтансоюн одному из векилей.

Векиль быстро съездил, расспросил и сказал:

- О падишах, они, оказывается, едут из такого-то города.
- А куда они направляются, не спросил?
- Нет, об этом я не спросил, — отвечал векиль.
- Тогда ступай опять и узнай! — приказал Солтансоюн.

Векиль снова отправился расспрашивать караванщиков, и когда вернулся назад, то сказал:

- Вот, оказывается, они едут в такой-то город.

Чтобы добыть сведения о караване, Солтансоюн послал туда всех своих кетхуда, и каждый из них являлся с одним каким-нибудь сообщением. Ничего не зная о том, Мирали в это время находился среди воинов падишаха. Солтансоюн позвал его и сказал:

- О Мирали, вон там остановился караван. Поезжай туда и все разузнай о нем.

Мирали отправился, быстро расспросил караванщиков и, возвратившись назад, дал подробный ответ:

- О падишах, караван выехал из такого-то города и направляется туда-то. Они везут во вьюках шерсть, стекло, гребни для волос, маш, рис и некоторые другие товары, взамен которых в том городе, куда направляются, собираются приобрести такие-то товары. Кроме того, они сообщили, что в таком-то городе такие-то товары не в ходу. А караванбаши у них — такой-то.

— Вполне достаточно, — сказал Солтансоюн и, обращаясь к везирам, воскликнул:

- Ах вы, дураки! Вы вдесятером за десять раз не сделали того, что Мирали сделал за один раз!

После этого поворотили они назад и вернулись в свой город.

72. Разговор с перекати-полем

Однажды падишах Солтансоюн вместе со своими воинами выехал на охоту. Он ехал впереди своих везиров и векилей на расстоянии голоса. А Мирали ехал позади, перед войском. Везиры, векили, кетхуды и улемы все повторяли:

- О падишах, вы любите Мирали больше, чем нас.

И это повторялось не раз и не два, а всю дорогу. Солтан-

союз ехал задумавшись и не отвечал на их слова. А Мирали, ничего не подозревая об этих жалобах, продолжал путь среди войска, следовавшего позади всех.

Вдруг Солтансоюн огляделся вокруг и увидел перекаати-поле, которое катилось вдоль дороги.

— Ступайте расспросите это перекаати-поле о новостях! — обратился Солтансоюн к везирам и векилям.

— О шах мира! — зароптали везиры и векили. — Что можно узнать у безмолвного, бессловесного перекаати-поля, которое несется по ветру?

— Эй, Мирали! — крикнул Солтансоюн.

Мирали хлестнул коня и подъехал. Солтансоюн сказал ему:

— Ступай расспроси о новостях во-о-он то перекаати-поле!

Мирали направил вперед коня, догнал катившееся перекаати-поле, немного помедлил там и вернулся.

— Ну, Мирали, узнал новости? — спросил Солтансоюн.

— Да, — отвечал Мирали, — я спросил у перекаати-поля, откуда оно прибыло, и оно мне отвечало: «О таких вещах не спрашивай. Откуда я прибыло, знает лишь ветер, а куда прибуду, знает овраг».

Солтансоюн поглядел на везиров и векилей и сердито сказал им:

— Ну, дураки, видали? Мирали заставил разговориться сухое перекаати-поле, а вы ныли, что от него, дескать, ничего не узнаешь.

С тем они и вернулись назад с охоты.

73. Мух нет там, где нет людей

Солтансоюн постоянно с Мирали спорил, хотел победить его в речах любым способом. Однажды он сказал Мирали:

— Мухи одолели. Неужели нет места, где бы не было мух?

— Мух нет там, где нет людей, — отвечал Мирали.

Солтансоюн не поверил и сказал Мирали:

— Ступай садись на коня, поедem подальше в степь да поглядим!

Тотчас же сели они на коней и отправились в безлюдную степь. «Ну, вот уж здесь наверняка нет людей», — решили они и остановились. Спустя некоторое время вдруг зажужжала муха и села на щеку Солтансоюну.

— Мирали, что же ты врал? Разве это не муха уселась мне на щеку? — воскликнул Солтансоюн.

А Мирали отвечал:

— А что же, разве мы не люди?

Так Мирали снова победил Солтансоюна. С тем они и вернулись назад.

74. И это пройдет

Было в старые времена у падишаха Солтансоюна десять везиров. Везиры эти очернили Мирали-шира и заставили Солтансоюна бросить его в зиндан. А Солтансоюн очень горевал, что Мирали брошен в зиндан. Однажды, когда Солтансоюн сидел задумавшись, к нему пришли везиры. Солтансоюн сказал им:

— Везиры, отыщите мне такие слова, чтобы, услышав их, я и порадовался и погрустил. Если в течение трех дней вы таких слов не найдете, я всех вас повешу.

Как ни старались везиры, но за три дня они не придумали таких слов, что требовались Солтансоюну. Тогда они посоветовались между собой и решили:

— Эх, была не была, пойдем да спросим Мирали!

Двое везиров отправились в зиндан и обратились к Мирали:

— Мирали, Солтансоюн велел нам отыскать такие слова, чтобы, услышав их, он мог и порадоваться и погрустить. Если ты нас не выручишь, наши дела плохи.

На это Мирали отвечал:

— Скажите падишаху: «Ин хем мигузеред»*, что значит «И это пройдет».

Везиры поспешили к Солтансоюну и сказали:

— О падишах, мы нашли слова, которые вам требуются.

— Ну, если нашли, так говорите, — сказал Солтансоюн.

— «Ин хем мигузеред», — сказали везиры.

Тогда Солтансоюн спросил:

— А вы сами додумались до этого?
— О ваше величество падишах, если вы обещаете нас простить, мы все расскажем, — отвечали везиры.
— Я прощаю вас, — проговорил Солтансоюн.
Тогда везиры признались:
— Мы выпросили эти слова у Мирали.
Тогда Солтансоюн приказал:
— Ступайте и мигом освободите Мирали из зиндана!
Везиры освободили Мирали из зиндана и привели его к падишаху. Вот так Мирали спасся от тюрьмы.

75. Дыни в подарок

В давние времена, в такой-то год и в такой-то день у Мирали и его отца хорошо уродились дыни. Вот и говорит Мирали отцу:

— Послушай, отец, нигде нет таких дынь, как у нас. Подарю-ка я поэтому व्यок дынь падишаху.

— Иди, сынок, но только падишах ничего не даст тебе взамен, даже если и получит в подарок дыни, — отвечал отец.

— Ну и черт с ним, если не даст, — сказал Мирали.

Нагрузил Мирали на своего осла самые лучшие дыни и отправился в путь. А Солтансоюн увидал издали, что приближается Мирали, и стал у крепостных ворот, словно он привратник. Когда Мирали, ничего не подозревая, собирался пройти в ворота, Солтансоюн сказал ему:

— Эй, парень, куда идешь?

— Хочу сегодня подарить Солтансоюну дыни, — отвечал Мирали.

— Вот дурак! Чем дарить дыни Солтансоюну, который ничего не даст тебе взамен и проводит с пустыми руками, вези-ка ты их лучше на базар да продай, — сказал Солтансоюн.

— Не даст — и не нужно, я хоть покажу ему, какие у меня сладкие дыни, — проговорил Мирали, вошел в ворота и направился ко дворцу падишаха.

А Солтансоюн до прихода Мирали успел переодеться в одежду падишаха и сесть на трон. Приблизился Мирали к падишаху и сказал:

— Вот, падишах, я принес тебе дыни.

— Ничего хорошего в твоих дынях нет, и я тебе за них ничего не дам. Ступай унеси их! — сказал Солтансоюн.

— Ничего не дашь — ну и черт с этим! Я ведь это уже говорил, — отвечал Мирали.

— Эй, парень, что это ты уже говорил? — спросил Солтансоюн.

— То, что я говорил, — ясно и понятно, тут и спрашивать нечего, — отвечал Мирали.

Подумал-подумал Солтансоюн, потом дал Мирали пригоршню монет и отпустил его. Когда Мирали ушел, придворные падишаха сказали:

— О падишах, послушайте, если каждому, кто принесет дыни, вы станете давать столько денег, наша казна опустеет.

— Каждому, кто приносит дыни, столько денег не дают. Деньги ему даны не за дыни, а за его ответ, — ответил Солтансоюн.

— Чем же этот человек превзошел других? — спросил один из везиров.

— Чем он превзошел других, вы поймете, если попробуете только с помощью слов отнять у него те деньги, которые ему были даны.

— Позволь мне, о падишах, только с помощью слов отобрать у него деньги и привезти их назад, — сказал один из везиров и погнался за Мирали.

Догнав Мирали на полпути, везир крикнул:

— Эй, парень, стой-ка! Деньги тебе были даны зря, и я не оставляю их тебе!

Мирали, придержав осла, ответил:

— Вот я остановился — говори теперь свое слово. Посмотрим, что ты скажешь!

Тогда везир и спрашивает:

— Где середина земли? Угадай-ка!

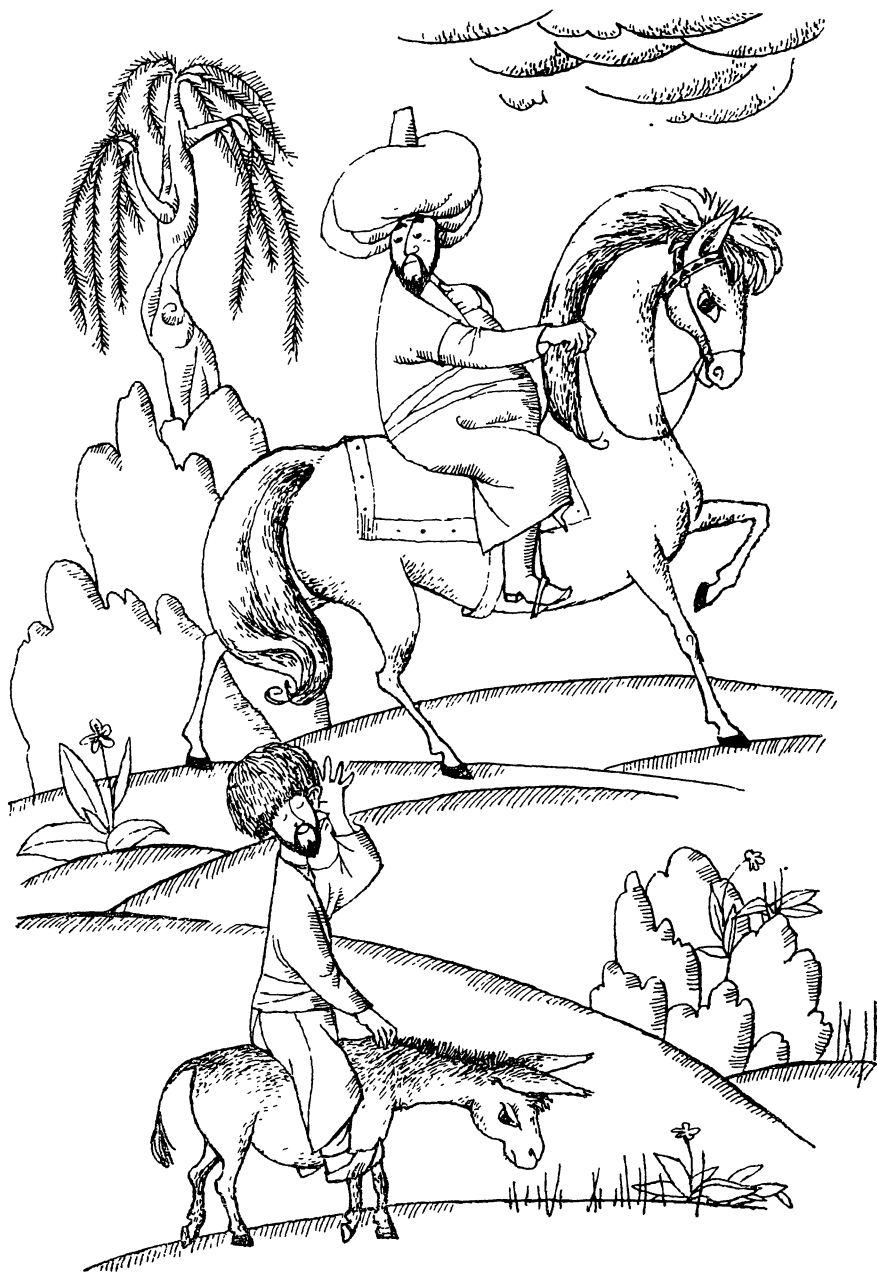
А Мирали отвечает:

— Ты хочешь знать, где середина земли? Она под копытом правой передней ноги моего осла.

— Откуда тебе это известно? — спросил везир.

— Откуда я это знаю — не спрашивай, а если не веришь — я подожду, а ты измерь, вот и увидим, — ответил Мирали.

Везир, побежденный Мирали, вернулся к падишаху.

— Ну, удалось тебе отнять деньги? — спросили люди, окружавшие падишаха.

— Нет, — ответил везир, — я вернулся без денег.

Тогда другой человек с разрешения падишаха догнал Мирали и сказал ему:

— Эй, парень! Либо угадай, сколько звезд на небе, либо отдавай деньги и убирайся!

Мирали ему на это ответил:

— Вот так сказал! Да на небе звезд ровно столько, сколько волосков на теле моего осла! А если сомневаешься, возьми и сосчитай.

Так и этому человеку пришлось вернуться ни с чем.

И опять другой человек догоняет Мирали и спрашивает:

— Эй, парень, о чем кудахчет белая курица на небе? Знаешь — скажи, не знаешь — давай деньги и убирайся!

— Я слышу голос белой курицы, — задумчиво сказал Мирали, — но не разбираю, о чем она говорит. Если можно, дай мне своего коня. Я сяду на него да послушаю — ведь конь выше осла, может быть, когда я стану ближе к белой курице, я скорей разберу, о чем она говорит.

Человек отдал Мирали своего коня, а Мирали, сев верхом, устроился поудобнее и сказал:

— Вот теперь я слышу голос белой курицы ясно.

— Ну и что же ты услышал? — спросил тот.

— Белая курица говорит: «Садись на этого коня и поезжай, а этому человеку будет довольно и осла», — ответил Мирали, стегнул коня плетью и ускакал.

А тот человек, и коня потеряв и денег не добыв, сел на осла Мирали и вернулся во дворец. Тогда падишах сказал:

— Ну, теперь видали, что за человек Мирали?

Посочувствовали они тем, кого Мирали победил речами, и решили, что верно говорится: «С сильным не борись, с быстрым не беги наперегонки» *.

76. Каракудук

Однажды падишах Солтансоюн и Мирали ехали мимо какого-то селения. Вдруг они увидели необычайно красивую женщину. Как только Солтансоюн заметил ее, он тотчас за-

горелся страстью и решил, что должен непременно ею завладеть. Но Мирали ему сказал:

— Можно ли без всякого повода отбирать чужую жену?

Тогда Солтансоюн решил, что он отыщет для этого повод.

Он подъехал к дому на краю селения и остановился.

— Эй, ты, у вас тут есть красивая женщина, так чья она жена? — спросил Солтансоюн у хозяина дома.

— А это жена человека по имени Каракудук, — отвечал хозяин дома.

Солтансоюн приказал привести этого человека. Кто-то пошел и сказал Каракудуку, что его зовет падишах. Каракудук явился.

— Послушай, Каракудук, — сказал Солтансоюн, — я даю тебе девяносто баранов-двухлеток, а ты должен сделать так, чтобы через пять месяцев они окотились!

— Ваше величество падишах, я пойду домой и посоветуюсь с женой, — отвечал Каракудук.

Пришел Каракудук к жене и сказал:

— Ну, жена, плохи наши дела!

— А что случилось? — спросила жена.

— Да вот, падишах приказал мне, чтобы я заставил девяносто баранов-двухлеток через пять месяцев окотиться, — отвечал Каракудук.

— Не печалься, ступай и приведи баранов, — сказала жена. — Мы их частью продадим, частью съедим, ну а дальше — там видно будет. Ответ я беру на себя.

Каракудук вернулся к падишаху и сказал:

— Ну, падишах, давай своих двухлеток, я заставлю их окотиться!

Забрал Каракудук с собой баранов-двухлеток и пошел домой. Большую часть баранов они с женой продали, а несколько зарезали себе в пищу.

Прошло пять месяцев. Падишах сел верхом на коня и поскакал к дому Каракудука. А жена его увидела, что едет падишах, и сказала:

— А ну, Каракудук, лезь скорей под одеяло, выпяти живот и так лежи. Я сама дам ответ падишаху.

Как раз в это время к двери дома подскакал падишах.

— Эй, Каракудук, где ты? — крикнул он.

— Ваше величество, — отвечала женщина, — Каракудук лежит беременный, вот-вот родит.

Падишах опешил:

— Да разве мужчина может рожать детей?

— О падишах, — отвечала женщина, — если можно заставить баранов-двухлеток окотиться, то почему же мужчина не сможет родить ребенка?

Понял тут падишах, что он совершил негодное дело. Пригнулся он к луке седла и усккал обратно. А Каракудук с женой остались мирно доедать баранов.

77. Два быка

Шел один дайханин и нашел двух быков. Забрал он их с собой и пришел в селение.

— Ты откуда взял этих быков? — спросил другой дайханин.

— Этих быков мне дал бог.

— Где же тебе он их дал?

— Бог сидит вон на той арче. Если ты придешь к нему и скажешь: «Эй, боже, дай мне пару быков!» — он тебе тут же их и даст.

— Тогда я пойду, — сказал дайханин и направился в указанную сторону.

А тот дайханин, что нашел быков, незаметно для другого забежал вперед и влез на арчу. Подошел второй дайханин и, думая, что бог сидит в ветвях дерева, совершил у его подножия омовение *, прочитал молитву и сказал, обращаясь кверху:

— О боже, дай и мне пару быков!

А дайханин сверху ему отвечал:

— Не дам я тебе пары быков!

— Ну, тогда я не буду ради тебя ни молиться, ни поститься, — проговорил второй дайханин.

Тогда первый ему сказал:

— Поступай как хочешь.

На это дайханин, просивший быков, воскликнул:

— Тогда и ту молитву, что я прочитал, я прочитал по ошибке!

И он девять раз прокричал:

— Раз не даешь мне пары быков, так и не давай!

78. Три товарища

Отправились в путь трое: глухой, слепой и голый. Дошли они до одного места, и тут глухой сказал:

— Постойте, я слышу стук копыт.

— Да-да, на склон взбираются десять всадников, — сказал тогда слепой.

— Давайте, братья, убежим, а то нас разденут, — проговорил голый.

Тут слепой заметил:

— Ну, если не снять с тебя кожу, то что же с тебя снять?

79. Мечта бедняка

В старые времена один бедняк сказал:

— Муки вот у меня нет, но если бы было масло, да сосед одолжил бы мне свой котел, я приготовил бы себе чельпек и поел.

80. Сопи и муллы

Один сопн сказал муллам, занимавшимся в келье:

— Муллы, идите и оставьте мне ключ от вашей кельи!

— Сопи-ага, — отвечали муллы, — мы свою келью потому и запираем, что есть вы, а если бы вас не было, мы бы ее и не запирали.

81. Состязание во лжи

Один враль из Теджена отправился, чтобы посостязаться во лжи с одним вралем из Мары. Пришел он, а того, оказывается, нет дома. Но дома был его сын десяти лет.

— Где твой отец? — спросил его человек, который пришел.

— А что тебе нужно? — отвечал мальчик.

Тогда человек, пришедший из Теджена, сказал:

— Я отправился из Теджена, захватив ковер: один его конец у меня на плече, а другой — остался в Теджене.

На это мальчик ему отвечал:

— Если бы отец был дома, мы бы твой ковер купили. Потому что в середине нашего ковра от огня образовалась дырка. Твой ковер как раз и стал бы заплатой для дырки в нашем ковре.

Когда пришел отец, мальчик рассказал ему о своем ответе.

— И это все, что ты ответил? — сказал отец и окунул сына в реку.

— Постой, отец, я поймал рыбу, — проговорил сын.

— Так где она? — спросил отец.

— А я ее поймал, приготовил и съел, — отвечал сын.

Так отец был побежден своим сыном.

82. Слепой и ишан

Один слепой от рождения спросил у ишана:

— Какого цвета земля?

— Желтоватая, — отвечал ишан.

— А что это такое — желтоватая? — спросил слепой.

Тогда ишан засучил ему рукав и, коснувшись его запястья, сказал:

— Вот как это.

— А, ишан-ага, значит, то, что называется землей, все равно что запястье! — воскликнул слепой.

83. Слепой, который не признавался в своей слепоте

Был один слепой. Он ни за что не признавался в своей слепоте. Тогда один человек задался целью уличить его в слепоте. А у слепого была особенность: он ходил не держась за руку другого, а по звуку его шагов. Вот человек, решивший уличить слепого, отправился куда-то со слепым, идя впереди него. По пути этот человек, чтобы обмануть слепого, сошел с дороги и направился в другую сторону. Но слепой повернул за ним следом. Человек довел слепого до арыка и, не говоря, что они у арыка, беззвучно перешел через воду. А слепой, ни о чем не подозревая, свалился в воду.

— Ну, мой чарык, неужели ты и теперь будешь жать мне ногу! — воскликнул слепой, притворившись, будто знал, что входит в воду, но так и не признался в своей слепоте.

84. Подозрительный слепой

На одной вечеринке какой-то человек сказал себе: «Этот слепой не сможет получить свою долю», — и дал тому мяса.

«Э, он дал мне мяса вот столько, значит, себе взял в два раза больше», — подумал тогда слепой.

85. Драчливый человек

Был один человек, который постоянно дрался. С кем бы он ни повстречался, он не желал с ним поладить, а лез в драку. Тогда какой-то человек сказал:

— Я с ним драться не стану, я обязательно с ним договорюсь! — и отправился с драчливым спорщиком в какое-то место.

По дороге, о чем бы спорщик его ни спросил, человек отвечал:

— Верно... тебе лучше знать... твоя правда.

Наконец, когда они пришли в то место, куда направлялись, спорщик о чем-то спросил, и человек снова ответил:

— Как знаешь... ты прав...

Тогда спорщик сказал:

— Почему это на все вопросы ты отвечаешь: «Как знаешь»? Ну а сам-то ты что-нибудь знаешь? — и принялся того колотить.

86. Сватовство

Один старик, задумав женить своего сына, отправился в некое место, чтобы посватать ему невесту. Старик этот никогда не лгал. Родственники девушки согласились начать сватовство и сказали:

— Ну, что же, давай будем сватать. Мы тебе верим. Каков твой сын — расскажи все!

Тогда старик сказал:

— Если бы вы спросили меня, притом что мой сын был бы у вас, а ваша дочь — у меня и вы пришли бы ко мне свататься, я бы с вами не сговорился.

— Да, неплохо! Вот так сказал! — воскликнули родители девушки и сговорились с тем стариком.

87. А мы не верим

У одного человека был сын-дурак. Человек этот отправился в некое место, чтобы посватать ему невесту. Хозяева, куда он пришел свататься, ему сказали: «Приходи еще раз, а мы пока посмотрим, посоветуемся». После этого, когда человек пришел снова, хозяева ему отвечали:

— Нет, мы с тобой сговариваться не будем.

— Почему? — спросил человек.

— Да ведь у тебя, говорят, сын — дурак, — отвечали те.

— Кто говорит? — спросил человек.

— Люди говорят, — отвечали они.

— Да ведь люди и то говорят, что ваша дочь под себя ходит! А мы не верим! — сказал тогда человек.

— Вот как, значит, люди хотят нас рассорить! — воскликнули, поверив, родители девушки и согласились на сватовство.

88. Поговорите-ка о корове с теленком

У одного человека была взрослая дочь. Как-то ее отец и мать говорили между собой:

— Наша дочь выросла. Вот такие-то придут ее сватать, и надо будет с ними сговориться. У них есть корова с теленком, и они возьмут за нее недорого.

На этом разговор окончился.

В один из дней, когда отец и мать девушки говорили о чем-то совсем другом, она им сказала:

— Поговорите-ка о корове с теленком.

89. Лежу и не могу выйти от страха

В то время когда Кары учился в медресе, он однажды не смог встать рано и пролежал до самого восхода солнца. Пришел ахун, постучался в дверь его кельи и крикнул:

— Вставай, слепой! Час намаза прошел! Ты, видно, не боишься бога!

Кары, завернувшись в свой старый тулуп и продолжая лежать, отвечал из кельи:

— Высокочтимый, да ведь я лежу и не могу выйти как раз от страха перед богом!

90. Не половина, а весь он — твой

Однажды Кары споткнулся и упал. Это увидел Коушут-хан и сказал:

— Эй, слепой, что ты там нашел? Я с тобой в доле, половина — моя!

— Я нашел мешок болезней. И не половина, а весь он — твой! — отвечал Кары.

91. Избавляйся в день по кирпичу

Однажды Коушут-хан позвал к себе Кары и сказал:

— Ну, слепой, у меня к тебе есть вопрос. Ответишь ли ты на него?

— Постараюсь, хан-ага, — отвечал Кары.

— Если бы ты очутился на высоком минарете без лестницы. что стал бы ты делать, чтобы спуститься? — спросил Коушут-хан.

— Избавляйся в день по кирпичу, хан-ага, — отвечал Кары.

Коушут-хан пристрастился к наркотику и не знал, как от этого избавиться. Потому-то и был призван Кары и потому-то он и ответил так Коушут-хану.

92. И в следующем году не увидет

Однажды Кары пришел в гости в один дом. В это время молодая хозяйка дома готовила жаркое. Женщина спрятала жаркое, которое готовила, и долго ждала, думая: «Вот Кары уйдет, тогда и поедим». А Кары все не уходил. Поняв, что жаркого ему не перепадет, он спросил:

— А гость, после того как поест жаркого, где ляжет спать?

— Кары-ага, — сказала хозяйка, — так ведь жаркое-то из мяса этой старой козы и в следующем месяце не будет готово!

А Кары отвечал:

— Так ведь гость, который не приходил, не приходил да пришел, не поевши мяса этой старой козы, и в следующем году не уйдет!

Так наконец Кары отведал жаркого

93-94. Вторая жена Кемине

I

Когда Кемине был уже в средних летах, умерла его любимая первая жена, и он стал вдовцом.

Через некоторое время Кемине женился на немолодой, с желтыми зубами, женщине, у которой было пятеро или шестеро детей. Вечером, когда Кемине с женой ложились спать, жена спросила:

— Ты человек ученый, мулла. Теперь и я тоже стала эльти *. Скажи мне, как завтра я должна вести себя. Кому я могу показываться, а кому — нет? *.

А женщину привели к Кемине уже под вечер, и он, не разглядев ее лица, отвечал:

— Ну, жена, потерпи пока, вот рассветет — там видно будет.

Наутро Кемине встал, поглядел на свою жену, а у той из глаз течет гной. Тогда Кемине сказал:

— Можешь показываться кому хочешь, но только не мне!

Поздравить Кемине пришли жители селения:

— Мы слышали, что вы женились. Поздравляем, желаем счастья! Ну как, хорошую ли взяли жену? Есть ли между вами согласие?

— Да, слава богу! Моя жена — богобоязненное, мягкое, чувствительное существо, — отвечал Кемине и признался, что у его новой жены глаза

красные и из них течет гной. А затем, обращаясь к людям, в назидание он добавил:

— «Не выбирай коня глазами пешего, не выбирай жену глазами вдовца!»*.

II

Однажды Кемине пришел домой усталый и увидел, что его жены дома нет. Тогда он подошел к людям, сидевшим в тени соседней юрты, и сказал:

— Вот, говорят, что моя жена — гулящая. Пустая болтовня! Если бы она была гулящая, она заходила бы и в нашу юрту.

95. В поисках топора

Однажды, когда уже стемнело, жена Кемине велела ему наколоть дров.

Кемине взял топор и стал рубить узловатые пни. И вот, когда он сильно размахнулся, топор соскочил с топорщища и отлетел прочь. Кемине стал искать его, но никак не мог найти. Тогда он воскликнул: «Миску пшеницы на богоугодные дела!» — и продолжал шарить в темноте. Вдруг ему под руки попала большая деревянная ложка, ручка которой была сломана.

— Ну и ну, — сказал тогда Кемине, — полюбуйтесь-ка на этого бога! Когда нужно дать, так его нет, а когда взять, то — уж двойную долю! Только узнал, что я жертвую миску пшеницы, как тут же подсунул свою посудину.

96. Я как раз свободен

Однажды Кемине ругал свою вторую жену. Соседи его спросили:

— Мулла Кемине, в чем виновата бедняжка?

— О люди, — отвечал Кемине, — я браню эту женщину, чтобы завтра, когда она пойдет за водой, она не разбила кувшин. Потом может оказаться, что либо ее не будет дома, либо — меня. А сейчас мы вместе, и я как раз свободен. Поэтому и делаю ей внушение.

97. Никому не скажу

Как-то раз в пыльный ветреный день Кемине пришел в дом одного из своих родственников, весь покрытый пылью. А родственник этот был парень-остряк. Увидев Кемине, он спросил:

— Мулла-ага, что это с вами? Похоже, что вы вылезли из могилы!

— Верно, братец, — отвечал Кемине, — именно оттуда я и вылез. Но вот из другой могилы шел густой зеленый дым и раздавался отвратительный, мерзкий голос. Он показался мне знакомым, и я понял, что это могила твоего отца. Поспешь туда!

Парень очень смутился, раскаялся в своих словах и стал просить Кемине:

— Если ты никому об этом не скажешь, я подарю тебе халат.

— Что до твоего халата, то неси его сюда, — сказал Кемине, — а уж я — ладно: пока кого-нибудь не встречу, об этом никому не скажу.

98. В каком году вы родились?

Когда Кемине был еще сопя, он своими глазами видел, что его пир во имя веры обманывает народ, видел жадность и скупость пира. Поэтому Кемине своими резкими, беспощадными, искусными и замечательными остротами постоянно показывал людям пороки пира и ронял его авторитет.

Как-то раз в одном собрании Кемине, обращаясь к этому ишану, спросил:

— О мой пир, в каком году вы родились?
— Я родился в год мыши *, мулла Кемине, — отвечал пир.
— Вот как! Теперь понятно, почему вы так любите зерно, — сказал Кемине.

Постепенно пир стал ненавидеть правдивые и независимые поступки Кемине.

99. Баран, который превратился в свинью

Кемине жил в отдельной келье *. Когда настал праздник жертвоприношения *, Кемине раздобыл где-то барана и повел его к себе. Пир увидел, что Кемине идет с бараном, и сказал своим сопам:

— Ступайте и хитростью отнимите у него барана.

А сам, послав их, стал наблюдать. Сопы засели под мостом.

Когда Кемине, подгоняя барана, ступил на мост, сопам, натянув свои халаты на головы, выскочили и напугали барана. Испуганный баран вырвался у Кемине, и Кемине бросился за ним с криком:

— Ах ты погань!

Тогда пир сказал сопам:

— Оставьте барана, он сделал его нечистым!

Но в это время один из сопам поймал барана и воскликнул:

— А баран-то, оказывается, очень хорош!

Тогда пир, услышав, что баран хорош, сказал:

— Ну, так, значит, он снова стал чистым, тащите его сюда!

100. Зрелище

Однажды Кемине пришел к пиру и сказал:

— О мой пир, ну и зрелище я видел!

— Что вы видели, мулла Кемине, расскажите, — попросил пир.

— Сегодня я видел, как огромная собака гналась за свиньей, — сказал Кемине.

— Ба, что ж тут удивительного! Ведь свинья — нечестивое создание. И что же, собака была далеко от свиньи? — спросил пир.

— Нет, высокочтимый, — отвечал Кемине, — не слишком далеко. К примеру, если вы — свинья, то расстояние между ними было, как от меня до вас.

101. Сатанинское

Пир всегда говорил, наставляя собиравшихся вокруг него людей, так:

— Когда начинаете любое дело, произносите: «Бисмилла». Дело, начатое с «бисмилла», — богоугодное дело, а то, которое вы начинаете без «бисмилла», — сатанинское.

Вот вечером легли все спать. Кемине тоже разостлал в сторонке свою постель. Пир, думая, что Кемине уже заснул, повернулся к своей жене. Кемине услышал это и крикнул:

— О высокочтимый, а ведь вы начали дело, не сказав «бисмилла»! Теперь ребенок, который у вас родится, будет сатанинским. Он совратит всю Хиву и не даст житья людям!

— От этого проклятого нет нам покоя ни днем, ни ночью, — пробурчал пир и лег спать.

102. Кемине сторожит ток

Каждому из своих сопй пир поручал какую-нибудь работу. Однажды он заставил Кемине вместе с другим сопй сторожить ток.

Вот ночью на ток забралась свинья. Товарищ Кемине спросил:

— Что это?

— Точно не знаю, — отвечал Кемине, — но по реву похоже на нашего пира, а по визгу — на госпожу — его жену.

103. Ангел, от которого нет пользы

В то время когда Кемине был еще сопн, он получил известие, что у его семьи кончился хлеб и она голодает. Кемине тотчас отправился к пир у и стал просить:

— Мой пир, когда же наконец вы мне поможете?

— Я помогу тебе в день светопреставления*, — отвечал пир.

Тогда Кемине сказал:

— Если вы собираетесь мне помочь в день светопреставления, то оно уже разразилось в моем доме. Дайте хоть немного зерна.

Но пир и горсти зерна не дал Кемине, и Кемине ушел, на прощание сказав:

— Лучше дэв, который будет тебе другом, чем ангел, от которого нет пользы.

104. Чем помогать в день воскресения из мертвых, лучше помоги в этой жизни

Как-то один бай позвал пира Кемине к себе в гости. Пир взял с собой Кемине, и они отправились. Шли они рядышком, и вдруг перед ними оказался полноводный арык. Кемине с пиром долго стояли на берегу и совещались. Наконец они решили перейти арык вброд. Пир сказал Кемине:

— Ну, мулла Кемине, входите же в воду.

А Кемине отвечал:

— О высокочтимый, при вас я не решаюсь сделать первый шаг.

Делать нечего, пир вошел в воду первым. Когда он достиг почти середины арыка, Кемине крикнул: «Я пирим!»* — и прыгнул на пира.

Пир весь вымок и закричал:

— Ну что же ты наделал!

— О высокочтимый, — ответил ему Кемине, — помните, как я однажды просил у вас зерна и вы мне сказали: «Я по-

могу тебе в день светопреставления, когда ты будешь переходить мост Сират»*, Так вот: чем помогать в день воскресения из мертвых, не лучше ли было помочь мне еще в этой жизни.

Расстроенный пир в тот день так и не смог пойти в гости к баю, и они вернулись назад.

105. У вас~его ум, а у меня~его ухо

Однажды Кемине поранил себе ухо. Оно вспухло и раздулось. Пир увидел это и сказал:

— Мулла Кемине, не у осла ли ты взял свое ухо?

— Да, высокочтимый,— отвечал Кемине.— Ведь вы у него взяли ум, а я, чтобы не остаться ни с чем, взял у него ухо.

106. Запах и голос

В одном собрании какой-то человек пустил ветры и испортил воздух.

— Ба, вроде бы пахнет вонючим Кемине? — сказал пир. Но тут тот же молодец вторично издал те же звуки.

— Ба, вроде бы это голос нашего пира? — сказал Кемине.

107. Я отплачу пиру этих сопи тем же

Пир Кемине долгое время болел. Кемине сговорился с двумя сопи, и они отправились провести пира.

Кемине объяснил сопи, что они должны говорить, когда придут к пиру. Один из сопи первым вошел к пиру, поговорил с ним о здоровье и спросил:

— О высокочтимый, что это вы хрипите, как пес?

Пир так разозлился на сопи, что не мог издать ни звука. Затем вошел другой сопи и тоже стал расспрашивать пира о здоровье. Пир пожаловался ему:

— Вот приходил такой-то сопи и сравнил меня с собакой.

— Ах, да не слушайте его болтовню. Ну, сболтнул и ушел,— сказал второй сопи.— Даст бог, поправитесь, вернется к вам аппетит, станете есть и пить и разжиреете, как кабан.

Эти слова вызвали у пира еще больший гнев. Наконец вошел Кемине. Обозленный обоими сопи пир стал жаловаться:

— Мулла Кемине, если бы ты только слышал: один сопи сравнил меня с собакой, а другой — со свиньей!

— О высокочтимый, не беспокойтесь, я заплачу пиру этих сопи тем же! — отвечал Кемине.

108. Спрашивайте о каком-нибудь

точном месте

Кемине всю жизнь ходил в рваном тулупе. Этот тулуп был такой старый, сплошь покрытый заплатами, что за ними не было видно той овчины, из которой он был когда-то сшит.

Однажды, когда Кемине был где-то в гостях, собравшиеся вокруг него невежи спросили:

— Мулла Кемине, скажи, когда был сшит твой тулуп?

— Не затрудняйте меня такими вопросами,— отвечал Кемине,— потому что на моем тулупе есть места, сшитые пять лет назад, и есть места, сшитые десять лет назад. Поэтому спрашивайте о каком-нибудь точном месте.

109. Мешок с остротами

Как-то раз сопи, вдоволь наслушавшись от Кемине острых словечек насчет его пира и других, спросили Кемине:

— Где ты хранишь свой мешок с остротами? Мы хотим его украть.

— Если вам требуется мой мешок с остротами, то украдите мой тулуп. Под каждой его заплатой — острое слово, — отвечал Кемине.

110. *Замолчи, а не то...*

Кемине всегда, и зимой и летом, ходил в своем сорок раз чиненном тулупе. Однажды он гостил у какой-то женщины. У нее была уже довольно большая дочь. Из-за чего-то девочка расплакалась. Женщина стала успокаивать дочь, и в это время ее взгляд упал на тулуп Кемине. А тот — весь пестрит заплатами: из кусков старой кожаной торбы, лоскутьев разноцветных материй и тому подобного. От прежней овчины ничего не осталось. Тут женщина улыбнулась и сказала девочке:

— Замолчи, а не то я отрежу у тебя ухо и сделаю из него заплату на тулуп муллы-аги!

— Ах, молодка, — заметил Кемине, — если уж ты собралась ставить заплаты, то у вас и самих найдется немало подходящих дырявых и рваных мест.

111. *В нем был я*

Под вечер Кемине, накинув на плечи свой тулуп, отправился в собрание к одному из соседей. Дойдя до двери, он поскользнулся и с грохотом упал. Кемине тотчас вскочил и, сделав вид, что ничего не случилось, вошел и поздоровался.

— Что это, мулла Кемине, ты падаешь возле самой двери? — спросили его.

— Да нет, я не упал. Это свалился на землю мой тулуп, — отвечал Кемине.

— А не слишком ли было много шума для тулупа? — спросили сидевшие.

— А это потому, что в нем был я, — отвечал Кемине.

112. Кемине и вор

Однажды ночью в юрту Кемине залез вор и, взвалив на спину все съестные припасы, что были, ушел.

А Кемине услышал это, разбудил жену и сказал:

— Эй, пошли. Нас, видно, переселяют, бери, что осталось, и пойдем.

Кемине схватил жену за руку, и они отправились следом за вором. Через некоторое время вор услышал за спиной чей-то шепот, оглянулся и увидел, что за ним идут Кемине с женой.

— Эй, а вы куда идете? — спросил вор.

— А мы решили, что вы помогаете нам переселиться, — отвечал Кемине.

113. Кемине и нищий

Однажды пришел в юрту Кемине нищий ходжа. Поглядел туда-сюда, а в юрте ни есть, ни пить нечего. В то время у Кемине была одна-единственная коза с козленком.

Нищий, который любил поест, сказал Кемине, поглядывая на козленка:

— Мулла Кемине, а не зарежешь ты в честь гостя этого козленка?

— Что ты, ходжа-ага, — отвечал Кемине, — разве у людей принято убивать своих молочных братьев, хоть даже в честь гостя?

— Какой же он тебе молочный брат? — спросил нищий.

— А как же, — отвечал Кемине, — ведь один сосок моей козы сосет козленок, а другой — я. Потому он и есть мой молочный брат.

114. Рай на осле

Кемине шел куда-то пешком и очень устал. Повстречался ему человек, который вел осла, и посадил он Кемине верхом. Через некоторое время Кемине сказал:

— Да, оказывается, рай находится всего в вершке от земли!

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 26

«Пока умный думает, дурак два раза сына женит» — пословица.

К стр. 42

«...рана от твоего меча зажила». — Сказка является иллюстрацией к известной пословице: «Рана от меча заживает, но рана от слова не заживет». Другой вариант: «Рана от сабли пройдет, а от языка — нет».

К стр. 51

Пери Гюлькахкас — персонаж, встречающийся и в азербайджанских сказках (Гюллигахгах). Это имя переводится как «пери, смеющаяся цветами» (перс).

К стр. 61

Алмазная сабля — сабля из лучшей булатной стали.

К стр. 67

«Созови сегодня всех девушек селения шить одеяло». — По обычаю, девушки и женщины селения нередко собираются вместе, чтобы сообща быстро что-нибудь сшить, спрясть и т. п. Чаще всего это устраивается перед чьей-нибудь свадьбой.

К стр. 72

В иранской мифологии Белый дэв считается наиболее могущественным в «стране дэвов» Мазендеране (прикаспийская область Ирана). Образ Белого дэва встречается в эпической поэме «Шах-наме» Фирдоуси, где изображено единоборство Белого дэва с богатырем Рустамом.

К стр. 73

См. прим. к стр. 61.

К стр. 84

«...стрелы из белого колчана». — Обычно в сказке на Ближнем и Среднем Востоке фигурируют хаданговые стрелы, то есть стрелы из белого тополя, которые ценились за их высокие качества. Возможно, что здесь рассказчик имел в виду именно это.

Алмазная сабля — см. прим. к стр. 61.

К стр. 86

«...видно, словно через стекло, как в ее горле течет жидкость». — Традиционное описание необычайной нежности и хрупкости сказочной красавицы.

К стр. 93

«Эсселом алейкум» (от араб. «ас-салам алайкум» — «мир вам») — приветствие, принятое у народов, исповедующих ислам. Здесь — на марыйском диалекте туркменского языка.

«Валейкум» (от араб. «ва алайкум ас-салам» — «и вам мир») — ответ на приветствие. Здесь — на марыйском диалекте туркменского языка.

К стр. 99

«Хак!» — в суфийской терминологии — «бог», «истина»; здесь — возглас дервишей.

К стр. 105

Алмазная сабля — см. прим. к стр. 61.

К стр. 115

Белая юрта — признак богатства; ставилась для молодоженов и почетных гостей (см. далее, прим. к стр. 223).

К стр. 120

«Хамадан далеко, а грядка близко» — персидская пословица из притчи о человеке, который похвалялся, что он в Хамадане перепрыгнул через несколько грядок (Хамадан — город в Западном Иране). Употребляется в смысле: «оставь пустые разговоры, докажи на деле» (см. *Персидские пословицы и поговорки*. Составление, предисловие и комментарий Х. Г. Короглы, М., 1961, стр. 179, № 1036).

К стр. 124

«Кельдже-батыр» — букв. «плешивый богатырь». Образ плешивого — один из самых популярных в тюркских сказках; обычно этот герой отличается сметливостью и хитростью (ср. сказку «Как плешивый был батраком»).

К стр. 127

Алмазная сабля — см. прим. к стр. 61.

К стр. 128

«Салям алейким» (от араб. «ас-салам алайкум» — «мир вам») — туркменская форма приветствия.

«Валейким эсселам» (от араб. «ва алайкум ас-салам» — «и вам мир») — ответ на приветствие.

К стр. 133

«человек по прозвищу Бахаветдин-Верблюд». — Святой Бахаветдин (Бахауддин) считался покровителем верблюдов (см. М. А. Сакали, *Туркменский сказочный эпос*, Ашхабад, 1956, стр. 64).

«Хув хак!» (араб. букв. «он бог», «он истина») — возглас дервишей.

«Бахаветдин, не имевший средств, отправился пасти верблюдов, когда его сыну пошел восьмой год». — Пастухи Туркмении, занимавшиеся отгонным скотоводством, большую часть времени были оторваны от своих семей. Работа пастуха считалась тяжелой (жили они в землянках и шалашах, подолгу бывая под открытым небом и страдая от жары, дождей и мороза) и опасной (постоянно приходилось обороняться от хищных зверей и грабителей).

К стр. 135

Маммед-джан — букв. «дорогой Маммед», здесь ласковое обращение. С именем юноши Маммеджан образует игру слов.

К стр. 138

«Я пирим Вейсел гара!» — по-видимому, искаженная суфийская формула, здесь используется как заклинание.

К стр. 139

Сулейман — библ. царь Соломон, который по многочисленным легендам, распространенным у народов мусульманского Востока, был наделен властью над всеми волшебными силами. Кроме того, он понимал язык птиц и животных, был необычайно мудр и богат. Имя Сулеймана, который по религиозной традиции считался правотверным и был пророком Аллаха, вошло в Коран, чем и объясняется его популярность на мусульманском Востоке.

«Шир!» — перс. «лев»; «пелен» или «пеленг» — перс. «барс, леопард», туркмен. «тигр».

«...есть одна молитва» — имеется в виду молитва, записанная на бумаге. По поверьям, такая молитва помогала от болезней, сглаза и злых духов.

«Яблоко заплачет, гранат засмеется» — поговорка, подчеркивающая здесь чудодейственную силу молитвы.

К стр. 141

Сулейман — см. прим. к стр. 139.

К стр. 153

«Хых!» — возглас, которым погоняют осла.

К стр. 154

«Аллах...» — начало молитвенной формулы «Аллаху акбар» («Бог велик»).

К стр. 158

Рассказчик не выходит за пределы близкой ему сельской жизни, изображая падишаха жителем селения.

К стр. 164

«Кто нашел — тот радуется, кто узнал — тот забирает себе» — пословица.

К стр. 177

«Юноша стал шахзаде, и пусть себе он ездит на охоту». — Охота считалась привилегией государей и знати.

К стр. 178

«...она похожа на крышку котла». — По кораническим представлениям, земля плоская, держится на быке, который в свою очередь помещается на рыбе, последняя же плавает в океане.

К стр. 179

В сказке выпущен эпизод превращения юноши в седобородого старика с помощью пера птицы Симург. Поэтому-то мать героя, став зрячей, не узнала его.

К стр. 181

«Муж подал чай ишану». — По мусульманским обычаям, женщине не полагалось непосредственно общаться с духовным лицом.

К стр. 182

«...проведа обеими ладонями по лицу» — жест, имитирующий омовение, которое обязательно предшествует намазу. Пожелание добра, сопровождаемое таким жестом, равнозначно совершению крестного знамения у христианина при пожелании добра.

К стр. 184

«...он и рук в холодной воде не замочил» — выражение, соответствующее русскому: «не ударил палец о палец».

К стр. 187—188

«Две бараньи головы в одном котле не варятся» — пословица.

К стр. 191

«Тысяча печалей одного дела не совершит» — пословица, соответствующая русской: «Горем делу не поможешь».

«...найдем там перстень». — Мотив чудодейственного перстня заимствован из легенды о перстне Сулеймана (см. прим. к стр. 139). По легенде, перстень Сулеймана, с помощью которого он повелевал духами и стихиями, был украден бесом. Тот уронил его в море, и Сулейман вновь нашел свой перстень в пойманной для него рыбе.

Алдаркёсе (букв. «Безбородый обманщик») — популярный герой тюркских сказок и анекдотов. Так же как «плешивый», «безбородый» наделяется особой хитростью и находчивостью. «Безбородый» может быть обрисован с симпатией («Алдаркёсе, дэв и лиса»), но может участвовать в сказке и как отрицательный персонаж («Проданный сон»).

К стр. 194

«Трус тот, кто медлит спастись» — пословица. Известен другой вариант ее перевода: «Кто медленно бежит, тот трус» (*Туркменские пословицы и поговорки*, Ашхабад, 1961, стр. 95).

К стр. 195

«...Сулейман, научи меня языку животных!» — см. прим. к стр. 139.

«Не уставать вам!» — пожелание, с которым обращаются к работающему; аналогично русскому «бог в помощь!».

К стр. 198

«...отдав все, что он заработал, человек этот взял себе жену». — Речь идет о калыме, выкупе за невесту, который иногда бывал так велик, что заплативший выкуп долгое время не мог поправить свои дела. Обычно, чтобы заработать денег на выплату калыма, молодые люди из бедных семей шли в пастухи (см. прим. к стр. 133).

К стр. 200

«Не поджигай — обожжешься, не копай — сам упадешь» — пословица; ср. русскую: «Не рой другому яму — сам упадешь».

К стр. 206

«Аллоу хекбер» — искаженное от араб. «Аллаху акбар» («Бог велик»).

К стр. 207

«Отдай мне долг в один кран...» — рассказчик забыл, что в

начале сказки он употреблял другое название серебряной монеты — тенге.

К стр. 223

«Селение одного падишаха» — см. прим. к стр. 158.

«...шестикрылую белую юрту». — Туркменская юрта состоит из деревянного остова, покрытого войлочными кошмами. Нижняя часть остова — складная деревянная решетка, обычно из четырех частей, называемых «ганат» — крыло. Юрта из шести таких крыльев и более считалась признаком большого богатства. Снаружи юрта покрывалась войлоками, которые обычно делались из серой овечьей шерсти. Белыми кошмами покрывались юрты только в богатых хозяйствах.

К стр. 225

Яртыгулак — букв. «половина уха».

К стр. 230

«...не дашь ли ты против него молитву?» — см. прим. к стр. 139.
«Агуз биллахи мин аш-шайтани-р-раджим...» — араб. букв. «Прибегаю к Аллаху от сатаны, побиваемого камнями» («Избави боже от сатаны проклятого»).

«Аллах акбар!» — см. прим. к стр. 206.

К стр. 232

«устроился за кошмой...» — см. прим. к стр. 223.

К стр. 233

«придется отложить свадьбу на завтра». — Согласно свадебным обычаям туркмен невесту привозили в дом будущего мужа к концу дня. Обряд бракосочетания происходил через несколько часов после прибытия невесты.

«...пришел в юрту, где была невеста...». — По свадебным обычаям некоторых туркменских племен, жених во время бракосочетания и свадебного тоя должен находиться не там, где невеста, а в другой юрте.

К стр. 234

«Эй, сюда, мой баран, что живет в такой-то долине» — возглас порхана, который свидетельствует о пережитке тотемистических воззрений, когда те или иные животные считались священными покровителями людей.

К стр. 240

«...в карете со стеклянными окнами» — деталь, призванная передать богатство и необычность чужеземного быта в сказочном «Китае».

«...за сто тенге» — по-видимому, рассказчик забыл, что речь сначала шла о ста туманах.

К стр. 242

«...Кыбла мира» (см. Словарь, «кыбла») — почтительное обращение к султану или шаху. Хотя в сказке действие разворачивается в Китае, рассказчик оперирует более близкими ему понятиями, не выходя за пределы средневосточного ареала, и поэтому наделяет правителя вымышленного Китая титулом иранских шахов.

К стр. 244

«На заре, в час намаза...» — совершение намаза предусматри-

вает пять молитв в течение дня. Первая молитва совершается за некоторое время до восхода солнца, вторая — в полдень, когда солнце начинает клониться к западу, третья — между полуднем и заходом солнца, четвертая — сразу же после заката и пятая — когда наступает полная темнота.

«...их отец так много плакал, что ослеп» — традиционное выражение горя, идущее от коранической легенды о Юсуфе и его отце Якубе, который в разлуке с сыном ослеп от слез (Коран, сура 12).

К стр. 248

«...мимо черной лачужки любезной госпожи-старушки» — то есть мимо старухи дэва, живущей в черной лачуге (шалаше). Образ, встречающийся в сказках «Мачеха и падчерица» и «Проданный сон» настоящего сборника, где он играет самостоятельную роль в сюжете. Смысл же цитированной выше фразы заключается, по-видимому, в том, что караван идет, минуя опасности и стихийные бедствия.

К стр. 251

«...совершил омовение». — Каждой молитве намаза предшествует ритуальное омовение. Молящийся трижды оmyвает руки, трижды полощет рот и нос, затем трижды оmyвает лицо и ноги.

«...и прочитал намаз» — имеется в виду одна из пяти молитв намаза, которые произносились на арабском языке.

К стр. 253

«...покаялись именем Сулеймана» — см. прим. к стр. 139.

К стр. 258

«...собирали женщин для работы» — см. прим. к стр. 67.

К стр. 262

«Есть верблюдица, которую зовут Ак-Мая. Если ее молоком побрызгать на братьев, они тотчас же оживут». — «Ак-Мая» означает «белая верблюдица», «Ак Маянын суйди» (букв. «молоко белой верблюдицы») — одно из туркменских названий Млечного Пути.

«...возьми с собой тыкву» — то есть тыкву, высушенную и выдолбленную в виде сосуда.

К стр. 265

«Я племянник шести дядей» — так в тексте, хотя следует сказать «семи дядей». По-видимому, такое нарушение смысла вызвано стремлением создать аллитерацию в начале стиха: алты (шесть) — алтын (золотой).

«...приказала людям из селения». — Хотя героиня сказки Ак-Памык вышла замуж за падишаха и ее сын был найден младшим дядей Байрамом в городе, дальше рассказчик сбивается на понятия близкой ему сельской жизни (см. также прим. к стр. 158).

К стр. 270

«Не радуйся беде соседа, она и к тебе придет» — пословица.

«...отправиться к источнику Земзем, чтобы испить из него воды». — Воде источника Земзем в Мекке приписываются чудодейственные свойства, что является пережитком доисламских, языческих верований.

К стр. 277

«...по семи поясам земли» — средневековые мусульманские географы разделяли землю на семь «поясов», или семь «климатов». «По семи поясам земли» значит «по всему миру».

К стр. 295

«Огонь сначала на себе испробуй; не обожжет, тогда уж — на другом» — пословица.

К стр. 296

«тройной развод» — так называемая клятва «тройного развода», или «тройная клятва». Согласно законам шариата расторжение брака осуществлялось, если муж трижды произносил слово «талак» (развод). Восстановить брачный союз можно было лишь после того, как разведенная жена выйдет замуж за другого (хотя бы фиктивно) и получит от него развод.

К стр. 298

Бейт — в классической тюркоязычной поэзии стих, состоящий из двух полустихий, которые могут быть рифмованными (аа) и нерифмованными (ав). Здесь слово «бейт» употреблено в значении стихотворения.

«Кинь яблоко в небо, а пока оно упадет — будь что будет» — пословица.

К стр. 306

«Не трогай мой огонь» — намек на пословицу: «Тронешь огонь — погаснет, тронешь соседа — откочует».

К стр. 315

«Эй, Аязхан, погляди-ка на свои чарыки!» — популярная у народов Средней Азии пословица.

К стр. 317

«мазандеранский гранат». — Мазандеран — прикаспийская область Ирана.

К стр. 337

«Хых, чок!» — возглас, которым заставляют верблюда опуститься на колени.

К стр. 341

«Жил один дивана, которого звали Бехлили Дана». — «Дивана» — букв. «юродивый, безумный»; «Бехлили Дана» — «Мудрый Бехлили». Речь идет о дивана Бухауле, современнике арабского халифа Харун ар-Рашида (786—809) и популярном герое многих анекдотов и притчей. В некоторых из них его партнером является халиф Харун ар-Рашид.

К стр. 346

«Ин хем мигузеред» — слова сказаны Мирали по-персидски.

К стр. 350

«С сильным не борись, с быстрым не беги наперегонки» — пословица.

К стр. 352

«...совершил у его подножия омовение» — см. прим. к стр. 251.

К стр. 359.

«...я тоже стала эльти». — Эльти — почтительное обращение к жене духовного лица.

«...кому я могу показаться, а кому — нет?» — По мусульманским обычаям женщина могла показывать свое лицо мужчинам только в случае, если они были близкими родственниками ее и мужа.

К стр. 360

«Не выбирай коня глазами пешего, не выбирай жену глазами вдовца» — пословица.

К стр. 362

«год мыши» — первый год двенадцатилетнего животного цикла, системы летосчисления, распространенной в прошлом у турков, монголов и некоторых других народов.

«Кемине жил в отдельной келье» — речь идет о времени, когда Кемине учился в медресе.

«...праздник жертвоприношения» — один из самых крупных мусульманских праздников, когда верующие приносят в жертву разных животных — овец, коз и крупный рогатый скот. Цель религиозного обряда в том, чтобы жертвами облегчить себе переход по мосту Сират в рай (см. прим. к стр. 364).

К стр. 364

«Я помогу тебе в день светопреставления». — По мусульманским религиозным представлениям, в день Страшного суда (светопреставления, воскресения из мертвых) по звуку трубы архангела Исрафила мертвые восстанут из гроба и явятся к Аллаху с книгами, где будут записаны их добрые и злые дела. Аллах устроит над ними «страшный суд», после чего восставшие из мертвых должны будут пройти по мосту Сират — тонкому как волос и острому как меч — над адом в рай. Те, у кого грехов будет много, а добрых дел и жертвоприношений мало, неизбежно свалятся с моста Сират в ад.

«Я пирим!» — букв. «О мой пир!», восклицание, с которым начинают какое-нибудь дело.

К стр. 366

«мост Сират» — см. прим. к стр. 364.

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВОДИМЫХ СЛОВ, СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ТЕРМИНОВ

ага — 1) старший брат; 2) дядя по отцовской линии; 3) обращение к мужчине, старшему по возрасту.

азан — призыв на молитву, который нараспев произносится служителем мечети — муэззином — с минарета.

айран — жидкая простокваша; употребляется как прохладительный напиток.

арча — древовидный можжевельник.

ахун (ахунд) — звание мусульманского ученого.

батман — мера веса, не одинаковая в разных странах Востока; у туркмен составляла приблизительно 20—21 кг.

бисмилла (араб. бисмиллах — «во имя Аллаха») — начало мусульманской религиозной формулы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», открывающей каждую суру (главу) Корана. Эти слова принято про-

износить перед началом какого-нибудь дела (ср. русское «с богом»).
 буламак — густая похлебка из муки с маслом.
 везир — министр, советник падишаха.
 векиль (араб. «представитель; наместник») — в сказках обычно означает высокопоставленного вельможу при дворе падишаха.
 газель — небольшое лирическое стихотворение; иногда перекладывалось на музыку и исполнялось под аккомпанемент музыкальных инструментов.
 гарак — шведа мелколистная, растение с мелкими листьями сероватого цвета; растет на солончаках.
 дайханин — крестьянин, земледелец.
 Дара-падишах — древнеиранский царь Дарий III Кодоман (336—330 до н. э.), последний царь из династии Ахеменидов, который был побежден в 331 г. при Гавгамелах Александром Македонским (356—323 до н. э.).
 Дараб-падишах — древнеиранский царь Дарий II Вахука (423—404 до н. э.) из династии Ахеменидов, прадед Дария III Кодомана.
 дервиш — странствующий мусульманский монах, давший обет бедности. Дервиши объединялись в ордена, или братства, которые по уставу отличались друг от друга, но в целом были связаны с суфизмом — религиозно-философским учением, нашедшим широкое распространение на мусульманском Востоке. В переносном значении: нищий, бродяга. В народе считалось, что дервиши умеют колдовать.
 джан (букв. «душа») — дорогой, милый (ласковое обращение).
 джинн — образ арабской демонологии. В фольклоре и литературе мусульманских стран — злой или добрый дух.
 дутар — струнный музыкальный инструмент.
 дэв — злой дух, бес; иногда под действием волшебных сил обращается в доброго духа и помогает людям.
 Замыр — туркменское название волшебной птицы Зумруд, персонажа арабских и персидских сказок.
 зиндан — тюрьма, устроенная в подземелье.
 имам (букв. «предводитель; предстоятель») — духовное лицо, стоящее при совершении молитвы впереди молящихся, которые должны повторять все его движения.
 Иса — Иисус Христос, который признается мусульманской религией как один из пророков и посланников Аллаха. Дыхание Исы считалось животворным: могло воскрешать мертвых и исцелять больных. Легенды приписывают ему также совершение множества других чудес.
 Искендер-падишах — Александр Македонский (356—323 до н. э.), завоевавший в 330 г. Иран. Стал одним из популярных персонажей литератур Ближнего и Среднего Востока. Обычно изображается могущественным и справедливым государем, стремящимся к правде и познанию смысла жизни. Был признан мусульманской религией правоправным, а иранская эпическая традиция возвела его в потомки иранских царей.
 Исфаган — город в центральной части Ирана. В средние века был большим торговым и культурным центром Ирана, в XVII—XVIII вв. — его столицей.
 ишан — букв. на перс. языке означает «они». Так в почтительной форме говорили о лицах духовного звания. В некоторых тюркских языках

слово «ишан» стало обозначением всякого человека духовного звания. Кааба — храм в Мекке, главная мусульманская святыня, куда совершаются паломничества и в сторону которой полагается обращаться при молитве (ср. кыбла).

кавуш — кожаная туфля, обычно без задника.

кадий — судья, разбиравший дела и выносивший решения на основании шариата (см. шариат). Часто кадиями назначались люди невежественные и недобросовестные, толковавшие законы по своему усмотрению. Отсюда обычно презрительное отношение к кадиям в сказках.

калам — тростниковое, особым образом очиненное перо, которым писали на Ближнем и Среднем Востоке.

каландар — странствующий дервиш (см.) ордена «Каландарийа». Часто каландарами назывались вообще бродячие дервиши независимо от их принадлежности к ордену. В таком случае «каландар» является синонимом слова «дервиш».

караванбаши — предводитель, начальник каравана.

караван-сарай — постоялый двор, где останавливались караванщики и любые другие путники.

Кары (букв. «чтец Корана») — популярный герой туркменских анекдотов. «Чтецы Корана» обычно бывали слепыми и знали Коран наизусть.

катама — жареная лепешка из нескольких слоев теста, проложенных жиром.

кеджебе — закрытый деревянный паланкин для невесты, который водружался на верблюда, чтобы везти невесту к жениху. Кеджебе использовался также для поездок женщин в отдаленные места и перевозки больных.

кейик — джейран, газель, степная антилопа.

Кемине (1770—1840) — туркменский поэт-классик первой половины XIX в. Славился правдолюбием и острым языком, что мешало ему в достижении жизненных благ. Большое количество анекдотов о Кемине посвящено его легендарному рваному тулупу.

кендирик — кусок ткани, на который просеивают муку и на котором месят тесто.

кепгир — ложка с дырками и длинной ручкой, вроде шумовки, которой мешают плов во время его приготовления.

кетхуда (букв. «домохозяин; управитель», в современном перс. языке — «староста») — в сказках этим словом обозначается важный придворный чин.

ковурга — жареная пшеница, одно из национальных кушаний.

Коран — священная книга мусульман.

Коушут-хан — предводитель туркменского племени теке (текинцев), боювшийся в середине XIX в. за независимость туркмен против хивинских ханов и Ирана.

кош — временная стоянка кочевников.

краан — персидская серебряная монета, одна десятая часть тумана (см.)

кулан — дикий осел, онагр.

курдюк — нарост сала у хвоста овец особой породы.

курт — вид творога, спрессованного в форме шариков или небольших лепешек и высушенного на солнце.

курте — верхняя женская одежда с вышивкой; надевается так, что покры-

- вает голову.
- кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются лицом при молитве.
- кязиз — система подземных галерей и колодцев, через которые выводят на поверхность грунтовые воды.
- Мары — город в Туркменской ССР, расположен в 30 км от руин древнего Мерва — некогда крупного торгового и культурного центра Средней Азии.
- маш — растение из семейства бобовых, зерна которого употребляются в пищу. Растет в Иране и Средней Азии.
- медресе — средняя, а иногда и высшая мусульманская школа. Большие медресе строились при мечетях и представляли собой обширные здания. Ученики жили здесь же в особых кельях.
- Мекка — город в Хиджазе (Аравия), в котором находится главная святыня мусульман Кааба. Родина основателя ислама Мухаммеда.
- мектеб — начальная мусульманская школа.
- минарет — сооружение при мечети в форме высокой башни, с верхушки которой особое духовное лицо (муэzzин) призывает верующих к молитве.
- мираб — должностное лицо, в обязанности которого входит распределение воды из оросительной системы, надсмотрщик за водой; в среднеазиатских ханствах — чиновная должность.
- Мирали — Мир Али-Шир (Алишер) Навои (1441—1501), крупнейший представитель среднеазиатской классической тюркоязычной литературы. Создал много стихов, поэм и ученых трактатов. В течение ряда лет был везиром при правителе Герата Султан-Хусейне. Вокруг имени Навои образовалось большое число легенд, сказок и притчей, в которых он изображается человеком, владеющим особым даром слова. Известен цикл «Мирали и Солтансоюн».
- Мирзачуль (Мирзачульская степь) — обширный степной район к югу от Ташкента, примыкает к Голодной степи.
- мулла — низшее мусульманское духовное звание; учитель в мектебе (см. мектеб). Слово «мулла» обозначает также просто грамотного, образованного человека.
- намаз — совокупность молитв и ритуальных действий, пятикратно совершаемых в течение дня. Намаз является обязанностью каждого верующего мусульманина.
- нукер — сначала название дружинников монгольских ханов. После завоевания монголами Средней Азии и Ирана (XIII в.) слово «нукер» получило широкое распространение и стало обозначать слугу, прислужника (часто вооруженного) ханов и беков.
- овмач — кушанье из размятых в масле кусочков горячей лепешки.
- падишахаде (букв. «рожденный падишахом») — сын падишаха, царевич.
- палан — приспособление из дерева и войлока, которое кладут на спину осла, чтобы навьючить на него груз.
- пери — в иранской мифологии добрые и злые духи, появляющиеся в образе прекрасных девушек. В туркменских сказках пери — это прекрасные девушки-волшебницы, помогающие героям сказок побеждать злые силы. Обычно превращаются в голубей. Иногда пери — просто красивая девушка, не проявляющая своей магической силы. В этом ска-

залось влияние классической литературы, где пери — символ красоты.

Пиакус (от арабо-перс. «Файлакус») — имя царя Македонии Филиппа II (359—336 до н. э.), отца Александра Македонского.

пир (перс. букв. «старец») — шейх-наставник суфийской (см. дервиш) религиозной общины.

порхан — деревенский колдун, человек, якобы умеющий вызывать и прогонять духов; пережиток шаманизма, вытесненного исламом.

серник — прямоугольная войлочная кошма, которой закрывается отверстие — дымоход в юрте.

Симург — волшебная вещая птица из иранской мифологии.

Солтансоюн — Султан-Хусейн Байкара (1469—1506), правитель тимуридского государства со столицей в Герате. Долгое время был другом и покровителем Алишера Навои (см. Мирали).

сопи (от араб. суфи — «суфий») — ученик и последователь пира (см. пир). Иногда это слово обозначает вообще набожного человека.

табиб — в средние века врач, лекарь. Впоследствии — знахарь, лечащий с помощью разных приемов народной медицины. Иногда под видом табибов скрывались шарлатаны.

тандыр — печь для выпечки хлеба (лепешек). Внутри тандыра разводится огонь, чтобы накаливать стенки, к которым потом прилепляют тесто.

Теджен — город на юге Туркменской ССР.

тенгге (таньга) — серебряная монета, распространенная в странах, подвергшихся монгольскому завоеванию.

той — пир, праздник, свадьба.

туман — персидская золотая монета.

улемы (араб. улама, мн. ч. от алим — «ученый») — богословы и знатоки мусульманского религиозного права.

хадж — паломничество в Мекку к Каабе — главной святыне мусульман.

Хадж считается одной из религиозных обязанностей мусульман.

ханака — дервишеская обитель, странноприимный дом (обычно при мечетях), где странствующие мусульманские монахи могли получить приют или жить постоянно.

Хива — город в Узбекской ССР, в прошлом — столица Хивинского ханства.

ходжа — почтительное обращение.

Хорасан — историческая область на востоке Ирана, которая в древности и в средние века входила составной частью в различные государственные образования и играла в них важную экономическую и культурную роль. Территория Хорасана граничит с Туркменией.

хум — большой глиняный сосуд в форме кувшина без ручек и с широким горлом. Применялся для хранения зерна, муки и жидкостей.

хурджин — переметная сума из кожи или ковровой ткани.

чарыки — обувь из сыромятной кожи.

чельпек — блюдо, приготовленное из очень тонко раскатанных слоев теста, проложенных жиром; род катламы (см. катлама).

черкез — солянка древовидная, или солянка Рихтера, кустарниковое растение, похожее на саксаул.

шайтан — дьявол, черт, сатана.

Шам — арабское название Сирии. Этим же словом обозначалась столица Сирии — Дамаск.

шариат — совокупность религиозно-правовых и обрядовых норм ислама, шахзаде (букв. «рожденный шахом») — сын шаха, царевич, Шираз — главный город Фарса, области на юге Ирана. юк — одеяла и подушки, сложенные горкой в юрте. ярма — каша из пшеничной крупы. ясаул — лицо, осуществлявшее исполнение приказов и поручений правителей; ясаулы исполняли также полицейские функции.

ИСТОЧНИКИ И ТИПОЛОГИЯ СЮЖЕТОВ

Тексты туркменских сказок для настоящего сборника взяты из следующих изданий:

- 1) *Türkmen halk ertekileri*. Birinci jygındy. Dyzyçiler M. Sakali, Ata Govşut, tekstini çapa tajarlar A. Govşut, M. Kəsəjeviň redaksiýasý bilen, Aşgabat, 1940 (сокр. Эрт. 40);
- 2) *Dyňc alş wagty* (Ata Salňh tarapyndan aýdylan halk erteki ve anikdotlary). Çapa tajarlar Ata Govşut, redaktor Annareçepov C., Aşgabat, 1940 (сокр. ДАВ);
- 3) *Kemine*. Ölymine 100 ýyl dolmagy mynasibeti bilen. Eserler jygındysy Aşgabat, 1940 («Kemineň anekdotlary», dyzen M. Kəsəjev, redaktor H. M. Bajlijev) (сокр. Кемине);
- 4) *Myraly ve Soltanşajyn* (halk hekaýalary). Toplap tertibe salan P. Agalyjev, Ş. Batoryň redaksiýasý bilen, Aşgabat, 1941 (сокр. Мыралы);
- 5) *Ата Салых, Сайланан эсерлер*, Ашгабат, 1951;
- 6) *Туркменские народные сказки Марыйского района*. Текст записал и перевел Н. Ф. Лебедев, вводные статьи и примечания чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, М.—Л., 1954 (сокр. Мары);
- 7) *Туркмен халк әрткилери*, дузенлер Ата Говшудов, Н. Куррдев, А. Тайымов, Ашгабат, 1959 (сокр. Эрт. 59);

Сюжеты определены по справочникам:

- Н. П. Андреев, *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*, Л., 1929 (далее — АаАп);
The Types of the Folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FF Communications № 3). Translated and Enlarged by Stith Thompson. Second Revision, Helsinki, 1961 (FFC № 184) (далее — АаTh);
W. Eberhard und P. N. Boratav, *Typen türkischer Volksmärchen*, Wiesbaden, 1953 (далее — EbBo).

Приблизительные соответствия сюжетов обозначаются круглыми скобками.

Для нахождения параллелей привлечена следующая литература:

- 1) *Азербайджанские тюркские сказки*, перевод, статьи и комментарии А. Багрия и Х. Зейналы, под общей редакцией Ю. М. Соколова, [М.—Л.], 1935;
- 2) *Медноволосяя девушка. Калмыцкие народные сказки*, перевод, составление и примечания Марка Ватагина, М., 1964 (серия «Сказки и мифы народов Востока»);

- 3) *Панчатантра*, перевод с санскрита и примечания А. Я. Сыркина, статья В. В. Иванова, М., 1958 (серия «Литературные памятники»);
 - 4) *Плутовка из Багдада*, перевод Ю. Борщевского, Н. Османова, Н. Туманович, предисловие и примечания Ю. Борщевского, М., 1963;
 - 5) *Персидские сказки*, перевод Р. Алиева, А. Бертельса и Н. Османова, М., 1958;
 - 6) *Сказки народов Дагестана*, перевод сотрудников Сектора литературы и народного творчества ИИЯЛ ДагФАН, составитель и автор примечаний Халил Халилов, типологический анализ сюжетов Исидора Левина, М., 1965 (серия «Сказки и мифы народов Востока»);
 - 7) *Анекдоты о ходже Насреддине*, перевод с турецкого В. А. Гордлевского, издание второе, М., 1957;
 - 8) *Персидские анекдоты*, перевод М. Ашрафи, А. Бертельса, Н. Кондыревой, Н. Османова и Т. Щаповой, под редакцией А. Нушина, М., 1963.
1. Как дружили две лисички.
Эрт. 59, стр. 20—21.
AaAp *30 I; (AaTh 33) + AaTh 2; (EbBo 5v) + EbBo 5.
В указанных сюжетах волк опускает хвост в прорубь для ловли рыбы.
В туркменской сказке это делают лисы, чтобы приобрести устрашающий вид.
 2. Волк и лиса.
Мары, стр. 76—77.
(AaAp *30 I); (AaTh 41); (EbBo 1).
 3. Как коза и баран напугали волков.
Эрт. 59, стр. 12—13.
Ср. кумыкскую сказку «Теленок и коза» («Сказки народов Дагестана», № 18).
AaTh 125; EbBo 11.
 4. Змея и ворона.
Эрт. 59, стр. 15.
Ср. «Панчатантра», кн. I, рассказ 5.
 5. Как голубка, ворона, пчела и лягушка победили слона.
Эрт. 59, стр. 16—17.
Ср. «Панчатантра», кн. I, рассказ 18.
AaTh 248A.
 6. Баран и волк.
Мары, стр. 71—73,
(AaAp *122 I).
 7. Как осел подружился с куланом.
Эрт. 59, стр. 11.
Ср. «Панчатантра», кн. V, рассказ 5.
(AaTh 100).

8. Трое друзей.
Эрт. 59, стр. 58.
Ср. «Панчатантра», кн. I, рассказ 16.
9. Как осел, петух и коза обманули дэвов.
Эрт. 59, стр. 18—19.
Ср. азербайджанскую сказку «Хитроумная коза» («Азербайджанские тюркские сказки»)
(AaAh 125) + AaTh 130; (EbBo 11).
10. Бык, осел и лиса.
Мары, стр. 75—76.
AaTh 130B.
11. Как ворона, лиса и мышь стали друзьями.
Эрт. 59, стр. 14.
Ср. аварскую сказку «Лиса и барсук» («Сказки народов Дагестана», № 15).
AaAn *2100; AaTh 1626.
12. Лиса, лев и волк.
Мары, стр. 77—78.
Ср. лакскую сказку «Волк, лев и лисица» («Сказки народов Дагестана», № 13) и персидский вариант («Персидские анекдоты», № 345).
AaTh 51A + AaTh 30.
13. Мнимый больной.
Эрт. 59, стр. 60.
Ср. начало персидской сказки «Кровожадный волк и хитрая лиса» («Персидские сказки»).
14. Попугайка и лисица.
Эрт. 59, стр. 22—23.
Ср. персидскую сказку «Ворона и лиса» («Персидские сказки»), лакскую сказку «Куропатка и лисица» («Сказки народов Дагестана», № 7) и калмыцкую сказку «Как суслик лису перехитрил» («Медноволосая девушка»)
AaTh 56A + AaTh 6; AaAn *242 I; EbBo 9.
15. Лиса и шакал.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 229.
Ср. персидский вариант о волке («Персидские анекдоты», № 328).
16. Всего лишь медведь.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 227—228.
Ср. татскую сказку «Лев и крестьянин» («Сказки народов Дагестана», № 27).
Сказка создана на популярную пословицу: «Рана от меча заживет, но рана от слова не заживет».

17. Умный воробей.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 227.
Ср. татскую сказку «Охотник и соловей» («Сказки народов Дагестана», № 76).
AaTh 150; EbBo 55.
18. Не пройдет у тебя боль сердца.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 228.
Ср. конец лакской сказки «Человек и змея» («Сказки народов Дагестана», № 86).
AaTh 285D; EbBo 49.
19. Проданный сон.
Эрт. 59, стр. 64—68.
Ср. начало персидского народного рассказа «Купленный сон» («Плутовка из Багдада»).
AaTh 465A + C + AaTh 531 I; EbBo 81, 248 III + EbBo 83.
20. Караджа-батыр.
Эрт. 59, стр. 167—174.
Ср. лезгинскую сказку «Семиаршинный богатырь Зулум-Магома» (мотив карлика с седой бородой) («Сказки народов Дагестана», № 34).
AaTh 301A + B; EbBo 72.
21. Две сестры.
Эрт. 40, стр. 225—231.
Ср. азербайджанскую сказку «Фатма и Киявы»; мотив подмененной невесты — «Женщина, вышедшая из камыша» («Азербайджанские тюркские сказки», стр. 95—102).
(AaAn *722) + AaTh 450; EbBo 168.
22. Три сына падишаха.
Эрт. 40, стр. 329—354.
AaTh 550 + AaTh 551 + AaTh 302; EbBo 76, 206 + EbBo 215 + EbBo 213, 256 V.
23. Мачеха и падчерица.
Мары, стр. 100—102.
Ср. азербайджанскую сказку «Фатма и Киявы» («Азербайджанские тюркские сказки») и лакскую сказку «Красная корова» («Сказки народов Дагестана», № 46).
AaTh 480; AaAn 480* B; EbBo 68.
24. Два сына падишаха, рожденные от невольницы.
Эрт. 59, стр. 99—116.
Ср. начало с персидской сказкой «Дервиш-колдун» («Персидские сказки»).
(AaTh 303) + (AaAn 812A) + (AaTh 327A) + AaTh 554 + (AaTh 400 V); EbBo 84 III 1 + (EbBo 220) + EbBo 61, 253 III.

25. Кельдже-батыр.
Эрт. 59, стр. 232—234.
Ср. персидскую «Сказку о лентяе» («Персидские сказки»).
(AaAp *1681) + AaTh 1145.
26. Сорок небылиц.
Эрт. 59, стр. 211—213.
Вариант — «Рассказ о плешивом», где отсутствует эпизод о небылицах («Туркменские народные сказки Марыйского района», стр. 102—111).
AaTh 325 + AaTh 852; EbBo 169.
27. Сын Бахаветдина-Верблюда.
Эрт. 59, стр. 214—220.
Ср. персидский народный рассказ «Купленный сон» («Плутовка из Багдада»).
AaTh 465A + C + AaTh 302 + AaTh 554; EbBo 213, 256 V + EbBo 61, 253 III.
28. Падишах и три бедняка.
Эрт. 59, стр. 203—207.
Ср. конец с рассказом 11 кн. III «Панчатантры».
(AaTh 763) + (AaTh 890 A*), (EbBo 239).
29. Кривой ворон.
Эрт. 59, стр. 164—165.
Ср. лакскую сказку «Мусил-Мухад» («Сказки народов Дагестана», № 68) и калмыцкую сказку «Старик, старуха и их друг сорока» (сб. «Медноволосяя девушка»);
AaTh 563; EbBo 176, 258 III.
30. О сыне падишаха и сыне везира.
Эрт. 59, стр. 242—245.
(AaTh 516) + (AaTh 575); EbBo 136 III, 291 V.
31. Искендер-падишах.
Эрт. 59, стр. 227—231.
(AaAp *884 I).
32. Охотник и двое его сыновей.
Эрт. 59, стр. 178—180.
AaTh 567; EbBo 174, 220 III.
33. Сирота.
Эрт. 59, стр. 235—241.
Ср. азербайджанскую сказку «Младший царевич» («Азербайджанские тюркские сказки») и лезгинскую сказку «Семиаршинный богатырь Зулум-Магома» («Сказки народов Дагестана», № 34).
(AaTh 650A) + (AaTh 301A) + AaTh 300; EbBo 146 I, 281 + EbBo 72 + EbBo 215.
34. Как бедняк ходил за черкезом.
Эрт. 59, стр. 117—120.

35. Овез-лентий.
Эрт. 59, стр. 147—151.
Ср. персидскую сказку «Перстень Сулеймана» («Персидские сказки»);
AaTh 560 + AaTh 1651; EbBo 58 + EbBo 45, 256 IV.
36. Алдаркёсе, дэв и лиса.
Эрт. 59, стр. 208—210.
Ср. азербайджанскую сказку «Трусливый Ахназар» («Азербайджанские тюркские сказки»); концовка соответствует концу лезгинской сказки «Конташ» («Сказки народов Дагестана», № 33).
AaTh 1060 + AaTh 1115 + (AaTh 1149); EbBo 162.
37. Человек, который понимал язык животных.
Эрт. 40, стр. 236—238.
AaTh 670; EbBo 56.
38. Сын пастуха.
Эрт. 59, стр. 121—123.
AaAp *936; AaTh 936*; EbBo 198.
39. Бедняк и Счастье.
Мары, стр. 68—71.
Ср. лезгинскую сказку «Жадный глупец» («Сказки народов Дагестана», № 83).
AaTh 460B; EbBo 127.
40. Как плёшивый был батраком.
Эрт. 40, стр. 89—94.
Начало сказки ср. с турецким анекдотом «Как ходжа обманул зеленщика» («Анекдоты о ходже Насреддине», № 336).
AaAp 1548; AaTh 1548 + AaTh 1654; EbBo 353.
41. Умный дайханин.
Эрт. 59, стр. 38—41.
Вторую часть сказки ср. с азербайджанской сказкой «Бедняк и змея» («Азербайджанские тюркские сказки»), кумыкской сказкой «Как горец волка в сумку посадил» и лакской сказкой «Человек и змея» («Сказки народов Дагестана», № 26 и № 85).
AaTh 155; EbBo 48.
42. Эсен.
Эрт. 40, стр. 95—102.
Ср. первую половину сказки с персидской сказкой «Рассказ о Беспечальном и Беззаботном» («Персидские сказки») и вторую половину с аварской сказкой «Ростовщик и бедняк» («Сказки народов Дагестана», № 81).
AaAp 1660; AaTh 890; EbBo 296.
43. Щедрый и Скупой.
Мары, стр. 78—82.

Ср. азербайджанскую сказку «Скупой и Щедрый» («Азербайджанские тюркские сказки»).

AaTh 613; EbBo 67, 253.

44. Яртыгулак.

Эрт. 59, стр. 152—161

AaTh 700 + (AaTh 1573*); EbBo 288.

45. Пять каландаров.

Эрт. 59, стр. 260—265.

Ср. кумыкскую сказку «Бермес — дочь Алмас-хана» («Сказки народов Дагестана», № 60).

AaTh 516; EbBo 214.

46. Караванбаши.

Эрт. 59, стр. 246—252.

AaAp + 559 I; тип обрамленной повести с двумя вставными сказками.

Первая сказка — ср. «Три жениха» («Двадцать пять рассказов Веталы», рецензия Джамбахаладатты, 2). Вторая сказка — тип: AaTh 518; (EbBo 84 IV).

47. Ак-Памык.

Мары, стр. 90—99.

Ср. азербайджанскую сказку «Сказка о семи братьях» («Азербайджанские тюркские сказки») и лезгинскую сказку «Семь братьев» («Сказки народов Дагестана», № 69).

(AaTh 451); (EbBo 165).

48. Шахзаде и его жеребенок.

Эрт. 59, стр. 185—187.

(AaTh 532); (EbBo 247).

49. Советы старого отца.

Эрт. 59, стр. 125—127.

AaTh 981.

50. Пастух-богатырь.

Эрт. 59, стр. 181—184.

AaTh 650A; EbBo 146 I, 281.

51. Девушка, достигшая своей цели.

Эрт. 59, стр. 32—37.

(AaTh 883A).

52. Как три брата нанимались в батраки.

Эрт. 59, стр. 49—52.

Ср. лакскую сказку «Слуга кусы» («Сказки народов Дагестана», № 79).

AaTh 1000 + AaTh 1007 + AaTh 1012 + (AaTh 1132); EbBo 357.

53. Сын кирпичника из Шираз.
Эрт. 40, стр. 289—294.
Ср. народный персидский рассказ «Рассказ о кирпичнике Шапуре» («Плутовка из Багдада»).
54. Девяносто мешков.
Эрт. 40, стр. 232—235.
АаTh 875A; EbBo 235.
55. Мулла с отрубленным носом.
Эрт. 59, стр. 193—198.
Вариант — «Азим-купец» («Туркменские народные сказки Марыйского района»). Ср. персидскую сказку «Сказка о купеческой дочери и мулле» («Персидские сказки»),
АаTh 883A.
56. Аязхан.
Эрт. 59, стр. 53—57.
Ср. народный персидский рассказ «О туркмене, ларце с драгоценностями, слепом верблюде и судьбе» («Плутовка из Багдада»),
АаTh 655; EbBo 348.
57. Умная женщина.
Эрт. 59, стр. 87—90.
Ср. персидскую сказку «Рассказ о сундуке» («Персидские сказки»).
(АаTh 880, 888).
58. Ишан и золото.
Мары, стр. 87—90.
Ср. лезгинскую сказку «Жадный кадий» («Сказки народов Дагестана», № 80).
EbBo 293.
59. Три спорщика.
ДАВ, стр. 36—39.
Ср. рассказ «Великодушный разбойник» («Двадцать пять рассказов Веталы», рецензия Шивадасы, 9) и персидский народный рассказ «О туркмене, ларце с драгоценностями, слепом верблюде и судьбе» («Плутовка из Багдада»),
АаTh 976; EbBo 348 IV.
60. Правдивый юноша.
Эрт. 59, стр. 61.
61. Осел, который был умнее везиров.
Эрт. 59, стр. 166.
62. Умная девушка.
ДАВ, стр. 23—25.
(АаАп *921 1A); (АаTh 921A).
63. Ковродел.
Эрт. 59, стр. 176—177.

64. Сын вора.
Эрт. 59, стр. 76—77.
(AaTh 1365 B).
65. Изгнанный везир.
Эрт. 59, стр. 175.
66. Догадливый бедняк.
Эрт. 59, стр. 138.
AaAn * 921 I B.
67. У твоей матери мука кончилась.
Эрт. 59, стр. 91—92.
(AaTh 1730); EbBo 268; (AaAn 1725).
68. Как падишах с женой сидели у дверей.
Эрт. 40, стр. 160—162.
Турецкий вариант: «Ходжа несет Тимурленгу инжир» («Анекдоты о
ходже Насреддине», № 53).
69. Бехлили Дана.
Эрт. 59, стр. 47—48.
70. Рассказ о том, как Мирали стал везиром.
Мыралы, стр. 42—43.
Ср. персидский вариант («Персидские анекдоты», № 470).
71. Расспросы каравана.
Мыралы, стр. 52—54.
72. Разговор с перекасти-полем.
Мыралы, стр. 49—51.
73. Мух нет там, где нет людей.
Мыралы, стр. 67—68.
74. И это пройдет.
Мыралы, стр. 108—110.
75. Дыни в подарок.
Мыралы, стр. 29—35.
Ср. турецкий вариант «Спор между ходжой и тремя монахами»
(«Анекдоты о ходже Насреддине», № 52).
AaTh 922; EbBo 235 V.
76. Каракудук.
Мыралы, стр. 64—66.
Ср. лакскую сказку «Мудрая дочь пастуха» («Сказки народов Даге-
стана», № 75).
(AaTh 875); (EbBo 235).

77. Два быка.
Эрт. 59, стр. 124.
Ср. лезгинскую сказку «Кто кого обманул?» («Сказки народов Дагестана», № 99).
78. Три товарища.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 215—216.
79. Мечта бедняка.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 224.
Ср. турецкий анекдот о ходже Насреддине: «Ходжа никак не может приготовить халву» («Анекдоты о ходже Насреддине», № 251).
80. Сопи и муллы.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 221.
81. Состязание во лжи.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 226—227.
АаАп 1920 А; АаTh 1920 А.
82. Слепой и ишан.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 222.
83. Слепой, который не признавался в своей слепоте.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 222.
84. Подозрительный слепой.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 222.
85. Драчливый человек.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 221.
86. Сватовство.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 223.
87. А мы не верим.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 223—224.
88. Поговорите-ка о корове с теленком.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 235.
Ср. лезгинский вариант: «Разговор об осле» («Сказки народов Дагестана», № 100).
89. Лежу и не могу выйти от страха.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 230.
90. Не половина, а весь он — твой.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 231—232.
91. Избавляйся в день по кирпичу.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 232.

92. И в следующем году не уйдет.
Ата Салых, Сайланан эсерлер, стр. 234.
Ср. таджикский вариант «Эфенди в гостях» («Анекдоты о ходже Насреддине», № 403).
93. Вторая жена Кемине (I).
Кемине, стр. 129—130.
Ср. персидский вариант («Персидские анекдоты», № 316).
94. Вторая жена Кемине (II).
Кемине, стр. 130—131.
Соответствует турецкому варианту «Гулящая жена» («Анекдоты о ходже Насреддине», № 154).
95. В поисках топора.
Кемине, стр. 132—133.
96. Я как раз свободен.
Кемине, стр. 133.
Ср. турецкий анекдот «Ходжа плачет у изголовья больной жены» («Анекдоты о ходже Насреддине», № 329).
97. Никому не скажу.
Кемине, стр. 133—134.
98. В каком году вы родились?
Кемине, стр. 141.
99. Баран, который превратился в свинью.
Кемине, стр. 148—149.
100. Зрелище.
Кемине, стр. 150.
Ср. турецкий анекдот «Обмен любезностями между ходжой и Тимуром» («Анекдоты о ходже Насреддине», № 54).
101. Сатанинское.
Кемине, стр. 151.
102. Кемине сторожит ток.
Кемине, стр. 153.
103. Ангел, от которого нет пользы.
Кемине, стр. 156.
104. Чем помогать в день воскресения из мертвых, лучше помощи в этой жизни.
Кемине, стр. 152—153.
105. У вас — его ум, а у меня — его ухо.
Кемине, стр. 153.

106. Запах и голос.
Кемине, стр. 153—154.
107. Я отплачу пиру этих сопи тем же.
Кемине, стр. 155.
108. Спрашивайте о каком-нибудь точном месте.
Кемине, стр. 164.
109. Мешок с остротами.
Кемине, стр. 161.
110. Замолчи, а не то...
Кемине, стр. 165.
111. В нем был я.
Кемине, стр. 165—166.
Ср. турецкий вариант «Ходжа и непонятливый сосед» («Анекдоты о ходже Насреддине», № 135).
112. Кемине и вор.
Кемине, стр. 172—173.
Ср. турецкий вариант «Разве мы не переселились в этот дом?» («Анекдоты о ходже Насреддине», № 22) и аварский вариант «Мулла Насреддин и воры» («Сказки народов Дагестана», № 106).
113. Кемине и нищий.
Кемине, стр. 167.
114. Рай на осле.
Кемине, стр. 166.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Стеблева. Туркменская сказка	5
---	---

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Как дружили две лисички	23
2. Волк и лиса	25
3. Как коза и баран напугали волков	26
4. Змея и ворона	27
5. Как голубка, ворона, пчела и лягушка победили слона	29
6. Баран и волк	30
7. Как осел подружился с куланом	32
8. Трое друзей	32
9. Как осел, петух и коза обманули дэвов	33
10. Бык, осел и лиса	36
11. Как ворона, лиса и мышь стали друзьями	38
12. Лиса, лев и волк	38
13. Мнимый больной	39
14. Попугайка и лисица	40
15. Лиса и шакал	42
16. Всего лишь медведь	42
17. Умный воробей	42
18. Не пройдет у тебя боль сердца	44

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

19. Проданный сон	47
20. Караджа-батыр	54
21. Две сестры	66
22. Три сына падишаха	71
23. Мачеха и падчерица	92
24. Два сына падишаха, рожденные от невольницы	94
25. Кельдже-батыр	124
26. Сорок небылиц	128
27. Сын Бахаветдина-Верблюда	133
28. Падишах и три бедняка	145
29. Кривой ворон	151

30. О сыне падишаха и сыне везира	154
31. Искендер-падишах	159
32. Охотник и двое его сыновей	166
33. Сирота	170
34. Как бедняк ходил за черкезом	179
35. Овез-лентяй	184
36. Алдаркёсе, дэв и лиса	191
37. Человек, который понимал язык животных	195
38. Сын пастуха	198
39. Бедняк и Счастье	200
40. Как плешивый был батраком	204
41. Умный дайханин	208
42. Эсен	214
43. Щедрый и Скупой	222
44. Яртыгулак	225
45. Пять каландаров	237
46. Караванбаши	247
47. Ак-Памык	257
48. Шахзаде и его жеребенок	266
49. Советы старого отца	269
50. Пастух-богатырь	273

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ И АНЕКДОТЫ

51. Девушка, достигшая своей цели	281
52. Как три брата нанимались в батраки	290
53. Сын кирпичника из Шираза	296
54. Десяносто мешков	300
55. Мулла с отрубленным носом	303
56. Аязхан	312
57. Умная женщина	318
58. Ишан и золото	325
59. Три спорщика	327
60. Правдивый юноша	329
61. Осел, который был умнее везиров	330
62. Умная девушка	330
63. Ковродел	331
64. Сын вора	333
65. Изгнанный везир	335
66. Догадливый бедняк	336
67. У твоей матери мука кончилась	337
68. Как падишах с женой сидели у дверей	339
69. Бехлили Дана	341
70. Рассказ о том, как Мирали стал везиром	342
71. Расспросы каравана	343
72. Разговор с перекати-полем	344
73. Мух нет там, где нет людей	345
74. И это пройдет	346
75. Дыни в подарок	347
76. Каракудук	350
77. Два быка	352
78. Три товарища	353

79. Мечта бедняка	353
80. Сопи и муллы	353
81. Состязание во лжи	354
82. Слепой и ишан	354
83. Слепой, который не признавался в своей слепоте	355
84. Подозрительный слепой	355
85. Драчливый человек	355
86. Сватовство	356
87. А мы не верим	356
88. Поговорите-ка о корове с теленком	357
89. Лежу и не могу выйти от страха	357
90. Не половина, а весь он — твой	358
91. Избавляйся в день по кирпичу	358
92. И в следующем году не уйдет	358
93—94. Вторая жена Кемине (I, II)	359
95. В поисках топора	360
96. Я как раз свободен	360
97. Никому не скажу	361
98. В каком году вы родились?	361
99. Баран, который превратился в свинью	362
100. Зрелище	362
101. Сатанинское	363
102. Кемине сторожит ток	363
103. Ангел, от которого нет пользы	364
104. Чем помогать в день воскресения из мертвых, лучше помощи в этой жизни	364
105. У вас — его ум, а у меня — его ухо	366
106. Запах и голос	366
107. Я отплачу пиру этих сопн тем же	366
108. Спрашивайте о каком-нибудь точном месте	367
109. Мешок с остротами	367
110. Замолчи, а не то...	368
111. В нем был я	368
112. Кемине и вор	369
113. Кемине и нищий	369
114. Рай на осле	370
Примечания	371
Словарь непереводимых слов, собственных имен и терминов	378
Источники и типология сюжетов	384

ПРОДАННЫЙ СОН *(туркменские народные сказки)*

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *И. Л. Елевич*

Художник *Т. Алексеева*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Л. Т. Михлина*

Корректоры *В. В. Воловик* и *М. Ю. Каждан*

Сдано в набор 5/I 1968 г. Подписано к печати 8/VIII 1968 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Бум. № 2. Печ. л. 25,0. Усл. п. л. 23,25. Уч.-изд. л. 21,38. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1759, Зак. № 1147. Цена 1 р. 25 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.